H. Un. 7187 (1, 1-3

Bucofon V

Copyright
Eugen Pschorr

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Іегера.

Jäger

1.1.1-3

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯЯ.

ПЕРЕВОДЪ и ДОПОЛНЕНІЯ

подъ редакціею

П. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

(1894)

VII 131

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Іегера.

Съ **244** гравюрами въ текстѣ, съ **18** приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками, **1** картою въ текстѣ и **4** въ особомъ приложеніи.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Дозволено цензурою, СПБ., 26 марта 1894 года.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯЯ.

стр.

Предисловіе VII
Введеніе. 1

КНИГА ПЕРВАЯ. Отъ возникновенія древнѣйшихъ государствъ до Кира Персидскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Страна и народъ въ Египтѣ 5
ГЛАВА ВТОРАЯ. Семиты.—Аравія, Мессопотамія, Сирія.—Финикіяне; исторія народа Израильскаго до смерти Соломона. 23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Исторія Передней Азіи, отъ распаденія царства Израильскаго до смерти Небукаднесара 36

КНИГА ВТОРАЯ. Персы и Эллины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Основаніе Персидской монархіи 55
ГЛАВА ВТОРАЯ. Эллины.—Происхожденіе и исторія націи до столкновенія съ Персами. 76
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Персидскія войны. 109

КНИГА ТРЕТЬЯ. Исторія Эллиновъ послѣ побѣды при Платеѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Вѣкъ Перикла 129
ГЛАВА ВТОРАЯ. Распаденіе Эллинской націи.—Пелопоннезская война. . . 161
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Преобладаніе Спартанцевъ.—Возвышеніе Ѳивъ.—Возстановленіе могущества Аѳинъ. 182

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Вѣкъ Александра Великаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Македонское царство и эллинская самоправность.—Филиппъ и Демосѳенъ 202
ГЛАВА ВТОРАЯ. Смерть Филиппа; первые годы царствованія Александра и паденіе царства Ахэменидовъ 222
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Царство Александра Великаго 235

КНИГА ПЯТАЯ. Италія и Западъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Населеніе Италіи.—Основаніе Рима и первые вѣка его существованія. 252
ГЛАВА ВТОРАЯ. Внутренній и внѣшній ростъ римской республики до Лициніева законодательства. 263
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Положеніе дѣлъ на Востокѣ, по смерти Александра Великаго.—Война между Римомъ и Тарентинцами. 281

стр.

КНИГА ШЕСТАЯ. Римъ и Карѳагенъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Первая и вторая Пуническія войны 307
ГЛАВА ВТОРАЯ. Войны на Востокѣ: Кинокефалы (197), Магнезія (190), Пидна (168) 344
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Вліяніе и послѣдствія послѣдней борьбы. Начало римскаго всемірнаго владычества. Войны съ цѣлью раззоренія 370

КНИГА СЕДЬМАЯ. Вѣкъ римскихъ междоусобныхъ войнъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Начало гражданскихъ смутъ въ Римѣ, вызванныхъ попытками реформъ Тиберія Семпронія и Кайя Семпронія Гракховъ.—Война съ Югуртой.—Кимвры и Тевтоны 380
ГЛАВА ВТОРАЯ. Двадцатилѣтняя война и междоусобная война.—Война съ союзниками и полное единеніе Италіи.—Сулла и Марій:—первая война съ Митридатомъ; первая междоусобная война.—Диктатура Суллы . . 405
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Общее положеніе дѣлъ: Кн. Помпей.—Война въ Испаніи.—Невольническая война.—Война съ морскими разбойниками.—Война на Востокѣ.—Третья Митридатова война.—Заговоръ Катилины.—Возвращеніе Помпея и первый тріумвиратъ 422
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Первый тріумвиратъ: консульство Цесаря.—Галльская война: Помпей въ Римѣ.—Лукская конференція.—Походъ Красса противъ Парѳянъ. — Распаденіе тріумвирата и новая междоусобная война 447

КНИГА ВОСЬМАЯ. Римская имперія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Смуты и борьба послѣ смерти Цесаря.—Второй тріумвиратъ.—Возстановленіе и утвержденіе единовластія Октавіаномъ Августомъ . 473
ГЛАВА ВТОРАЯ. Утвержденіе принципата.—Домъ Цесарей и его паденіе.—Возвышеніе Флавіевъ 496
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Веспасіанъ и домъ Флавіевъ.—Процвѣтаніе Римскаго государства въ теченіе столѣтія съ 70 года по Р. Хр. до смерти Коммода. 518
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Императоры III вѣка, до Діоклетіана.—Начало и успѣхи христіанства и первыя преслѣдованія. — Поступательное движеніе Германцевъ. 549
ГЛАВА ПЯТАЯ. Діоклетіанъ и его организація. — Гоненія на христіанъ и торжество христіанства.—Константинъ и его династія 564
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Утвержденіе христіанства и правовѣрія въ Римскомъ государствѣ.—Раздѣленіе имперіи на Восточную и Западную и послѣднія времена Западно-Римской имперіи 580

Указатель къ Исторіи Древней 595

Предисловіе.

Издавая въ свѣтъ почтенный трудъ О. Іегера, мы имѣли въ виду пополненіе весьма существеннаго пробѣла въ нашей переводной литературѣ: у насъ есть уже нѣсколько многотомныхъ сочиненій по «Всеобщей Исторіи», заимствованныхъ изъ обильнаго запаса европейской исторической науки, но до сихъ поръ еще не было ни одного, вполнѣ подходящаго къ потребностямъ большинства русскихъ читателей. Такою именно книгою можетъ и должна служить «Всеобщая Исторія» О. Іегера—трудъ замѣчательный не только по своимъ достоинствамъ научнымъ, но и по чрезвычайной простотѣ и доступности изложенія.

Важнымъ достоинствомъ этой книги служитъ именно то, что ея авторъ, превосходно знакомый со всѣми важнѣйшими трудами по всеобщей исторіи, какъ старый и опытный преподаватель, умѣетъ намѣчать въ историческомъ изученіи тотъ путь, который необходимо пройти каждому человѣку, имѣющему претензію на общее образованіе. Указывая и облегчая этотъ путь, почтенный историкъ устраняетъ все излишнее и мелочное, останавливая вниманіе читателя только на важномъ и существенномъ, и даетъ такимъ образомъ возможность легко и удобно обозрѣвать эпохи исторической жизни народовъ въ видѣ цѣлаго ряда прекрасныхъ, живыхъ и вѣрныхъ картинъ, набросанныхъ спокойною и твердою рукою. Взвѣшивая факты со строгою критикою обширнаго знанія, О. Іегеръ избираетъ изъ нихъ немногое, но то, что̀ онъ даетъ, легко удерживается въ памяти и остается въ сознаніи читателя въ видѣ представленій ясныхъ, положительныхъ и цѣльныхъ.

Прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ трудъ нѣмецкаго ученаго допол-

няется еще весьма важною, художественною стороною, которая знакомитъ читателя съ бытовыми подробностями, съ исторіею искусствъ и отчасти даже съ тою степенью культуры, которою та или другая страна пользовалась въ теченіе извѣстнаго періода. Вполнѣ сознавая важность этой художественной стороны труда О. Іегера, мы воспользовались ею вполнѣ, и даже дополнили её внесеніемъ весьма значительнаго запаса рисунковъ по Русской Исторіи, въ видѣ гравюръ въ текстѣ и отдѣльныхъ приложеній, сюжеты которыхъ заимствованы изъ русской археологіи, русской исторической жизни и дѣйствительности.

Сверхъ всего этого, мы рѣшились еще придать «Всеобщей Исторіи» О. Іегера тотъ картографическій матеріалъ, въ которомъ, конечно, долженъ чувствовать весьма существенную потребность каждый серьезный читатель. Въ виду этой потребности, мы прибавляемъ къ русскому изданію О. Іегера цѣлый рядъ картъ, чертежей и плановъ, которыхъ нѣтъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ, твердо вѣря въ то, что эти добавленія, потребовавшія не мало труда и матеріальныхъ затратъ, будутъ оцѣнены по достоинству русскими читателями, благосклонному вниманію которыхъ мы въ данную минуту предлагаемъ въ полномъ составѣ первый томъ «Всеобщей Исторіи» Іегера.

Издатель.

ЗЕВСЪ ОТРИКОЛІЙСКІЙ.

Античный мраморный бюстъ въ Ватиканѣ въ Римѣ.

Введеніе.

«Всеобщею» или «Всемірною» исторіею называемъ мы исторію всего человѣчества, въ его отвлеченномъ, нравственномъ значеніи. Изъ необъятной, неисчислимой массы событій минувшаго, входящей въ составъ историческаго бытописанія, въ исторію Всеобщую можетъ быть избрано и занесено только то, что имѣетъ выдающееся значеніе для всего человѣчества и для того нравственнаго назначенія, которое несомнѣнно составляетъ цѣль его существованія.

Само собою, разумѣется, что исторія вообще, а тѣмъ болѣе—исторія Всеобщая, можетъ начинаться только съ той поры, когда человѣкъ отрѣшается отъ сферы простого удовлетворенія обычныхъ животныхъ потребностей и начинаетъ чувствовать влеченіе къ жизни *общинной*,—не стадной только; можно сказать даже болѣе: исторія Всеобщая начинается вмѣстѣ съ образованіемъ *государства*, въ какой бы первобытной формѣ оно ни проявлялось. Только съ этой минуты человѣкъ начинаетъ сознавать свою связь съ остальнымъ человѣчествомъ и проявлять присущія его природѣ гуманныя свойства; только тутъ вполнѣ ясно опредѣляется весьма важное различіе между человѣкомъ великимъ и человѣкомъ обыкновеннымъ, и притомъ не въ обыденномъ смыслѣ простой борьбы за существованіе.

Въ наше время, количество ученыхъ трудовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ историческимъ періодамъ, отдѣльнымъ личностямъ, отдѣльнымъ странамъ и учрежденіямъ — разростается такъ быстро, что съ ними ужъ не можетъ и совладать образованный человѣкъ нашего времени, у котораго досугъ, посвящаемый чтенію, вообще такъ ограниченъ; и это непомѣрное возрастаніе частнаго историческаго матеріала налагаетъ на автора, посвящающаго себя разработкѣ Всеобщей Исторіи, несомнѣнную обязанность быть немногословнымъ и сжатымъ въ изложеніи своего предмета. Онъ вовсе не долженъ задаваться желаніемъ исчерпать матеріалъ: онъ долженъ доставить возможность читателю въ этомъ матеріалѣ разобраться; его дѣло—пробуждать интересъ къ изученію исторіи, а не вдаваться въ мелочныя подробности событій. Другою, немаловажной въ нѣкоторомъ

смыслѣ задачею того же автора должно быть преимущественное обращеніе вниманія не на отдѣльныхъ героевъ, а на жизнь цѣлаго народа: не слѣдуетъ забывать, что Всеобщая исторія—не героическая эпопея, а изложеніе постепеннаго развитія и роста всего человѣчества.

Раздѣленіе Всеобщей Исторіи на *Древнюю, Среднюю* и *Новую* представляется намъ пригоднымъ только потому, что оно давно установилось и всѣ къ нему привыкли. Съ строго-научной точки зрѣнія, это раздѣленіе не выдерживаетъ критики: уже Бэконъ указывалъ на то, что эпоху, которой мы обычно придаемъ наименованіе «древности», скорѣе слѣдовало бы называть «юностью человѣчества», а насъ—дѣятелей новой и новѣйшей эпохи—правильнѣе было бы считать «древними», какъ представителей много-вѣковой цивилизаціи. Но мы все же удержали это прежнее раздѣленіе исторіи, намѣчающее первыя грани на необъятномъ пространствѣ временъ, и придающее важнѣйшимъ отдѣламъ названія, для всѣхъ одинаково-понятныя и общеупотребительныя. Это старое раздѣленіе исторіи на три отдѣла, главнымъ образомъ, основывается на двухъ важныхъ датахъ: 476 и 1517 гг. по Р. Хр. Первая изъ нихъ отдѣляетъ Древнюю Исторію отъ Средней; вторая—Среднюю отъ Новой такимъ образомъ:

I. Исторія Древняя: отъ возникновенія первыхъ извѣстныхъ намъ государствъ до разрушенія Западной Римской Имперіи (въ 476 г. по Р. Х.).

II. Исторія Средняя: отъ основанія первыхъ варварскихъ государствъ въ Италіи, до эпохи Реформаціи (отъ 476 г. по 1517 г.).

III. Исторія Новая: отъ начала Реформаціи до настоящаго времени.

Въ нашемъ изложеніи, распредѣляющемъ историческій матеріалъ на четыре тома, 476 годомъ заканчивается *первый* томъ, заключающій въ себѣ *Древнюю* Исторію; 1517 годомъ завершается *второй* томъ, посвященный *Средней* Исторіи; *третій* томъ обнимаетъ собою Исторію *Новаго* времени, отъ 1517 по 1789 г.; а *четвертый* вмѣщаетъ въ себѣ Исторію *Новѣйшаго* времени, отъ 1789 года, до нашихъ дней.

I. Исторія древняя.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Отъ возникновенія древнѣйшихъ государствъ до Кира Персидскаго.

Нилъ близъ Сіены (Ассуана). Первый водопадъ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страна и народъ въ Египтѣ.

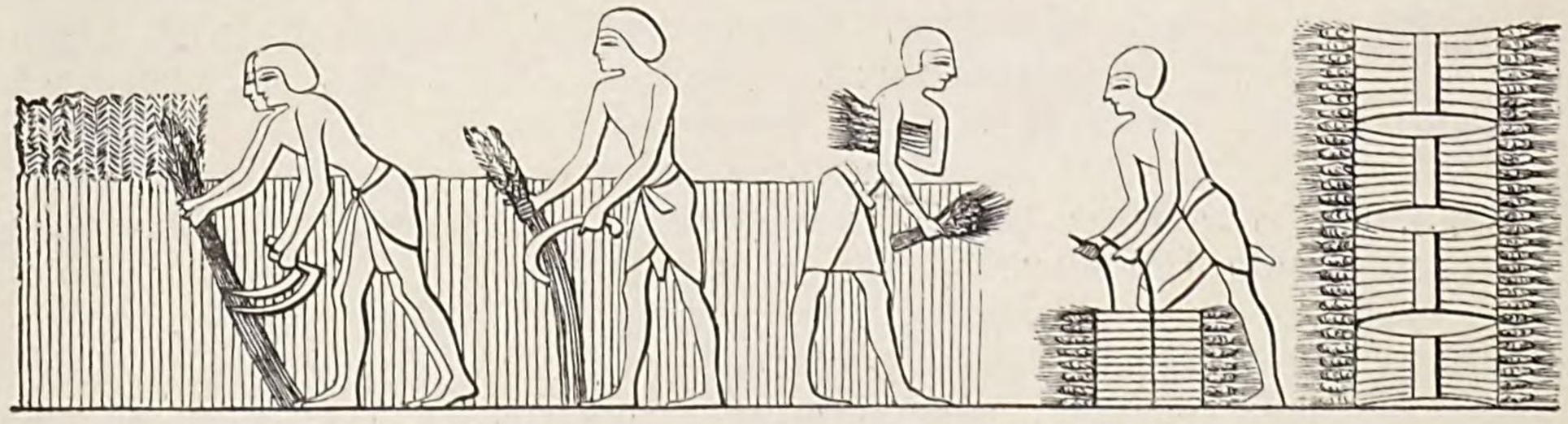
Египетъ. Нилъ.

Древнѣйшее государство, извѣстное намъ, возникло въ сѣверо-восточномъ углу Африки — страны наименѣе исторической—и возникло именно тамъ, гдѣ Африка, ближайшимъ образомъ, примыкала къ Азіи. Громадныя горы Африки, расположенныя вблизи экватора, питаютъ своими потоками нѣсколько обширныхъ озеръ или внутреннихъ морей: изъ нихъ истекаетъ *Бѣлый Нилъ* (Баръ-эль-Абьядъ), который подъ 16° сѣв. шир. сливается съ *Голубымъ Ниломъ* (Баръ-эль-Азрекъ), текущимъ съ востока и берущимъ начало въ тѣхъ же широтахъ и при одинаковыхъ съ Бѣлымъ Ниломъ природныхъ условіяхъ. Горные хребты пересѣкаютъ путь рѣки, образовавшейся изъ этихъ двухъ притоковъ; Нилъ преодолѣваетъ всѣ эти преграды, ниспадая съ нихъ безчисленными водопадами; послѣднее изъ этихъ препятствій встрѣчаемъ на пути его близъ Сіены (24° сѣв. шир.), и затѣмъ Нилъ катитъ свои волны уже спокойно до самаго моря на протяженіи 150 миль, по долинѣ, которая нигдѣ не расширяется болѣе какъ на четыре часа пути, и представляетъ собою лощину, пролегающую между аравійскою цѣпью горъ на В. и ливійскою—на З. Подъ 30° сѣв. шир. горы съ обѣихъ сторонъ отступаютъ отъ Нила, и онъ, тремя большими и безчисленнымъ множествомъ малыхъ рукавовъ, пере-

сѣкаетъ создавшуюся изъ его наносовъ низменность или *дельту*. Все, что̀ здѣсь произрастаетъ, есть даръ Нила, даръ его водъ... «Слава тебѣ, о, Нилъ!» такъ гласитъ одинъ изъ древне-египетскихъ гимновъ. — «Ты этой странѣ откровеніе и оживленіе Египту!»

Сѣвъ у древнихъ Египтянъ. Древне-египетское изображеніе.

Страна. Горныя цѣпи справа и слѣва отъ Нила служатъ границами странѣ, которую эта рѣка (не принимающая въ себя никакихъ значительныхъ притоковъ) какъ-бы объединяетъ въ одно цѣлое; притомъ, безплодная пустыня, простирающаяся за этими горами, какъ прямая противоположность плодоносной рѣчной долинѣ Нила, пробуждаетъ въ человѣкѣ невольное сознаніе того особеннаго благословенія боговъ, которое излилось на него именно здѣсь, въ этой долинѣ. Откуда и когда явились сюда первые поселенцы—это вопросъ еще не изслѣдованный; весьма вѣроятно, что эти первые поселенцы принадлежали къ кавказскому племени и что культура шла здѣсь съ С. на Ю. вверхъ по рѣкѣ, а не обратно. Изъ этихъ первыхъ поселенцевъ образовались отдѣльныя общины, многочисленные округа, съ наслѣдственными князьями и съ рабами, которые явились вслѣдствіе порабощенія первоначальнаго туземнаго населенія. Однакоже, поселенцы, откуда бы они ни пришли, должны были подчинить свой бытъ Нилу и все устроить сообразно съ явленіями его ежегодной оплодотворяющей дѣятельности. Въ концѣ іюля выходитъ онъ изъ береговъ; быстро, замѣтно для глаза, вздуваются его стремительныя волны, вносятъ прохладу въ воздухъ и напояютъ раскаленную южнымъ солнцемъ почву; черезъ три мѣсяца, вода начинаетъ спадать; въ почву, влажную, утученную наноснымъ нильскимъ иломъ, бросаютъ сѣмена, изъ которыхъ въ послѣдующіе четыре мѣсяца является дивная, щедрая жатва.



Жатва у древнихъ Египтянъ. Древне-египетское изображеніе.

Растительное царство здѣсь весьма ограниченно; пальмы, смоковницы гранатовыя деревья, акаціи — служатъ украшеніемъ садовъ; болота и озерки, остающіяся на пространствѣ разливовъ Нила, переполнены во-

Пастухи и стада ихъ. Древне-египетское изображеніе.

дяными растеніями — папирусомъ и лотосомъ; воды кишатъ рыбами, а на поверхности рѣки въ изобиліи плаваютъ полезныя человѣку водяныя птицы: гуси, утки и т. д. Всякіе овощи, кормовой горохъ, бобы, чечевица, всевозможные хлѣбные злаки нарождаются въ огромномъ количествѣ при самой незначительной затратѣ труда. Населеніе плодородной и своеобразной страны стало быстро размножаться, и уже очень рано въ средѣ его выраженіемъ единства и національности явилась *царская власть*. Необходимость постояннаго уравненія земельныхъ владѣній, которыя безпрерывно видоизмѣнялись вслѣдствіе разливовъ Нила, мало-помалу должна была придать этой царской власти особенное значеніе и, вѣроятно, подчинить ей предположенную нами мѣстную знать, хотя, конечно, намъ ничего не извѣстно достовѣрнаго объ этихъ отношеніяхъ въ частности. Это значеніе царской власти послужило къ утвержденію въ странѣ строгаго порядка, который здѣсь былъ особенно необходимъ, вслѣдствіе того, что рѣка непрерывно мѣняла всю земельную собственность жителей, то увеличивая, то сокращая ея размѣры.

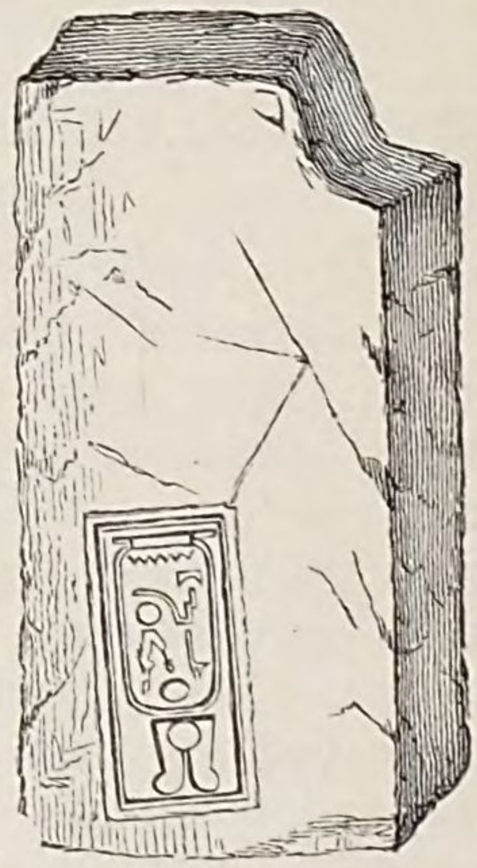
Древнѣйшая исторія.

Первымъ въ числѣ этихъ царей, въ 1500 г. до Р. Х., мѣстные историки-жрецы почитали *Менеса*, который, какъ предполагаютъ, началъ царствовать въ 3892 г. до Р. Х. Его почитаютъ основателемъ *Мемфиса*, города, который выстроенъ былъ на Нилѣ, у самаго выхода его изъ долины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ развѣтвляется на рукава дельты. Въ теченіе тысячелѣтій этотъ городъ былъ естественною столицею страны. Десять династій правили, одна за другою, въ этомъ городѣ въ теченіе 1000 лѣтъ, и въ исторіи нельзя указать другого примѣра столь же продолжительной эры, въ теченіе которой какому бы то ни было народу дана была такая полная возможность развивать свой оригинальный бытъ безъ всякой помѣхи извнѣ. Въ теченіе того же тысячелѣтія постепенно начинаетъ выступать изъ мрака и Южный (или Верхній) Египетъ, и во главѣ его городъ, построенный на сто миль выше Мемфиса на Нилѣ, такъ-называемыя *Θивы* (Тапа, Тепе), является вторымъ извѣстнымъ намъ центромъ египетской жизни. Весьма легко можетъ быть, что два отдѣльныхъ царства, Мемфисъ и Θивы, нѣкоторое время существовали самостоятельно рядомъ; такъ можно заключить по тому, что короны Верхняго и Нижняго Египта, бѣлая и красная, постоянно различаются на

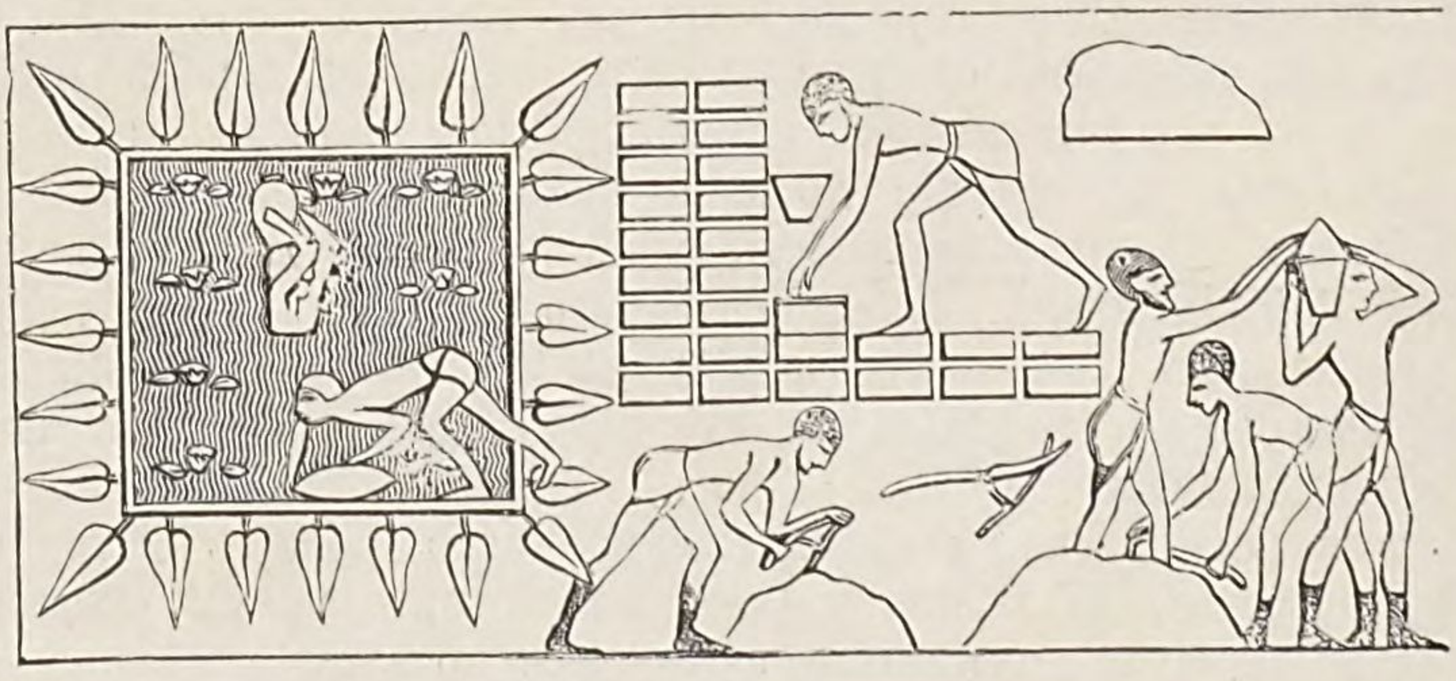
изображеніяхъ памятниковъ. Впослѣдствіи оба царства несомнѣнно соединились, и цѣлый рядъ фараоновъ продолжалъ мирно править страною, которая могла существовать сама по себѣ, ни въ комъ не нуждаясь. Только на югѣ, въ отношеніи къ землѣ Кушъ, приходилось фараонамъ проявлять нѣкоторую воинственную дѣятельность и бороться за свои границы, между тѣмъ какъ съ востока цѣлый рядъ укрѣпленій, протянутыхъ отъ Краснаго моря до Нила, защищалъ Египетъ отъ нападенія бродячихъ племенъ пустыни.

Культура. Царская власть. Чиновники.

Въ это-то время и успѣла здѣсь развиться культура, которая имѣла огромное значеніе для человѣчества и во всѣ вѣка признавалась чудомъ. Природныя условія страны требуютъ строго опредѣленной работы, которая, переходя по преемству отъ отца къ сыну, должна была вскорѣ создать необычайно устойчивыя общественныя отношенія. Страна, уже очень рано, была подраздѣлена на правительственные округа или *номы* и, вѣроятно, правленіе въ ней или, по крайней мѣрѣ, управленіе было хорошо устроено. До насъ дошла надгробная надпись одного изъ областныхъ правителей, правившаго Гермополисомъ при одномъ изъ царей славной 12-й династіи, Сезуртосѣ или Узертесѣ (2380—2371 до Р. Х.). Эта надпись, восхваляя качества честнаго чиновника, въ то же время даетъ намъ возможность заглянуть въ трудовую жизнь народа. «Амени (такъ звался правитель)»—гласитъ надпись—«любилъ свою область, передавалъ подати съ нея царю и постоянно поддерживалъ въ ней трудовую дѣятельность; при немъ ни разу не было голода, всѣ поля были обработаны, и никто не встрѣчалъ въ работѣ никакихъ препятствій; сильнымъ міра онъ не давалъ преимуществъ передъ слабыми»; сверхъ всего этого надпись упоминаетъ о томъ, что «Амени сопровождалъ фараона въ его побѣдоносномъ походѣ въ страну Кушъ». Царская власть, необходимая этой странѣ, какъ главная основа обще-



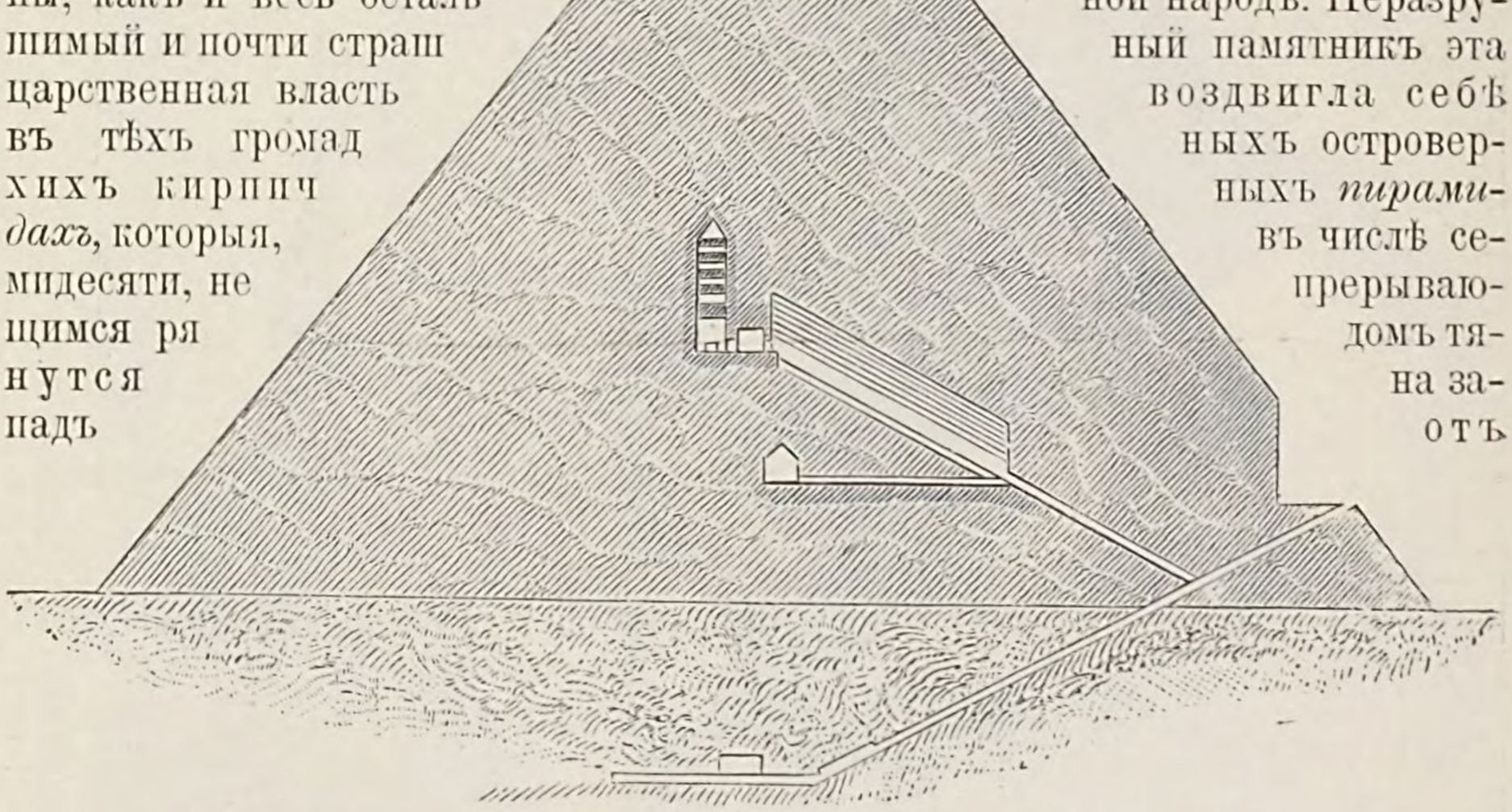
Нильскій кирпичъ съ клеймомъ Рамзеса II.



Работники, выдѣлывающіе кирпичъ. Древне-египетское изображеніе.

ПИРАМИДЫ БЛИЗЪ ГИЗЭ, НА ЗАПАДЪ ОТЪ МЕМФИСА.
По оригинальному снимку.

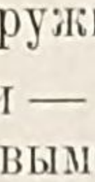
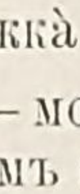
ственнаго порядка, пользовалась громаднымъ значеніемъ. Цари носили титуломъ *фарао*, т. е. сыновей солнечнаго бога Ра; почитаемые народомъ какъ боги, цари были въ то же время и представителями народа предъ богами, и самые жрецы были имъ подчинены, какъ и весь остальной народъ. Неразрушимый и почти страшный памятникъ эта царственная власть воздвигла себѣ въ тѣхъ громадныхъ островерхихъ кирпичныхъ *пирамидахъ*, которыя, въ числѣ семидесяти, непрерывающимся рядомъ тянутся надъ



Разрѣзъ Египетской пирамиды съ ея внутренними ходами и усыпальницами.

Мемфиса. Сколько бы ни было высказано догадокъ насчетъ истиннаго значенія этихъ памятниковъ, мы предполагаемъ, что это именно гробницы царей, воздвигнутыя единодушнымъ желаніемъ всѣхъ египтянъ—создать несокрушимыя усыпальницы для боготворимыхъ ими правителей. Три величайшія изъ этихъ пирамидъ возвышаются надъ прахомъ трехъ царей 4-й династіи: Хузу, Хафра, Менкера. Пирамида Хузу равняется въ высоту $146^{1}/_{4}$ метрамъ и вѣроятно заключала въ себѣ не менѣе 90 милліоновъ кубическихъ футовъ каменной кладки. Греку Геродоту, который видѣлъ этотъ памятникъ 2500 лѣтъ спустя послѣ его построенія, египетскіе жрецы разсказывали, что на немъ написано, сколько именно строившія его тысячи рабочихъ съѣли рѣдьки, луку и чесноку. Это даетъ намъ достаточно ясное представленіе о положеніи низшихъ классовъ населенія, которое едва-ли улучшилось и впослѣдствіи. И позднѣйшія сооруженія, воздвигнутыя царями 12-й династіи (а именно 6-мъ царемъ ея, Аменемой III), — цѣлая система водяныхъ сооруженій въ Файюмѣ, такъ-называемое Меридово озеро, предназначенное для уравненія разливовъ Нила, и рядомъ съ нимъ громадный царскій дворецъ (прозванный греками *лабиринтомъ*), коего развалины еще сохранились до нашего времени, — всѣ подобныя сооруженія заставляютъ насъ предполагать въ Египтѣ существованіе такого общественнаго строя, при которомъ правитель могъ безапелляціонно распоряжаться рабочею силою массы низшихъ слоевъ народа.

Памятники. Гіероглифы.

Съ жизнью и бытомъ этой массы египетскаго народа насъ мало знакомятъ изображенія и надписи катакомбъ (гробницъ, изсѣченныхъ въ горахъ) Бени-Гассана въ Верхнемъ Египтѣ (27° сѣв. шир.), между тѣмъ какъ жизнь болѣе достаточныхъ классовъ даютъ въ ея полномъ разнообразіи. Сѣвъ и жатва, земледѣліе, скотоводство, ремесло въ его различныхъ проявленіяхъ, отъ башмачника и до оружейника, отъ горшечника до стеклянщика, охота и рыбная ловля, война, пляски, игры,—все проходитъ передъ нами въ пестрой картинѣ. Самостоятельные аристократическіе элементы выказываются очень слабо въ этихъ изображеніяхъ египетскаго государственнаго строя жизни, хотя отдѣльные *номы* издревле проявляютъ въ нѣкоторой мѣрѣ признаки самостоятельной жизни, въ церемоніяхъ богослужебныхъ, въ особыхъ божествахъ, въ своеобразныхъ религіозныхъ обрядахъ и воззрѣніяхъ. Воины вполнѣ подчинялись волѣ царя, жрецы также преклонялись передъ фараономъ, и всѣ чиновники—не болѣе, какъ слуги его. Нѣкотораго рода благосостояніе, повидимому, было широко распространено во всѣхъ слояхъ общества и даже роскошь развита въ значительной степени. Эта роскошь высшихъ классовъ, повидимому, составляла рѣзкую противоположность быту народной массы. Сверхъ своихъ богатствъ, накопленіе которыхъ значительно облегчалось мѣстными условіями страны, высшіе классы обладали еще искусствомъ, которое давало имъ громадныя преимущества надъ массой:—имъ доступно было *письмо*, вначалѣ, вѣроятно, весьма затруднительное и чрезвычайно скудное по выразительности. Отъ *вещевого* письма, изображавшаго солнце въ видѣ кружка  , а мѣсяцъ въ видѣ серпа  и т. д., легко перешли впослѣдствіи — можетъ-быть, въ средѣ замкнутаго кружка жрецовъ, занимавшихся новымъ искусствомъ—къ *символическому* письму, которое уже изображало понятіе *жажда* въ видѣ прыгающаго теленка съ проведенными подъ нимъ тремя волнообразными чертами, понятіе *справедливость* въ видѣ вѣсовъ , понятіе *ходьба*—въ видѣ двухъ сопоставленныхъ ногъ и т. д. Отъ этихъ двухъ способовъ письма, вѣроятно, уже очень рано перешли и къ третьему, *звуковому* способу—къ обозначенію опредѣленныхъ звуковъ извѣстными знаками или изображеніями извѣстныхъ предметовъ. А это было уже громаднымъ успѣхомъ: эти письмена давали возможность въ точной формѣ пересылать на дальнія разстоянія волю повелителя и, закрѣпляя слова и понятія, передавать потомству воспоминанія о минувшемъ. Это искусство должно было необычайно возвысить могущество и сознаніе собственнаго достоинства правящихъ. Изъ временъ 12-й династіи дошла до насъ запись, въ которой перечисляются различ-

Статуя писца. Оригиналъ въ Лондонѣ.

ные роды занятій ремеслами: кузнецъ, камнетесъ, цырюльникъ, матросъ, каменщикъ, ткачъ, башмачникъ упоминаются съ нѣкоторымъ презрительнымъ юморомъ; въ противоположность имъ восхваляется свободное призваніе писца

Гіероглифическая часть трехъ-язычной надписи, на камнѣ, отрытомъ въ Ла-Розеттѣ въ 1799 г., по которому гіероглифы были впервые разобраны.

или ученаго, которое представляется болѣе важнымъ, чѣмъ всѣ ремесла. Это искусство возвысило даже національное сознаніе всего народа, доставивъ ему возможность имѣть свою *исторію*. Громадная масса сохранившихся намъ памятниковъ, покрытыхъ этими столь мудреными іероглифическими письменами, доказываетъ, какое высокое значеніе Египтяне придавали исторіи. Съ другой стороны ясно, что эти письмена, хотя и были могущественнымъ орудіемъ для передачи мысли, однакоже, въ значительной степени связывали пишущаго; глядя на эти письмена, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что на самое воспроизведеніе ихъ затрачивалось уже столько труда и умственнаго напряженія, что внутреннее содержаніе изображеннаго письменами было стѣснено до крайности. Подобныя письмена неизбѣжно должны были самому мышленію этихъ людей навязывать извѣстнаго рода формализмъ, медлительность и условность и такимъ образомъ окончательно придали египетской жизни характеръ строгой правильности и стѣснительной ограниченности, которыя и безъ того уже лежали въ основѣ самыхъ условій мѣстной жизни.

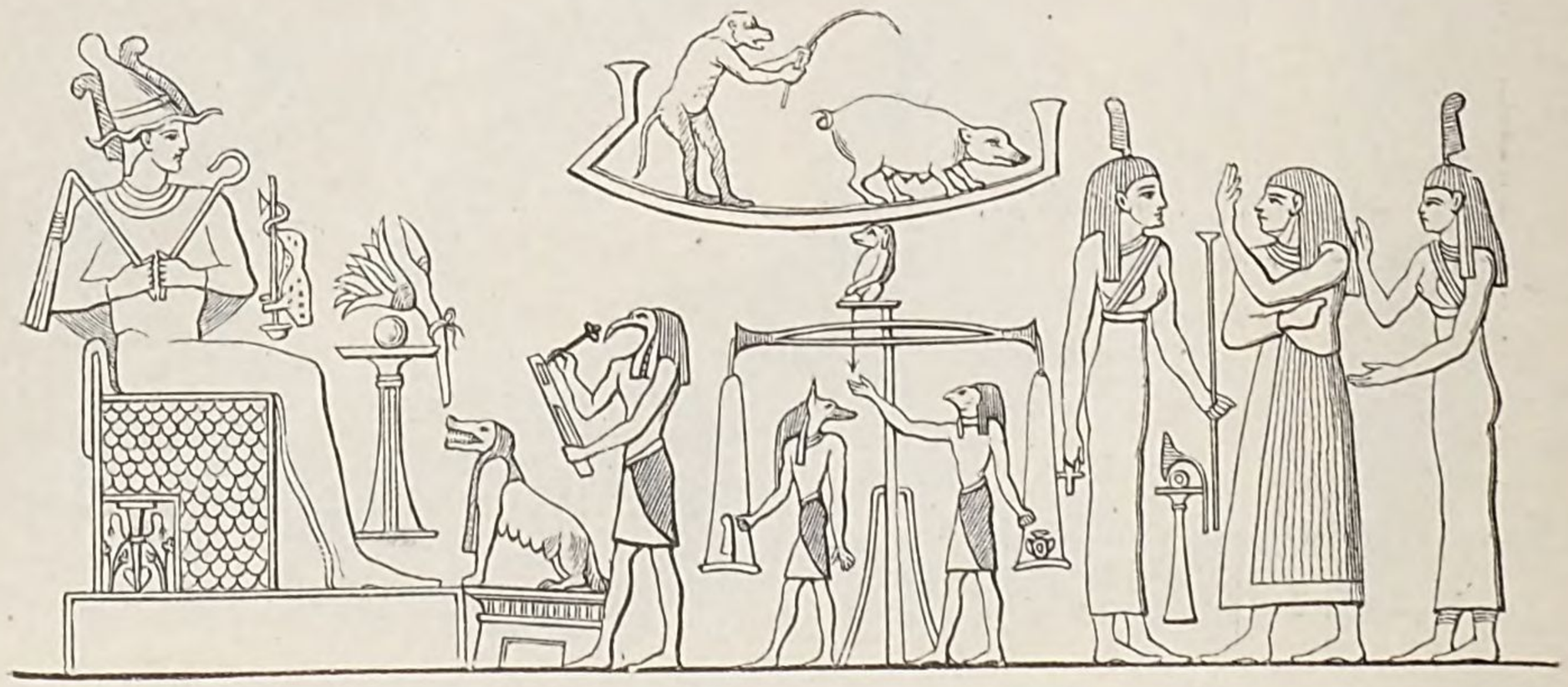
Жизнь народная. Религіозныя воззрѣнія.

Какъ бы то ни было, но мы никакъ не можемъ представить себѣ, чтобы народная жизнь подъ безоблачнымъ небомъ Египта и на берегахъ Нила носила на себѣ особенно мрачный или даже особенно серьезный отпечатокъ. Даже и религія, въ которой вѣрнѣе всего отражаются жизненныя воззрѣнія народа, при всей своей торжественности, носила на себѣ оптимистическій характеръ: слишкомъ ужъ явною была благодать божества, постоянно изливаемая на эту страну, и *опасеніе* предъ Высшимъ, Непостижимымъ Существомъ играло очень незначительную роль въ религіозности Египтянъ. Главнымъ, высшимъ божествомъ въ Египтѣ почитался духъ свѣта, богъ солнца, извѣстный подъ различными именами; въ Ѳивахъ называли его Амунъ, въ Геліополѣ — Ра, въ Мемфисѣ—Пта. Предполагаютъ, что послѣднее названіе входитъ, какъ составная часть, въ общее намъ и грекамъ названіе страны *Hakapta*—страна поклоненія богу Пта—*Египетъ*. Грекамъ (во всякомъ случаѣ, въ гораздо болѣе позднія

СТАТУЯ, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ РАМЗЕСА II, ГОНИТЕЛЯ ЕВРЕЕВЪ.
По Лепсіусу.

времена вошедшимъ въ сношенія съ Египтомъ) особенно страннымъ казалось поклоненіе Египтянъ священнымъ животнымъ: кошкамъ, крокодиламъ, священнымъ птицамъ. Есть основаніе думать, что въ болѣе раннюю эпоху эти звѣри почитались не иначе, какъ въ связи съ божествами, которымъ они были посвящены, и что культъ ихъ держался еще въ границахъ, доступныхъ нашему пониманію. Несомнѣнно, весьма древнимъ было также и почитаніе, оказываемое мертвымъ, около котораго группировался весь необширный запасъ миѳологическихъ элементовъ древне-египетской религіи. Бѣдныхъ ожидала послѣ смерти общая могила; гробница богатаго состояла изъ двухъ комнатъ—одной, покрытой по стѣнамъ изображеніями его дѣяній, и другой, заключавшей въ себѣ самый саркофагъ, въ которомъ покоилось тѣло, искусно набальзамированное и тѣмъ сохраняемое отъ гніенія. Похоронное шествіе, похоронныя пѣснопѣнія, свита, сопровождавшая покойнаго—были тѣ же, что и вездѣ; но гробъ покоился на челнѣ:—корабль, игравшій такую важную роль въ быту Египтянъ, служилъ, по ихъ понятіямъ, и для переселенія въ царство мертвыхъ. Уже и на саркофагахъ этой отдаленной эпохи находимъ изсѣченными изображенія суда надъ мертвыми, на которыхъ душа покойнаго представляется на судѣ держащею папирусный свитокъ, съ полнымъ спискомъ всѣхъ его грѣховъ. Такой списокъ полагался въ гробъ каждаго покойника... При этомъ нельзя не замѣтить, что хотя вѣра въ безсмертіе души существовала у Египтянъ съ древнѣйшихъ временъ, однакоже ихъ представленія о загробной жизни были весьма ограниченны...

Амунъ на древне-египетскихъ памятникахъ.



Судъ надъ умершими. Древне-египетское изображеніе.

ИЗЪ ѲИВАНСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ: СРЕДНЯЯ КОЛОННАДА ВЪ КАРНАКСКОМЪ ХРАМѢ.
По оригинальной фотографіи.

Господство Гиксовъ 2100—160.

Мирно и тихо жили эти поколѣнія въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ, какъ вдругъ, около 2100 года до Р. Х., весьма важное происшествіе нарушило плавное теченіе ихъ жизни. Союзу кочевниковъ, живших въ восточной пустынѣ, удалось ворваться въ Египетъ, и «князья пастуховъ», *Гокшазы*, иначе — Гиксы, въ теченіе 500 лѣтъ господствовали въ Египтѣ. Нашествіе Гиксовъ, какъ и всѣ нашествія варваровъ на цивилизованную страну, сопровождалось всякаго рода ужасами—убійствами, пожарами и грабежами. Но порабощенный Гиксами Египетъ вскорѣ поработилъ своихъ завоевателей, навязавъ имъ свою культуру, которую, впрочемъ, они могли воспринять лишь до нѣкоторой степени. Хотя Гиксы и получали неоднократно подкрѣпленія въ видѣ новыхъ наплывовъ степныхъ кочевниковъ, однакоже число ихъ было все же незначительно, и пробужденное бѣдствіями чувство національнаго самосознанія побудило, наконецъ, Египтянъ дать имъ суровый отпоръ. Освобожденіе отъ ига этихъ чужеземныхъ завоевателей началось съ Верхняго Египта, въ которомъ власть Гиксовъ не имѣла прочной основы: послѣ нѣкоторой борьбы *Амазису* (*Амесу*) Ѳивскому (1684—1659) удалось отбить у Гиксовъ Мемфисъ—резиденцію ихъ правителей. Эта война за освобожденіе вызвала, конечно, многіе геройскіе подвиги: сохранилась надгробная надпись, которая сообщаетъ намъ, что одинъ изъ мужественныхъ сподвижниковъ Амазиса, еще будучи молодымъ человѣкомъ, уже дважды успѣлъ заслужить военную награду—«ожерелье за храбрость». Еще разъ, соединенными силами, Гиксы пытались удержать за собою власть надъ Дельтою. Но здѣсь они потерпѣли послѣднее пораженіе, и, послѣ 150 лѣтней борьбы, Египту была возвращена его самостоятельность. Храмы въ Мемфисѣ и Ѳивахъ были возстановлены, и Амазисъ провозгласилъ себя царемъ Верхняго и Нижняго Египта (1684 до Р. Х.). Съ него и началась 18-я династія, о которой уже даетъ намъ свѣдѣнія нашъ главный греческій источникъ, произведеніе жреца Манетона *), и свѣдѣнія эти подтверждаются египетскими источниками, мѣстными памятниками.

Головы сфинксовъ, изображающія царей изъ племени Гиксовъ; сохранились въ Танисѣ.

Освобожденіе отъ ига. Царство Ѳиванское.

Освобожденіе страны исходило изъ *Ѳивъ*, и этотъ городъ остался средоточіемъ царства въ ближайшую, достославную эпоху. Храмы и блестящіе дворцы возникли въ теченіе ея по обоимъ берегамъ Нила. Греки обозна-

*) *Манетонъ* былъ современникомъ первыхъ Птоломеевъ.

чаютъ эту эпоху новаго подъема духа — столь обычно слѣдующую за счастливой освободительной войной—однимъ общимъ именемъ *Сезостриса* и много сообщаютъ намъ сказаній о походахъ этого государя, простиравшихся далеко въ Азію и въ Европу; въ сущности, всѣ эти разсказы не болѣе, какъ отраженіе дѣяній цѣлаго ряда государей, принадлежавшихъ къ 18-й, 19-й и 20-й династіямъ,—Аменотепа, Таутмеса, Рамессу, Сети, Менефты. Среди нихъ славнѣйшимъ изо всѣхъ былъ, повидимому, *Тутмесъ III* (18-й династіи), второй изъ 12-ти государей, носившихъ имя *Рамзеса;* его исторія сохранилась намъ въ довольно значительной полнотѣ. Но Египетъ никогда не составлялъ обширнаго, мірового государства, какъ это одно время думали, полагаясь на греческія извѣстія. По тѣмъ лѣтописнымъ источникамъ, которые намъ представляютъ надписи на развалинахъ дворцовъ и храмовъ, официальнымъ слогомъ прославляющія дѣянія Ѳиванскихъ фараоновъ, мы, напротивъ того, должны прійти къ тому убѣжденію, что эти цари придерживались весьма умѣренной и разумной «внѣшней политики», вполнѣ сообразной съ географическимъ положеніемъ Египта. Эта политика стремилась только къ бо̀льшему обезпеченью границы на югѣ, и дѣйствительно, граница эта была нѣсколько продвинута внутрь страны Кушитовъ, а отвоеванная у нихъ страна подчинена правильному и спокойному управленію; на сѣверѣ политика эта (какъ оно ясно съ перваго взгляда на карту и какъ доказываетъ вся послѣдующая исторія Египта) должна была стремиться къ обладанію Сиріей, составляющей въ различныхъ отношеніяхъ необходимое дополненіе къ Нильской низменности. Въ этихъ видахъ египетскіе цари и воюютъ преимущественно съ сирійскими народами *), обитавшими въ южномъ Ханаанѣ; крайнею границею ихъ завоевательныхъ стремленій является Мессопотамія и прибрежья Евфрата. Что политика египетскихъ царей задавалась лишь весьма недальними и опредѣленными цѣлями, это доказываетъ намъ договоръ, заключенный Рамзесомъ II съ однимъ изъ Хетитскихъ князей,—древнѣйшій изъ намъ извѣстныхъ подробныхъ и обстоятельныхъ дипломатическихъ актовъ. Онъ немногимъ отличается отъ подобныхъ же актовъ новаго и новѣйшаго времени. Вѣчный миръ и дружелюбіе на вѣчныя времена устанавливаются этимъ актомъ между Рамзесомъ II, великимъ царемъ Египетскимъ, и Хетезаромъ, великимъ княземъ Хетитовъ, и устанавливаются по всѣмъ правиламъ международной вѣжливости; при этомъ обусловлено, что если бы какой-нибудь врагъ вздумалъ напасть на подчиненныя царю Египетскому земли и царь послалъ бы къ князю Хетитскому, говоря: «приди, приведи съ собою воинскія силы противъ моего врага», то князь долженъ такъ поступить: «если самъ не можетъ прійти, то по крайней мѣрѣ долженъ прислать своихъ стрѣлковъ съ луками и свои военныя колесницы». Соотвѣтствующія этому условія принимаетъ на себя и царь Египетскій, вступая съ княземъ въ оборонительный союзъ. Въ тотъ же договоръ включено и нѣсколько дополнительныхъ статей, касающихся обоюдной выдачи бѣглыхъ преступниковъ, бѣжав-

*) Народы эти были: Ретенну, Шазу, Хетиты — такъ называютъ ихъ египетскіе памятники.

шихъ или насильно уведенныхъ работниковъ и тому подобныхъ людей *). Въ то же достославное и весьма продолжительное царствованіе царя Рамессу II, правившаго Египтомъ въ теченіе 67 лѣтъ, въ Египтѣ явилась весьма важная новинка: *военный флотъ*, существованіе котораго было возможно только при вполнѣ обезпеченномъ положеніи египтянъ въ Сиріи. Въ связи съ этимъ нововведеніемъ было предпринято и прорытіе канала изъ Нила на востокъ, законченнаго, однакоже, гораздо позднѣе, въ послѣдующія царствованія.

Времена Рамессидовъ. Памятники.

Съ 1244—1091 г. слѣдуютъ еще одинъ за другимъ 12 царей съ именемъ Рамзеса, повидимому, царствовавшихъ вполнѣ мирно. Обычною резиденціею этихъ государей 20-й династіи и слѣдовательно столицею всей страны былъ г. *Θивы*, отстоявшій отъ дельты Нила на 525 верстъ, а отъ послѣдняго Нильскаго водопада на 175 верстъ. Слава этого отдаленнаго, *стобратнаго* города разносилась весьма далеко. Древнѣйшіе изъ греческихъ писателей много сохранили намъ разсказовъ о Θивахъ, и развалины громадныхъ зданій, возведенныхъ (вблизи арабскихъ деревень Луксора и Карнака) I и II Таутмесами, Сети I, Рамзесомъ II, и донынѣ производятъ на путешественника чарующее впечатлѣніе. Фантазія, увлекаемая въ далекое прошлое, лишь съ величайшимъ трудомъ возстановляетъ намъ то время и ту дѣйствительность, когда среди этихъ громадныхъ колоннадъ, среди этихъ необъятныхъ залъ **), дворовъ, покоевъ и сѣней двигались шумныя толпы живыхъ людей. Стѣны этихъ громадныхъ развалинъ покрыты изображеніями и надписями, бо́льшею частью прекрасно сохранившимися и свѣжими по краскамъ; эти изображенія и надписи, въ связи съ тою богатою добычею бытовыхъ предметовъ и папирусныхъ свитковъ, которые добываются изъ ближайшихъ къ Θивамъ катакомбъ ***),—доставляютъ пытливому изслѣдователю, смѣло

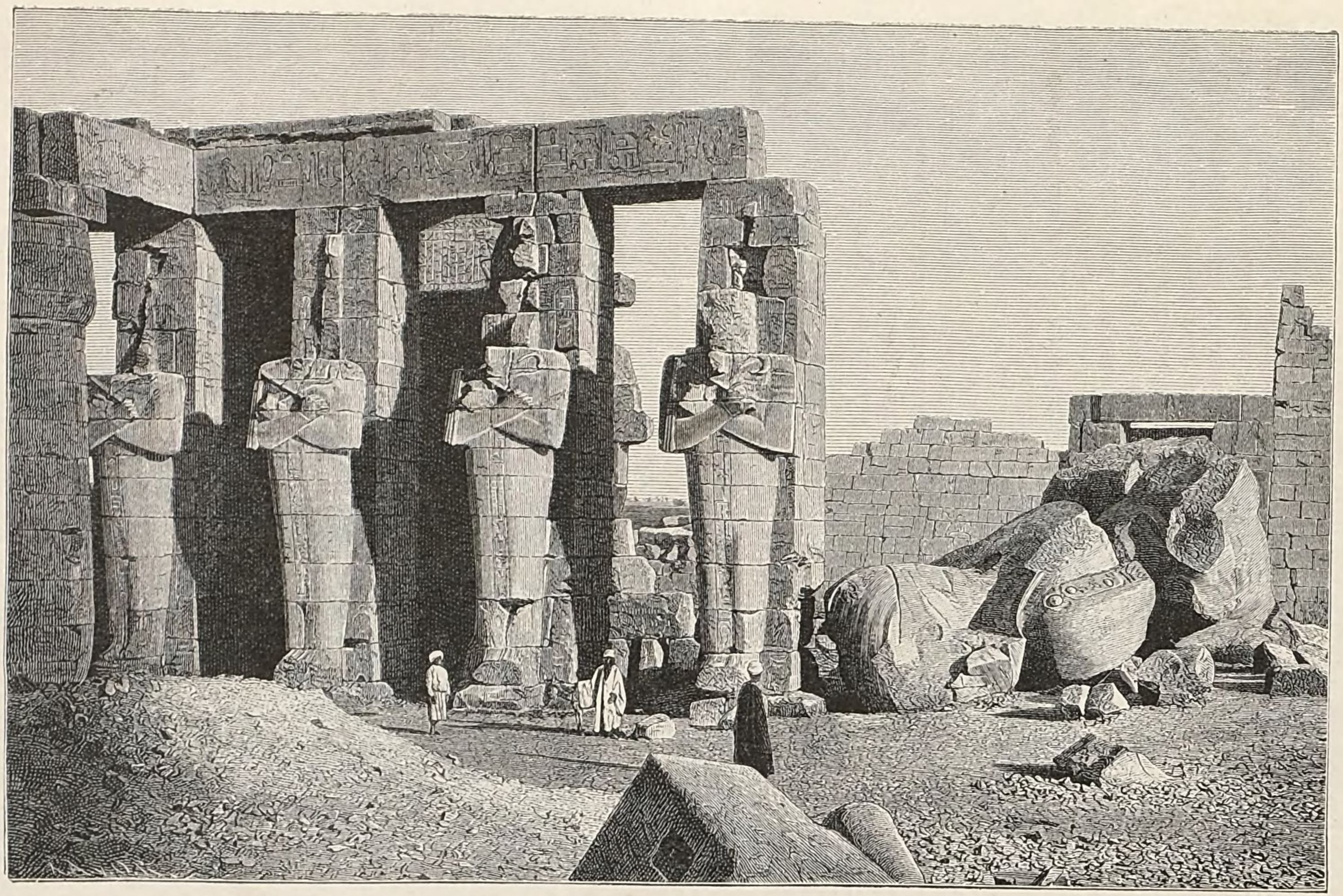
Египетская пѣхота со щитами, копьями и топорами. Древне-египетское изображеніе.

---

*) Однимъ изъ мотивовъ египетской внѣшней политики была настоятельная потребность въ рабахъ для громадныхъ построекъ въ столицахъ; этою потребностью вызывались походы на югъ, въ негритянскія земли, и на западъ, въ Ливію.

**) Зала дворца въ Карнакѣ—320 футовъ длины, 160 футовъ ширины; крыша ея поддерживалась 134 колоннами.

***) Эти катакомбы расположены въ горной цѣпи, на западъ отъ Θивъ; въ другой цѣпи, отдѣленной ущельемъ отъ первой, находятся усыпальницы царей.



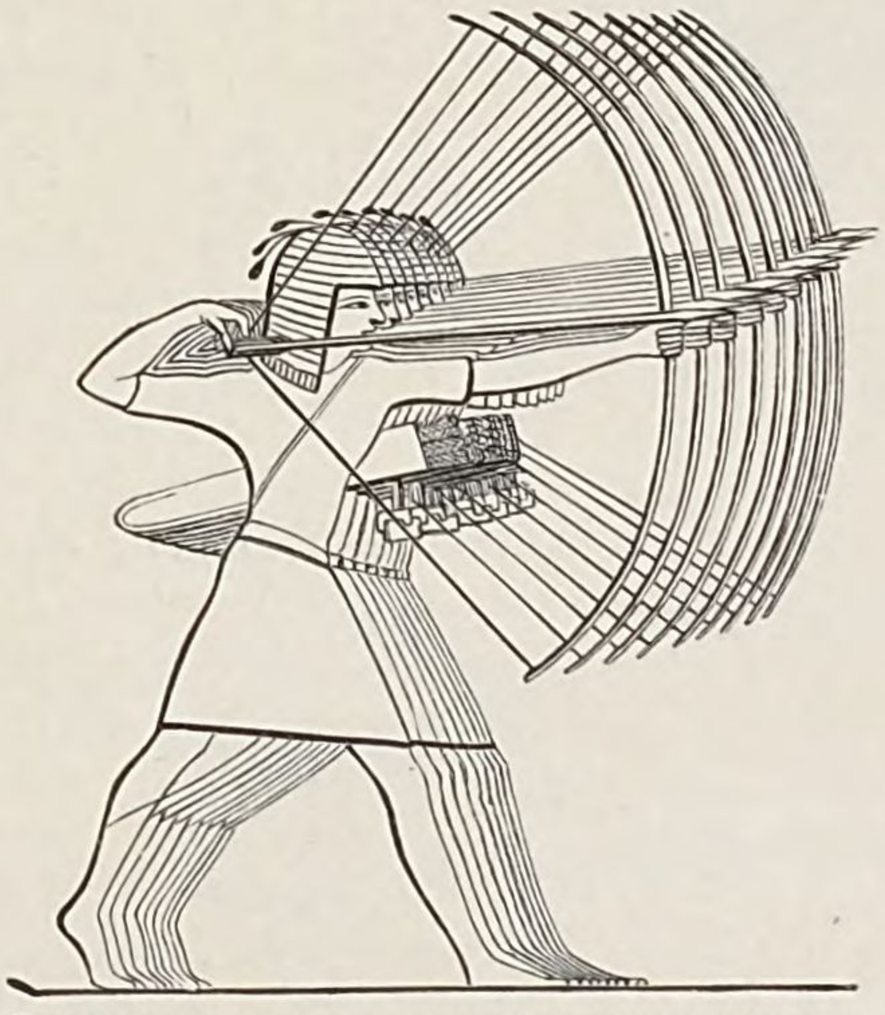
ИЗЪ ѲИВАНСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ. ПОСТРОЙКИ РАМЗЕСА (ОСТАТКИ РАМЕССЕЯ).

По оригинальной фотографіи.

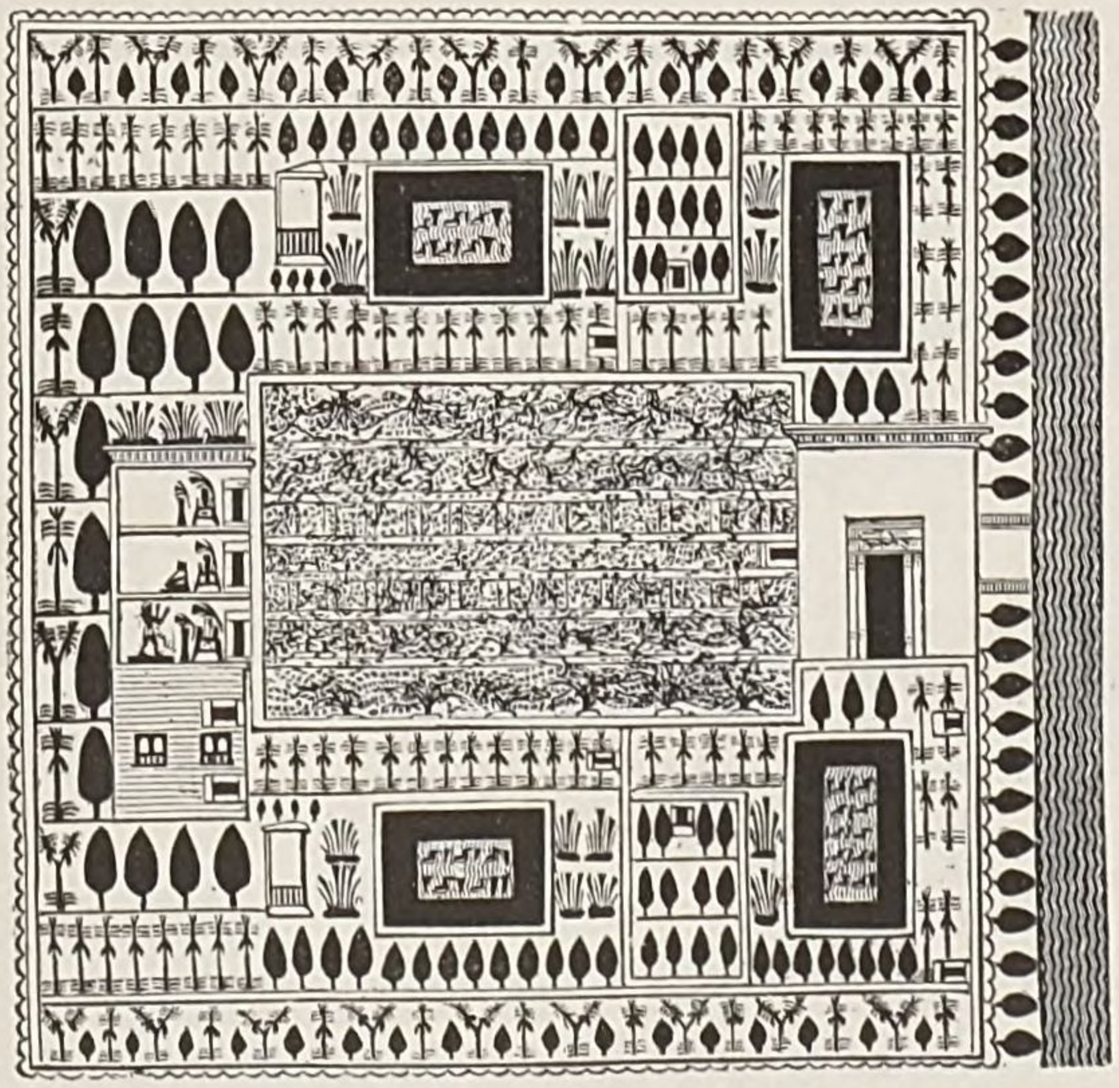
проникающему въ это отдаленное прошлое, богатѣйшій матеріалъ для изученія египетской жизни—конечно, въ средѣ высшихъ классовъ общества.

Условія жизни народной въ Θиванскомъ періодѣ.

Въ существеннѣйшемъ, однакоже, жизнь этого *третьяго* періода египетской исторіи мало чѣмъ отличалась отъ жизни древнѣйшаго періода, когда столицей Египта былъ Мемфисъ, впослѣдствіи утративший свое былое значеніе. Власть царская осталась та же, что и встарь; обожествореніе священной особы фараоновъ, пожалуй, еще усилилось; мы видимъ даже, что государь, унаслѣдовавшій престолъ, воздвигаетъ храмъ въ честь своего обожествореннаго предшественника: — фараонъ какъ-бы служитъ живымъ звеномъ, связующимъ народъ съ богами. Царь назначаетъ и смѣщаетъ чиновниковъ и правителей; онъ управляетъ неограниченно; повелѣваетъ и жрецами, которые безъ него не имѣютъ никакого значенія, получаютъ отъ него и содержаніе, и деньги на издержки, сопряженныя съ ихъ культомъ. Не видимъ около царя воинственной знати; но за то видимъ особые отряды тѣлохранителей и постоянное войско въ его распоряженіи: войско это прекрасно содержится и расположено гарнизонами, подраздѣленными не особенно искусно на *сотни* и *тысячи*; среди этого войска видимъ воиновъ, сражающихся на колесницахъ, видимъ пѣхотинцевъ и стрѣлковъ, вооруженныхъ луками; тамъ и сямъ, на стѣнныхъ изображеніяхъ, видимъ ихъ, занятыхъ стрѣльбою въ цѣль. То же консервативное теченіе и въ этомъ періодѣ, какъ и въ древнѣйшемъ, проходитъ черезъ всю египетскую жизнь; замѣтно только ревностное стремленіе къ искорененію всякихъ воспоминаній о временахъ иноплеменнаго владычества. Сынъ наслѣ-



Египетскіе стрѣлки, вооруженные луками. Древне-египетское изображеніе.



Древне-египетское изображеніе сада.

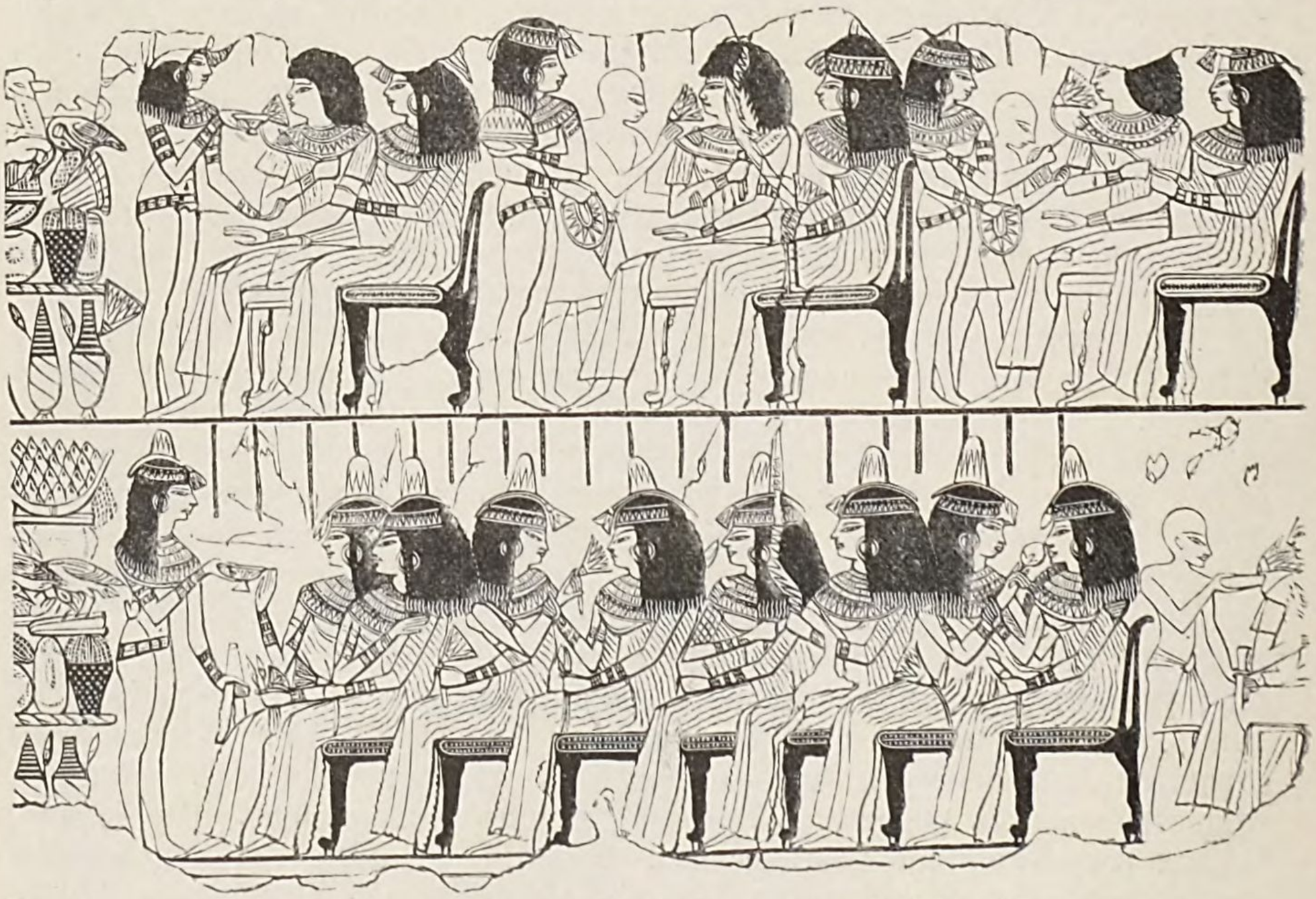
дуетъ отцу въ его занятіи, достигая такимъ образомъ значительнаго совершенства въ производствѣ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ (какъ это прежде полагали), чтобы раздѣленіе на касты имѣло какое-нибудь значеніе въ египетской жизни. Переходъ отъ одного состоянія къ другому былъ вовсе не затруднителенъ. Въ сущности, это была страна прекрасно управляемая, съ цѣлой іерархіей строго-надзираемыхъ чиновниковъ; вся она была раздѣлена на нѣкоторое число сравнительно небольшихъ административныхъ округовъ (всего на 44),—нѣчто въ родѣ департаментовъ съ префектами во главѣ, которымъ сверхъ того были приданы царскіе судьи и писцы, а въ случаѣ нужды въ ихъ распоряженіи было и царское войско. Они наблюдали за порядкомъ въ работахъ, за общественною безопасностью, за взиманіемъ податей; сверхъ того, существовалъ еще и высшій царскій судъ, и члены его имѣли въ своемъ распоряженіи писанный законъ — кодексъ, состоявшій изъ 8 книгъ. Въ этомъ періодѣ, письменность, значительно упрощенная, успѣла уже получить бо̀льшее распространеніе. Изъ древнихъ, весьма мудреныхъ іероглифическихъ письменъ образовалось нѣчто въ родѣ скорописи, служившей для передачи живого народнаго языка; притомъ и стебли папируса доставляли уже въ это время удобный для письма матеріалъ, на которомъ, въ частной жизни, писались *демотическими* письменами письма и все, не относившееся къ официальной письменности.

Религія и литература.

Все въ этотъ періодъ египетской исторіи пошло впередъ: искусства, вызванныя роскошью, науки наблюдательныя и опытныя. Для развитія искусства, въ высшемъ значеніи этого слова, мѣстныя условія не были благопріятны. Искусство было подчинено религіи, поэтому держалось опредѣленныхъ, выработанныхъ формъ, и, не развиваясь, оставалось неподвижнымъ. Напротивъ того, жизнь высшихъ классовъ допускала извѣстнаго рода тонкость и изящество вкуса; видимъ изображеніе домовъ съ галлереями, дачъ съ аллеями, бесѣдками, бассейнами, цвѣтниками, повозками, носилками и гондолами; видимъ на тѣхъ же изображеніяхъ игру въ мячъ, въ шашки, танцы, музыкальные инструменты; многочисленные храмы нерѣдко видимъ въ тѣсной связи со школами; есть даже основаніе думать, что не было недостатка и въ литературѣ, по-сво̀ему богатой. Въ рукахъ жрецовъ находились 42 священныя книги, между которыми были и медицинскія; вообще искусство врачеванья было особенно развито въ Египтѣ, преимущественно же славились врачи-окулисты, столь необходимые въ странѣ, гдѣ воспаленіе глазъ представляетъ собою явленіе весьма обыкновенное. Между цѣлительными средствами заклинанія злыхъ духовъ занимали не послѣднее мѣсто. И религіозныя воззрѣнія въ этотъ періодъ сильнѣе развиты, чѣмъ въ предшествующіе; узнаемъ даже, что и Египетъ не былъ избавленъ отъ религіозныхъ войнъ. Одинъ изъ царей 18-й династіи, Аменофисъ IV, увлекся пристрастіемъ къ новому культу—одному изъ многихъ мѣстныхъ культовъ, существовавшихъ рядомъ съ преобладающимъ поклоненіемъ богу солнца. Общая сокровищница поэтическихъ сказаній человѣчества пополнилась изъ египетскихъ религіозныхъ вѣрованій миѳомъ объ *Озирисѣ* и *Изидѣ*, который служитъ выраженіемъ своеобразныхъ условій мѣстной жизни.

Миѳъ заключается въ томъ, что женское и мужское благодѣтельныя божества подвергаются преслѣдованіямъ божества губительнаго, Тифона—олицетворяющаго жгучій вѣтеръ пустыни. Озирисъ отъ него погибаетъ, а Изида, глубоко опечаленная, ищетъ его трупъ... Но Озирисъ оставляетъ по себѣ сына и мстителя, Хòра, а самъ воскресаетъ для новой жизни. Подобный миѳъ, изображающій, въ лицахъ, для всѣхъ очевидное и въ то же время таинственное чередованіе обычныхъ явленій природы—встрѣчаемъ, въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ, у всѣхъ народовъ. Находимъ у Египтянъ и свѣтскую литературу:—и у нихъ были свои поэты! Одинъ изъ нихъ, *Пентавръ* по имени, въ замѣчательно восторженномъ произведеніи, восхвалялъ своего государя, Рамессу II, за личную храбрость, выказанную имъ въ весьма критическую минуту упорной борьбы его съ Хетитами. Очень наглядно и горячо передаетъ намъ поэтъ весь ужасъ этой минуты:—фараонъ попалъ въ засаду, «и ни одинъ изъ подвластныхъ ему князей, ни одинъ изъ его тысяченачальниковъ или военачальниковъ и витязей—не былъ при немъ»; но онъ призываетъ отца своего, бога Амуна, который болѣе значитъ, нежели 100,000 воиновъ—и побѣждаетъ! Тогда враги падаютъ ницъ передъ нимъ и восклицаютъ: «Ваалъ вселился во всѣ части его тѣла—онъ не простой смертный!»—и они молятъ его оставить имъ хотя бы дыханія жизни.

Это упоминаніе чуждаго божества въ особенности удивляетъ насъ именно въ произведеніи египетскаго поэта, потому что Египтяне и въ древнемъ Мемфисскомъ, и въ позднѣйшемъ Ѳиванскомъ періодѣ, держали



Пиршество у Египтянъ. Древне-египетское изображеніе.

себя очень далеко отъ всего иноземнаго. Вообще Египтяне представляются намъ народомъ весьма самодовольнымъ и даже склоннымъ гордиться своею религіозностью и чистотою, древностью своихъ учрежденій и превосходствомъ своей культуры; считая себя народомъ избраннымъ, они, по возможности, старались не ѣсть за однимъ столомъ съ иноземцами, и хотя они занимались торговлей, хотя мало-по-малу стали допускать иноземцевъ въ нѣкоторыя изъ своихъ гаваней, — сами они все-же очень рѣдко или даже вовсе не выѣзжали изъ своей страны. Однакоже, пришли, наконецъ, такія времена, когда и Египтяне, волей или неволей, должны были выйти изъ своей замкнутости.

Образецъ египетской муміи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Семиты.—Аравія, Мессопотамія, Сирія.—Финикіяне; исторія народа Израильскаго до смерти Соломона.

Семиты. Южная отрасль ихъ.

Если отъ низовьевъ Нила мы обратимся на востокъ и сѣверо-востокъ, то вступимъ въ область обитаемую *семитическимъ* племенемъ. Первоначальнымъ отечествомъ Семитовъ слѣдуетъ считать большой Аравійскій полуостровъ, омываемый съ двухъ сторонъ Персидскимъ и Аравійскимъ заливами. Громадное пространство внутри полуострова—пустынныя, песчаныя равнины, скалистые горные хребты и обнаженныя возвышенности—представляютъ собою очень мало мѣстностей, пригодныхъ для обработки; только горныя террасы, спускающіяся къ берегамъ Индійскаго океана, да узенькая полоса земли, непосредственно прилегающая къ Аравійскому заливу (позднѣе извѣстная подъ названіемъ «Счастливой Аравіи»), обладаютъ плодородною почвою. Это—страна ладана и сахарнаго тростника, кофейнаго кустарника, финиковой пальмы и фиговаго дерева. «Кто приставалъ къ этимъ берегамъ, тому казалось, что онъ вкушаетъ амвросію»—такъ выражается объ этихъ берегахъ одинъ изъ позднѣйшихъ Грековъ. Только здѣсь, на югѣ, эти Семиты пришли къ болѣе прочнымъ государственнымъ формамъ; остальныя-же, *кочевыя племена* пустыни, которыхъ жизнь и теперь течетъ точно такъ же, какъ 5000 лѣтъ тому назадъ,—

оставались внѣ области исторіи, пока и для этого народа, гораздо, впрочемъ, позднѣе, не насталъ его часъ... Большая часть семитскаго племени, въ ту отдаленную эпоху, еще жила въ условіяхъ простѣйшаго родового быта. Богатства ихъ составляли стада верблюдовъ, а позднѣе — табуны коней. Богами и высшими духами, которымъ они поклонялись, были ярко-блестящія звѣзды—ихъ исконные путеводители въ пустынѣ; общими для всѣхъ Семитовъ божествами былъ высшій богъ *Ваалъ* и богиня *Алилатъ*. Вся жизнь ихъ проходила въ племенныхъ усобицахъ, постоянно возрождавшихся вслѣдствіе обязательствъ, налагаемыхъ обычаемъ кровомщенія. Эти Арабы, грубые и чувственные, какъ и всѣ Семиты, обладали и нѣкоторыми благородными сторонами человѣческой природы—рыцарскимъ гостепріимствомъ, стремленіемъ къ независимости и любовью къ свободѣ, въ современномъ значеніи этого слова. Ихъ положеніе между двумя большими низменностями, Нила и Евфрата-Тигра, представляло для нихъ большія удобства: торговые пути, соединявшіе Южную Аравію, Египетъ, Сирію и Мессопотамію, шли черезъ ихъ землю, и они извлекали изъ этого положенія свои выгоды,—то взимая плату за проводы караванъ, то нападая на нихъ для грабежа.

Восточные Семиты. Страна Тигра и Евфрата.

Болѣе завидный жребій выпалъ на долю *восточныхъ* Семитовъ, обитавшихъ въ долинѣ Тигра и Евфрата, между Сирійскою плоскою возвышенностью и Иранскою горною страною. Обѣ эти рѣки берутъ начало въ горахъ Арменіи и, то сближаясь, то отдаляясь другъ отъ друга, стремятся въ Персидскій заливъ, охватывая своими извивами значительную область—такъ-называемую *Мессопотамію*. Эта страна стоитъ въ такой же полной зависимости отъ Тигра и Евфрата, какъ Египетъ отъ Нила. Верстъ за 700 выше устья ихъ, начинается низменность, которая, при мѣстномъ бездождіи, была бы, конечно, безплодна, если бы обѣ рѣки (Тигръ—въ началѣ іюня, Евфратъ—мѣсяцемъ позже) не выступали изъ береговъ и не захватывали низменность своими разливами. Разливы эти не такъ равномѣрно распредѣляются, какъ разливы Нила: необходимы искусственныя сооруженія, чтобы совладать съ избыткомъ воды въ этихъ рѣкахъ, и самая область, оплодотворяемая ими, значительно больше области разливовъ Нила.

Царство Еламъ. Государство Халдеевъ.

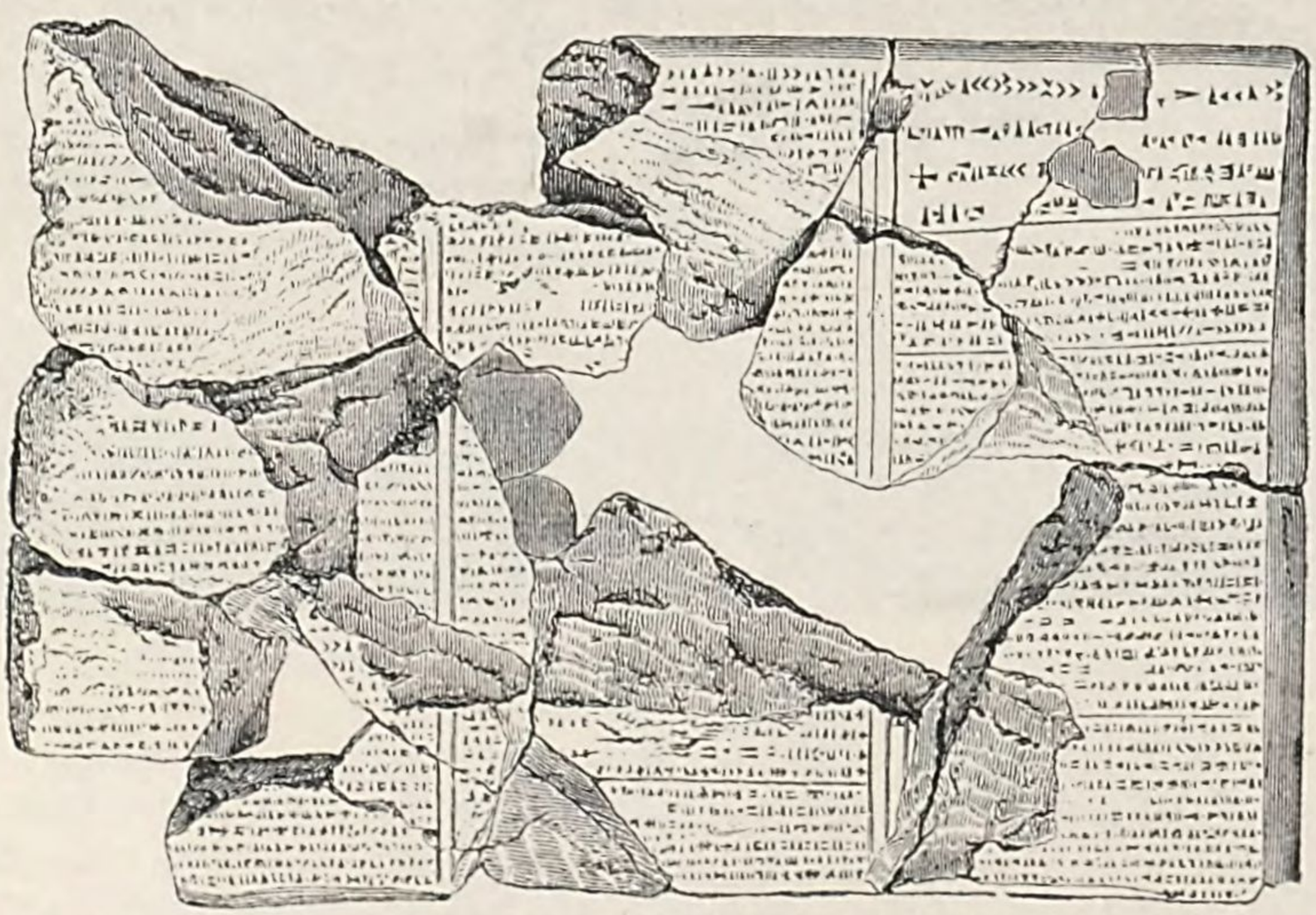
Извѣстія Грековъ объ этихъ странахъ, очень сбивчивыя и малоправдоподобныя, имѣютъ въ настоящее время второстепенное значеніе, такъ какъ изъ развалинъ мѣстныхъ древнихъ городовъ извлечены теперь уже цѣлыя библіотеки кирпичей, покрытыхъ письменами, которыя мало-по-малу начинаютъ разбирать довольно свободно. Первыя начала культуры въ этомъ междурѣчьи можно прослѣдить за 3000 лѣтъ до Р. Х. За 2500 лѣтъ до Р. Х. на востокъ отъ Тигра, въ странѣ *Еламъ* *), находимъ уже правильное государственное устройство и царей; нѣкоторые изъ нихъ, какъ и упоминаемый въ первой книгѣ Моисея, Кедоръ Лаомеръ, распространяли свое владычество даже до Сиріи. На западъ отъ Еламскаго царства образовалось государство *Халдейское*, города котораго—

*) Впослѣдствіи, въ Персидскомъ царствѣ, эта мѣстность была извѣстна подъ именемъ Сузіаны.

Баб-илу (Вавилонъ), Уръ, Эрехъ, Сипара и мн. др., раскинуты были на обширной равнинѣ.

Надписи, во множествѣ находимыя среди развалинъ, уже сами по себѣ представляютъ важное явленіе въ исторіи этого народа: онѣ указываютъ намъ на то, что жрецы и сановники халдейскіе обладали письменами, которыя остроумно придуманнымъ видоизмѣненіемъ одной основной формы *клина* или наконечника стрѣлы, давали возможность передавать и звуки, и отдѣльные слоги. Эти *клинообразныя* надписи сообщаютъ намъ имена царей и боговъ, повѣствуютъ о постройкѣ храмовъ и укрѣпленій, и о войнахъ съ

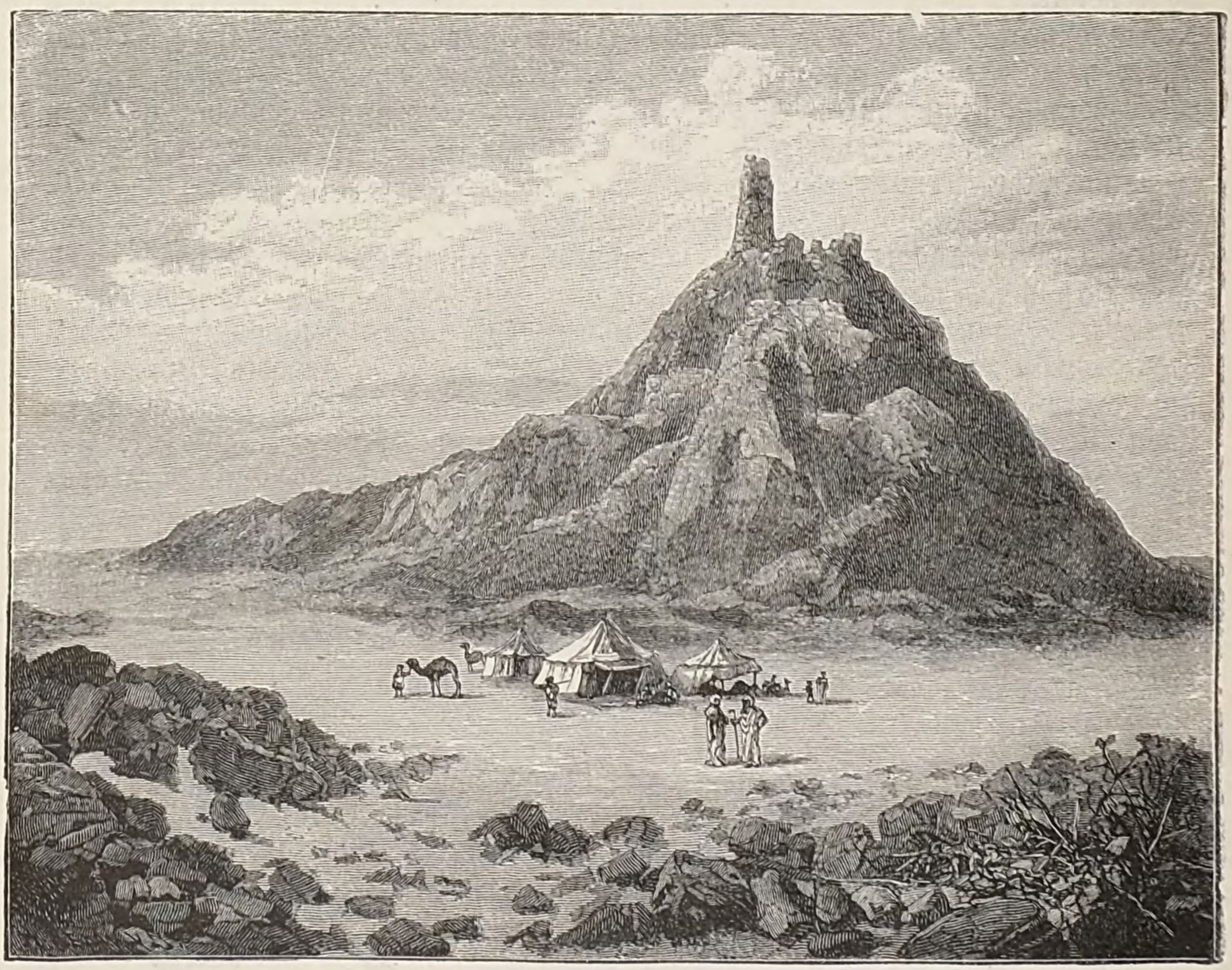
родственнымъ по составу населенія царствомъ *Ассуръ*, явившимся на С. отъ Халдейскаго царства, на Тигрѣ. Семитическій народъ *Калди* или Халден, пришедшіе въ эту мѣстность съ З., развили основы мѣстной, предшествовавшей имъ культуры до такой высоты, что ихъ культура почти могла соперничать съ культурой египетской. Въ астрономіи они пошли далѣе Египтянъ; ихъ система мѣръ и вѣсовъ вошла во всеобщее употребленіе у сосѣднихъ народовъ, а цѣлою сѣтью весьма искусно устроенныхъ водяныхъ сооруженій они закрѣпили за собою обладаніе страною, которую они, въ полномъ смыслѣ слова, подобно Египтянамъ, извлекли изъ воды. Въ самой религіи ихъ сохранились слѣды этой борьбы съ водою за землю; среди ихъ божествъ видимъ рыбообразнаго Дагона, и древнѣйшее сказаніе о потопѣ, связанное съ именемъ царя Ксизутра, спасшагося въ ковчегѣ,—почерпнуто, повидимому, изъ тѣхъ же воспоминаній объ отдаленномъ прошломъ. Важнѣйшія божества



Глиняная таблица съ остатками халдейскаго сказанія о потопѣ.

ихъ стояли въ тѣсной связи съ созвѣздіями, блиставшими на ихъ горизонтѣ; къ этой категоріи слѣдуетъ отнести и высшаго Бога Халдеевъ

Эль, Иль, Бель (поклоненіе ему въ различныхъ видахъ распространилось по всему Семитическому міру), и высшее женское божество—*Белиту, Милиту,* богиню вечерней звѣзды, поклоненіе которой сопровождалось непристойными обрядами. Къ этимъ божествамъ примыкали и другія планетныя божества: *Адаръ* (Сатурнъ), *Нэбо* (Меркурій), *Нергалъ* (Марсъ) и богиня разрушенія—*Истаръ*. Храмы, воздвигнутые въ честь этихъ божествъ, имѣли видъ башенъ, сложенныхъ изъ кирпича; собираясь въ нихъ на молитву, они были ближе къ звѣздамъ, которымъ подчиняли все теченіе своей жизни. Геродотъ описываетъ намъ знаменитѣйшую изъ этихъ башенъ, служившую храмомъ Бэля (на юго-востокъ отъ Вави-



Холмъ Бирзъ-Нимрудъ съ остатками храма Бэля (близъ Вавилона).

лона) *):—то было зданіе въ 8 ярусовъ, воздвигнутое въ срединѣ огражденнаго пространства въ 4 кв. стадіи. Возобновленіе этого громаднаго зданія, затѣянное Александромъ Великимъ, не удалось: отъ замысла пришлось отказаться послѣ того, какъ два мѣсяца сряду 10,000 рабочихъ расчищали мусоръ на мѣстѣ развалинъ храма.

---

*) Она и подала поводъ Евреямъ къ созданію ихъ остроумной легенды о вавилонскомъ столпотвореніи.

Западные Семиты. Хананиты.

Если, дѣйствительно, цѣлью строителей этого храма было желаніе прославиться среди народовъ (какъ о томъ разсказывается въ еврейской исторіи), то цѣль эта была достигнута: древній халдейскій народъ прошелъ свой историческій путь не безслѣдно и не безславно. Гораздо большее значеніе въ исторіи пріобрѣли *Семиты Западные,* поселившіеся въ странѣ болѣе разнообразной по мѣстности и примыкающей къ Средиземному морю. Страну эту привыкли разумѣть подъ общимъ названіемъ *Сиріи.* Узкая долина, пролегающая отъ верховьевъ р. Оронта до береговъ Краснаго моря, раздѣляетъ сирійскую горную страну на двѣ части, изъ коихъ западная издревле слыветъ подъ названіемъ *Ханаана.* Почва этой страны не вездѣ одинакова: полосы весьма плодородныя чередуются здѣсь съ такими, которымъ справедливо придается характерное названіе «Мертваго моря». Такъ какъ страна отовсюду открыта и доступна каждому, то она, конечно, уже очень рано сдѣлалась естественною цѣлью для всякихъ переселенцевъ, притекавшихъ сюда съ востока и запада, а позднѣе—полемъ великихъ битвъ, на которомъ сталкивались сыны Юга и Востока. Здѣсь цари египетскіе сражались съ сирійскими племенами, о которыхъ подробно сообщаютъ намъ египетскія надписи. Хананеяне были многочисленны, вели жизнь осѣдлую и пользовались благами городской культуры. Наслѣдственные князья управляли небольшими областями: преобладающимъ по могуществу племенемъ были Хетиты, далеко распространившіе свои завоеванія и набѣги на сѣверъ и западъ; но въ половинѣ XIII в. до Р. Х. выдвигается на первый планъ другое племя, Аморіты. Это замѣщеніе одного племени другимъ оттѣснило часть побѣжденныхъ къ сѣверу, въ страну простиравшуюся между Ливаномъ и моремъ, извѣстную Грекамъ подъ названіемъ *Финикіи* (страны финиковой пальмы и пурпура), гдѣ около этого времени уже процвѣталъ цѣлый рядъ богатыхъ городовъ; въ другомъ мѣстѣ того же побережья, южнѣе, поселилось въ то же время племя Филистимлянъ, пришедшихъ съ запада, чуть-ли не съ о. Крита.

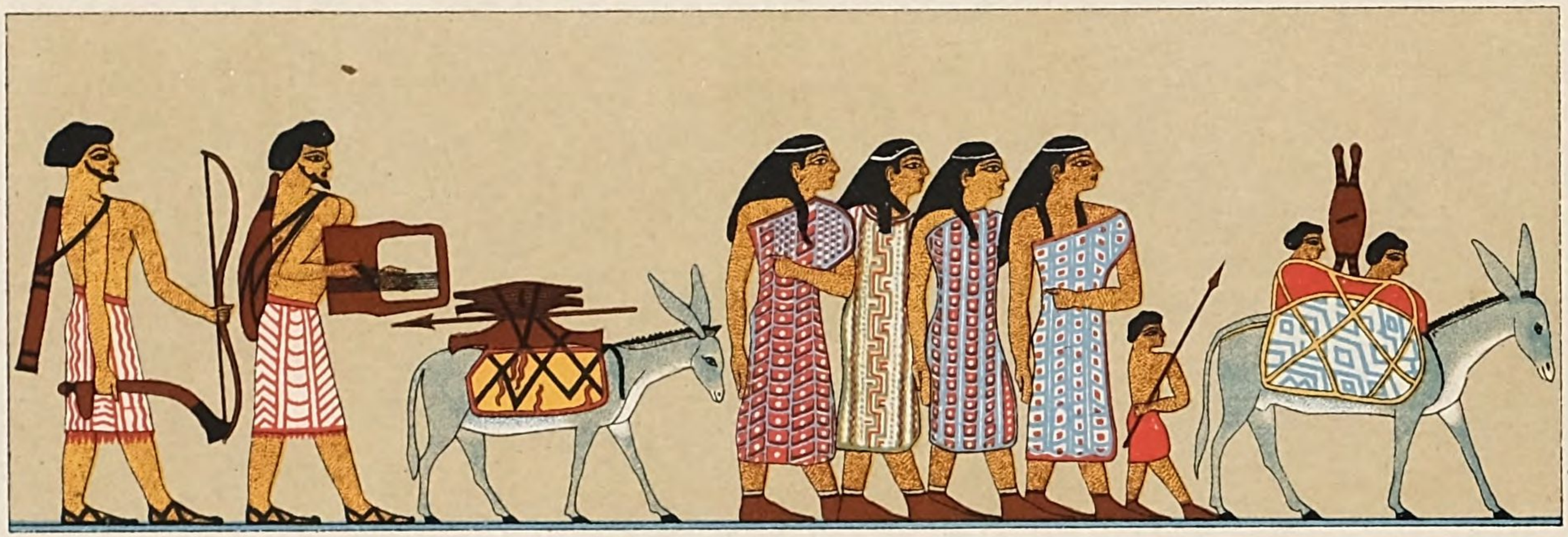
Финикіяне

Изъ этихъ племенъ и народовъ *Финикіяне* пріобрѣли наибольшее значеніе; имъ принадлежитъ честь пересажденія пріобрѣтеній культуры восточнаго міра—на Западъ. Въ плодоносной странѣ ихъ, съ одной стороны примыкавшей къ морю, а съ другой постепенно возвышавшейся къ лѣсистымъ вершинамъ Ливана, на протяженіи 20—25 миль береговой полосы, не богатой хорошими гаванями, явился цѣлый рядъ цвѣтущихъ городовъ, отъ *Зора* (или Тира) на югѣ, до *Арвада* (Арадосъ, по-гречески) на сѣверѣ; въ этомъ ряду городовъ *Сидонъ*, городъ рыбаковъ, былъ древнѣйшимъ. Въ 20 миляхъ отъ финикійскаго берега лежитъ островъ *Кипръ* — первая изъ множества прекрасныхъ гаваней на весьма удобномъ морскомъ пути, который пролегаетъ по Средиземному морю и какъ бы заманиваетъ корабль отъ острова къ острову, отъ берега къ берегу, до отдаленнѣйшаго Запада, до «столповъ Геркулесовыхъ» (этого естественнаго выхода изъ Средиземнаго моря въ необъятный океанъ) черезъ которые неоднократно проплывали финикійскіе корабли. Слѣды обширной торговой и колоніальной дѣятельности этого народа мы найдемъ всюду на Западѣ: у населеній, которыя Финикіяне встрѣчали на островахъ и

берегахъ Средиземнаго моря, они добывали за безцѣнокъ сырые продукты почвы, привозили домой для переработки, и потомъ уже, въ обработанномъ видѣ, развозили далѣе на югъ и востокъ. Такимъ образомъ на узкой полосѣ Финикіи вскорѣ скопились громадныя богатства; но, по существу своему, народъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде. Воззрѣнія на жизнь, особенности характера, религіозныя убѣжденія у Финикіянъ были тѣ же, что и у остальныхъ Семитовъ (особенно Хананеянъ), и если они чѣмъ-либо превосходили ихъ, то ужъ никакъ не высшими доблестями, а только матеріальнымъ благосостояніемъ, коммерческою изворотливостью и ловкостью, городскимъ изяществомъ и умѣлостью. Важнѣйшія основы богопочитанія у этихъ хананейскихъ племенъ тѣ же, что и у Вавилонянъ. Они поклонялись высшему мужскому богу *Ваалу* (Бель) и женскому божеству—*Баальтисъ, Билитъ, Милитъ*. Рыбы, голуби—существа отличающіяся большимъ плодородіемъ—были посвящены этимъ богамъ, которымъ жертвы приносились на горахъ, въ рощахъ и лѣсахъ. И Ваалъ, и Милита—божества творческой силы и плодородія; имъ противополагаются божества разрушающія—*Молохъ* и *Астарта:* первый былъ солнечнымъ богомъ и обычно изображался въ видѣ быка или съ бычачьей головою; Астарта—богиня луны и войны, изображалась съ рожками. Хотя въ общихъ основахъ религія Финикіянъ вполнѣ сходилась съ религіями Восточныхъ Семитовъ въ Вавилонской равнинѣ; однакоже культъ Западныхъ Семитовъ отличался необычайною нравственною распущенностью и жестокостью, и мало-по-малу сталъ выражаться въ самыхъ отвратительныхъ формахъ, возбудительно дѣйствовавшихъ на воображеніе и чувственность. Исключеніе въ этомъ смыслѣ, по своей бо̀льшей скромности, составлялъ культъ Тирійскаго бога *Мелькарта*, путеводителя мореплавателей на морѣ, постояннаго спутника ихъ на чужбинѣ.

Народъ Израильскій. Авраамъ.

Въ среду этихъ народовъ вступило племя чуждое и своеобразное, первоначально обитавшее въ низовьяхъ Евфрата область Уръ въ Халдеѣ, и затѣмъ переселившееся въ область Харанъ (къ востоку отъ средняго теченія Евфрата); когда часть этого племени, подъ предводительствомъ главы племени, Абрама или Абраама, двинувшись на З., вступила въ долину Іордана, Хананеяне дали имъ названіе *пришельцевъ* — *Изри* (Израильтянъ) или *Евреевъ*. Они принесли съ собою нѣчто совершенно новое: издревле существовавшее у нихъ почитаніе Единаго, Всемогущаго Бога. Сами себя они называли по имени одного изъ своихъ патріарховъ, *сынами Израилевыми*; въ древнѣйшихъ преданіяхъ своихъ, упоминая объ Арабахъ, Мидіанитянахъ, Эдомитянахъ, Моавитянахъ, Аммонитянахъ, а также Вавилонянахъ, Ассиріянахъ, — они называютъ ихъ родственными себѣ племенами. Племя Еврейское, въ то время, было еще весьма немногочисленно; въ 1591 г. до Р. Х. оно переселилось въ Египетъ, побуждаемое къ тому голодомъ, и здѣсь, несмотря на ненависть Египтянъ къ племенамъ пастушескимъ, получило разрѣшеніе поселиться въ странѣ Гозенъ. По библейскому разсказу, это произошло вслѣдствіе того, что одинъ изъ нихъ, за свой разумъ и заслуги, попалъ въ милость къ фараону; но, можетъ быть, это произошло и потому, что племя еврейское нимало не походило на родственныя ему пастушескія племена,



ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЕГИПЕТЪ. Образецъ древне-египетскаго красочнаго изображенія.

СЕМИТСКІЙ СТАРШИНА АБША, СО СВОИМИ СПУТНИКАМИ, ЖЕНЩИНАМИ И ДѢТЬМИ, ПОДНОСИТЪ ПОДАРКИ ПРАВИТЕЛЮ ПРОВИНЦІИ, ВЪ ГРОБНИЦѢ КОТОРАГО, ПРИ БЕНИ-ГАССАНѢ, И СОХРАНИЛСЯ ЭТОТЪ РИСУНОКЪ. По Лепсіусу.

Менефта I, фараонъ временъ исхода Израильтянъ изъ Египта.

на старыхъ враговъ Египта. Въ Египтѣ имъ было хорошо; положеніе ихъ измѣнилось вслѣдствіе причинъ, которыя въ данное время невозможно выяснить. Царь Рамзесъ II, предпринявъ постройку городовъ Питома и Рамзеса, обратилъ ихъ въ рабство и обязалъ опредѣленною тяжкою работою; повидимому, быстрое возрастаніе этого племени внушало къ нему нѣкоторое опасеніе. Тогда явилось у Евреевъ желаніе избавиться отъ гнета Египтянъ; нашелся и рѣшительный, мощный духомъ вождь: *Моисей*.

Моисей.

Моисей, человѣкъ, посвященный во всѣ тонкости высокоразвитой египетской культурной жизни, все же оставался сыномъ своего народа, и былъ первымъ, провидѣвшимъ его будущее великое назначеніе. Онъ завязалъ сношенія съ Мидіанитянами, что было важнымъ ручательствомъ за успѣхъ его смѣлаго предпріятія. Воспользовавшись междуцарствіемъ въ Египтѣ, Евреи двинулись изъ предѣловъ его, изъ области Мизраимъ, въ которой они жили. Это случилось, какъ полагаютъ, въ 1320 г. до Р. Х., послѣ 230-ти-лѣтняго пребыванія въ Египтѣ; они намѣревались вновь овладѣть тою страною, которою, по живымъ еще между ними преданіямъ, нѣкогда владѣлъ ихъ праотецъ Авраамъ. Отъ преслѣдованія Египтянъ Евреи ушли благополучно; но цѣли странствованія своего они достигли не скоро. Долго пришлось имъ, кочуя, бродить по Синайскому полуострову. Они одолѣли тамъ господствовавшее племя Амалекитянъ, и у подножія громадной горы Синая,—среди грома и молніи,—ихъ вождь возвѣстилъ имъ законъ, по которому они должны были устроить свою дальнѣйшую жизнь, и который, конечно, дошелъ до насъ со многими позднѣйшими дополненіями. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они развили свои религіозныя воззрѣнія въ сильнѣйшей степени противопоставивъ ихъ всему, что они видѣли кругомъ себя въ Египтѣ. Ревностно заботились они объ охраненіи своей старины; ихъ Богъ, Богъ отцовъ ихъ, выведшій ихъ изъ страны Мизраимъ, во время ихъ долгихъ и трудныхъ странствованій по пустынѣ, пріобрѣлъ еще болѣе значенія для на-

рода, который, постепенно, раздѣлился на колѣна, назвавшіяся именами 12 сыновей одного изъ ихъ праотцевъ, Іакова. Не сразу, однакоже, удалось имъ достигнуть цѣли ихъ странствованій: имъ пришлось при движеніи туда обойти область враждебно противъ нихъ настроенныхъ Эдомитовъ, одолѣть Аморитовъ — и только уже затѣмъ осѣсть по равнинѣ, на востокъ отъ Іордана.

Завоеваніе Ханаана.

Ихъ великій вождь, Моисей, видѣлъ «обѣтованную землю» только издали, въ вершины горы Писгона. Онъ умеръ, не вступивъ въ нее— по преданію, въ наказаніе за то, что онъ однажды усомнился, однажды дерзнулъ возроптать противъ Іеговы:—кому свыше дано столь великое назначеніе, тотъ не долженъ впадать въ сомнѣнія, хотя бы и *однажды*. Осѣвши на мѣстѣ, они выказали себя мужественными воинами; нѣкоторая часть колѣнъ Рувима, Гада и половина колѣна Манассіи поселилась въ странѣ, на В. отъ Іордана; другія же перешли за Іорданъ, взяли городъ Іерихонъ, одержали значительную побѣду надъ Аморитянами, при Гибеонѣ. Часть ханаанскаго населенія подчинилась Евреямъ, и вступила съ ними въ договоръ; другая, покорившаяся безусловно, была безжалостно истреблена. Такимъ образомъ, мало-по-малу, была завоевана и занята Евреями область въ 400 кв. миль; національная святыня ихъ, ковчегъ Іеговы и скинія Завѣта — остановились на половинѣ пути между моремъ и среднимъ теченіемъ Іордана, въ долинѣ Силоамской. Колѣно Ефремово достигло даже и морского прибрежья, но берега въ этомъ мѣстѣ не представляли удобныхъ гаваней, и потому мореплаванье не получило никакого значенія въ жизни этого народа, который и навсегда остался народомъ исключительно сухопутнымъ.

Положеніе страны по смерти Іисуса Навина. Времена судей.

Въ западной части страны, занятой Евреями, преобладало земледѣліе и винодѣліе; въ восточной,— скотоводство. Центръ тяготѣнія ихъ жизни находился главнымъ образомъ въ западной части страны, гдѣ на Евреевъ должна была въ значительной степени вліять сильно-развитая культура Финикіянъ. Но въ народѣ не было тѣсной связи,—чувствовался недостатокъ въ руководителѣ; окруженный враждебными племенами, во многихъ мѣстахъ подвергнувшійся сліянію съ чуждыми элементами, народъ сталъ клониться къ анархіи. Лишь изрѣдка тяжкія общественныя бѣдствія или нападеніе внѣшняго врага побуждали къ тому, что выискивался въ средѣ его сильный, энергичный вождь,—«*судія*» въ родѣ *Гидеона* или прославленнаго преданіями *Самсона*; — около него собиралась большая или меньшая часть народа. Врага изгоняли, иногда наносили ему даже пораженіе—но тѣмъ дѣло и оканчивалось; вождь терялъ затѣмъ всякое значеніе и жизнь вступала опять въ свои права... Хуже всего было то, что мало-по-малу стало слабѣть среди Евреевъ сильнѣйшее связующее начало:— религія. Въ разныхъ мѣстахъ ихъ земли воздвиглись алтари языческихъ боговъ, общихъ всѣмъ хананейскимъ племенамъ; рядомъ съ поклоненіемъ Іеговѣ, Богу отцовъ, явилось поклоненіе и Ваалу, и Астартѣ. Около Сихема образовался даже цѣлый союзъ городовъ, воздвигнувшій Ваалу всенародное святилище. Среди общаго разлада и усобицъ, являлись, правда, одинъ за другимъ, то судьи, то пророки, которымъ удавалось побѣдить внѣшнихъ враговъ и образумить толпу; но положеніе народа

все же становилось хуже и хуже, внѣшніе враги, пользуясь раздорами отдѣльныхъ колѣнъ, одолѣвали Евреевъ все болѣе и болѣе, и около 1070 г. до Р. Х. случилось однажды, что даже священный кивотъ Завѣта попалъ въ руки Филистимлянъ, которые нанесли Евреямъ страшное пораженіе и такъ обезоружили ихъ, что нечѣмъ было оковать даже и соху для пашни.

Цари. Саулъ 1055 г.

При этихъ тягостныхъ условіяхъ народной жизни, въ массѣ постепенно выработалось сознаніе необходимости сильной, единой царской власти. Вскорѣ нашелся и человѣкъ, достойный избранія въ цари: *Саулъ*, сынъ Киса, изъ колѣна Веніаминова. Этотъ храбрый, мужественный, представительный человѣкъ принялъ на себя тяжелую и отвѣтственную обязанность; сначала, поощряемый къ тому пророкомъ Самуиломъ, онъ несъ ее твердо и смѣло; собравъ около себя значительную часть народа, одержалъ побѣду надъ Филистимлянами, отбилъ у нихъ кивотъ Завѣта. Затѣмъ, вспомоществуемый своими храбрыми сыновьями, онъ разбилъ и Амалекитянъ, но вскорѣ неполадилъ съ Самуиломъ, который не хотѣлъ допустить, чтобы царская власть могла быть наслѣдственной. Это несогласіе поощрило честолюбивые планы высокоталантливаго юноши изъ колѣна Іудина: то былъ *Давидъ*, сынъ Іесея, сначала пользовавшійся милостями Саула и даже женившійся на его дочери. Тайно поощряемый къ тому Самуиломъ, Давидъ составилъ себѣ партію; затѣмъ нѣкоторые города Іудина колѣна приняли его сторону, и около него собралось небольшое войско; однакоже борьба съ Сауломъ была еще ему не по силамъ — онъ вынужденъ былъ бѣжать къ Филистимлянамъ. При ихъ помощи побѣдилъ онъ Саула, который палъ въ битвѣ со своими тремя сыновьями. Долго еще пришлось послѣ того Давиду бороться съ сыновьями и приверженцами Саула, хитрить передъ Филистимлянами и возстановлять истощенное свое царство. Но наконецъ всѣ эти препятствія были устранены, даже и старшія колѣна Еврейскаго народа подчинились власти Давида, и весь народъ, собравшись въ Хевронѣ, избралъ его въ цари (1025 до Р. Х.).

Давидъ — царь (1025). Завоеванія.

Такъ достигъ онъ высшей цѣли своихъ стремленій и выказалъ себя вполнѣ достойнымъ своего высокаго назначенія. И современники его, и потомство, дивясь его величію и необычайнымъ способностямъ, какія онъ проявилъ, великодушно простили ему все то дурное, что было имъ сдѣлано въ жизни: за то, что онъ, истый представитель своего народа, съумѣлъ въ короткое время поднять его на верхъ славы и могущества, и тѣмъ самымъ довелъ народъ до сознанія его высокаго призванія. Царь Давидъ избралъ для своего новаго царства и новую резиденцію—крѣпкій городъ *Іерусалимъ*, въ колѣнѣ Веніаминовомъ, близъ границы колѣна Іудина. Отсюда пришлось ему вести упорную борьбу съ Филистимлянами, которые никакъ не могли примириться съ мыслью, что они сами создали себѣ такого мощнаго противника; но Давидъ разбилъ ихъ и «сломилъ рогъ ихъ могущества». Точно такъ же разбилъ онъ и совершенно уничтожилъ племя *Амалекитянъ*; затѣмъ побѣдилъ *Моавитянъ* и *Амонитянъ*, и другихъ ближайшихъ сосѣдей. Съ побѣжденными поступалъ онъ съ чисто-семитическою жестокостью: ихъ давили желѣзными колесницами, жгли

въ громадныхъ кирпичныхъ печахъ, рубили топорами и раздирали зубьями пилъ. Недаромъ, воспѣвая его подвиги, народъ восклицалъ въ восторгѣ: «Саулъ побилъ тысячи, а Давидъ—тьмы».

Внутреннее устройство царства.

Вскорѣ владѣнія царя Давида распространились отъ береговъ Краснаго моря до важнаго города Дамаска, стоявшаго на пересѣченіи торговыхъ путей съ востока на западъ и съ юга на сѣверъ. Всю военную добычу свою царь обращалъ на постройку и украшеніе своего столичнаго города, а посрединѣ его, на горѣ Сіонѣ, воздвигъ сильныя укрѣпленія. Его царскій дворецъ построенъ былъ рабочими, присланными къ нему отъ тирскаго царя Хирама, съ которымъ онъ состоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Съ замѣчательной энергіей, постоянно прибѣгая то къ хитрости, то къ силѣ, по обычаю всѣхъ восточныхъ владыкъ, Давидъ принялся создавать прочное государство среди своего разрозненнаго народа, издавна склоннаго къ демократизму. Давидъ настойчиво и осторожно стремился къ своей цѣли, съумѣлъ собрать значительную государственную казну, создалъ себѣ надежную воинскую силу, въ составъ которой вступили тѣ смѣльчаки, которые нѣкогда вели съ нимъ скитальческую жизнь, полную тревогъ и опасностей; они получили названіе «*мужей сильныхъ*» (гибборимъ)—и было ихъ около 600 человѣкъ, кромѣ ихъ слугъ и оруженосцевъ. Личную стражу царя составляли иноземные тѣлохранители, нанятые на о. Критѣ или въ землѣ Филистимлянъ. Къ этой сплоченной воинской силѣ, въ случаѣ нужды, примыкало, по древнему обычаю, всенародное ополченіе, котораго набиралось около 300.000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе *).

Іерусалимъ — столица.

Подъ вліяніемъ различныхъ мѣропріятій Давида, въ народной жизни Израильскаго народа многое измѣнилось. Высшимъ почетомъ пользовались тѣ, кто служилъ при царскомъ дворѣ; чиновники, назначаемые на мѣста самимъ царемъ, стали постепенно замѣнять выборныя власти въ средѣ народа. Не упустилъ царь изъ вида и наиболѣе могущественное средство къ единенію своего народа: древнее святилище—скинія съ кивотомъ Завѣта — было перенесено въ новую столицу и поставлено въ полной безопасности на Сіонѣ. При святилищѣ были приставлены священнослужители для постоянной службы, и всему сословію ихъ была придана прочная организація. Среди этого-то сословія, признательно относившагося къ памяти царя-организатора, сохранилось о Давидѣ воспоминаніе, какъ о религіозномъ героѣ и творцѣ величавой религіозной лирики—какъ о «псалмопѣвцѣ».

Возстанія.

Но царство Израильское не избѣгло и обычныхъ явленій народной жизни всѣхъ восточныхъ государствъ. Гаремъ и многоженство, обычные при дворѣ израильскаго царя, какъ и при всѣхъ восточныхъ дворахъ, внесли и въ него характерныя черты восточнаго быта. Одинъ изъ сыновей Давида, Авессаломъ, кровью отмстивъ за честь сестры своей старшему сыну Давида (отъ другой матери), самъ сдѣлался законнымъ наслѣдникомъ престола. Но отецъ, на его взглядъ, слишкомъ ужъ долго

---

*) Судя по этому, можно предполагать, что все количество Еврейскаго народа равнялось приблизительно 2.000.000 челов.

зажился, и Авессаломъ, воспользовавшись недовольствомъ, которое возбуждало его правленіе, затѣялъ противъ него возстаніе. Старѣющій царь Давидъ былъ застигнутъ этимъ возстаніемъ врасплохъ, и долженъ былъ бѣжать за Іорданъ. Медлительность возмутившагося сына доставила ему возможность собраться съ силами и одолѣть врага. Полководецъ царя Давида, Іоавъ, разбилъ Авессалома на голову и, преслѣдуя его по пятамъ, убилъ во время бѣгства. Тотъ же полководецъ помогъ Давиду усмирить и еще одно возстаніе и принесъ къ его ногамъ голову главнаго зачинщика смуты. Несмотря на всѣ эти удачи, и послѣдніе годы жизни Давида протекли не спокойно. Онъ былъ еще живъ, а кругомъ его придворныя партіи уже тягались за наслѣдованіе его престола: *Соломонъ*, сынъ наложницы Давида Батзэбы, и другой сынъ его *Адонія* готовы были вступить въ споръ изъ-за наслѣдства. Около этихъ двоихъ претендентовъ сгруппировались всѣ важнѣйшіе сановники, полководцы, первосвященники и, между тѣмъ какъ Давидъ лежалъ на смертномъ одрѣ,—обѣ стороны уже готовились къ рѣшенію спора мечомъ. Партія Соломона оказалась болѣе подготовленною къ этому, и Соломонъ, достойный престола своего отца, вступилъ на престолъ. Адонія и глава его партіи, Іоавъ, полководецъ Давида, были умерщвлены у подножія алтаря Іеговы, гдѣ они искали себѣ спасенія (993 г. до Р. Х.).

Соломонъ — царь (993). Мирная политика.

Бурная жизнь и долгое правленіе такого величаваго правителя какъ Давидъ, глубоко впечатлѣлись въ памяти народа на вѣчныя времена. Соломону удалось удержать за собою то, что было отцомъ его пріобрѣтено. Онъ подавилъ мятежные замыслы народовъ-данниковъ и съ одной стороны даже расширилъ границы Давидова царства: на В. отъ Дамаска онъ завоевалъ оазисъ Тадморъ, черезъ который шелъ одинъ изъ торговыхъ путей къ Евфрату. Въ правленіи онъ шелъ по слѣдамъ отца своего, дополнилъ и усилилъ укрѣпленія Іерусалима, увеличилъ войско, возвысилъ доходъ отъ налоговъ до 660 киккаръ золота и обезпечилъ себѣ еще другія вспомогательныя средства при посредствѣ дружбы съ однимъ изъ союзниковъ отца своего, царемъ Хирамомъ Тирскимъ. Съ нимъ вмѣстѣ снаряжалъ онъ въ Красномъ морѣ флотъ въ торговую экспедицію, отправляемую въ отдаленный Офиръ (въ южной Аравіи или близъ устья Инда) и сулившую большія выгоды. При Соломонѣ древне-израелитская жизнь стала быстро видоизмѣняться; прежняя простота и дешевизна уступили мѣсто роскоши и дороговизнѣ возникающаго торговаго и промышленнаго государства; власть царская усилилась чрезвычайно, и страна оказалась уже раздѣленною не на 12 колѣнъ, а на 12 округовъ, управляемыхъ царскими чиновниками. Народъ оплачивалъ высокими пошлинами царскую роскошь и блескъ двора, при которомъ видимъ и обычное украшеніе всѣхъ восточныхъ дворовъ — великолѣпный гаремъ. Жемчужиной Соломонова гарема была дочь правившаго тогда въ Египтѣ фараона, Псузеннеса II, послѣдняго царя изъ 21-й династіи. Уже эта родственная связь указываетъ на то, какъ успѣла возрасти въ значеніи власть Израильскаго царя, которая при Саулѣ проявлялась въ такихъ простыхъ формахъ.

Постройка храма.

Соломонъ продолжалъ политику своего отца и въ смыслѣ религіозномъ, и основную мысль ея развилъ до крайнихъ выводовъ. Уже Давиду при-

ходила въ голову мысль о постройкѣ храма Іеговы въ Іерусалимѣ. Но онъ встрѣтилъ препятствія въ исполненіи этой мысли. Соломонъ смѣло взялся за это дѣло и, при помощи финикійскихъ рабочихъ и зодчихъ, въ теченіе $7^1/_2$ лѣтъ закончилъ зданіе храма, предназначеннаго къ тому, чтобы еще сильнѣе привязать жизнь народную, въ религіозномъ смыслѣ, къ главному господствующему центру. Храмъ этотъ дѣйствительно до такой степени поразилъ современниковъ Соломона своимъ великолѣпіемъ, что даже идеальное представленіе о немъ и въ болѣе позднія эпохи служило для Евреевъ высшимъ символомъ національнаго единства.

Упорядоченіе культа.

Съ постройкою храма была связана религіозная реформа, которая выдѣлила священство изъ среды общества и внутренно его видоизмѣнила. Въ связи съ древними преданіями еврейскаго народа, со времени построенія храма одному изъ колѣнъ израильскихъ, Левіину, стали приписывать особенную святость и возложили на него особую миссію служенія въ храмѣ. Каждый левитъ посвящалъ себя этому служенію съ 28-ми-лѣтняго возраста. Только не имѣющій никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ могъ быть посвященъ въ это служеніе и съ того времени уже надѣвалъ особую одежду изъ бѣлаго виссона, съ трехцвѣтною перевязью. Во главѣ этого священства со всѣми его степенями стоялъ *первосвященникъ*, приносившій жертвы за весь народъ на жертвенникѣ въ одномъ изъ дворовъ храма. Сану первосвященника была присвоена и особая одежда изъ голубого виссона, съ кистями и бубенчиками, бѣлый, наброшенный на плечи, плащъ (эфодъ), повязка на лбу и сума, украшенная 12 драгоцѣнными камнями; въ той сумѣ лежали жребіи, по которымъ первосвященникъ узналъ волю Іеговы. Онъ одинъ, и никто другой, однажды въ годъ, въ великій праздникъ очищенія, имѣлъ право вступать внутрь храма, въ «святая святыхъ», гдѣ стоялъ ковчегъ Завѣта и не было никакого другого образа, ни подобія Божества. Колѣно Левіино не имѣло особой земельной собственности; левиты получали свое содержаніе изъ десятины и строго-опредѣленной части отъ жертвъ, приносимыхъ въ храмъ. Весь культъ, въ эту эпоху, послѣдовавшую за построеніемъ храма, получилъ болѣе роскошную обстановку и вообще больше опредѣленности; то, что прежде было только обычаемъ—теперь вылилось въ торжественныя и ненарушимыя формы обряда. Любопытно, что именно съ этой поры странный обычай обрѣзанія—обратился въ обрядъ, который совершался надъ всѣми безусловно, какъ-бы для того, чтобы наложить на іудеевъ печать, отличающую ихъ отъ другихъ народовъ, хотя тотъ же обычай видимъ и у многихъ дикихъ племенъ. Строго отдѣлилось іудейство отъ всякихъ иныхъ культовъ и даже брачные союзы съ иными племенами были отнынѣ воспрещены: только царь разрѣшалъ себѣ подобные союзы, и Соломонъ допустилъ этимъ путемъ поклоненіе чуждымъ богамъ въ самомъ Іерусалимѣ; онъ возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе тѣмъ, что самъ воздвигъ здѣсь жертвенники богамъ Аммону, Моабу, Молоху и Камосу. Около того же времени, и древнія народныя празднества, совпадавшія съ наступленіемъ весны, жатвою и проводами лѣта—пріурочены были къ событіямъ историческимъ. Послѣдній изъ вышепомянутыхъ—*праздникъ кущей*, долженъ былъ сохранять воспоминаніе о временахъ странствованія въ пустынѣ, когда

весь народъ Божій жилъ въ шатрахъ; а *Пасха*—напоминать о томъ моментѣ передъ исходомъ изъ Египта, когда Іегова, за противленіе Фараона, истребилъ всѣхъ первенцевъ у Египтянъ, а *свой* народъ пощадилъ. Іеговѣ посвященъ былъ одинъ день въ недѣлю, который назвали *Саббатъ* (т. е. покой, отдохновеніе) и стали праздновать полнымъ воздержаніемъ отъ всякой работы—обычай, съ которымъ никакъ не могли свыкнуться другіе сосѣдніе народы. Самое понятіе о служеніи Іеговѣ пріобрѣло теперь весьма опредѣленное и строгое значеніе. Служеніе это непрерывно производилось въ храмѣ, гдѣ пылали неугасимые жертвенные огни, а священнослужители непрерывно орошали алтари кровью закалаемыхъ жертвъ, ибо всѣ жертвы (а онѣ могли состоять только изъ домашнихъ животныхъ) должны были отнынѣ совершаться въ Іерусалимѣ, передъ храмомъ, во дворахъ народнаго святилища, которое такимъ образомъ пріобрѣло значеніе небывалое ни въ какія времена, ни у какого иного народа.

Религіозныя вѣрованія.

Собственно-владыкою всей земли почитался Іегова, и отношеніе къ нему народа было облечено въ понятіе союза (завѣта) съ божествомъ. Религіозная реформа, исходившая отъ священства и имъ же проведенная въ жизнь, весьма естественно выразилась въ цѣломъ рядѣ правилъ, относительно соблюденія нравственной и физической чистоты, относительно дѣйствій, которыми человѣкъ эту чистоту могъ нарушить и вновь возвратить себѣ *). Нельзя однакоже сказать, чтобы эти правила имѣли значеніе только внѣшнимъ образомъ соблюдаемыхъ формальностей:—еврейскій народъ былъ глубоко проникнутъ жаромъ религіознаго чувства; притомъ же вся эта сложная кодификація была не даромъ освящена именемъ величайшаго изъ дѣятелей израильской исторіи—Моисея. Законъ, приписываемый Моисею, вообще довольно гуманный, выказываетъ заботливость о поденщикахъ, о бѣдныхъ, о рабахъ: «не забывай», — говорится въ немъ — «что и ты тоже былъ рабомъ въ Египтѣ»; и къ чужеземцамъ этотъ законъ предлагаетъ относиться внимательно и справедливо... Одна только женщина, по этому закону, не получила никакихъ правъ. Ея положеніе у Евреевъ было не лучше, чѣмъ у другихъ восточныхъ народовъ: многоженство было допущено, обратилось въ обычай и сопровождалось своими обычными послѣдствіями. Права были даны только мужчинѣ; а женщина обязывалась только быть ему неколебимо-вѣрной, не требуя и не ожидая вѣрности отъ мужчины. Мужчина — одинъ глава дома; по смерти его, всѣ права переходятъ къ его сыну-первенцу.

Распаденіе царства (953).

Эта религіозная реформа, подчинившая всю жизнь народа простѣйшей и вмѣстѣ поразительной идеѣ «вѣчнаго завѣта съ Богомъ отцовъ» и въ то же время сосредоточившая все религіозное мышленіе и чувствованія народа въ стремленіи къ одной общей святынѣ — пережила ту шаткую царскую власть, которая вызвала къ жизни эту реформу.

Уже со смертью Соломона (953 до Р. Х.) царство распалось на двѣ неравныя части, которыя уже никогда болѣе не возсоединялись. Правле-

---

*) Съ этой точки зрѣнія даже весь міръ животныхъ былъ раздѣленъ на *чистыхъ* и *нечистыхъ*.

ніе Соломона было мирное и во многихъ отношеніяхъ благодѣтельное; слава всеобъемлющей мудрости, приписываемая Соломону не только еврейскими, но и всѣми восточными преданіями,— конечно, не даромъ выпала на долю этого замѣчательнаго государя. Измѣненія, внесенныя царскою властью въ народную жизнь, были полезны и разумны. Благодаря ей, создался порядокъ внутренній, оживилась промышленная дѣятельность, и даже деспотизмъ одного правителя, какъ бы онъ ни былъ тягостенъ по временамъ, былъ все-таки гораздо болѣе сносенъ, чѣмъ предшествовавшая ему неурядица и произволъ многихъ мелкихъ, мѣстныхъ тирановъ. Но въ еврейскомъ народѣ, какъ мы уже упомянули выше, никогда не смолкали исконныя демократическія стремленія, направленныя противъ новой царской власти. Къ этому примѣшивалась, отчасти, и зависть нѣкогда сильнѣйшаго изъ колѣнъ, *Эфраимова*, къ преобладавшему при царяхъ колѣну *Іудину*.

Царства Израильское и Іудейское.

Все это привело къ тому, что уже и ближайшій наслѣдникъ Соломона, сынъ его *Ровоамъ* (Рехабеамъ), уже не могъ удержать царства въ рукахъ своихъ; народъ, испытавшій на себѣ власть царей, находилъ ее слишкомъ тягостной, и попытался ее ограничить. Часть народа осталась вѣрною Ровоаму, другая избрала себѣ въ цари *Іеровоама*, изъ колѣна Ефраимова, и такъ одно царство распалось на два — *Іудейское* и *Израильское*, въ составъ котораго вошло большинство колѣнъ.

Это гибельное для еврейскаго народа событіе произошло какъ разъ въ то время, когда въ долинѣ Тигра и Евфрата долгая борьба между государствами Ассиріей и Вавилоніей начала клониться въ пользу Ассиріи, которая быстро стала переходить отъ одного успѣха къ другому.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія Передней Азіи, отъ распаденія царства Израильскаго до смерти Небукаднесара.

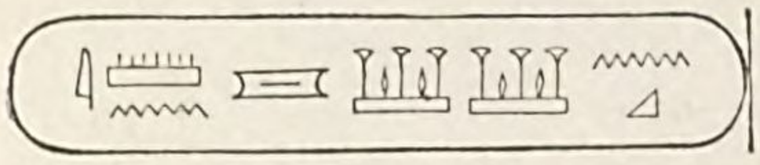
(953—561 до Р. Х.).

Событія въ Египтѣ.

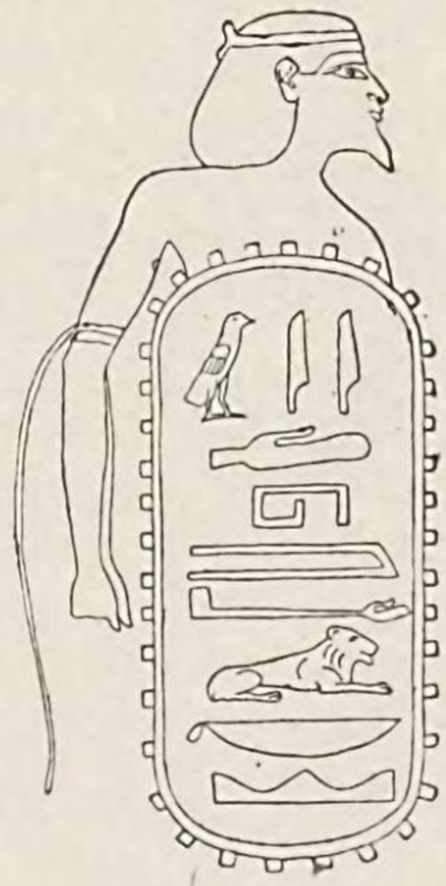
Въ то время, когда Давидъ и Соломонъ пытались создать прочное государство въ средѣ Израильскаго народа, въ Египтѣ происходили слѣдующія событія. Ѳивы утратили свое значеніе и возвысилась новая династія, 21-я, въ Нижнемъ Египтѣ, въ области дельты Нила. Первымъ представителемъ новой династіи былъ Сеамонъ (или Смендесъ), первый жрецъ Амуна Ѳивскаго. Дочь одного изъ этихъ царей, какъ мы видѣли выше, была одной изъ первыхъ женъ въ гаремѣ Соломона; съ другой стороны и въ Египтѣ этого времени ощущается сильное семитическое вліяніе, отразившееся даже и на самомъ языкѣ египетскомъ внесеніемъ массы чуждыхъ семитическихъ словъ. Первый царь новой династіи, 22-й,

Зизакъ или Жешонкъ I (961 г.), соединилъ подъ властью своей весь Египетъ, воспользовался событіями, послѣдовавшими за смертью Соломона, чтобы продвинуть свои владѣнія въ сторону Сиріи. Въ 949 г. до Р. Х. онъ устремился съ большимъ войскомъ на южную часть Іудейскаго царства, сталъ брать городъ за городомъ (названія этихъ городовъ и теперь еще можно прочесть на внѣшней сторонѣ Карнакскаго храма), и ограбилъ самый Іерусалимъ. Опасность, грозившая со стороны Египта, не способствовала однакоже сближенію разрозненныхъ частей еврейскаго народа. Даже и попытки къ тому не было сдѣлано. Вскорѣ дѣло дошло даже до войны между Іудейскимъ и Израильскимъ царствами, и разрывъ между ними оказался окончательнымъ, съ тѣхъ поръ какъ царь *Омри*, 4-й или 5-й послѣ Іеровоама (899—875 до Р. Х.) избралъ столицею для своего царства удобно расположенный *Жоморомъ* (или *Самаріею*). Даже и религія, повидимому, служившая могучимъ средствомъ единенія для народа, послужила лишь къ тому, чтобы обострить отношенія между обоими царствами. Въ этомъ отношеніи всѣ преимущества были на сторонѣ Іудейскаго царства; главный городъ Іерусалимъ и находившееся въ немъ святилище Іеговы сильно привлекали къ себѣ всѣ умы и придавали болѣе прочности маленькому Іудейскому царству. Уже Іеровоамъ старался бороться противъ этого влеченія, и съ этою цѣлью воздвигъ въ древнихъ мѣстахъ поклоненія (Данѣ и Веѳилѣ) изображенія быковъ, посвященныхъ Іеговѣ. Онъ не посмѣлъ отмѣнить культъ Іеговы, но все же постарался сблизить его съ обычнымъ у хананейскихъ народовъ служеніемъ Ваалу и думалъ этимъ угодить народу. Отчасти онъ и достигъ цѣли въ массѣ народа, но за то вызвалъ со стороны лучшихъ людей вражду и сильнѣйшій отпоръ: они вооружились противъ него въ защиту истины. Дѣло въ томъ, что въ эту пору религіозныя вѣрованія широко распространились въ средѣ еврейскаго народа и пріобрѣли значеніе весьма важной силы. Вѣрованіе въ *Единаго* Бога стало болѣе глубокимъ и болѣе яснымъ; представленіе Евреевъ о себѣ, какъ о народѣ, избранномъ свыше, какъ о народѣ, который великимъ, несравненнымъ, вѣчнымъ Богомъ почитается ближайшимъ къ нему, *своимъ*,—это представленіе воплотилось для всѣхъ Евреевъ въ непреложную истину. И чѣмъ мрачнѣе, чѣмъ безотрад-

Царь Зизакъ, По Шамполіону.



Имя царя Зизака (Жешонкъ). Съ Карнакскаго храма.



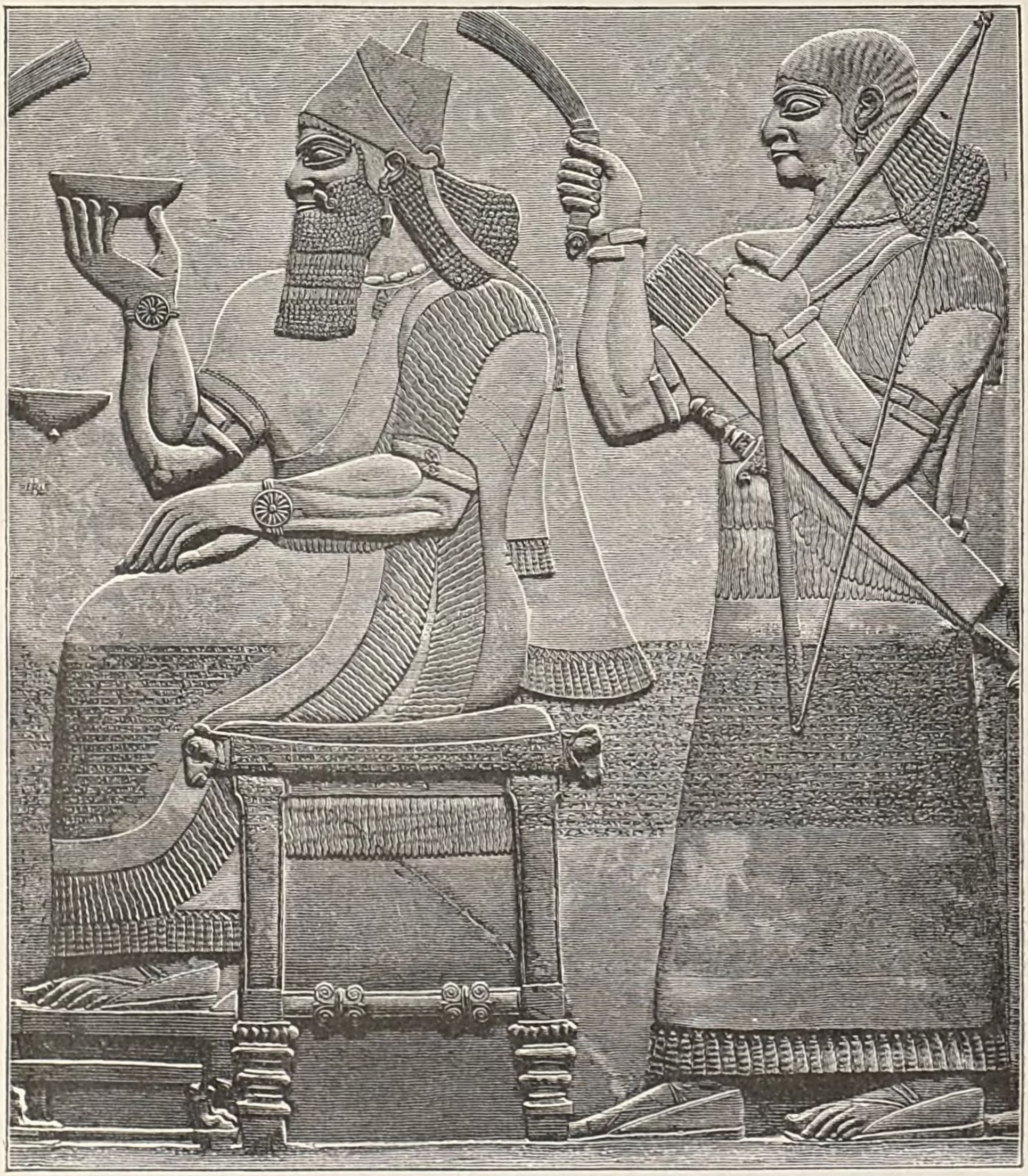
Іуда Малекъ (царственный Іуда). Изъ списка завоеванныхъ Зизакомъ городовъ. Съ Карнакскаго храма.

нѣе являлась дѣйствительность, чѣмъ грознѣе отовсюду надвигались опасности, тѣмъ болѣе перерождалось это вѣрованіе въ возвышенный идеализмъ, котораго не могли сломить ни тираннія правителей, ни пораженія, претерпѣваемыя отъ враговъ; мало того: конечная гибель самаго царства Іудейскаго, самое разрушеніе священнаго города и храма, — только способствовали укрѣпленію этого идеализма, только еще болѣе возвысили его и расширили его стремленія. Этотъ идеализмъ вызвалъ къ жизни одно изъ возвышеннѣйшихъ явленій древняго міра — явленіе *пророковъ* и созданной ими литературы, которая и теперь, какъ 3000 лѣтъ тому назадъ, дѣйствуетъ на воображеніе тѣмъ духомъ неколебимой увѣренности среди несчастій и бѣдствій, который одушевлялъ пророческую литературу. Первымъ среди этихъ могучихъ дѣятелей народа еврейскаго былъ *Илія*, смѣло вооружившійся противъ служенія Ваалу и его жрецовъ; воспользовавшись страшнымъ голодомъ, онъ вынудилъ царя Ахава, сына Омри, поступить по желанію сильно взволнованнаго народа и возстановить служеніе Іеговѣ въ Израильскомъ царствѣ... При крикахъ толпы: «Іегова есть Богъ, Іегова есть Богъ!» — нѣсколько жрецовъ Ваала были умерщвлены народомъ при ручьѣ Киссонѣ. При томъ же царѣ Ахавѣ все болѣе и болѣе надвигавшаяся съ востока опасность привела къ заключенію союза между царями обоихъ царствъ — Іудейскаго и Израильскаго — и царемъ Тирскимъ. Союзъ былъ скрѣпленъ брачными узами между семьями этихъ царей (853 г. до Р. Х.).

Царство Ассирійское.

Дѣйствительно, опасность, грозившая со стороны Ассиріи съ тѣхъ поръ, какъ она одолѣла Вавилонію, стала въ это время очень явною и близкою. Долгое время эти оба царства существовали рядомъ. Нѣсколько династій слѣдовали одна за другою въ древне-вавилонскомъ царствѣ, — и отъ нихъ дошли до насъ только имена, съ которыми мы не можемъ связать никакого живого представленія. Независимо отъ нихъ, въ верховьяхъ рѣкъ Тигра и Евфрата образовалось царство *Ассуръ*, въ XIII вѣкѣ до Р. Х., въ лицѣ своего славнаго царя-завоевателя Тиглатъ-Пилезара (около 1125) добившееся уже преобладанія надъ Вавилоніей, которое повело однакоже къ долгимъ упорнымъ войнамъ, и во время ихъ счастье клонилось то на ту, то на другую сторону. Въ этомъ царствѣ Ассуръ столицею явился г. *Ниневія*, на лѣвомъ берегу средняго теченія Тигра, и здѣсь, съ царя *Ассурназирпала* (883—858), возвеличившаго Ассирію, начался новый рядъ сильныхъ и воинственныхъ царей. Самъ Ассурназирпалъ уже распространилъ свои владѣнія на западъ до моря; о его преемникѣ *Салманассарѣ II* (858—823) мы узнаемъ изъ надписей, что онъ сражался противъ цѣлой коалиціи изъ 12 князей сирійскихъ и всѣхъ ихъ побѣдилъ. Въ этой коалиціи, какъ оказывается, между прочимъ, участвовало 260 военныхъ колесницъ и 10000 воиновъ царя Ахава, который вскорѣ послѣ того погибъ въ походѣ противъ Дамаска. При сынѣ его, Іорамѣ, возбудилась сильнѣйшая реакція въ пользу древняго богопочитанія. Іегу, возставшій противъ Іорама и поддерживаемый учеником Иліи, пророкомъ Елисеемъ, умертвилъ и Іорама, и его мать Іезавель, а затѣмъ подослалъ убійцъ и къ союзнику Іорама, царю Іудейскому Ахазіи. Одновременно онъ приказалъ перебить всѣхъ жрецовъ Ваала,

и вновь возстановилъ въ Израильскомъ царствѣ служеніе Іеговѣ; то же случилось и въ Іудейскомъ царствѣ, гдѣ правительница Аталія, на время введшая идолопоклонство, была умерщвлена.



Ассурназирпалъ на тронѣ. Древне- ассирійское изображеніе.
По фотогр. съ подлинника, хранящагося въ Британскомъ музеѣ.

Всѣ эти событія ни мало не воздержали поступательное движеніе ассирійскаго могущества. Іегу вскорѣ оказался данникомъ Ассирійскаго царя. Затѣмъ царь *Бинъ-Нираръ* (или Раманираръ III) предпринялъ

рядъ походовъ на Западъ. Въ надписяхъ читаемъ о немъ, что онъ подчинилъ своей власти Дамаскъ, Израиль, Эдомъ и Паласту (землю Филистимлянъ), а съ другой стороны—Мидію и Персію. Въ одной изъ надписей, относящихся къ тому же государю, читаемъ имя *Семаураматы* (Семирамиды), занимающей такое выдающееся мѣсто въ сказаніяхъ Грековъ; но съ этимъ именемъ оказывается возможнымъ связать только довольно смѣлое предположеніе о томъ, что Семаурамата, наслѣдовавшая вавилонскій престолъ, вышла замужъ за Бинъ-Нирара Ассирійскаго, — и это супружество примирило и соединило обѣ страны. Четвертый послѣ Бинъ-Нирара царь Ассирійскій, Тиглатъ-Пилезаръ II (745—727), возобновилъ походы на Западъ. Зорко слѣдя за постоянными раздорами между царствами Израильскимъ и Іудейскимъ, Тиглатъ-Пилезаръ II весьма охотно откликнулся на призывъ Іудейскаго царя Ахаза, который молилъ его о защитѣ отъ враговъ.

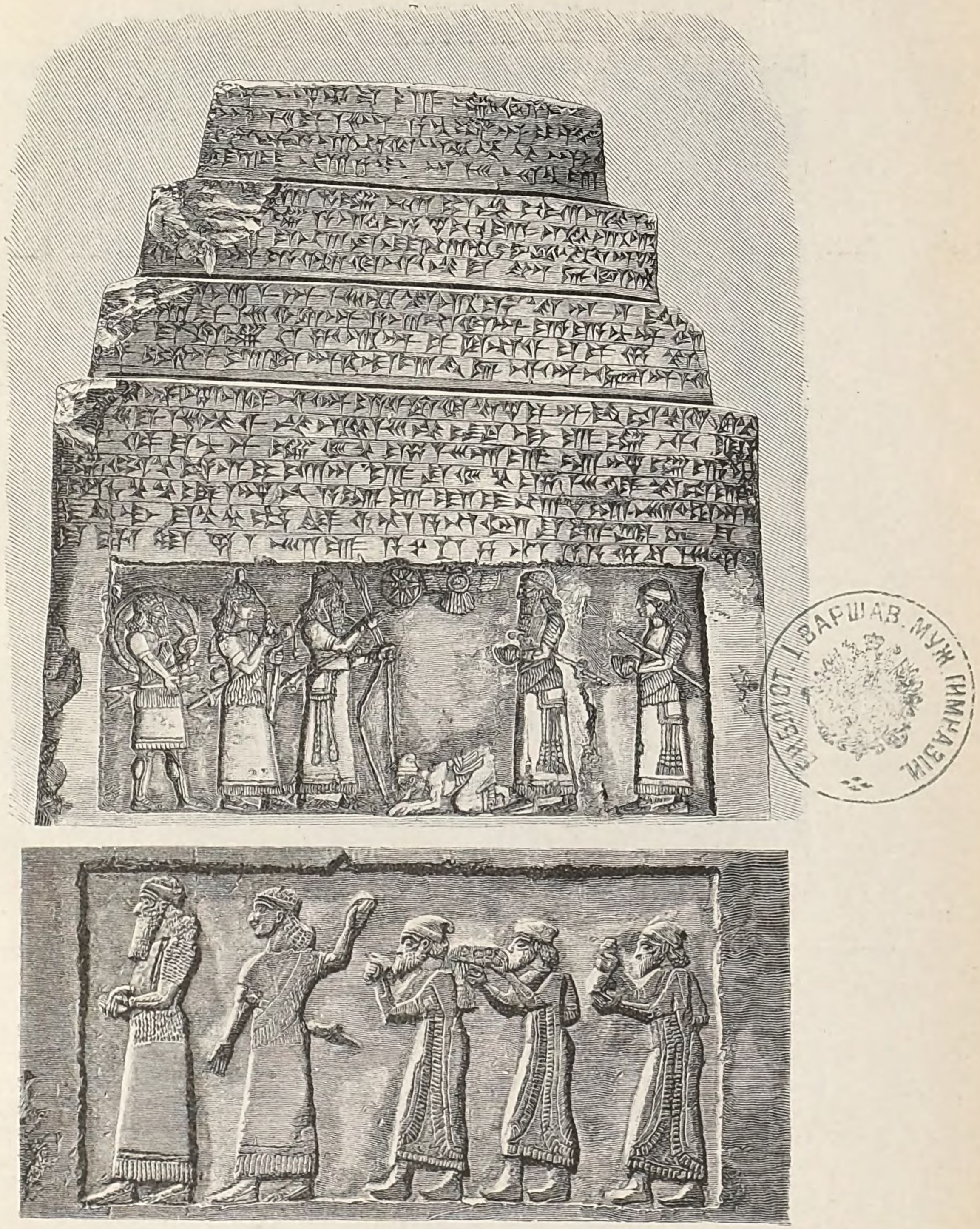
Ассирійская мощь обрушилась разомъ на царство Израильское и Дамаскъ. Царь Ассирійскій сталъ здѣсь распоряжаться полновластно, наказывая виновныхъ, назначая дани, смѣщая царей и правителей. Съ ужасомъ и отвращеніемъ современникъ этихъ событій, пророкъ Исаія, говоритъ, что и ассирійскія жертвоприношенія стали вводиться въ народѣ еврейскомъ, подъ давленіемъ ассирійскаго гнета...

Ассирія и Египетъ. Гибель Израиля (722).

Покоривъ Сирію, Тиглатъ-Пилезаръ явился ближайшимъ сосѣдомъ Египта, и покоренные Ассиріей народы весьма естественно обратили взоры въ сторону Египта. Въ 727 г. до Р. Х. умеръ Тиглатъ-Пилезаръ. Этимъ обстоятельствомъ задумалъ воспользоваться послѣдній посаженникъ Ассиріи, царь Израильскій Оссія. Онъ уже задолго до этого времени сносился съ Шабакономъ или *Сабакономъ*, основателемъ новой, эѳіопской династіи въ Египтѣ (25-й по порядку), и не сталъ платить дань Ассиріи. Однакоже ассирійскія силы, всегда бывшія на-готовѣ, явились для наказанія ослушника тотчасъ же,—гораздо ранѣе, чѣмъ вспомогательное египетское войско успѣло двинуться изъ Нильской долины. Всякія попытки къ освобожденію изъ-подъ ассирійской власти были подавлены. При второмъ преемникѣ Тиглата, *Сарьякинъ II* (или Саргонѣ), пала Самарія, столица царства Израильскаго, и оно само перестало существовать; даже Египетъ сталъ платить дань Ассиріи, даже долго противившійся ей Тиръ покорился и города Кипрскіе признали себя ему подвластными. Изъ Самаріи 27,280 человѣкъ знатнѣйшихъ жителей, по ассирійской системѣ, были отведены въ Ассирію и поселены на восточной границѣ Ассирійскаго царства.

Царь Саргонъ.

По лѣтописнымъ отрывкамъ и по прекрасно сохранившейся надписи, мы, изъ года въ годъ, можемъ прослѣдить не только походы царя Саргона, но и мирныя дѣянія его,—прорытіе каналовъ, заселеніе пустынныхъ мѣстностей и т. п. Послѣ взятія Самаріи и покоренія Сиріи, Саргонъ двинулся походомъ на Вавилонъ и Эламъ, затѣмъ, въ 715 г. до Р. Х., противъ Мидянъ, и два года спустя уже видимъ 45 князей и предводителей этого народа данниками Саргона. Подручный его князь, посаженный Саргономъ на престолѣ Вавилонскомъ, возсталъ противъ него и былъ побѣжденъ, и царь Ассирійскій, присоединивъ къ своему титулу титулъ царей Вавилонскихъ, сталъ называться «владыкою Сумира и Аккада».



СЪ ОБЕЛИСКА САЛМАНАССАРА, ПО НИНЕВІЙСКОМУ ОРИГИНАЛУ, НАХОДЯЩЕМУСЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЪ БРИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ.

Верхнее изображеніе: плѣнные Іудеи предъ Салманассаромъ.
Нижнее изображеніе: носители дани царя Израильскаго.

Тиглатъ-Пилезаръ нападающій на городъ. Съ рельефнаго изображенія, прославляющаго подвиги этого царя; прежде помѣщалось на стѣнахъ Ниневійскаго дворца; нынѣ въ Британскомъ музеѣ.

Санхерибъ. Саргону наслѣдовалъ сынъ его *Син-ахи-рибъ* (*Санхерибъ*), царствовалъ отъ 705—681 до Р. Х. Ему еще разъ пришлось бороться съ Вавилономъ и усмирять безпокойные сирійскіе народы. Во главѣ ихъ, несмотря на неоднократныя предостереженія пророка Исаіи, сталъ царь Іудейскій Іезекія, ожидавшій помощи отъ Египта. Но Санхерибъ такъ поставилъ дѣло, что Египтяне не поспѣли подать помощи возставшимъ, и Іезекіи пришлось просить мира. Однакоже ему не легко было отдѣлаться отъ Санхериба: тотъ потребовалъ, чтобы ему были открыты ворота Іерусулима, и когда Іезекія отказался исполнить это условіе — «то былъ запертъ въ своей столицѣ, Урсулиммѣ, какъ птица въ клѣткѣ», — такъ гласитъ одна изъ современныхъ ассирійскихъ надписей. Вся остальная страна была уже въ рукахъ Санхериба. Однакоже Іерусалимъ еще былъ

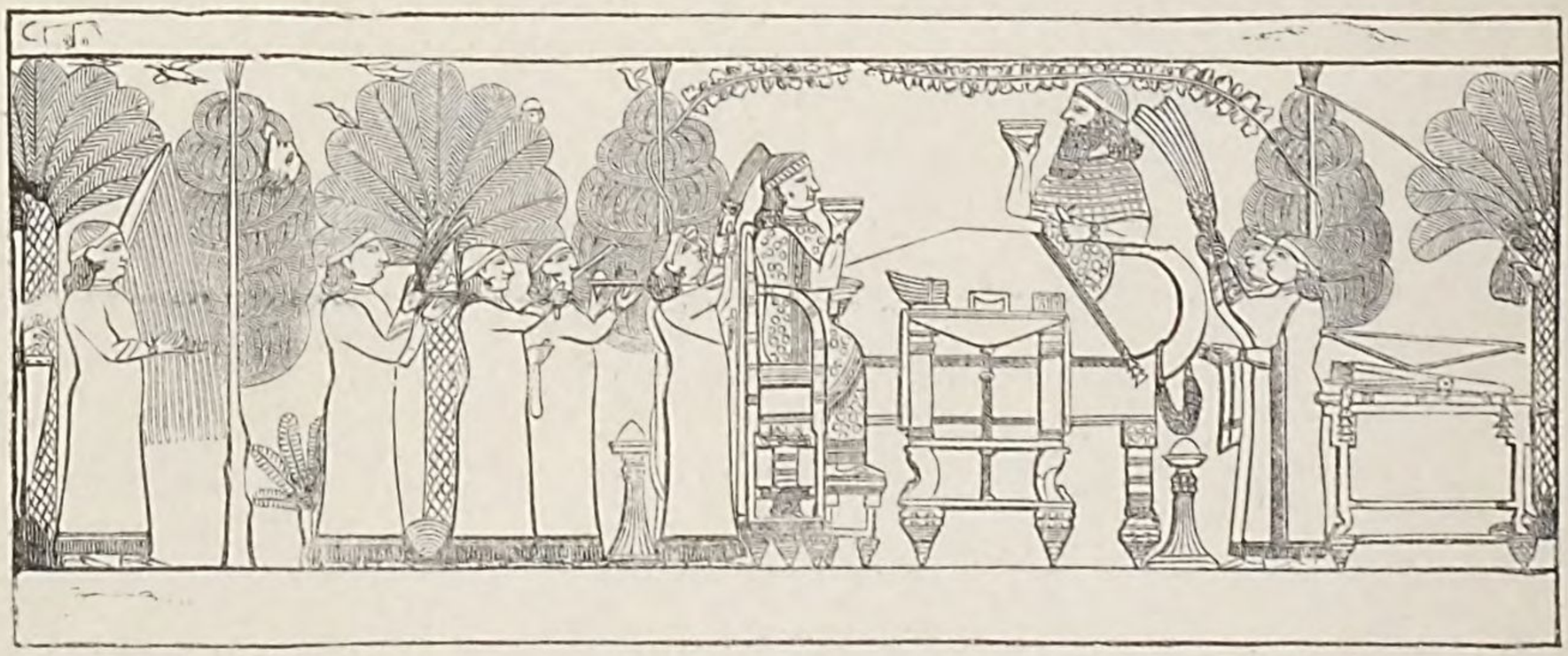
Изображеніе царя Саргона. Подъ нимъ клинообразная надпись, изъ которой видно, что онъ собиралъ дань съ 7-ми кипрскихъ царей. Собств. Берлинск. музея.

спасенъ на этотъ разъ. По этому поводу сохранились самые диковинные разсказы: Геродотъ сообщаетъ, что подошло египетское войско, подъ начальствомъ Сета, преемника Сабаконова, которому богъ въ сновидѣніи обѣщалъ удачу, и въ то время, когда войска сошлись въ полѣ, полевыя мыши будто бы въ одну ночь уничтожили всю обивку щитовъ и все, что было кожанаго въ вооруженіи Санхерибова войска. Еврейскіе источники разсказываютъ, напротивъ того, будто ангелъ Господень прошелъ ночью по лагерю Ассиріянъ и избилъ ихъ 180,000, т. е. намекаютъ на то, что какая-то повальная болѣзнь послужила поводомъ къ отступленію Санхериба. Ассирійская надпись говоритъ о томъ же событіи довольно темно и сбивчиво. Несомнѣнно только то, что Египтяне были отбиты; однакоже обложеніе Іерусалима было снято, и Санхерибъ не являлся болѣе въ Сиріи. Онъ былъ занятъ войнами съ Вавилономъ и Эламомъ, и утвердилъ тамъ окончательно владычество своей династіи и народа, болѣе чѣмъ когда-либо грозное и могущественное.

Санхерибъ на тронѣ. Рельефное изображеніе на его дворцѣ въ Ниневіи. По Лейярду.

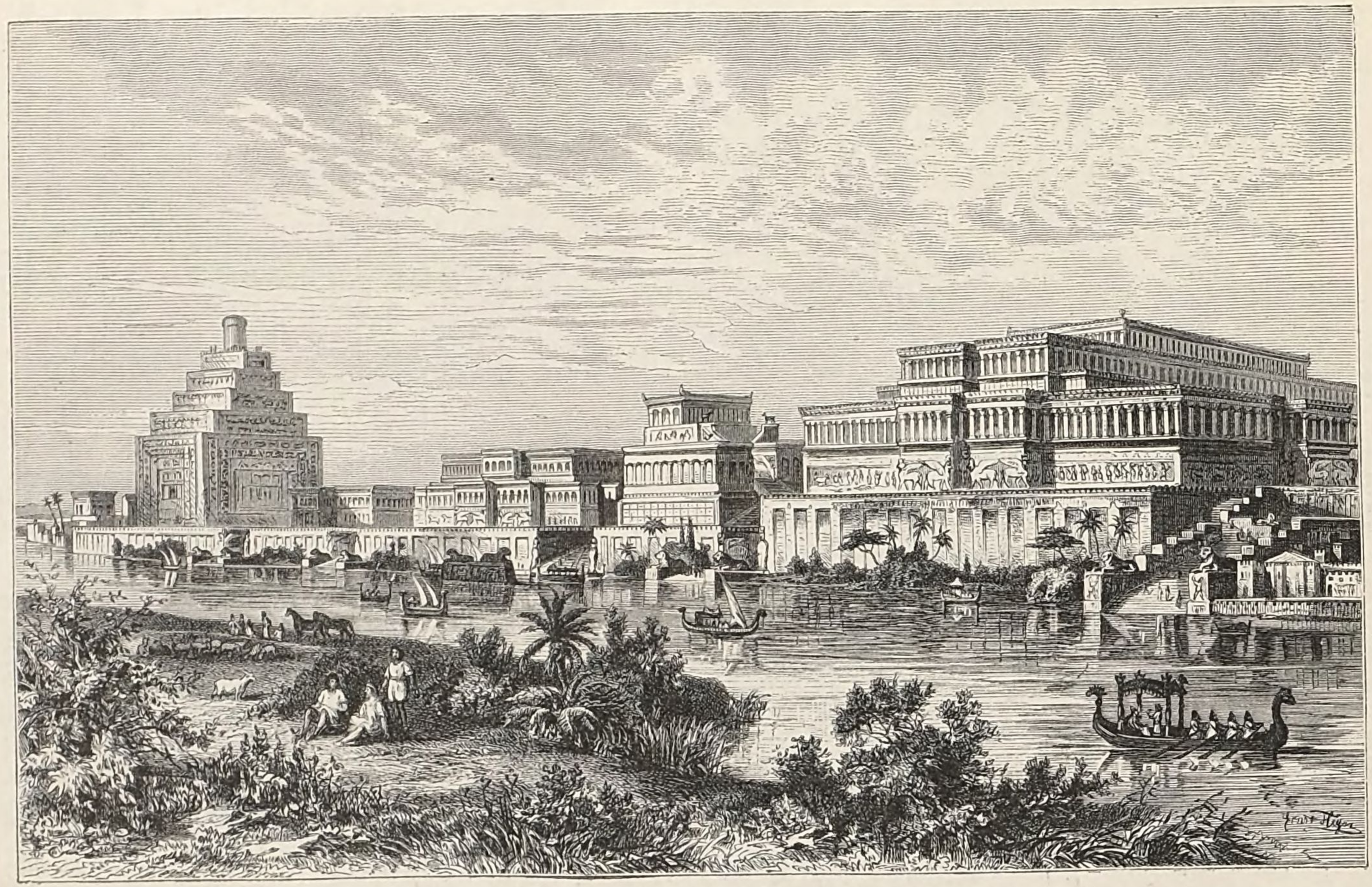
Смерть Санхериба была ужасна: двое сыновей его убили отца своего въ храмѣ бога Низроха. Четвертый изъ его сыновей, *Ассаргадонъ*, захвативъ власть, съумѣлъ удержать завоеванія отца въ области Ирана, и еще разъ подчинилъ себѣ Сирію. На одной изъ скалъ сирійскаго побережья онъ приказалъ изсѣчь свое изображеніе рядомъ съ изображеніемъ Египетскаго царя Рамзеса II, и отца своего, Санхериба; Манассію (сына Іезекіи), царя Іудейскаго, какъ плѣнника, онъ выслалъ на житье въ свою старую столицу, Вавилонъ. На долю его выпала и еще одна удача, о которой не дерзали по-

мыслить его предшественники:—онъ завоевалъ Египетъ. Египетскому царю *Тираку* (или *Тахарку*) онъ нанесъ страшное пораженіе, и, благодаря этому, признанъ былъ повелителемъ всего Верхняго и Нижняго Египта, страны Мероэ и Кушъ. Онъ распорядился своимъ завоеваніемъ такъ: всю страну подѣлилъ онъ между 20-ю князьями правителями. Позднѣе, Египтяне старались скрыть, что они находились нѣкоторое время подъ чужеземнымъ игомъ и что страна ихъ входила въ составъ Ассирійскаго царства, какъ одна изъ провинцій его. Они не сообщили объ этомъ Грекамъ, и только разсказывали имъ о какихъ-то внутреннихъ смутахъ, о совмѣстномъ правленіи 12-ти князей, о какой-то *Додекархіи*, какъ и сообщаютъ намъ современные греческіе историки. Это происходило въ 672 г. до Р. Х. Имена 20 князей, посаженныхъ Ассаргадономъ, сохранились до нашего времени; они, большею частью, египетскаго происхожденія. Ассаргадону наслѣдовалъ сынъ его, *Ассурбанипалъ* (668—626)—человѣкъ, повидимому, необычайной физической силы



Ассурбанибалъ (Сарданапалъ) и его царица за столомъ. Барельефъ Ниневійск. дворца.

и, какъ всѣ Ассирійскіе цари, страстный охотникъ; въ одной изъ надписей онъ хвалится тѣмъ, что «мощнаго льва пустыни» онъ ухватилъ за уши и прокололъ своимъ копьемъ. Этотъ царь самъ отправился въ Египетъ и закончилъ его завоеваніе. Онъ проникъ до самыхъ Ѳивъ, и тамъ учредилъ служеніе своимъ богамъ — Ассуру и Истарѣ. Его владычество простиралось по всей Передней Азіи; въ своемъ Ниневійскомъ дворцѣ онъ принималъ пословъ Лидійскаго царя Гигеса,—«пословъ страны (какъ гласитъ современная надпись), о которой не слыхивали предки Ассурбанипала»; въ Египтѣ правили посаженные имъ правители; въ Эламѣ — подручный ему царь; въ Вавилонѣ—младшій братъ его. Этотъ братъ— «невѣрный братъ Самассумукинъ»—возсталъ противъ Ассурбанипала; такія же возстанія послѣдовали въ Эламѣ и Египтѣ, гдѣ во главѣ возставшихъ сталъ *Псаммтихъ* (Псамметихъ), сынъ одного изъ ассирійскихъ посаженниковъ; и лидійскій царь Гигесъ примкнулъ къ этому враждебному движенію. Однакоже Ассурбанипалъ, послѣ продолжительной борьбы, одолѣлъ своихъ враговъ. Мятежный братъ попалъ въ плѣнъ и «былъ брошенъ въ огонь» или погибъ среди пламени горящаго Вавилона; подобно Вави-



ДВОРЕЦЪ АССИРІЙСКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ НИНЕВІИ.

По проекту возстановленія дворца, составленному Лейярдомъ.

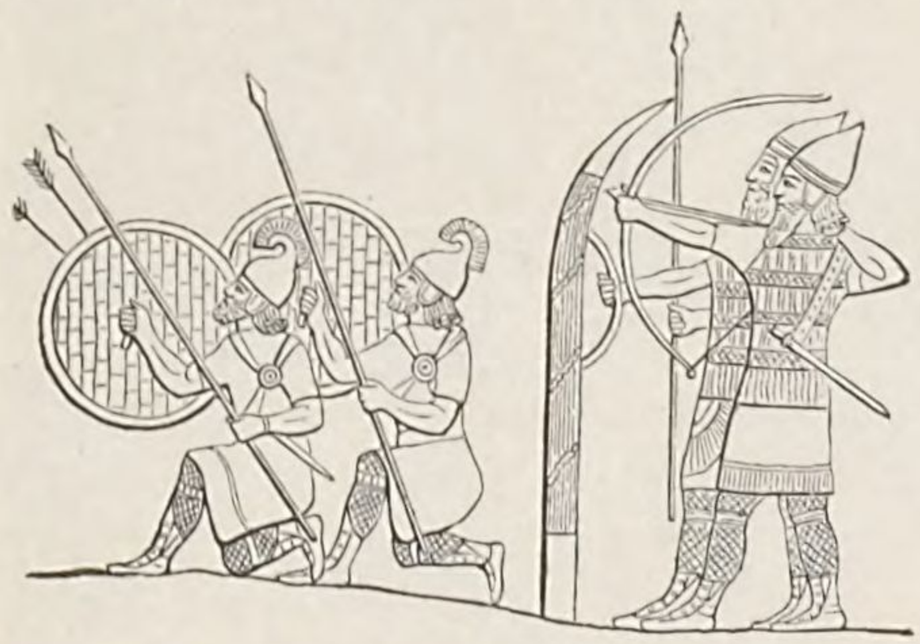
лону, усмиренъ былъ и Эламъ, и кумиры его боговъ перенесены были въ Ассирію; все, что было связано съ возстаніями, повержено было во прахъ. Покоренныхъ князей Ассурбанипалъ заставлялъ, какъ простыхъ работниковъ, принимать участіе въ его постройкахъ, либо впрягалъ ихъ въ свою колесницу, не слѣдуя отвратительному обычаю этихъ семитовъ-завоевателей, сдиравшихъ кожу со своихъ плѣнниковъ. Отъ обладанія Египтомъ Ассурбанипалъ благоразумно отказался.

Народъ и государство Ассирійское.

И такъ, въ половинѣ VII в. до Р. Х. Ассирійское царство стояло въ полномъ блескѣ своего могущества. То было первое великое царство,

Тріумфальное шествіе царя. Изъ Ниневійскихъ барельефовъ.

основанное на завоеваніяхъ,—первое извѣстное намъ такъ-называемое *міровое государство*, созданное усиліями цѣлаго ряда воинственныхъ и необычайно-дѣятельныхъ государей. Эти государи распоряжались безусловно силами своего народа; любопытною характеристическою чертою является то, что въ оставленныхъ ими надписяхъ они всюду говорятъ отъ своего имени и въ первомъ лицѣ. Силы ихъ народа были превосходно организованы и вполнѣ подчинены волѣ своего государя; исполнительная власть оказывается необычайно быстро дѣйствовавшею. Надписи постоянно даютъ намъ въ совершенно опредѣленныхъ числахъ цифру убитыхъ въ сраженіи и взятыхъ въ плѣнъ или выведенныхъ изъ отечества на поселеніе въ Ассиріи. На изсѣченныхъ въ камнѣ изображеніяхъ видимъ, какъ царскіе писцы записываютъ необходимыя имъ свѣдѣнія на кожаныхъ полосахъ, а въ одной изъ громадныхъ грудъ мусора на мѣстѣ развалинъ Ниневіи найдены не только донесенія полководцевъ царю и



Ассирійская фаланга подъ стѣнами осажденнаго города.

отчеты ему различныхъ правителей, но и такая громада писанныхъ таблицъ, что ее съ нѣкоторымъ основаніемъ называютъ библіотекой или архивомъ Ассурбанипала: этотъ царь, повидимому, болѣе чѣмъ всѣ другіе, выказывалъ склонность къ мирной государственной дѣятельности. Особенно хорошо были устроены военныя силы Ассиріянъ, и цари Ассирійскіе прилагали особенную заботу къ укрѣпленію городовъ, а въ особенности столицы своей, Ниневіи, противъ всякаго нападенія извнѣ. Племя, само по себѣ, было воинственное, и войско ассирійское было превосходное. Изъ словъ пророка Исаіи не трудно понять, какое впечатлѣніе производили постоянная готовность ассирійскаго войска къ войнѣ, его быстрыя и вѣрно направленныя движенія; пѣхота была хорошо вооружена, воинскія одежды ея были покрыты нашитыми на нее стальными пластинками, либо кольчужными рубашками и чешуйчатыми панцырями; конусообразные шлемы или желѣзные колпаки прикрывали ихъ голову, защищая черепъ отъ боковыхъ ударовъ большими желѣзными лопастями; ноги были прикрыты наколѣнниками или же защищены чешуйчатыми штанами; наступательнымъ оружіемъ ихъ были: копье и короткій мечъ на перевязи. Рядомъ съ тяжело-вооруженною пѣхотою видимъ легко вооруженныхъ стрѣлковъ и пращниковъ. Видимъ и достаточное количество конницы, вооруженной луками и копьями; самымъ излюбленнымъ родомъ оружія, къ которому принадлежитъ обычно и самъ царь, были военныя колесницы. Весьма разнообразныя военныя картины видимъ мы на ассирійскихъ стѣнныхъ изображеніяхъ: парады, лагерныя сцены, переправы черезъ рѣки; осаду и защиту городовъ; тараны и метательныя машины въ полномъ ходу. На другихъ изображеніяхъ видимъ различные моменты битвы,—отрядъ пѣхоты, у которой первый рядъ колѣнопреклоненъ и копья выставлены впередъ, второй рядъ держитъ копье нѣсколько прямѣе, а черезъ оба передніе ряда стрѣлки третьяго ряда пускаютъ тучи стрѣлъ. Мѣстами, изображенія передаютъ намъ и моментъ побѣды; видимъ побѣжденныхъ, умоляющихъ о пощадѣ, въ отчаяніи ломающихъ руки; головы убитыхъ приносятъ полководцу, и рядомъ съ нимъ стоитъ писецъ, который помѣчаетъ число ихъ. Ассиріянамъ досталась на долю культура, существовавшая уже въ теченіе тысячелѣтій и завѣщанная семитамъ долины Тигра и Евфрата, по всѣмъ вѣроятіямъ, не-семитскимъ племенемъ. Затѣмъ, культура эта была нѣсколько развита Вавилонянами, перенята у нихъ Ассиріянами—и осталась у нихъ въ полномъ застоѣ. Въ пластикѣ эти восточные семиты пошли далѣе Египтянъ; въ изображаемыхъ ими фигурахъ болѣе оживленія и

Ассиріяне считаютъ убитыхъ. Изъ Ниневійскихъ барельефовъ.

менѣе натянутости въ формахъ. Въ водяныхъ сооруженіяхъ, и въ астрономіи, развившейся изъ астрологіи, а равно и въ нѣкоторыхъ областяхъ производства предметовъ роскоши—восточные семиты сдѣлались даже учителями Запада, и вавилонскіе вѣсы и мѣры, вслѣдствіе временного преобладанія ихъ торговли, распространились и на В., и на З. Въ общемъ же, эта культура носитъ на себѣ характеръ культуры чисто внѣшней и преимущественно практической:—то, что дошло до насъ изъ ихъ литературы, не блистаетъ глубиною внутренняго содержанія... Въ долгій періодъ времени, отъ 3800 по 700 г. до Р. Х., въ теченіе котораго собрана была библіотека, приписываемая Ассурбанипалу, мы не можемъ отмѣтить сколько-нибудь значительнаго повышенія умственнаго и нравственнаго уровня.

Вторженіе Скиѳовъ.

Потрясеніе этого грознаго Ассирійскаго царства произошло совершенно случайно. Скиѳскія пастушескія, воинственныя племена, неизвѣстнаго происхожденія *), жившія по берегамъ рѣкъ, текущихъ съ С. въ Черное море, побуждаемыя къ тому голодомъ или жаждою добычи, вдругъ устремились съ сѣвера на области, входившія въ составъ Ассирійскаго царства. Не довольствуясь тѣмъ, что могла дать ихъ алчности Мидія и бѣдныя горныя страны, Скиѳы огненнымъ потокомъ устремились оттуда въ плодоносную долину рѣкъ Тигра и Евфрата, все предавая огню и мечу. Геродотъ, близко знакомый съ обычаями и нравами Скиѳовъ, далъ намъ превосходный очеркъ ихъ, составляющій одну изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и самыхъ любопытныхъ страницъ его безсмертнаго творенія. Этотъ очеркъ, подтвержденный изслѣдованіями скиѳскихъ могильныхъ насыпей въ степяхъ на югѣ Россіи, въ связи съ добытыми тамъ драгоцѣнными памятниками (нынѣ хранящимися въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ), даетъ намъ довольно полную характеристику Скиѳовъ.

Геродотъ рисуетъ намъ Скиѳовъ народомъ воинственнымъ и храбрымъ, у котораго мужество на войнѣ уважалось настолько же, насколько и любовь къ родинѣ и роднымъ обычаямъ. Нравы Скиѳовъ, по его описанію, были суровые и жестокіе. Высшимъ богомъ у нихъ былъ богъ войны, которому не ставили ни капищъ, ни кумировъ: олицетвореніемъ грознаго божества являлся старый желѣзный мечъ, водруженный на высокомъ холмѣ изъ прутьевъ. Ему ежегодно приносили въ жертву скотъ и лошадей; ему же и одного изъ сотни враговъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ. «Возливъ вино на голову плѣнника»,—такъ описываетъ Геродотъ эти скиѳскія человѣческія жертвоприношенія,— «его зарѣзываютъ надъ сосудомъ, потомъ несутъ эту кровь на холмъ изъ прутьевъ и льютъ ее на мечъ». Еще болѣе жестокими оказываются военные обычаи Скиѳовъ: они пьютъ кровь перваго убитаго врага, сдираютъ кожу (скальпъ) съ головы убитаго

*) Геродотъ даетъ общее названіе *Скиѳовъ* племенамъ, обитавшимъ по прибрежьямъ Понта Евксинскаго (Чернаго моря) отъ устьевъ Дуная до устьевъ Дона. Поселья ихъ шли далеко (на 10 дней пути) и вглубь страны, на Сѣверъ. Называя Скиѳовъ однимъ народомъ, Геродотъ подраздѣляетъ ихъ на много племенъ и тѣмъ уже вынуждаетъ думать, что слово *Скиѳы* было скорѣе названіемъ собирательнымъ. Самое слово *Скиѳъ* и тѣ слова скиѳскаго языка, которыя сохранилъ Геродотъ, не разслѣдованы еще съ достаточною ясностью: — разборъ ихъ принадлежитъ будущему филологической науки.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ Никопольской скиѳской вазѣ.

Эта ваза, добытая изъ Чертомлыцкой могилы, верстахъ въ 20 къ С.-З. отъ м. Никополь (Екатеринославской губ.), преставляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ греческаго искусства, *„которому подобнаго нѣтъ ни въ одномъ изъ музеевъ Европы“*—по замѣчанію академика Стефани, извѣстнаго знатока классической древности. Этотъ сосудъ, вышиною въ 15¼ вершковъ, въ самой широкой своей части имѣетъ въ поперечникѣ 8¾ вершка. Онъ сдѣланъ изъ серебра; его подножіе, шейка, ручки и всѣ предметы, рельефно изображенные на разныхъ частяхъ вазы—густо вызолочены, тогда какъ основная поверхность остальныхъ частей не покрыта позолотою.—Ваза имѣетъ форму амфоры и, очевидно, была предназначена для храненія вина при пиршествахъ. Поэтому внутрь ея шейки вдѣлано мелкое ситечко; такія же ситечки видимъ и въ трехъ носкахъ, придѣланныхъ къ нижней части вазы. Одному изъ нихъ художникъ придалъ форму лошадиной головы, украшенной двумя крылами и лучезарнымъ вѣнцомъ; оба другіе носка сдѣланы въ видѣ львиныхъ головъ. Отверстія этихъ носковъ затыкались пробками, прикрѣпленными къ небольшимъ серебрянымъ цѣпочкамъ; отъ одной изъ такихъ цѣпочекъ еще сохранилась часть при одной изъ львиныхъ головокъ. Нижняя часть вазы, вплоть до фриза, украшена рѣзными изображеніями травъ, птицъ и цвѣтовъ. Кругомъ всей вазы, по фризу, группами, размѣщены фигуры Скиѳовъ, ухаживающихъ за конями—сильнымъ рельефомъ (мѣстами, болѣе, чѣмъ на половину) выступающіе изъ фона. Эти изображенія Скиѳовъ живо знакомятъ насъ со многими сторонами ихъ степного быта и служатъ однимъ изъ главныхъ основаній для изученія скиѳскихъ древностей. Выше фриза, на самыхъ плечахъ сосуда, помѣщены художникомъ изображенія грифоновъ, терзающихъ оленя. «Эта ваза»,—по замѣчанію академика Стефани,—«носитъ на себѣ отпечатокъ лучшаго греческаго стиля IV в. до Р. Хр.».

СЕРЕБРЯНАЯ НИКОПОЛЬСКАЯ ВАЗА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ СКИѲОВЪ.
Хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ СПБ.

противника и какъ трофей побѣды вѣшаютъ ее на узду своего коня; кожею, содранною съ рукъ врага, обиваютъ колчаны; изъ верхней части череповъ вражескихъ дѣлаютъ чаши, оправляя ихъ то въ кожу, то въ золото, и хвалятся ими на пирахъ передъ иноземцами.

Изображеніе Скиѳовъ на Никопольской серебряной вазѣ, хранящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

При заключеніи союзовъ и договоровъ, Скиѳы опять прибѣгаютъ къ крови и оружію: «наливъ вина въ большую глиняную чашу, мѣшаютъ его съ кровью заключающихъ договоръ, уколовъ шиломъ или порѣзавъ ножомъ ихъ тѣло; потомъ погружаютъ въ чашу саблю, стрѣлы, сагаръ (родъ топора) и дротикъ. По совершеніи сего, произносятъ многія заклятія. Потомъ выпиваютъ чашу и заключавшіе союзъ, и важнѣйшіе изъ ихъ свиты». Любопытенъ и еще одинъ обычай, упоминаемый Геродотомъ, именно какъ обычай народа, страстно любившаго войну и всю жизнь проводившаго въ войнѣ, среди привольныхъ степей, лежавшихъ на рубежѣ Азіи, этой колыбели народовъ. «Ежегодно» — говоритъ Геродотъ — «каждый улусный старшина собираетъ Скиѳовъ своего улуса, растворяетъ чашу вина, которую пьютъ всѣ, истреблявшіе непріятелей на войнѣ. Не отличившихся военными подвигами старшина этимъ виномъ не угощаетъ: сидятъ они особо, безъ всякой почести, и это считается у нихъ за великое безчестье. Кто же убилъ очень много непріятелей, тѣ связываютъ даже и по два стакана и изъ обоихъ пьютъ одновременно».

Похваляя мужество Скиѳовъ и превознося ихъ воинскіе подвиги, Геродотъ всюду рисуетъ ихъ тактику, какъ тактику всѣхъ степныхъ народовъ: война постоянно на конѣ, завлеченіе непріятеля въ глубь безлѣсной и безводной степи, нападенія изъ засады, быстрый и безпощадный натискъ на оплошнаго врага—вотъ постоянные воинскіе пріемы Скиѳовъ *).

Этотъ народъ, никому изъ ближайшихъ не родственный, невѣдомо откуда явившійся, говорившій никому непонятнымъ языкомъ, суровый и въ жизни, и въ обычаяхъ, беззавѣтно храбрый и безпощадный въ нападеніяхъ,—навелъ ужасъ на всѣ сирійскіе народы. Города сдавались Скиѳамъ безъ боя или откупались богатыми откупами; войска не выдерживали ихъ натиска, поражаемыя суевѣрнымъ страхомъ. Предѣломъ ихъ нашествія была граница Египта, на которой царь Псамметихъ I выставилъ сильное войско, но, въ то же время, благоразумно предложилъ скиѳскимъ князьямъ богатые дары. Отъ границъ Египта они возвращались черезъ земли Филистимлянъ, затѣмъ еще нѣкоторое время, 7—8

*) По многимъ чертамъ быта, многіе ученые не безъ основанія предполагаютъ, что однимъ изъ составныхъ элементовъ въ скиѳскихъ толпахъ были и Славяне. Драгоцѣнные и въ своемъ родѣ единственные матеріалы для изученія скиѳскаго быта собраны въ отдѣленіи скиѳскихъ древностей Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ.

лѣтъ, они продолжали быть грозою и ужасомъ странъ, расположенныхъ между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ,—и наконецъ, пресыщенные хищеніемъ, отягощенные богатой добычей, вновь удалились въ свои сѣверныя степи.

Паденіе Ассиріи. Независимость Вавилоніи.

Это нашествіе (или нашествія) Скиѳовъ имѣло одно несомнѣнно важное послѣдствіе: могущество Ассиріи было подорвано. Ассурбанипалъ (въ 626 г. до Р. Х.) умеръ и его наслѣдникъ *Ассуръ-идиль-или*, едва только успѣлъ вступить на тронъ, какъ на Ассирію обрушились полчища варваровъ. И эти варвары потрясли Ассирію не только тѣмъ, что страшно ее опустошили, а и тѣмъ, что лишили ее прежняго нравственнаго обаянія, разрушили политическое преобладаніе Ассиріи, грозное войско которой не въ силахъ было отразить натискъ сѣверныхъ варваровъ. Этимъ воспользовался *Кіаксаръ*, правитель Мидіи, для освобожденія Мидіи изъ-подъ ассирійской власти. Онъ кстати нашелъ себѣ подражателей въ этой политикѣ, направленной противъ Ассиріи: *Набополассаръ* (или *Набупалусуръ*), намѣстникъ Вавилонскій, также захотѣлъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы основать или возстановить самостоятельное Вавилонское царство. Кіаксаръ однакоже не тотчасъ напалъ на Ассирійское царство: сначала онъ занялся распространеніемъ своего царства на З. и здѣсь впервые столкнулся съ державою, которой развитіе стояло уже въ тѣсной связи съ исторіею Западнаго міра, а именно, съ царствомъ Лидійскимъ.

Лидійское царство образовалось на западномъ берегу Малой Азіи; Греки оттѣснили однакоже Лидянъ отъ устьевъ рѣкъ; притомъ это царство неоднократно (и до вышеописаннаго нашествія Скиѳовъ) подвергались хищническимъ нападеніямъ сѣверныхъ народовъ. Въ 689 г. до Р. Х. царство Лидійское быстро возвысилось въ правленіе *Гигеса*, захватившаго въ свои руки бразды правленія. Въ то самое время, когда, съ одной стороны, онъ заискивалъ у греческаго оракула, добиваясь отъ него санкціи своихъ правъ на власть, — мы, съ другой стороны, видѣли его пословъ въ Ниневіи, у царя Ассурбанипала, гдѣ они молили могущественнаго владыку о помощи противъ новаго нашествія Скиѳовъ. Помощь Гигесу была послана, но онъ плохо отблагодарилъ своего защитника: онъ послалъ помощь противъ Ассиріянъ сопернику ихъ Псамметиху. Ближайшему наслѣднику Гигеса пришлось однакоже еще разъ вымаливать у Ассирійскаго царя помощь противъ тѣхъ же варваровъ, и онъ долженъ былъ признать себя вассаломъ Ассиріи.

Мидо-вавилонскій союзъ. Взятіе Ниневіи.

При третьемъ преемникѣ Гигеса, *Аліатѣ* (612—563) произошло столкновеніе Лидянъ и Мидянъ. 30-го сент. 610 г. оба войска изготовились къ битвѣ. Но именно то событіе, которое даетъ намъ возможность такъ точно опредѣлить этотъ фактъ, — солнечное затменіе, бывшее въ этотъ день,—воспрепятствовало началу битвы или прервало ее, и привело къ мирному соглашенію: р. Галисъ была установлена границею между Лидіей и Мидіей. Послѣ этого, Мидяне, вмѣстѣ со своими союзниками, Вавилонянами, обратились противъ Ассиріи, чтобы закончить начатое Скиѳами разрушеніе этого царства. Война окончилась (въ 606 г. до Р. Х.) тѣмъ взятіемъ *Ниневіи*, которое такъ прославлено баснословнымъ

разсказомъ о гибели какого-то Сарданапала — будто бы изнѣженнаго потомка мощныхъ воителей. Но какія бы сказанія ни были связаны съ гибелью послѣдняго изъ Ассирійскихъ царей Ассуръ-идиль-илиса, — достовѣрно извѣстно только то, что разореніе Ниневіи было, во всякомъ случаѣ, полное: — великолѣпное Ассирійское царство пало окончательно. Страшная ненависть противъ ассирійскихъ владыкъ способствовала тому, что побѣдители безпощадно истребили не только народъ ихъ, но и самую столицу, которую буквально сравняли съ землей.

А между тѣмъ очень немногое измѣнилось вслѣдствіе того, что Ассиріи не стало; Вавилонія со своей древней столицей выступила на мѣсто Ассиріи, при подобныхъ же бытовыхъ условіяхъ: народъ и правители этого ново-вавилонскаго царства и въ доблестяхъ, и въ порокахъ своихъ немногимъ отличались отъ народа и правителей Ассиріи. Вавилонія унаслѣдовала отъ Ассиріи и стремленіе ея къ господству надъ Сиріей, и къ столкновенію съ Египтомъ — столкновенію, ближайшей жертвой котораго пришлось быть *царству Іудейскому*. Ему суждено было погибнуть именно тогда, когда оно успѣло достигнуть въ своемъ духовномъ развитіи высоты всемірно-исторической; и изъ этихъ нескончаемыхъ войнъ человѣчество успѣло вынести неоцѣненное духовное сокровище.

Послѣ смерти Іезекіи въ 697 г. до Р. Х., на Іерусалимскій престолъ вступилъ 12-ти-лѣтній мальчикъ, Манассія. Онъ покланялся Ваалу; но среди борьбы съ чуждыми вѣроисповѣданіями, среди военной сумятицы, среди шумныхъ передвиженій ассирійскаго войска, среди страшныхъ бѣдствій скиѳскаго нашествія, подъ гнетомъ всевозможныхъ бѣдъ и опасностей, побѣдоносно проявилось величавѣйшее откровеніе семитскаго духа, въ цѣломъ рядѣ *пророковъ*; пророки, въ это гибельное время, стали дѣйствовать заодно съ священствомъ, и, въ правленіе царя *Іосіи* (4-го послѣ Іезекіи), произвели другую важную религіозную реформу, которую опять-таки связали съ прославленнымъ именемъ перваго законодателя еврейскаго народа (622 г.). Результаты этой реформы видимъ мы въ пятой изъ книгъ, приписываемыхъ Моисею (Второзаконіе). Рѣчью Моисея и начинается эта книга — и дѣйствительно вынуждаетъ возвратиться къ простѣйшимъ воззрѣніямъ первобытнаго времени, которыя, однакоже, въ теченіе вѣковъ, пріобрѣли болѣе глубокое значеніе и одухотворились. Въ высшей степени важнымъ, въ этомъ именно смыслѣ, является значеніе пророковъ въ средѣ еврейскаго народа; они, и помимо священства, стоявшаго во главѣ религіозной жизни народа, являлись строгими хранителями основныхъ началъ вѣрованія въ Іегову, и развивали ихъ постоянно и вполнѣ самостоятельно. Существеннѣйшее изъ религіозной реформы, произведенной при Давидѣ и Соломонѣ — сосредоточеніе богослуженія въ Іерусалимѣ, усиленіе вліянія, оказываемаго священствомъ на жизнь народа, жертвенные и очистительные законы,—было удержано; все непримѣнимое и неудобоприложимое къ жизни было опущено въ этомъ законѣ, а все касавшееся простыхъ нравственныхъ обязанностей (гуманнаго отношенія ко вдовамъ и сиротамъ, должникамъ, рабамъ, поденщикамъ) значительно усилено; болѣе же всего выставлена была на видъ простая и внушительная идея

тѣснаго союза Іеговы съ народомъ. Это отношеніе къ божеству было представлено въ видѣ договора между господиномъ и рабомъ; если этотъ рабъ, этотъ сынъ Израилевъ, окажется вѣрнымъ слугою своего господина, Іеговы, то долженъ получить отъ него награду здѣсь, на землѣ, — такъ какъ вѣры въ безсмертіе души мы не находимъ ни у Евреевъ, ни у другихъ семитическихъ народовъ. Особенно настойчиво отвергаются всѣ чуждыя богопочитанія: поклоненія Астартѣ, Молоху, Милькому, Камосу, Ваалу, распространенныя между сосѣдними племенами. Объ отношеніи Іеговы къ остальнымъ народамъ и ихъ богамъ ничего опредѣленнаго не высказано; но уже идея *Единаго*, всѣмъ человѣчествомъ правящаго Бога подготовляется въ основѣ воззрѣній, высказываемыхъ Второзаконіемъ,— идея, исключающая всякую возможность зарожденія политеистическихъ воззрѣній языческаго міра. Все существующее съ замѣчательною односторонностью, но за то и съ необычайной энергіей сводится къ этому Богу и его народу—и подобная односторонность, подобная энергія уже сулятъ этому вѣрованью великую будущность; мало-по-малу непреодолимая преграда уже начинаетъ воздвигаться между этою націею и всѣми другими націями:—и потому именно, наканунѣ гибели и разрушенія самаго царства, идолопоклонству былъ въ немъ навсегда положенъ конецъ.

Вавилонія и Египетъ. Битва при Кархемышѣ.

А между тѣмъ гибель была уже близка. Прежде чѣмъ она настала, Евреямъ пришлось потерпѣть жестокое пораженіе отъ фараона *Нехо* (610 г.), сына Псамметихова, который задумалъ завоевать Сирію. Побѣдитель отдалъ Іудею въ управленіе второму сыну Іосіи, которому не дозволилъ даже и называться царемъ... Между тѣмъ — Ниневія пала.

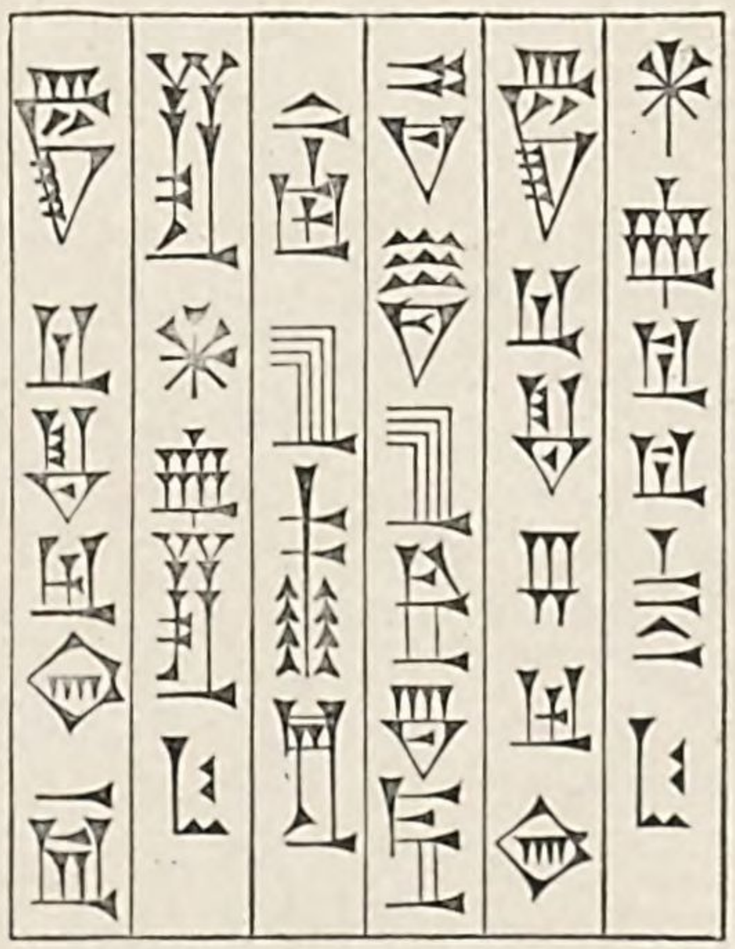
Ближайшимъ слѣдствіемъ этого событія было то, что Вавилонія и Египетъ, однажды освободившіеся изъ-подъ ига ассирійскаго, очутились теперь лицомъ къ лицу. Столкновеніе между ними было неизбѣжно: Сиріи предстояло быть наградою побѣдителя; она же послужила и полемъ битвы для обѣихъ странъ-соперницъ. Въ 605 г. фараонъ Нехо съ большимъ войскомъ устремился къ Евфрату. Вавилонское войско выступило подъ начальствомъ *Набукудуруссура* (сына Набополассарова), котораго отецъ вмѣсто себя выслалъ въ поле. При *Кархемышѣ*, на лѣвомъ берегу Евфрата, послѣдовала битва и окончилась тяжкимъ пораженіемъ Египтянъ. «Не убѣжать ни быстрому, ни сильному—мечъ пожираетъ всѣхъ и насыщается вполнѣ»,—такъ изображаетъ это пораженіе пророкъ Іеремія. Но и его собственному народу эта побѣда Вавилонянъ была не на радость.

Черный вавилонскій камей, съ изображеніемъ Небукаднессара. (Въ Берлинскомъ музеѣ).

Небукаднессаръ. Гибель Іудейскаго царства (586).

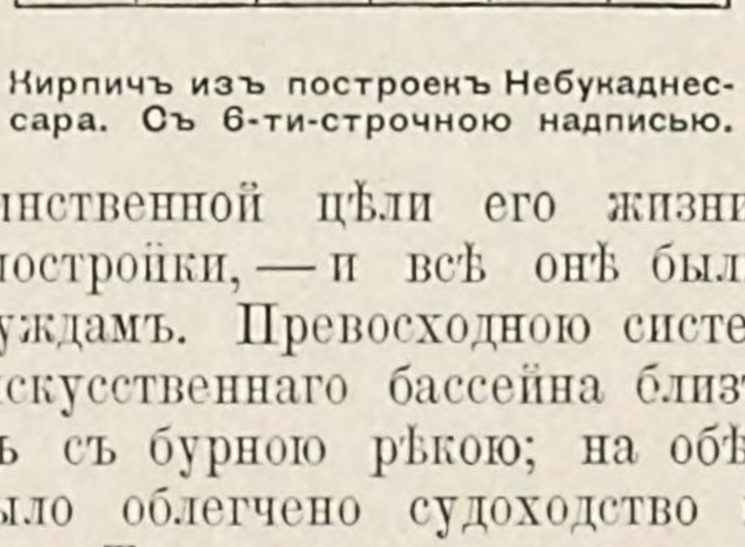
На нѣкоторое время Небукаднессаръ (Навуходоносоръ) былъ вынужденъ удалиться въ Вавилонъ, гдѣ, незадолго передъ тѣмъ, умеръ его отецъ. Но, утвердившись тамъ, Навуходоносоръ вновь обратился къ завоеваніямъ: и покорилъ своей власти арабскихъ князей, Аммонитянъ, Моавитянъ, Аморитянъ, Арадъ, Гамадъ, Дамаскъ, Іудею — одинъ народъ за другимъ. Но царь Іудейскій Іоакимъ, три года спустя, имѣлъ не-

осторожность отпасть отъ Вавилоніи, понадѣявшись на помощь со стороны Египта. Навуходоносоръ снова явился съ войскомъ и отбросилъ войско египетское:—сыну Іоакимову оставалось одно: просить мира въ лагерѣ Халдейскомъ. Онъ самъ и 10000 наиболѣе знатныхъ людей были выведены изъ Іудеи въ Вавилонъ, а въ Іерусалимѣ посаженъ намѣстникъ, который относился къ побѣжденнымъ весьма снисходительно. Но Евреи не унимались; они еще разъ приняли сторону Египта противъ нововавилонскаго государства, когда фараонъ *Хофра*, внукъ фараона Нехо, въ 589 г. объявилъ войну Навуходоносору. Евреи поспѣшили возстать, задолго до окончанія воинскихъ приготовленій фараона. Грозный воитель тотчасъ явился подъ стѣнами Іерусалима, отбилъ наступающихъ Египтянъ, полтора года осаждалъ городъ и наконецъ взялъ его въ 586 г. до Р. Х. Тогда сбылось пророчество Іереміи: и городъ, и храмъ были истреблены огнемъ. Послѣдній изъ царей Іудейскихъ, Седекія, былъ ослѣпленъ и въ цѣпяхъ отведенъ въ Вавилонъ, а съ нимъ и большинство жителей Іерусалима, стертаго съ лица земли: Вавилоняне, какъ и Ассиріяне, держались варварскаго обычая массами переселять жителей побѣжденныхъ странъ въ свои предѣлы.



Осада Тира.

Вся Сирія покорилась завоевателю, не исключая и финикійскихъ городовъ, кромѣ одного только города Тира, т. е. *Новаго Тира*, расположеннаго на острову. Много лѣтъ подъ-рядъ вавилонскія войска стояли на берегу, противъ этого города, и не могли достигнуть своей цѣли. Только уже въ 573 г. окончилась эта борьба, какъ кажется, договоромъ, по которому городъ призналъ надъ собою добровольно верховную власть Вавилонскаго царя, но не былъ вынужденъ отворить свои ворота халдейскимъ войскамъ.



Кирпичъ изъ построекъ Небукаднессара. Съ 6-ти-строчною надписью.

Смерть Небукаднессара (561).

Навуходоносоръ, повидимому, былъ правитель разумный и дѣятельный, и воинскіе подвиги его не составляли единственной цѣли его жизни. Надписи вавилонскія перечисляютъ его постройки,—и всѣ онѣ были предназначены служить общественнымъ нуждамъ. Превосходною системою каналовъ, при посредствѣ огромнаго искусственнаго бассейна близъ Сиппара, онъ съумѣлъ наконецъ совладать съ бурною рѣкою; на обѣихъ рѣкахъ, соединенныхъ каналомъ, было облегчено судоходство и судамъ открытъ путь къ верховьямъ Евфрата. Торговые караваны могли свободно передвигаться изъ конца въ конецъ царства, въ которомъ всюду былъ миръ и порядокъ. Противъ неминуемой опасности, грозившей царству Вавилонскому со стороны Мидіи, возраставшей въ силѣ и могуществѣ, Навуходоносоръ принялъ свои мѣры: воздвигъ цѣлую систему весьма искусно расположенныхъ укрѣпленій—такъ-называемую *мидійскую стѣну*, которая, повыше каналовъ и Сиппарскаго бассейна,

простиралась между Тигромъ и Евфратомъ. Самую же столицу своего царства Навуходоносоръ обнесъ громадными стѣнами и укрѣпленіями. Вавилонъ, со своимъ величавымъ царскимъ дворцомъ, съ высочайшею башнею бога Беля, съ «висячими садами» на искусственныхъ уступахъ горы, орошаемый широкою и мощною рѣкою,—представлялъ собою зрѣлище величественное, которое должно было плѣнять воображеніе восточныхъ народовъ не менѣе, нежели нѣкогда плѣняли его «стовратныя» Ѳивы. Къ тому же, въ правленіе могущественнаго царя Навуходоносора ни откуда не грозила Вавилону опасность: Мидія, Лидія, Вавилонія жили между собою въ мирѣ, скрѣпленномъ договорами; Египетъ, четвертое изъ сильныхъ въ то время государствъ, былъ вынужденъ держаться своихъ естественныхъ границъ и тоже не склоненъ былъ нарушать установившійся миръ... Когда Навуходоносоръ скончался, въ 561 г., послѣ 45-ти-лѣтняго царствованія, — онъ оставилъ сыну своему, *Эвилъ-Меродаху*, цвѣтущее и на восточный ладъ прекрасно устроенное государство.

КНИГА ВТОРАЯ.

Персы и Эллины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Основаніе Персидской монархіи.

Взглядъ назадъ.

Мы видѣли выше, что въ долинѣ Нила и въ долинѣ Тигра и Евфрата, а также и въ той полосѣ земель, которая простирается между этими двумя долинами, развилась и выросла своеобразная цивилизація, которая насчитывала уже не одно тысячелѣтіе; но мы должны признать, что эта цивилизація касалась только внѣшнихъ, чисто матеріальныхъ сторонъ быта, а духовная жизнь въ теченіе этихъ тысячелѣтій двигалась очень туго и медленно. Прекрасною характеристикою тѣхъ нравственныхъ понятій, которыя являлись результатомъ прожитыхъ тысячелѣтій, можетъ служить одна изъ ассирійскихъ надписей, въ которой царь Ассурбанипалъ хвалится своими воинскими подвигами, совершенными въ возмутившейся противъ него провинціи Ассирійскаго царства. «Царя я побѣдилъ»,—гласитъ надпись»,—«столицу его разрушилъ, страну раззорилъ такъ, что въ ней не стало слышно человѣческой рѣчи, не стало слышно и топота стадъ овечьихъ и рогатаго скота—лишь дикіе звѣри могли въ ней всюду свободно рыскать»... Къ концу того періода, который мы обозрѣли, страною, болѣе всего пострадавшею и опустошенною нескончаемыми войнами, являлась Сирія, изъ которой лучшая часть ея населенія — народъ Израильскій—былъ отведенъ въ рабство на дальній Востокъ. Наиболѣе оживленною оказывалась узкая береговая полоса земли на сѣверо-западѣ Сиріи,—Финикія, въ которой изстари накопленное богатство постоянно служило матеріаломъ для изобрѣтательности и оборотливости смышленаго населенія. Финикіяне, правда, уже встрѣчали въ западныхъ моряхъ значительную конкуренцію со стороны Эллиновъ и эта конкуренція съ народомъ способнымъ и подвижнымъ могла бы быть очень полезнымъ двигателемъ цивилизаціи, могла бы побудить и Финикіянъ къ новымъ усиліямъ и къ новымъ успѣхамъ. Но чтобы подобное поступательное движеніе было возможно, въ народѣ должно существовать извѣстное духовное

начало, а это духовное начало, главнымъ образомъ, дается ему его религіозными вѣрованіями: только въ его религіи и можетъ оно найти себѣ полное выраженіе. Но религіи Востока къ концу періода, который мы обозрѣли, не могли оказывать никакого вліянія на нравственное развитіе человѣка: въ египетскихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ видимъ не только застой, но даже и положительное движеніе назадъ—въ томъ дикомъ вырожденіи религіозныхъ воззрѣній, которое привело къ поклоненію священнымъ животнымъ. Въ религіяхъ сирійскихъ народовъ—въ культѣ Ваала, Милитты и другихъ его многообразныхъ видоизмѣненіяхъ—не видимъ даже и зародыша какихъ-бы то ни было нравственныхъ началъ... Всѣ религіозные обряды сводятся здѣсь къ угожденію самымъ разнузданнымъ страстямъ человѣка, къ поощренію самыхъ грубыхъ его инстинктовъ. Поднять человѣка выше обыденныхъ побужденій его жизни подобныя религіи не могли; напротивъ того, онѣ вынуждали его погрязать въ нихъ, и находить оправданіе разврату и распущенности нравовъ въ обрядахъ богопочитанія. То же видимъ и у Ассиріянъ, и у Вавилонянъ, у которыхъ религіозныя воззрѣнія ихъ были неразрывно связаны съ проявленіями ихъ воинственности, съ инстинктами кровожадности и разрушенія; богъ войны Ассуръ и богиня войны, Истаръ, занимаютъ главное мѣсто въ этихъ вѣрованіяхъ; и всѣ остальныя божества, благія и грозныя, стоятъ у нихъ въ непосредственной связи съ военными подвигами; чистаго, высокаго представленія о божествѣ, внѣ этихъ человѣческихъ и матеріальныхъ побужденій,—они не имѣли. Все, что мы читаемъ въ ихъ надписяхъ, дышетъ гордостью и жестокостью побѣдителя, и даже тогда, когда Халдеи вновь выступили на первый планъ, мы видимъ, что нововавилонскіе правители проявляютъ болѣе мягкости и человѣчности въ пріемахъ управленія, но не видимъ въ народѣ никакого движенія впередъ, въ смыслѣ духовнаго развитія, основаннаго на болѣе чистыхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Только у одного изъ семитическихъ племенъ встрѣчаемъ мы болѣе чистыя и болѣе возвышенныя религіозныя воззрѣнія — у народа Израильскаго; и—въ прямой противоположности съ остальными народами—у народа Израильскаго религіозныя воззрѣнія постоянно идутъ впередъ путемъ свободнаго и возвышеннаго развитія. Притомъ, въ народѣ Израильскомъ религіозныя вѣрованія были достояніемъ не одного какого-нибудь сословія или немногихъ избранныхъ, а достояніемъ цѣлаго народа, несмотря на то, что онъ временно поддавался вліянію окружавшаго его язычества. Однакоже ни народу Израильскому, ни его неумѣлымъ вождямъ и въ голову не приходила мысль о томъ, чтобы они когда-либо могли подѣлиться своимъ сокровищемъ—своею религіею—съ другими народами. Къ тому же, въ *впкъ Навуходоносора*, до котораго достигъ уже нашъ разсказъ, народъ Израильскій былъ какъ бы заживо погребенъ въ «Вавилонскомъ плѣну» и о вліяніи его на другіе народы не могло быть и рѣчи.

Арійское племя.

Движенію человѣчества впередъ данъ былъ толчокъ совсѣмъ другимъ народомъ, о которомъ до того времени лишь вскользь упоминалось среди множества другихъ племенъ, покоренныхъ и подвластныхъ Ассиріійскимъ и Вавилонскимъ государямъ.

На востокъ отъ Евфрата и Тигра простирается страна, совсѣмъ не похожая на обширныя и плодоносныя равнины Мессопотаміи или на мѣстности Сиріи и Малой Азіи; страна, которую Греки обычно называли *Верхнею Азіею*, въ противоположность *Нижней Азіи*—западной части Передней Азіи. Это — горная страна альпійскаго характера, рядъ плоскихъ возвышенностей съ довольно высокими горными окраинами и съ нѣкоторымъ уклономъ къ срединѣ, занятой обширнымъ воднымъ бассейномъ,—озеромъ Гамунъ. Эта восточная часть Передней Азіи, не орошаемая никакими большими рѣками, въ родѣ Тигра и Евфрата, находилась во владѣніи особаго племени или, вѣрнѣе, многихъ племенъ, которыя весьма существенно отличаются отъ племенъ семитическихъ, и, вѣроятно, развились подъ совершенно иными условіями; въ настоящее время мы разумѣемъ это племя подъ общимъ названіемъ *Арійскаго*. Это племя болѣе близко къ народамъ нынѣшней Европы, нежели племя семитическое, и потому его исторія съ самаго начала оказывается намъ гораздо болѣе понятною, нежели исторія семитовъ. Слова, которыми мы въ данное время обозначаемъ множество общеупотребительныхъ понятій и отношеній, представляютъ собою новыя формы, новыя видоизмѣненія тѣхъ же звуковъ, которыми эти первобытные арійцы, за много тысячъ лѣтъ, обозначали тѣ же предметы. При помощи сравнительнаго изученія языковъ арійскаго корня, ихъ строя и способовъ выраженія, въ настоящее время наука достигла того, что явилась возможность опредѣлить и характеръ, и уровень культуры арійцевъ—отдѣльныхъ единицъ или цѣлыхъ группъ, цѣлыхъ племенъ и народовъ—до ихъ выселенія изъ первобытной ихъ родины.

Первоначальныя сельбища. Выселеніе восточной отрасли Арійцевъ.

Первоначально выселеніе арійцевъ происходило въ *восточномъ* направленіи; а затѣмъ, черезъ проходы громадныхъ горъ, они двинулись *на югъ*, въ страну, орошаемую съ сѣверо-запада Индомъ и его притоками. Въ теплой, обильной водами странѣ Пятирѣчія, арійцы разрослись въ большой народъ, заселили постепенно и бассейнъ Ганга, и затѣмъ, мало-по-малу, распространились по всему громадному полуострову Индіи, какъ народъ преобладающій и господствующій. Они здѣсь достигли чрезвычайно оригинальнаго развитія, которое для исторіи *Восточной Азіи* имѣетъ весьма важное значеніе и, само по себѣ, полно интереса. Исторія ихъ духовной жизни, ихъ религія, ихъ литература составляютъ теперь весьма важную отрасль изученія исторіи человѣчества; но на западный міръ эти арійцы не оказали никакого вліянія, и, въ свою очередь, очень поздно подверглись вліянію западныхъ народовъ.

Западная отрасль Арійцевъ.

И такъ, эти восточные арійцы, изъ которыхъ (около 2000 д. Р. Х.) образовался великій народъ Индусовъ, не могутъ въ данномъ случаѣ привлекать къ себѣ наше вниманіе. Западная же отрасль арійцевъ, оставшаяся въ западной части ихъ древнѣйшихъ поселеній, оказывается, при самомъ выступленіи своемъ на историческую сцену, уже раздробленною на множество племенъ: Аракотовъ, Саттагидовъ, Гирканцевъ, Бактрійцевъ, Парѳянъ и т. д. Какъ и при какихъ условіяхъ образовались эти племена — мы не знаемъ и весьма долгое время наши свѣдѣнія о нихъ ограничивались лишь извѣстіями, которыя сообщаютъ намъ Греки

о самыхъ западныхъ изъ числа этихъ племенъ, а именно о *Мидянахъ* и *Персахъ*. Но лѣтъ 40 тому назадъ были разобраны драгоцѣнныя надписи, уцѣлѣвшія отъ династіи Ахэменидовъ, и онѣ-то, въ связи съ открытою въ концѣ прошлаго вѣка *Зендъ-Авестою* (отрывками священныхъ книгъ этихъ западныхъ арійцевъ), проливаютъ хотя какой-нибудь свѣтъ на первоначальную исторію ихъ, а въ связи съ изученіемъ древнѣйшихъ религіозныхъ представленій родственныхъ имъ Индусовъ, дозволяютъ намъ прослѣдить ихъ исторію, хотя въ общихъ чертахъ, почти до 2000 г. до Р. Х.

Религія Заратустры.

Оказывается, что сѣверо-востокъ Ирана, страна, лежащая на югъ отъ верховьевъ Оксуса, именно Бактрія, прежде всего обособилась въ значительное государство. На этой же почвѣ возникли и тѣ религіозныя вѣрованія, произошла та религіозная реформа, которая тѣсно связана съ именемъ *Заратустры* или Зороастра. Уже Грекамъ было извѣстно это имя, хотя мы и не находимъ его на персидскихъ надписяхъ; точно такъ же и Зендъ-Авеста не упоминаетъ вовсе о Мидянахъ и Персахъ, хотя и говоритъ о мидійскомъ городѣ Рагэ (или Рага), какъ о городѣ, отличающемся «великимъ и сквернымъ невѣріемъ». Но существеннѣйшее въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, какъ и въ языкѣ, было тождественно у Мидянъ и Персовъ съ сѣверо-восточными Иранцами. Видимъ у нихъ общаго свѣтлаго бога-громовника, Веретранга; видимъ и общаго бога солнца, Митру; какъ у Индусовъ призывается въ заклинаніяхъ передразсвѣтный вѣтеръ, такъ здѣсь—чистыя воды; также признается ими, какъ и Индусами, всепобѣдная сила огня противъ злыхъ духовъ (или дэмоновъ) и т. д.—однимъ словомъ, общая основа ихъ религіозныхъ воззрѣній оказывается настолько древнею, что сложилась, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще въ эпоху, предшествовавшую разселенію арійцевъ изъ ихъ первобытной родины. Съ именемъ Заратустры, «при рожденіи котораго дэмоны содрогнулись», связано понятіе о наступленіи новой эры (1300 г. до Р. Х.). Страна, среди которой явилась религія Зороастра, не представлялась человѣку изобилующею творческими силами; знойное лѣто и суровыя зимы, скалы и степи, хищные звѣри и хищные кочевники—все вызывало здѣсь человѣка къ постоянной борьбѣ. Вотъ почему законъ, приписываемый Заратустрѣ, главною обязанностью человѣка—его назначеніемъ на землѣ—полагаетъ борьбу съ Девами (злыми духами), и въ лицѣ ихъ со всѣми дурными, злыми началами и побуждаетъ къ дѣятельности культурной, просвѣщающей и созидающей—и къ чистотѣ, понимаемой не только въ смыслѣ внѣшнемъ (какъ у Семитовъ и Индусовъ), а въ тѣсной связи съ искренностью и правдивостью, т. е. съ чистотою душевною. Главную основу религіи, проповѣдуемой Зороастромъ, составлялъ рѣзкій *дуализмъ*, въ область котораго входитъ все существующее на землѣ. Представителемъ и главою всего добраго признается свѣтлое существо *Ахура-Мазда* (Ормуздъ)—*мудрый владыка, великій* и *чистый;* представителемъ всего дурного и злого—мрачный *Ангра-Майнисъ* (Ариманъ). Въ непрерывной борьбѣ между Ормуздомъ и Ариманомъ и окружающими ихъ духами,—принимаетъ участіе и человѣкъ, жизни и дѣятельности котораго, такимъ образомъ, придается извѣстное нравственное содержаніе. Тронъ Ормузда окруженъ

Ахурамазда. Съ персидскихъ памятниковъ.

6-ю высшими духами, Амеша - Цпендами, и сверхъ того ему повинуются еще многіе другіе благіе духи. У Аримана тоже своя большая свита злыхъ духовъ. Существовало представленіе и объ особыхъ духахъ-хранителяхъ (Фраваши), спускавшихся на землю тамъ, гдѣ люди сражаются; у каждаго человѣка предполагался особый духъ-хранитель, заботившійся о сохраненіи его жизни, и это постоянно внушало народу мысль о близости къ нему божества. Религія Зороастрова не допускала никакихъ изображеній боговъ, и потому не создала ни кумировъ, ни храмовъ. Художественный элементъ совершенно былъ чуждъ ей, но за то нравственный элементъ занималъ въ ней важное мѣсто; онъ высказывался прежде всего въ томъ, что Зороастровъ законъ внушалъ людямъ вѣру въ окончательное *торжество* добра надъ зломъ: Ариману—въ концѣ концовъ—надлежало быть побѣжденнымъ. Сверхъ того, нравственный элементъ проявлялся и въ обязательныхъ для человѣка добродѣтеляхъ, на которыя указывалъ ему законъ Зороастра. По этому закону, Ормуздъ требуетъ отъ человѣка прежде всего *чистоты*, не въ томъ узкомъ и чисто внѣшнемъ смыслѣ, въ какомъ требуетъ ея, напр., индійское вѣроученіе; подъ «чистотою» разумѣется у поклонниковъ Ормузда *честность*, твердое *соблюденіе даннаго слова* и т. п. лучшія стороны нравственности; къ *нечистымъ* сторонамъ человѣка относится, между прочимъ, и *ложь*. На основаніи того же воззрѣнія, бдительныя и чуткія животныя почитаются всѣми, какъ созданія Ормузда (напр. защитница очага собака, пѣтухъ и т. д.). Отъ каждаго человѣка требуется, чтобы онъ рано вставалъ, усердно обрабатывалъ свое

Ариманъ, убиваемый царемъ. Съ большого рельефа залы со ста колоннами въ Дарієвомъ дворцѣ въ Персеполѣ.

поле и тщательно ухаживалъ за стадами; предписывается также соблюденіе чистоплотности. Самымъ нечистымъ изъ всего нечистаго почиталось мертвое тѣло, и всего затруднительнѣе было очищеніе себя послѣ прикосновенія къ покойнику. Такъ какъ по понятіямъ послѣдователей Зороастра ни огонь, ни вода, ни земля не должны были входить въ прикосновеніе съ мертвымъ тѣломъ, то погребеніе усопшихъ сопровождалось необычайно сложными обрядами, при которыхъ невозможно было обойтись безъ помощи особаго сословія священнослужителей, носившихъ названіе *магушъ* или *магаванъ*—*мàговъ*. Сословіе это, повидимому, никогда не составляло замкнутой касты, какъ позднѣе въ Индіи, не становилось (по крайней мѣрѣ у западныхъ племенъ) во главѣ правленія и не оказывало дурного, ослабляющаго вліянія на духъ народа.

Мидяне и Персы.

Ассирійскія надписи разсказываютъ намъ о цѣломъ рядѣ походовъ противъ страны *Мадай* и сосѣдней съ нею, *Парсуа* (т. е. противъ Мидіи и Персіи). Эти походы и воинскіе успѣхи приписывались очень многимъ государямъ—Салманассару II, Тиглатпилессару II, Саргону, Санхерибу, Ассаргадону, Ассурбанипалу—и это свидѣтельствуетъ только о томъ, что Мидяне не легко покорялись иноземнымъ завоевателямъ и умѣли—среди своей горной страны (мѣстами достигающей высоты 15,000 футовъ),—отстаивать свою независимость даже и тогда, когда еще этотъ народъ не имѣлъ одного общаго вождя. Первый государь, съумѣвшій соединить весь народъ подъ своей властью, былъ *Уваксатара* (Кіаксаръ), и власть его, какъ кажется, простиралась уже на бо̀льшую часть иранской возвышенности: Гирканцы, Парѳяне, Бактрійцы, Саки, Сагартиры весьма опредѣленно указываются въ числѣ его подданныхъ. Кіаксару слѣдуетъ приписать и устройство мидійскаго войска, и возведеніе укрѣпленій главнаго мидійскаго города, Экбатаны, основаніе котораго Греки приписываютъ нѣкоему полубаснословному царю Дейоку. Возрастаніе могущества Мидіи шло такъ быстро, что Вавилоняне, какъ мы уже видѣли выше, постоянно были должны принимать мѣры къ укрѣпленію своей границы противъ внезапнаго ихъ вторженія.

Мидія при Астіагѣ.

Персы, жившіе южнѣе Мидянъ, ближе къ Персидскому заливу, вполнѣ раздѣляли вначалѣ ихъ историческую судьбу. И имъ также приходилось постоянно терпѣть отъ грознаго ассирійскаго могущества. И въ нихъ также сознаніе силы и доблести своей пробудилось именно въ постоянной борьбѣ съ Ассиріянами. Когда настало время освобожденія отъ ига Ассиріянъ, Персы сражались подъ начальствомъ Кіаксара и въ полномъ подчиненіи отъ Мидянъ. Народъ персидскій распадался на три племени, и наиболѣе знатнымъ между этими племенами считался родъ Пасаргадовъ, а знатнѣйшею семьею въ этомъ знатномъ родѣ была семья *Ахэменидовъ*. Одинъ изъ представителей этой семьи и вошелъ въ союзъ съ Кіаксаромъ и затѣмъ съ его преемникомъ *Астіагомъ* (съ 593 г.). Около этого времени Персы уже успѣли даже сдѣлать первое завоеваніе—покорили ближайшее къ нимъ съ сѣверо-западной стороны древнее царство Эламское съ его столицею Сузой. Общеизвѣстному романтическому разсказу Геродота можно довѣрять лишь настолько, что Астіагъ выдалъ свою дочь Мандану замужъ за подчиненнаго ему персидскаго царька Камбуджа (Кам-

бизъ). Сынъ, родившійся отъ этого брака, былъ *Куру* (иначе: *Киръ*) и съ него-то именно началось процвѣтаніе его народа.

Возвышеніе Кира.

Исторія этого великаго человѣка, въ томъ видѣ, въ какомъ она разсказана у Геродота, — его рожденіе, задолго предсказанное и ознаменованное вѣщими сновидѣніями, какъ великое событіе; эпизодъ его выбрасыванія на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и поддержаніе его жизни собакою (животнымъ, посвященнымъ Ормузду), наконецъ разсказъ о всей его юности и о пребываніи въ домѣ Астіага до той минуты, когда настанетъ часъ его возвышенія,— все это повѣствованіе носитъ на себѣ такую свѣжесть и яркость красокъ, какими поэзія украшаетъ обычно только событія жизни выдающихся историческихъ дѣятелей. Киръ былъ истиннымъ, желаннымъ главою Персовъ, предназначеннымъ судьбою изъять ихъ изъ-подъ власти Мидянъ и создать новое царство, не похожее ни на египетское, ни на ассиро-вавилонское,—царство, основанное на началахъ чисто народныхъ, національныхъ. Мы видѣли, что онъ созываетъ старшинъ своего народа, и въ первый день заставляетъ ихъ трудиться надъ очисткою поля отъ сорныхъ травъ, а на другой день угощаетъ ихъ пиромъ и спрашиваетъ ихъ, который изъ двухъ дней имъ больше пришелся по вкусу: — онъ какъ бы предоставляетъ на одобреніе всего своего народа то предпріятіе, которое имъ задумано, и затѣмъ уже выступаетъ въ поле. чтобы завоевать своему народу свободу, т. е. господство надъ другими народами,— ибо только въ этомъ смыслѣ понималась свобода на Востокѣ. Всѣ собранныя Греками сказанія о Кирѣ сводятся, въ сущности, къ тому, что, такъ или иначе, предводитель Персовъ возсталъ противъ господствовавшаго надъ ними владыки, вступилъ съ нимъ въ битву на персидской территоріи, близъ Пасаргада, и побѣдилъ (559 г.). Послѣ побѣды, господство надъ всей Западной Азіей перешло къ Персамъ. Свое призваніе къ власти Киръ тотчасъ же выказалъ почтительнымъ отношеніемъ своимъ къ сверженному имъ съ престола государю, а также и чрезвычайно разумнымъ стремленіемъ къ примиренію Мидянъ съ измѣнившимся ихъ положеніемъ. Не забылъ онъ и Персовъ, составлявшихъ главное, надежнѣйшее ядро его воинской силы, и первою наградою за ихъ мужество было освобожденіе ихъ отъ уплаты податей. На первыхъ порахъ Киръ выказалъ большую умѣренность, хотя, конечно, онъ и не думалъ удовольствоваться только однимъ покореніемъ Мидіи; да если бы и думалъ, то не могъ бы на этомъ остановиться, потому что свѣжій и сильный народъ, въ которомъ онъ пробудилъ стремленіе къ славѣ и добычѣ, не могъ бы удовольствоваться однимъ первымъ успѣхомъ. Распространеніе его власти на востокъ и покореніе родственныхъ иранскихъ народовъ совершилось, по-видимому, весьма легко, хотя намъ и не сохранилось о томъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Направить завоеванія свои на западъ Киръ былъ вынужденъ тѣмъ государемъ, который съ 563 г. правилъ въ Сардахъ — а именно *Крезомъ*, сыномъ Галіатта.

Паденіе Лидійскаго царства (548).

Царство Лидійское, въ долгое правленіе Галіатта (612—563), достигло высшей степени своего блеска. Нашествія Скиѳовъ прекратились. Сильный и способный правитель, воспользовавшись временнымъ установленіемъ мирныхъ отношеній съ Востокомъ, обратилъ свое оружіе противъ Гре-

ковъ, которые, захвативъ береговую полосу и устья рѣкъ, препятствовали развитію Лидійскаго царства. Ему удалось завоевать два весьма важныхъ города: *Смирну* и *Колофонъ*. Съ неменьшимъ успѣхомъ наслѣдникъ Галіатта съумѣлъ приманить къ себѣ Грековъ ласкою и лестью: онъ ослѣпилъ Эллиновъ блескомъ своего восточнаго двора, при которомъ высоко цѣнились искусства (а въ нихъ Греки успѣли уже далеко перегнать своихъ финикійскихъ или иныхъ какихъ-то учителей); греческіе скульпторы, какъ напр. Главкъ Хіосскій, работали уже для Галіатта и привыкли въ немъ видѣть щедраго покупщика своихъ произведеній. Богатые дары, посылаемые изъ «золотыхъ Сардъ» царемъ Крезомъ въ святилища Грековъ, тоже оказывали свое вліяніе: при дворѣ Креза видимъ греческія знаменитости—видимъ законодателя Аттики Солона и мудреца Віаса. Эта политика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; могущественнѣйшій изъ іонійскихъ городовъ малоазійскаго побережья, Милетъ, вступилъ въ союзъ съ Крезомъ; онъ покорилъ затѣмъ Эфесъ и переманилъ на свою сторону остальные на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, потому что ему необходимо было привлечь ихъ силы на службу своему царству, такъ какъ сами Лидяне, народъ мирный и промышленный, безъ всякихъ выспреннихъ стремленій, не могли удовлетворять широкимъ, честолюбивымъ замысламъ своей династіи, отличавшейся замѣчательною любовью къ блеску и величію.

Крезъ въ плѣну.

Все, повидимому, обстояло благополучно, когда внезапно разразившіяся на Востокѣ событія — паденіе Мидійскаго царства и возвышеніе Персіи— потрясли всю Переднюю Азію. Вмѣстѣ съ этимъ, для лидійскаго царя явился очень важный и требующій немедленнаго разрѣшенія вопросъ внѣшней политики: въ предстоящей борьбѣ съ новою, возникающей державой, слѣдуетъ-ли ему держаться только оборонительнаго положенія, или тотчасъ перейти къ наступленію? Не даромъ онъ предложилъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе высокочтимому богу Эллиновъ, Аполлону Дельфійскому... Отвѣтъ отъ оракула Дельфійскаго получился двойственный по смыслу: «если царь переступитъ рѣку Галисъ, то разрушитъ великое царство». Крезъ, недоумѣвая насчетъ истиннаго значенія этого предсказанія, сталъ готовиться къ войнѣ и набирать союзниковъ. Вавилонія и Египетъ точно такъ же готовились къ войнѣ, какъ и Лидія; имъ тоже непонутру было это новое, возрастающее могущество Персовъ. Эти военныя приготовленія нашли себѣ откликъ даже и за моремъ, на европейскомъ материкѣ, и могущественнѣйшій въ то время городъ Греціи — *Спарта*—вступилъ съ Крезомъ въ союзъ, предложенный царемъ въ формѣ, весьма лестной для гордости Спартанцевъ: «по слухамъ, знаю,—писалъ Крезъ,—что вы въ Элладѣ первые». Весною 549 г. Крезъ двинулъ войско и занялъ позицію на Птерійской плоской возвышенности. Первое сраженіе съ Персами произошло, однакоже, не раньше осени, и, благодаря замѣчательному мужеству, выказанному Лидянами (тогда еще довольно воинственными)— сраженіе было нерѣшительное. Трудно объяснить себѣ, какими соображеніями руководился Крезъ, когда приказалъ своему войску предпринять обратный походъ въ Лидію. Повидимому, онъ считалъ походъ оконченнымъ и даже распустилъ свои наемныя войска; вѣроятно, онъ надѣялся, что походъ будущаго года, въ которомъ должны были принять участіе и

союзники его, дастъ войнѣ рѣшительный оборотъ. Но оказалось, что онъ имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ противникомъ и съ народомъ, который не страшится трудностей похода въ суровое время года: — и вотъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, къ нему донеслась ужасная вѣсть о наступленіи Персовъ. Онъ долженъ былъ рѣшиться на вторую битву подъ самыми стѣнами своей столицы, былъ побитъ и отброшенъ въ Сарды; отъ союзниковъ нечего было ждать помощи, и, немного спустя, городъ Сарды и его крѣпость на высокой скалѣ, слывшая неприступною, достались въ руки побѣдителя. Весьма извѣстный разсказъ о томъ, будто бы Киръ осудилъ его на сожженіе и помиловалъ уже тогда, когда костеръ запылалъ, представляется маловѣроятнымъ, потому что противорѣчитъ персидскому міросозерцанію... Гораздо болѣе правдоподобнымъ кажется намъ предположеніе, что царь Крезъ, на котораго явно обрушился гнѣвъ боговъ, сообразно со своими семитическими воззрѣніями на жизнь, самъ задумалъ принести себя въ жертву гнѣвному божеству; но выпавшій дождь, помѣшавшій костру разгорѣться, послужилъ ему знаменіемъ того, что божество не принимаетъ его жертвы, и тогда онъ рѣшился вернуться къ жизни, великодушно даруемой ему побѣдителемъ (548).

Греческіе города Малой Азіи.

Несомнѣнно то, что Киръ обращался съ нимъ очень мягко. Это былъ человѣкъ большого ума, неспособный запятнать себя безцѣльною жестокостью, и, въ то же время, всегда доводившій дѣло до конца. Это должны были испытать на себѣ греческіе малоазійскіе города. Киръ предлагалъ имъ, до паденія Сардъ, союзъ противъ Креза, который былъ настолько же ихъ противникомъ, насколько и противникомъ Кира. Не успѣвъ обдумать этого предложенія, разрозненные въ своихъ дѣйствіяхъ, города малоазійскіе отвергли союзъ; но въ то же время не предприняли ничего для предстоящей борьбы съ Персами. Само собой разумѣется, что онъ справился съ ними весьма быстро. Городъ Милетъ былъ очень ловко отдѣленъ Киромъ отъ прочихъ городовъ: — Киръ подтвердилъ тамъ особый договоръ, который былъ Милетомъ заключенъ съ царемъ Лидійскимъ; а затѣмъ отвергъ предложеніе остальныхъ городовъ — подчиниться ему на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они были подчинены Лидянамъ. При возвращеніи своемъ изъ Лидіи въ Персію, Киръ поручилъ своему намѣстнику закончить дѣло покоренія малоазійскихъ греческихъ городовъ. Это совершилось довольно легко: — немного спустя, не только прибрежные города, но даже и острова Хіосъ и Лесбосъ признали надъ собою персидское владычество. Сосѣдняя *Фригія*, равно какъ и весьма важная по своему положенію *Киликія*—еще раньше подчинились Киру на весьма благопріятныхъ условіяхъ; только Ликійцы, на югѣ, еще упорно боролись съ Персами за независимость среди своей гористой страны: — словомъ, въ 545 до Р. Х. вся Малая Азія принадлежала Персамъ. Съ Лидянами Киръ обошелся очень мягко: они были только обезоружены, какъ говорятъ, по совѣту самого Креза... Весь западный берегъ Малой Азіи Киръ раздѣлилъ на двѣ провинціи съ двумя главными городами: *Сардами* на югѣ и *Даскиліономъ* на сѣверѣ; въ обоихъ помѣщены были сильные гарнизоны. Въ греческихъ городахъ, чтобы держать въ уздѣ мятежный

духъ гражданъ, Киръ поощрялъ развитіе власти отдѣльныхъ градоправителей, которымъ мѣстное населеніе придало названіе «*тирановъ*»; о постройкѣ флота Киръ не заботился; его завоевательная политика не простирала видовъ своихъ далѣе малоазійскаго побережья.

Завоеваніе Вавилона (538).

Самъ же онъ обратился къ Вавилону. Тамъ, послѣ смерти Навуходоносора, наступили кровавыя смуты; власть переходила изъ рукъ въ руки, и наконецъ, въ 555 г., избранъ былъ въ цари *Набунахидъ* (котораго Греки называютъ Лабиннетомъ).

Та быстрота и энергія, съ которыми Киръ овладѣлъ Лидійскимъ царствомъ, воспрепятствовали Египту и Вавилону начать противъ него войну: Лидія была обращена въ персидскую провинцію прежде, нежели даже союзники Креза успѣли вынуть мечъ изъ ноженъ. Ожидали, что побѣдитель Креза тотчасъ обратится противъ его союзниковъ, и прежде всего нападетъ на Вавилонъ. Въ сердцахъ покоренныхъ Вавилономъ народовъ, въ особенности же Іудеевъ, возродились надежды на освобожденіе отъ вавилонскаго ига... Но это освобожденіе пришло не такъ скоро, какъ его ожидали. Только уже вполнѣ утвердивъ свою власть на востокѣ и западѣ, только уже 10 лѣтъ спустя, Киръ рѣшился предпринять походъ, окончательною цѣлью котораго была весьма трудная задача: взятіе Вавилона. Весною 539 г. персидское войско двинулось и переправилось черезъ Тигръ. Оно нанесло Набунахиду пораженіе неподалеку отъ Вавилона и оттѣснило его отъ столицы съ большею частью его войска. Въ городѣ начальство было предоставлено сыну Набунахида—*Биль-саръ-уссуру* (Валтазару, по Библіи). Городъ былъ превосходно укрѣпленъ, всѣмъ необходимымъ снабженъ въ изобиліи; взять его приступомъ было невозможно. Но взятіе города совершилось при помощи такого пріема, который свидѣтельствуетъ о высокомъ развитіи персидскаго воинскаго искусства. Киръ приказалъ отвести рѣку, протекающую черезъ городъ, и по осушенному руслу ея Персы вступили въ Вавилонъ, жители коего праздновали въ это время какой-то праздникъ. Кому неизвѣстны прекрасныя и страшныя страницы книги пророка Даніила, служащія какъ-бы отголоскомъ этого грознаго событія? Царь Валтазаръ пируетъ со своими приближенными и, разгоряченный виномъ, приказываетъ принести золотыя и серебряные сосуды, нѣкогда похищенные Навуходоносоромъ изъ Іерусалимскаго храма—и вдругъ на стѣнѣ является таинственная рука и чертитъ на ней письмена, которыхъ не можетъ изъяснить царю ни одинъ изъ его мудрецовъ. Но вотъ онъ призываетъ одного изъ плѣненныхъ Іудеевъ, и тотъ, «вдохновляемый Богомъ», даетъ объясненіе написаннымъ на стѣнѣ словамъ, которыя гласятъ: «сочтенъ, взвѣшенъ и раздѣленъ». И странное пророчество сбывается въ ту же ночь: дни царствованія Валтазарова сочтены, онъ взвѣшенъ со всѣмъ своимъ могуществомъ—и царство его становится добычею Персовъ и Мидянъ... Городъ, въ который, по свидѣтельству одной надписи, Киру удалось войти безъ боя, не былъ разоренъ, а только занятъ сильнымъ персидскимъ гарнизономъ, и такимъ образомъ царству Персидскому былъ сохраненъ богатый рынокъ, а семитическому племени одинъ изъ его самыхъ большихъ центровъ. Киръ не коснулся даже божествъ вавилонскихъ и воздалъ имъ почтеніе: по

современному свидѣтельству, онъ «успокоилъ сердце жителей» (538 г. до Р. Х.).

Возвращеніе Евреевъ изъ плѣна.

Вслѣдъ за этимъ важнымъ событіемъ вся территорія покоренныхъ Вавилономъ народовъ добровольно подчинилась власти персидскаго завоевателя: и Сирія, и пограничная крѣпость Газа, и древняя земля Филистимлянъ, и финикійскіе города. По отношенію къ послѣднимъ Киръ слѣдовалъ той же политикѣ, которую примѣнилъ къ греческимъ малоазійскимъ городамъ. Во главѣ ихъ оставлены были древніе финикійскіе княжескіе роды, а вліятельное мѣстное большинство было и въ этихъ издревле-знаменитыхъ городахъ тѣсно связано съ персидскими государственными интересами. Въ высшей степени преданныхъ сторонниковъ въ этой части царства Киръ пріобрѣлъ себѣ въ Евреяхъ, которымъ онъ разрѣшилъ не только возвращеніе на родину, но даже возсозданіе ихъ храма и возстановленіе ихъ государства.

Число возвратившихся на родину было невелико: 42,360 свободныхъ людей, 7,337 рабовъ и рабынь ихъ; а все ихъ имущество помѣщалось на 435 верблюдахъ, 736 лошадяхъ, 250 мулахъ и 6,720 ослахъ. Возстановленіе государства ограничилось возобновленіемъ Іерусалима и ближайшихъ къ нему мѣстностей; культъ Іеговы былъ снова возстановленъ, а въ 536 г. положено основаніе новому храму. Однакоже вскорѣ оказалось, что возвратившіеся изъ плѣна Евреи вынесли съ собою изъ Вавилона непреклонное высокомѣріе мучениковъ, пострадавшихъ за правую вѣру. Священство пріобрѣло очень большое значеніе, и когда населеніе Самаріи задумало также принять участіе въ возсозданіи храма — это предложеніе было рѣзко отвергнуто. Начались раздоры, и великодушный Киръ нашелъ себя вынужденнымъ нѣсколько ограничить тѣ милости, которыя были дарованы Евреямъ: онъ воспретилъ продолжать постройку храма, такъ какъ она только подавала поводъ къ междоусобіямъ и нескончаемымъ ссорамъ. Однакоже, несмотря на то, что дѣйствительность далеко не оправдывала радужныхъ упованій, которыя Евреи связывали съ возстановленіемъ своего храма и государства, — вѣра въ лучшее будущее, вѣра въ возрожденіе не покидала избранныхъ Іеговою сыновъ Израилевыхъ. Напротивъ того, все, что̀ въ эту эпоху не сбывалось въ дѣйствительности, по глубокому внутреннему убѣжденію Евреевъ, должно было несомнѣнно сбыться въ будущемъ, и эта пламенная вѣра въ будущее — въ наступленіе минуты, когда должны были исполниться всѣ вожделѣнія сыновъ Израиля — окрѣпла и возросла въ нихъ какъ новая и могущественная сила, значительно способствовавшая укорененію и одухотворенію ихъ религіозныхъ воззрѣній, такъ рѣзко отличавшихъ культъ Іеговы отъ всѣхъ остальныхъ религій Востока. Признательно относясь къ побѣдителю Вавилона, Евреи признавали въ немъ орудіе Іеговы, даже избранника Іеговы, «призваннаго ниспровергать народы и низводить царей»... «Я призвалъ тебя, еще не признанный тобою», — такъ заставляетъ говорить Іегову пророкъ Іезекіиль въ обращеніи его къ знаменитому царю Персидскому.

Царство Кира.

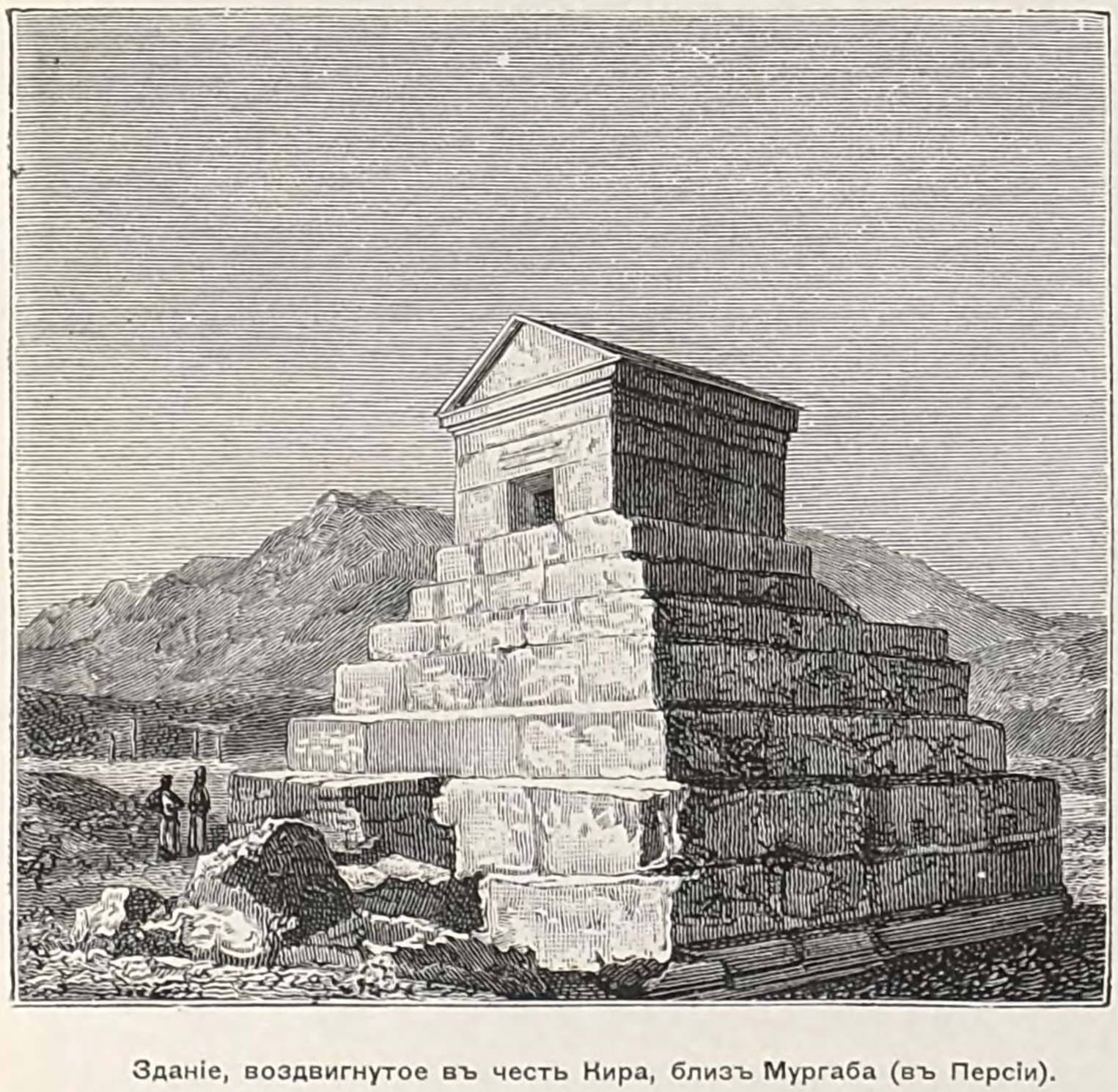
О походахъ Кира на Востокъ знаемъ мы только, что на юго-востокъ его завоеванія достигли Инда, на сѣверо-востокъ простирались до

Яксарта; что на этой рѣкѣ онъ заложилъ даже городъ, названный его именемъ. Границы, въ которыя онъ заключилъ свое царство, придали ему характеръ нѣкоторой цѣльности; уже то, что онъ остановился въ своихъ завоевательныхъ замыслахъ на берегу Эгейскаго моря съ одной стороны, а съ другой—на берегахъ Инда и на окраинѣ египетско-сирійской пустыни,—указываетъ намъ, что въ завоеваніяхъ Кира былъ извѣстный, довольно опредѣленный планъ.

Никогда еще, до того времени, не бывало на свѣтѣ подобнаго царства. Величіе человѣка, создавшаго это царство, мы можемъ измѣрить только по тѣни, которую онъ отъ себя отбросилъ, такъ какъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о его дѣятельности. Очевидно, что онъ не просто только завоевалъ всѣ эти многоразличныя страны, но что онъ старался даже *управлять* ими. Въ дѣятельности Кира видимъ уже съ достаточною ясностью то, что такъ несомнѣнно обнаруживается изъ достовѣрныхъ свѣдѣній о величайшемъ изъ его преемниковъ—что на управленіе этимъ громаднымъ царствомъ они оба смотрѣли какъ на выполненіе обязанности, возложенной на нихъ божествомъ. Широкою и прочною основою этого царства являлись иранскія племена, тѣсно связанныя между собою единствомъ языка, обычаевъ и религіозныхъ воззрѣній; самою же надежною опорою были собственно Персы, стоявшіе кругомъ Кирова трона, какъ отборная гвардія. Ихъ преданность, ихъ горячая привязанность, какъ подданныхъ, къ своему государю, носили чисто восточный характеръ; въ мощи и блескѣ царственнаго величія, даже въ страхѣ, внушаемомъ царскою властью, подданный видитъ на Востокѣ нѣчто такое, что наполняетъ его душу гордостью. И въ этомъ чувствѣ сходятся одинаково всѣ — и знатные, и ничтожные;—оно какъ бы служитъ имъ восполненіемъ той личной свободы, о которой они не имѣютъ понятія. Надо, однакоже, замѣтить, что эта монархія не была основана на безпредѣльномъ деспотизмѣ, и что царь Персидскій въ это время не былъ въ такой степени изолированъ, какъ въ послѣдующія времена. Около него, какъ шестеро амшаспандовъ,—духовныхъ князей около трона Ормуздова—стояли шестеро главныхъ князей-представителей персидской народности, стояли значительно ниже, но все же близко къ царю. Имъ были даны большія преимущества (такъ, напр., они пользовались во всякое время свободнымъ къ царю доступомъ, который былъ весьма затруднителенъ для всѣхъ остальныхъ смертныхъ) и они составляли, собственно говоря, совѣтъ царя; существовало еще какое-то высшее совѣщательное учрежденіе, состоявшее изъ 7 высшихъ судей, которымъ предлагались на разрѣшеніе важные вопросы права и государственнаго благосостоянія. Особенная забота была приложена къ тому, чтобы какъ можно тѣснѣе связать Персовъ съ ближайшимъ къ нимъ племенемъ Мидянъ, и цѣль эта была въ такой степени достигнута, что Греки придаютъ безразлично то имя Мидянъ, то имя Персовъ господствующему въ Персидскомъ царствѣ народному элементу.

Господство Персовъ надъ не-арійскими народами было весьма понятно, и господство это, конечно, по пріемамъ, стояло гораздо выше того правительственнаго искусства, которое проявляли ассирійскіе или вави-

лонскіе завоеватели. Побѣжденные Персами князья этихъ народовъ, даже покоренные послѣ долгой и упорной борьбы, не подвергались ни казнямъ, ни уничиженіямъ, ни возмутительнымъ жестокостямъ, столь обычнымъ во времена ассирійскихъ царей; но зато они и не бывали оставляемы Персами въ своихъ земляхъ въ качествѣ вассальныхъ правителей. Правительственная система персидскихъ царей была значительно гуманнѣе, но тверже и послѣдовательнѣе. Персидскіе цари щадили сверженныхъ ими государей, обходились съ ними съ достоинствомъ; но покоренныя страны обращали прямо въ *провинціи* Персидскаго царства, управляемыя персидскими намѣстниками, *сатрапами* (сатрапами), которыхъ избиралъ самъ царь, а персидскіе гарнизоны, начальники коихъ тоже назначались царемъ, обезпечивали Персамъ обладаніе этими провинціями и полное спокойствіе въ нихъ. Во всемъ остальномъ персидскіе цари не касались особенностей быта покоренныхъ ими народовъ, мѣстные обычаи и мѣстная религія оставались въ прежнемъ видѣ, и даже дани, налагаемыя Персами на побѣжденныхъ, нигдѣ не бывали чрезмѣрно обременительными. Личность Кира — этого перваго собирателя земель, вошедшихъ въ составъ обширнаго Персидскаго царства — видимо поразила современниковъ, судя потому, что намъ сохранилось множество баснословныхъ сказаній о его жизни и дѣятельности. Насколько рожденіе Кира, въ сказаніяхъ о немъ, обставлено чудесными предзнаменованьями, вѣщими снами и т. п., настолько же и смерть его облечена была туманомъ различныхъ маловѣроятныхъ легендъ.



Зданіе, воздвигнутое въ честь Кира, близъ Мургаба (въ Персіи).

Кончина Кира (529).

Изъ нихъ достовѣрно только то, что онъ умеръ въ походѣ, отъ раны (529 г.). Вблизи персидскаго города Мургаба возвышается, на основаніи, состоящемъ изъ 7 ступеней, простое каменное зданіе съ двускатной

кровлей; кругомъ разбросаны обломки колоннъ и пиластровъ, и на одномъ изъ нихъ изсѣчено изображеніе бородатаго человѣка въ длинномъ и узкомъ платьѣ. Надъ головою этой фигуры помѣщается клинообразная надпись: «я, Куру, царь изъ дома Ахэменидовъ».

Камбизъ.

Вторымъ царемъ изъ той же династіи былъ сынъ Кира *Камбудшіа* (Камбизъ, отъ 529—521 г.). Киръ довольствовался царствомъ, которое обѣщало быть прочнымъ, благодаря тому, что границы его были опредѣленными и, болѣе или менѣе, естественными. Къ несчастію, наслѣднику Кира показалось необходимо слѣдовать далѣе по тому же пути завоеваній, который представлялся ему обязательнымъ. Подвигъ, болѣе всего привлекавшій его — было то покореніе Египта, котораго Киръ весьма благоразумно избѣгалъ.

Египетъ послѣ Псамтика I (666).

Царственная власть, установившаяся въ Египтѣ послѣ временъ Эѳіопской династіи, пребывавшей постоянно въ *Саисѣ*, и послѣ ассирійскаго владычества съ *Псамтикомъ I* — носила на себѣ совершенно иной характеръ, отличный отъ власти предшествующихъ династій. Дабы свергнуть ассирійское иго, Псамтикъ вступилъ въ союзъ съ Лидійскимъ царемъ Гигесомъ и принялъ къ себѣ на службу наемныя войска, Іонянъ и Карійцевъ, посланныхъ ему Гигесомъ. Смѣлая попытка удалась: послѣ долгаго иноземнаго ига (58 лѣтъ эѳіопскаго и 17 лѣтъ ассирійскаго) странѣ была возвращена самостоятельность. Но уже миновали тѣ времена, когда эта страна, вполнѣ удовлетворявшая своимъ потребностямъ, могла жить своею жизнью, въ полной замкнутости отъ всего чужеземнаго: Псамтикъ вынужденъ былъ держать іонійскія и карійскія войска въ постоянныхъ лагеряхъ на восточной границѣ Египта и, конечно, въ связи съ этимъ долженъ былъ открыть египетскія гавани для торговыхъ сношеній съ Греками. Въ 630 г. основалось въ Египтѣ даже постоянное эллинское поселеніе, — укрѣпленная факторія Милетцевъ, *Милезіонтейхосъ*. Эти поощренія и послабленія, оказываемыя иноземцамъ, привели къ гибельной катастрофѣ. Предпочтеніе, отдаваемое царемъ иноземнымъ наемникамъ, возбудило ревность туземныхъ войскъ, принадлежавшихъ къ кастѣ воиновъ, и они, всею массою, покинувъ Египетъ, переселились на югъ, въ страну царя Напатскаго.

Нехо II (610). Амазисъ.

Этой именно воинской силы и недоставало способному и предпріимчивому преемнику Псамтика, фараону *Нехо II*, вступившему на тронъ въ приснопамятный г. 610 до Р. Х. Мы уже знаемъ о его походѣ въ Сирію и о пораженіи при Кархемышѣ, которое заставило его вернуться въ Египетъ и не предпринимать болѣе походовъ за его предѣлы. Здѣсь онъ принялся вновь за давно покинутыя работы по проведенію каналовъ, которые должны были соединить Нилъ съ Краснымъ моремъ и, въ связи съ этими работами, произошли въ его царствованіе событія первѣйшей важности: — состоявшіе на службѣ у фараона Нехо финикійскіе мореходы совершили путешествіе *кругомъ Африки*. На третій годъ, послѣ отплытія, они вернулись въ Египетъ черезъ проливъ, носившій у древнихъ названіе Геркулесовыхъ столповъ. Эти мореплаватели разсказывали, что оплывъ кругомъ Ливіи они стали видѣть солнце *по правую руку отъ себя* — чему Геродотъ, сообщая объ этомъ путешествіи, положительно

отказывается вѣрить. А между тѣмъ, именно это наблюденіе, которое финикійскіе мореплаватели не могли изобрѣсти, и служитъ прямымъ доказательствомъ того, что смѣлое предпріятіе было на самомъ дѣлѣ выполнено ими, ибо дѣйствительно, перейдя экваторъ, они должны были видѣть солнце по правую руку, въ сѣверномъ направленіи. При двухъ послѣдующихъ преемникахъ фараона Нехо — при фараонѣ *Хофрѣ* и *Псамтикѣ II* — въ Египтѣ происходили внутреннія смуты, которыя привели къ тому, что возмутившійся противъ послѣдняго царя вельможа его *Амазисъ*, человѣкъ умный и дальновидный, самъ вступилъ на престолъ. Правилъ онъ Египтомъ весьма искусно, ловко лавируя между приверженцами старыхъ египетскихъ порядковъ и необходимостью поддерживать дружественныя отношенія къ иноземцамъ. Готовясь къ грозившей ему борьбѣ съ возрастающимъ могуществомъ Персіи, Амазисъ, между прочимъ, заключилъ союзъ съ знаменитымъ въ то время тиранномъ Самосскимъ *Поликратомъ*, въ распоряженіи котораго находился значительный флотъ. Преимущественно же онъ заботился о внутреннемъ устроеніи Египта и, по смерти его, въ 528 г., царство Египетское, въ цвѣтущемъ состояніи *), было передано имъ сыну его, Псамениту или Псамтику III.

Персы въ Египтѣ (525).

При этомъ-то царѣ Камбизъ и пошелъ войною на Египетъ. Онъ уже задолго и притомъ весьма тщательно готовился къ этому трудному предпріятію, а потому и выполнилъ его легко и благополучно (525 г.). Ему удалось совершить даже весьма затруднительный переходъ черезъ пустыню безъ всякаго урона: Арабы Синайскаго полуострова оказывали ему всякое содѣйствіе и выставили впередъ, на пути Персовъ, подставы верблюдовъ съ запасомъ воды. Затѣмъ Персы одержали рѣшительную побѣду надъ Египтянами (при Пелузійскомъ рукавѣ Нила): вскорѣ послѣ того древній Мемфисъ сдался имъ безъ боя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ царь Псамменитъ, и весь Египетъ до Сіены, достались въ руки побѣдителей. Камбизъ проникъ и до древней столицы Эѳіопіи, завоевалъ и царство Напатское, а потому мы видимъ и негровъ на рельефныхъ изображеніяхъ Персеполя и Накши-Рустема, среди народовъ, платящихъ дань преемникамъ Камбиза. Хотя владычество Персовъ и не простиралось въ Египтѣ далѣе полуострововъ Барка, однакоже есть основаніе вѣрить тому, что Камбизъ намѣревался завоевать и Карѳагенъ; но Финикіяне отказались дать ему свои корабли для этого предпріятія. Все, что Греки, со словъ озлобленныхъ Египтянъ, разсказываютъ о жестокостяхъ и безумствахъ Камбиза во время его пребыванія въ Египтѣ, должно быть отвергнуто въ бо̀льшей своей части и вообще принимаемо съ величайшею осторожностью. Есть полное основаніе предполагать, что Камбизъ въ Египтѣ не отступалъ отъ политики своего отца по отношенію къ побѣжденнымъ, хотя, можетъ-быть, и не могъ слишкомъ кротко относиться къ упорнымъ и гордымъ Египтянамъ.

Смуты и смерть Камбиза.

Судя по одной изъ надписей въ Багистанѣ, изсѣченной по повелѣнію Камбизова наслѣдника, смерть этого царя была связана съ страшной восточной трагедіей. По этой надписи оказывается, что Камбуджія — неиз-

*) Въ то время въ Египтѣ насчитывали не менѣе 20.000 общинъ.

вѣстно по какимъ именно побужденіямъ,—незадолго до своего похода въ Египетъ, приказалъ тайно убить своего родного брата, Бардижа (Смердиса—по греческимъ извѣстіямъ); въ его отсутствіе поднялся въ Персіи мятежъ: «ложь возросла»—такъ гласитъ надпись,—«и въ самой Персіи, и въ Мидіи, и въ другихъ провинціяхъ». Этимъ воспользовался одинъ изъ маговъ, *Гаумата* по имени, и сталъ выдавать себя за «Бардижу, сына Кирова и брата Камбизова». Обманъ удался—и надпись указываетъ даже день, въ который этотъ обманщикъ былъ въ Пасаргадѣ возведенъ въ царское достоинство. Половина царства перешла на сторону самозванца, и Камбизъ очутился въ ужасномъ положеніи: онъ не рѣшался обнаружить истины, и не могъ примириться съ обманомъ... Доведенный до изступленія тяжелою внутреннею борьбою, онъ, по словамъ надписи, самъ наложилъ на себя руки. Законный наслѣдникъ Камбиза, старшій представитель младшей линіи Ахэменидовъ *Дараявушъ*, сынъ *Вистаспа* (Дарій Гистаспъ), въ это время находился въ войскѣ Камбиза. Сколько можно судить по дальнѣйшему ходу событій, Камбизъ сообщилъ ему страшную тайну разыгравшейся семейной драмы, и своимъ самоубійствомъ несомнѣнно подтвердилъ истину своего признанія...

Лже-Смердисъ и Дарій Гистаспъ.

Немногимъ государямъ приходилось добиваться престола при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ Дарію. Но этотъ, поистинѣ, великій государь, съумѣлъ преодолѣть всѣ трудности и добиться своей цѣли, на благо подданнымъ своего громаднаго государства. Прежде всего ему надо было, сохраняя въ тайнѣ предсмертное признаніе Камбиза,

Памятникъ Дарію въ Багистанѣ. Подъ ногою Дарія магъ Гаумата (Лже-Смердисъ); передъ нимъ 9 побѣжденныхъ мятежниковъ.

рѣшиться на убіеніе царя-самозванца, который велъ свое дѣло очень ловко и съумѣлъ уже многихъ привлечь на свою сторону. Но Дарій, убѣжденный въ законности своихъ правъ на престолъ, считалъ своею обязанностью наказать самозванца, и рѣшился на отчаянно-смѣлое дѣло.

Избіеніе магов (521).

Вернувшись изъ Египта въ Персію, Дарій первое время прикидывался послушнымъ и вѣрнымъ подданнымъ лже-царя. Между тѣмъ онъ сблизился съ высшими князьями персидскими, входившими въ составъ царскаго совѣта, и открылъ имъ свою тайну. Вмѣстѣ съ Даріемъ отправились они въ тотъ небольшой мидійскій городокъ, въ которомъ Лже-Смердисъ тогда находился, и, воспользовавшись своимъ правомъ входа къ царю во всякое время безъ доклада, они совершили свое дѣло. Геродотъ разсказываетъ намъ сцену убіенія Лже-Смердиса такъ живо и такъ подробно, какъ если бы онъ слышалъ ее прямо изъ устъ очевидца. Одинъ изъ двухъ маговъ (ихъ двое участвовало въ обманѣ) бѣжалъ и укрылся въ темномъ покоѣ, куда двое изъ князей, Габріасъ и Дарій, за нимъ послѣдовали; первый изъ нихъ бросился на обманщика, сталъ съ нимъ бороться, и Дарій, остановившись въ нерѣшительности, не смѣлъ пустить въ ходъ свой мечъ, опасаясь, что можетъ ранить Габріаса. «Что ты медлишь?» крикнулъ ему Габріасъ;—«коли́ смѣло, хотя бы ты даже и обоихъ насъ прокололъ своимъ мечемъ!» Смѣлый ударъ оказался удачнымъ... И другой магъ тоже палъ подъ мечами; а самый день избавленія страны отъ обманщиковъ (521 г.) долгое время праздновался у Персовъ, какъ праздникъ.

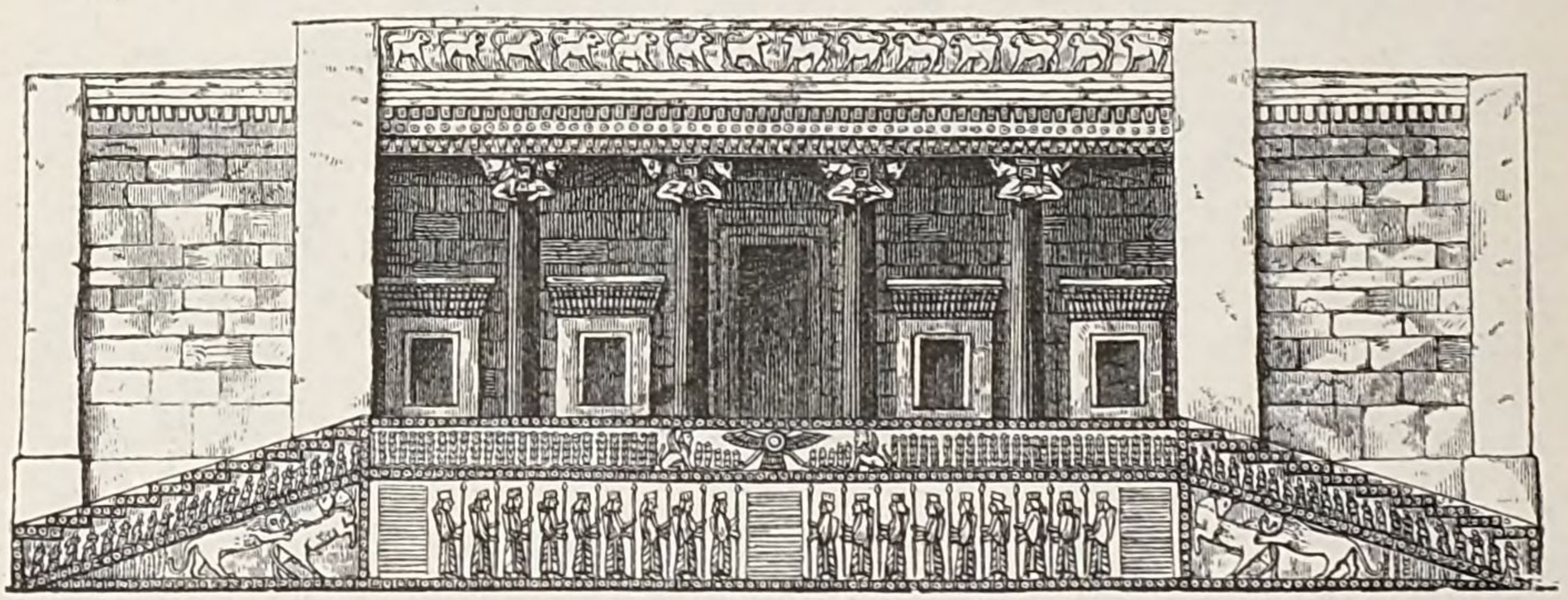
Дарій I (521—485). Подавленіе возстаній.

Сохранившаяся до нашего времени надпись на одной изъ скалъ Багистана, въ Мидіи, даетъ намъ подробный отчетъ о тѣхъ громадныхъ трудностяхъ, какія пришлось преодолѣть Дарію въ первые годы его царствованія. Возстаніе, почти повсемѣстное, началось въ Эламѣ или Сузіанѣ; затѣмъ распространилось оно на Вавилонъ, гдѣ явился Лже-Навуходоносоръ. Разбивъ его, Дарій принялся за осаду Вавилона, и тогда-то вездѣ, по словамъ надписи, «ложь распространилась въ царствѣ». Въ Сузіанѣ во главѣ мятежниковъ явился какой-то «Имани», въ Мидіи Лже-Фраортъ изъ Кіансарова дома; возстали и Парѳяне, и Гирканцы, и Арменія; въ самой Персіи явился второй Лже-Смердисъ... Одно время все казалось потеряннымъ для Дарія. Но Дарій все выдержалъ и не далъ себя поколебать. Послѣ упорнѣйшей двухлѣтней осады, онъ взялъ, наконецъ, Вавилонъ—и только тогда счастье обратилось въ его сторону. Побѣдивъ самозванцевъ и ихъ мятежныя скопища въ Сузіанѣ, въ Мидіи и Персіи, онъ пригвоздилъ обманщиковъ къ крестамъ; вслѣдъ за тѣмъ покорились Арменія, Парѳія, Маргіана, и, наконецъ, походомъ противъ Саковъ закончилась эта безпримѣрная борьба (518 г.). Въ память о событіяхъ этой борьбы и была изсѣчена драгоцѣнная Багистанская надпись, помѣщенная на скалѣ, надъ изображеніями самого Дарія, который, придавивъ къ землѣ ногою Лже-Смердиса, поверженнаго во прахъ, видитъ передъ собою возставшихъ противъ него царей, въ различныхъ одѣяніяхъ; всѣ они скованы между собою одною цѣпью, за шею; у всѣхъ руки скручены за спину. Надпись каждаго изъ этихъ «лжецовъ» называетъ по-имени. Надъ ихъ изображеніемъ помѣщено изображеніе Ормузда,

и въ заключеніе надписи сказано: «что я сдѣлалъ, то сдѣлалъ милостью Ормузда... О, ты, который послѣ меня будешь царемъ, болѣе всего остерегайся лжи».

Внутреннее устройство царства.

Такимъ образомъ, Дарій вновь возстановилъ царство Кира, и даже



Реставрація южнаго фасада Дарієва дворца въ Персеполѣ. По Фландену.

нѣсколько расширилъ его побѣдивъ племена, жившія между Чернымъ и Каспійскимъ морями, а на юго-востокѣ одержавъ побѣду надъ Индусами; и въ Египтѣ, который не принималъ участія въ смутахъ первыхъ лѣтъ Дарієва царствованія, онъ продвинулъ предѣлы Персидскаго владычества на Ю.-З. до самаго Сирта. Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ завоеваній было то, что Дарій съумѣлъ дать прочное устройство тому громадному пространству земель (по крайней мѣрѣ 100,000 кв. м., съ населеніемъ въ 60 — 80 милліоновъ), надъ которымъ призванъ былъ царствовать «по милости Ормузда»; и это устройство доставило населенію его обширнаго царства возможность жить спокойно, въ тишинѣ предаваясь мирному труду.

Изъ развалинъ дворцоваго зала со 100 колоннами въ Персеполѣ. Дарій на тронѣ. По Роулинсону.

Центромъ этого, изъ столькихъ различныхъ народностей составленнаго государства, былъ самъ государь, менѣе своихъ предшественниковъ, ассирійскихъ и вавилонскихъ государей, придававшій значенія грубой силѣ,

но за то выше ихъ цѣнившій справедливость и истину. Въ царскихъ дворцахъ, въ Персеполѣ и Сузѣ, былъ собранъ весь блескъ царства, что̀ на каждаго смертнаго производило впечатлѣніе поразительное. 15,000 народа, по вычисленіямъ изслѣдователей, ежедневно получали столъ и питались у воротъ царскаго дворца, при чемъ прилагалась всяческая забота къ тому, чтобы какъ можно болѣе придать внушительности царскому величеству. Кто дерзалъ безъ разрѣшенія и доклада предстать предъ царскія очи, того ожидала смерть; кому разрѣшалось лицезрѣніе царя, тотъ долженъ былъ падать ницъ передъ нимъ. Говорить съ царемъ можно было только въ положеніи просительномъ, скрывъ руки въ рукава одежды; и даже ближайшіе къ нему вельможи, съ которыми царь сносился лично,—его «застольные товарищи»—были обычно отдѣляемы занавѣсомъ отъ того пространства, гдѣ царь изволилъ кушать одинъ. Подданнымъ своимъ царь являлся только при самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Чиновники; войско; положеніе Персовъ.

Воля царя была ничѣмъ не ограничена; богатыя награды и ужасныя кàры исходили изъ рукъ его, и такъ какъ эти жестокія кàры нерѣдко обрушались на того или другого изъ знатныхъ людей, всѣмъ извѣстныхъ въ народѣ, то онѣ всегда производили глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Разстояніе между царемъ и подданнымъ было неизмѣримо велико, однакоже и подданные не всѣ были между собою равны. Положеніе государя отчасти раздѣляла и та нація, которая это царство создала; царь избиралъ себѣ женъ только изъ знатныхъ персидскихъ домовъ; персидскимъ же вельможамъ давалъ онъ своихъ дочерей въ жены, а сыновей своихъ женилъ на ихъ дочеряхъ—и такимъ образомъ около царя образовался кругъ приближенныхъ; сыновья знатныхъ Персовъ воспитывались при дворѣ и занимали служебныя должности при особѣ государя; здѣсь находили они себѣ постоянное упражненіе въ національныхъ доблестяхъ своихъ — здѣсь пріучались съ дѣтства ѣздить на конѣ и охотиться, стрѣлять изъ лука и говорить правду, слѣдовательно укрѣплялись въ высшемъ нравственномъ законѣ религіи Зороастра; такимъ образомъ они были готовымъ разсадникомъ для высшихъ служебныхъ должностей, и готовились къ нимъ, проводя самое впечатлительное время жизни тамъ, гдѣ собирался весь цвѣтъ и блескъ персидскаго народа. Изъ этого-то круга избирались намѣстники 20 большихъ провинцій, на которыя подраздѣлялось Персидское царство — тѣ *сатрайпаты* (или «отцы народа»), на обязанности которыхъ лежало гражданское управленіе, заботы о правосудіи отъ имени царя, собираніе и своевременный взносъ податей къ королевскому двору. Но они не касались вовсе командованія войсками. Для

Золотая дарейка. Берлинскій мюнцъ-кабинетъ.

Серебряная дарейка. Берлинскій мюнцъ-кабинетъ.

этой цѣли назначались отъ царя особые военачальники, которые и приказанія получали непосредственно отъ самого царя, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда чрезвычайныя обстоятельства или особое довѣріе царя развязывали руки военачальникамъ. Вполнѣ разумно и энергично, немногими и простыми средствами, была придана царскому слову чрезвычайная сила. По всему царству пролегала большая дорога; она соединяла всѣ важнѣйшіе города между собою, въ нѣкоторыхъ пунктахъ была защищена укрѣпленными замками и шла непрерывно отъ іонійскаго берега до Инда, отъ Мемфиса до «крайняго Кирова-города» на берегу Яксарта; на этой дорогѣ, по всѣмъ станціямъ, стояли осѣдланные кони, и царскіе гонцы всегда были готовы мчаться по первому царскому приказу изъ конца въ конецъ царства. Царскій указъ, сданный гонцу въ Сузѣ, везли день и ночь, съ величайшею быстротою, передавая со станціи на станцію,— къ сатрапамъ въ провинцію, къ военачальникамъ, къ комендантамъ крѣпостей, смотря по тому, къ кому указъ былъ направленъ. Геродотъ говоритъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего такого, что бы могло скорѣе этихъ гонцовъ прибыть на мѣсто. Прежде чѣмъ врагъ или мятежникъ успѣвалъ собрать свои силы, отпоръ ему уже былъ готовъ, и отборный 10,000-й отрядъ такъ-называемыхъ «безсмертныхъ», да къ нему такихъ же 2,000 отборныхъ всадниковъ, да столько же пѣшихъ копейщиковъ, содержавшихся всегда въ полной боевой готовности,—могли двинуться тотчасъ въ видѣ подтвержденія къ быстро-долетѣвшему указу. Этимъ путемъ всему населенію государства были дарованы великія блага: порядокъ и безопасность; и эта вездѣсущая сила, по крайней мѣрѣ въ тѣ отдаленныя времена, придавала персидскому владычеству, по восточнымъ понятіямъ, нѣкотораго рода популярность. Благоразумно поощрялась правительствомъ промышленная дѣятельность. Лидяне, въ половинѣ VII вѣка до Р. Х., изобрѣли чеканку монеты: имя царя, либо государственный гербъ, отчеканенные на монетѣ, обезпечивали полный вѣсъ куска металла и Дарій ввелъ монету

Дарій со свитой. Древне-персидскій барельефъ. Изъ сочиненія Тесье.

въ употребленіе въ своемъ громадномъ царствѣ. Золотая монета, такъ-называемая *Дарейка*, цѣною въ 11 1/2 нынѣшнихъ нашихъ рублей, была въ обращеніи отъ Нила до Оксуса, отъ Инда до Эгейскаго моря и облегчала торговыя сношенія между этими такъ богато-одаренными отъ природы странами, утучненными исконной культурой. Весьма важно было и то, что религія господствующаго народа была для исповѣдывавшихъ ее дѣйствительно-нравственною силою: не слѣдуетъ забывать, что своею высшею обязанностью Персы (въ лучшее время) почитали искренность... Немаловажно было и то, что религія обязывала Персовъ заботиться о тщательной обработкѣ земли. Обширные и великолѣпные сады и парки окружали всюду резиденціи сатраповъ, и даже полтора вѣка спустя послѣ Дарія, принцъ изъ рода Ахэменидовъ еще показывалъ своимъ гостямъ съ гордостью на тѣ деревья, которыя были посажены его рукою.

Подчиненные народы.

Кромѣ этого внѣшняго порядка и безопасности, персидское правительство ничего не могло доставить своимъ подданнымъ; но за то оно и не стѣсняло ихъ: частная дѣятельность могла развиваться совершенно свободно,—власть не была придирчива. Налоги, собираемые для содержанія двора въ Сузѣ (преимущественно натурою), были не чрезмѣрно велики, и если сатрапы и ихъ окружающіе и наживались поборами съ народа, то эти поборы, во всякомъ случаѣ, не были особенно обременительными; доказательствомъ этого служитъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что огромныя богатства могли наживаться въ персидскомъ царствѣ и не Персами-подданными. Въ этомъ смыслѣ особенно поучителенъ примѣръ Лидянина Пахіоса, который наслѣднику Дарія предложилъ въ даръ всѣ свои денежные капиталы, состоявшіе изъ 2.000 серебр. талантовъ и 3 1/2 милліоновъ золотыхъ дарейекъ, и все же могъ жить безбѣдно, потому что у него оставалась въ рукахъ значительная собственность, въ видѣ множества рабовъ и обширныхъ земельныхъ владѣній. Нельзя упустить изъ вида и того, что, при господствующей системѣ правленія, высшіе сановники подвергались наиболѣе зоркому наблюденію, и что государственные поборы,—какъ это можно видѣть на уцѣлѣвшихъ изображеніяхъ,—передавались выборными отъ тѣхъ или другихъ странъ самому царю, изъ чего слѣдуетъ заключить, что имъ не воспрещенъ былъ доступъ къ монарху.

Легко можетъ быть, что это царство, созданное по восточному образцу, еще долго просуществовало бы и процвѣтало бы, держась въ своихъ опредѣленныхъ границахъ. Но лишь весьма немногіе изъ восточныхъ самодержцевъ способны были собственною волею удержаться отъ распространенія своихъ владѣній путемъ завоеваній; даже и Дарій не хотѣлъ удовольствоваться царствомъ, которое унаслѣдовалъ отъ своего предшественника. На одной изъ надписей ему прямо влагаются въ уста слова: «копье персидскаго воина должно подъ моею властью проникнуть далѣе предѣловъ царства»,—и онъ, какъ извѣстно, уже поручилъ довѣреннымъ лицамъ ближайшее изслѣдованіе прибрежья и острововъ, заселенныхъ Іонянами. Его мысль, очевидно, уже стремилась туда, гдѣ,—по другую сторону Эгейскаго моря — начинался иной, новый міръ, въ которомъ все было чуждо Персамъ, все совсѣмъ иначе устроено... Этотъ міръ, изъ-за моря, уже начиналъ вторгаться въ жизнь отдаленнаго Востока.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эллины.—Происхожденіе и исторія націи до столкновенія съ Персами.

Востокъ и Западъ.

Переходя отъ обзора различныхъ сторонъ быта громаднаго Персидскаго царства къ исторіи Запада, мы невольно поражаемся тою полнѣйшею противоположностью съ Востокомъ, которую мы здѣсь встрѣчаемъ во всѣхъ проявленіяхъ исторической жизни. На Востокѣ государство, организація и порядокъ идутъ,—если можно такъ выразиться,—*сверху*, вслѣдствіе чего создается нѣкоторый механически-правильный общественный строй, обычно приводящій къ непомѣрному развитію власти того, кто въ этомъ строѣ составляетъ главную основу и опору, т. е. царя. Права народа оказываются тамъ совершенно ничтожными передъ волею монарха, и самое понятіе о законѣ, о государственномъ правѣ, въ западномъ значеніи этого слова, тамъ не существуетъ.

Не то видимъ на Западѣ: здѣсь сила, создающая государство, идетъ *снизу*, отъ единицы; единичное благо есть постоянная и главная цѣль, созидающая и связующая общество. Здѣсь только и могло сложиться понятіе о *личной свободѣ*, которое, и какъ понятіе, и какъ слово, напрасно стали бы мы искать въ древнихъ языкахъ и надписяхъ Востока, или даже въ самомъ Ветхомъ Завѣтѣ. Эллинамъ впервые удалось сознательно провести это понятіе въ жизнь общественную, и тѣмъ придать новую силу нравственной дѣятельности человѣка:—въ этомъ заключается ихъ всемірно-историческая заслуга, въ этомъ и вся сущность ихъ исторіи.

1. Происхожденіе Эллиновъ.

Переселенія изъ Азіи.

Основнымъ и первоначальнымъ событіемъ въ исторіи той части свѣта, которую мы называемъ древнимъ семитическимъ названіемъ *Европы* (полуночной страны), было нескончаемо-долго длившееся переселеніе въ нее народовъ изъ Азіи. Что предшествовало этому переселенію, то покрыто полнѣйшимъ мракомъ: если и было гдѣ, до этого переселенія, населеніе туземное, то оно было очень рѣдкимъ, стояло на самой низкой степени развитія, а потому и было переселенцами вытѣснено, порабощено, истреблено. Этотъ процессъ переселенія и прочнаго поселенія на новыхъ сельбищахъ сталъ принимать форму историческаго и разумнаго проявленія народной жизни—*ранѣе всего* — на Балканскомъ полуостровѣ, и притомъ въ южной его части, къ которой, со стороны азіятскаго берега, какъ бы проведенъ мостъ, въ видѣ почти непрерывнаго ряда острововъ: дѣйствительно, *Спорадскіе* и *Кикладскіе* острова такъ близко лежатъ другъ къ другу, что какъ бы заманиваютъ переселенца, привлекаютъ, удер-

БИБЛІОТ. ВАРШАВ. МУЖ. ГИМН.

ГЕРА.

Мраморная голова въ виллѣ Лудовизы (въ Римѣ). Эпоха Праксителя.

живаютъ, указываютъ ему дальнѣйшій путь. Римляне назвали жителей южной части Балканскаго полуострова и прилежащихъ къ ней острововъ—*Греками* (Graeci); сами же они называли себя впослѣдствіи однимъ общимъ именемъ — *Эллины* *). Но они приняли это общее названіе уже въ довольно позднюю эпоху своей исторической жизни, когда уже сложились въ своемъ новомъ отечествѣ въ цѣльный народъ.

Эти жители, переселившіеся на Балканскій полуостровъ, принадлежали къ *арійскому* племени, какъ это положительно доказывается намъ сравнительнымъ языкознаніемъ; и та же наука выясняетъ намъ, въ общихъ чертахъ, объемъ культуры, вынесенной ими изъ ихъ восточной прародины. Въ кругъ вѣрованій ихъ входили: богъ свѣта—Зевсъ или Діосъ; богъ всеобъемлющаго небеснаго свода—Варуна или Уранъ; богиня земли; посолъ боговъ — Гермесъ, и еще нѣсколько наивно-религіозныхъ олицетвореній, воплощавшихъ силы природы; въ области быта имъ была извѣстна необходимѣйшая домашняя утварь и земледѣльческія орудія, обычнѣйшія домашнія животныя умѣреннаго пояса — волъ, конь, овца, собака, гусь; имъ свойственно было понятіе объ осѣдлости, прочномъ жилищѣ, о домѣ, въ противоположность съ переноснымъ шатромъ кочевника; наконецъ, они обладали языкомъ уже весьма развитымъ и свидѣтельствовавшимъ о довольно высокой степени развитія. Вотъ съ чѣмъ вышли эти переселенцы изъ старыхъ мѣстъ поселенія, и что они принесли съ собою въ Европу.

Переселеніе ихъ, конечно, было совершенно произвольное, никѣмъ не руководимое — не имѣвшее никакой опредѣленной цѣли и плана; оно совершалось, безъ сомнѣнія, подобно европейскимъ выселеніямъ въ Америку, происходящимъ на глазахъ у насъ въ настоящее время, т. е., переселялись семьями, толпами, изъ которыхъ, большею частью, уже спустя много времени, въ новомъ отечествѣ складывались отдѣльные роды и племена. Въ этомъ переселеніи, какъ и въ современномъ переселеніи въ Америку, конечно, принимали участіе не богатые и знатные, и не самый низшій слой населенія, менѣе всего подвижный; переселялась, вообще говоря, *наиболѣе энергическая часть бѣдняковъ*, которая, при выселеніи, имѣетъ въ виду улучшеніе своей участи.

Природа страны.

Территорію, избранную ими для поселенія, они нашли не совсѣмъ пустою и безлюдною: они встрѣтили тамъ первобытное населеніе, которое впослѣдствіи разумѣли подъ общимъ названіемъ *Пелазговъ*. Между древнимъ названіемъ различныхъ урочищъ этой территоріи встрѣчаемъ многія носящія на себѣ отпечатокъ семитическаго происхожденія **), и можно даже предположить, что нѣкоторыя части территоріи были заселены семитическими племенами. Тѣ переселенцы, которымъ пришлось вступить на Балканскій полуостровъ съ С., наткнулись тамъ на другого рода населенія, и дѣло не вездѣ обошлось безъ борьбы. Но мы обо всемъ этомъ ничего положительнаго не знаемъ, и только предполагаемъ, что первоначальное пеласгическое населеніе территоріи было немногочисленно. Новые переселенцы, однакоже, искали видимо не пастбищъ и не торжищъ,

*) Легко можетъ быть, что первоначально это было частное названіе отдѣльнаго какого-нибудь племени.

**) Напр. *Саламисъ*—городъ мира, городъ благополучія.

а такихъ мѣстъ, на которыхъ они могли бы прочно осѣсть, и вотъ, мѣстность на югъ отъ Олимпа, хотя и не особенно богатая большими и плодоносными равнинами, показалась имъ особенно привлекательною.ɔ Съ сѣверо-запада на юго-востокъ тянется здѣсь по всему полуострову горный хребетъ Пиндъ, съ вершинами до 2500 метровъ, съ проходами въ 1600—1800 метровъ; онъ и составляетъ водораздѣлъ между Эгейскимъ и Адріатическимъ моремъ. Съ его высотъ, обратясь лицомъ къ югу, видимъ съ лѣвой стороны къ востоку, плодоносную равнину, съ прекрасной рѣкой,—страну, впослѣдствіи получившую названіе *Θессаліи*; на западъ—страну изрѣзанную горными цѣпями, параллельными Пинду,—это *Эпиръ* съ его лѣсистыми высотами; далѣе подъ 49° с. ш. простирается страна, позднѣе получившая названіе *Эллады* — собственно Средняя Грецiя. Эта страна—хотя и есть въ ней мѣстности горныя и довольно дикія, а въ серединѣ ея поднимается двувершинный Парнассъ, возвышающійся на 2460 метровъ—все же была очень привлекательна на видъ; чистое небо, рѣдко перепадающіе дожди, много разнообразія въ общемъ видѣ мѣстности; немного подалѣе, обширная равнина, съ озеромъ посрединѣ, изобилующимъ рыбой — это позднѣйшая Віотія; горы всюду были обильнѣе покрыты лѣсомъ въ то время, нежели позднѣе; рѣкъ немного и всѣ мелководны; на З. вездѣ до моря — рукой подать; южная часть вся представляетъ собою гористый полуостровъ, почти вполнѣ отдѣленный водою отъ остальной Греціи — это *Пелопоннезъ*. Вся эта страна, гористая, съ рѣзкими переходами климата, имѣетъ въ себѣ нѣчто такое, что будитъ энергію и закаляетъ силу; а главное: самымъ устройствомъ своей поверхности она благопріятствуетъ образованію отдѣльныхъ небольшихъ общинъ, вполнѣ замкнутыхъ—и тѣмъ способствуетъ развитію въ нихъ горячей любви къ родному углу. Въ одномъ отношеніи эта страна имѣетъ дѣйствительно несравненныя преимущества: весь восточный берегъ полуострова чрезвычайно извилистъ; въ немъ не менѣе пяти большихъ бухтъ и притомъ со множествомъ развѣтвленій—слѣдовательно, онъ вездѣ доступенъ, а большое изобиліе дорого цѣнившагося въ то время пурпурнаго молюска въ нѣкоторыхъ заливахъ и проливахъ (напр., Эвбейскомъ и Сароничскомъ), а въ другихъ мѣстностяхъ изобиліе въ корабельномъ лѣсѣ и минеральныхъ богатствахъ, уже очень рано стали привлекать сюда иноземцевъ. Но иноземцы никогда не могли далеко проникнуть въ глубь страны, такъ какъ ее, по самому характеру мѣстности, всюду легко было защитить отъ внѣшняго вторженія.

Финикійское вліяніе.

Впрочемъ, въ то отдаленное время первыхъ поселеній арійскаго племени на Балканскомъ полуостровѣ только *одинъ* народъ могъ бы помѣшать естественному росту и развитію арійцевъ — а именно: *Финикіяне*; но они и не помышляли о колонизаціи въ большихъ размѣрахъ. Ихъ вліяніе однакоже было весьма значительно, и, вообще говоря, даже благодѣтельно; по преданію, основателемъ одного изъ греческихъ городовъ, города Θивъ, былъ Финикіецъ, Кадмъ, и это имя дѣйствительно носитъ на себѣ отпечатокъ семитическій и обозначаетъ—«человѣкъ съ Востока»; поэтому, пожалуй, можно предположить, что было такое время, когда финикійскій элементъ былъ среди населенія преобладающимъ.

Онъ доставилъ арійскому населенію драгоцѣнный подарокъ—*письмена*, которыя у этого подвижнаго и оборотливаго народа, постепенно развиваясь изъ египетской основы, обратились въ настоящее *звуковое* письмо, съ отдѣльнымъ знакомъ для каждаго отдѣльнаго звука — *въ алфавитъ*. Конечно, въ этомъ видѣ, письмена послужили могучимъ орудіемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ развитія арійскаго племени. И религіозныя представленія и обряды Финикіянъ оказали также нѣкоторое вліяніе, которое не трудно признать въ отдѣльныхъ божествахъ позднѣйшаго времени, напримѣръ, въ Афродитѣ, въ Гераклѣ: въ нихъ нельзя не видѣть Астарту и Ваала-Мелькарта финикійскихъ вѣрованій. Но и въ этой области финикійское вліяніе проникало не глубоко. Оно только возбуждало, но не овладѣвало вполнѣ, и всего яснѣе выказывалось это въ языкѣ, который, впослѣдствіи, сохранилъ и усвоилъ себѣ лишь весьма незначительное число словъ семитическаго характера, и то, преимущественно, въ видѣ торговыхъ терминовъ. Египетское вліяніе, о которомъ также сохранились преданія, конечно, было еще слабѣе финикійскаго.

Образованіе эллинской націи.

Эти соприкосновенія съ чуждымъ элементомъ были именно тѣмъ важны, что они выяснили пришлому арійскому населенію его своеобразный характеръ, особенности его быта — довели ихъ до сознанія этихъ особенностей — и тѣмъ самымъ способствовали ихъ дальнѣйшему самостоятельному развитію. О дѣятельной духовной жизни арійскаго народа, на почвѣ его новой родины, свидѣтельствуетъ уже то безконечное множество миѳовъ о богахъ и герояхъ, въ которыхъ выказывается творческая фантазія, сдерживаемая разумомъ, а не расплывчатая и необузданная на восточный образецъ: — эти миѳы представляютъ собою отдаленный отголосокъ тѣхъ великихъ переворотовъ, которые придали странѣ ея окончательный видъ, и которые извѣстны подъ названіемъ «*странствованія Дорянъ*».

Дорійское странствованіе и его вліяніе.

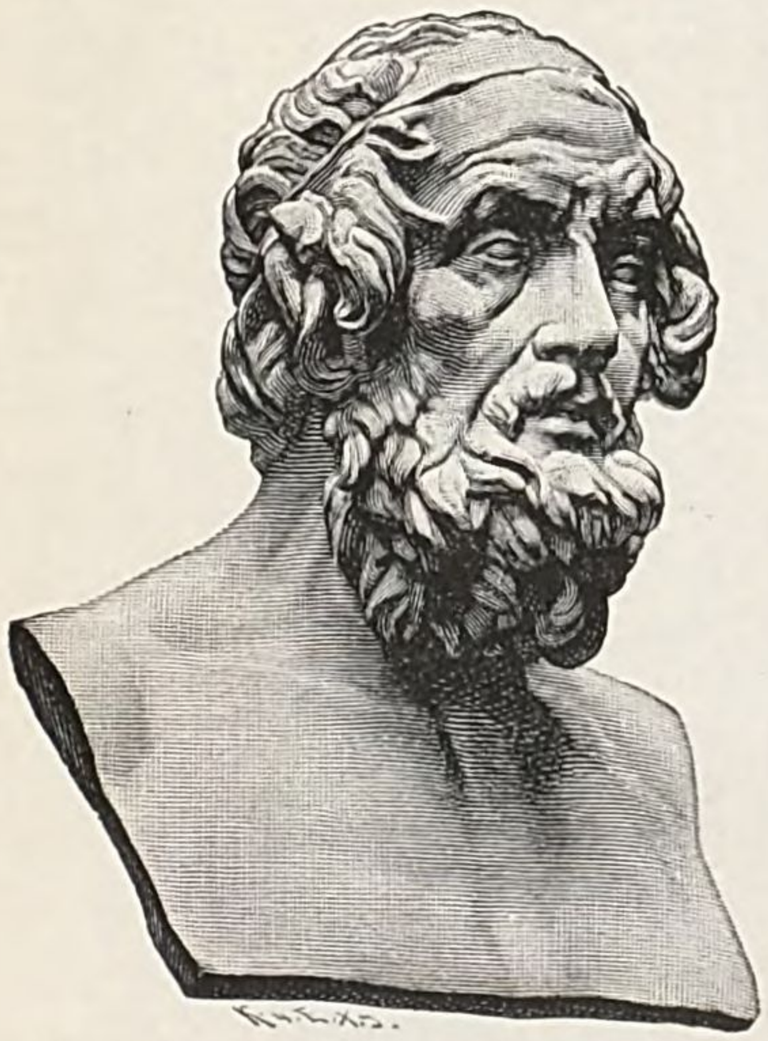
Эту эпоху переселеній пріурочиваютъ обыкновенно къ 1104 г. и конечно, совершенно произвольно, потому что у подобнаго рода событій никогда нельзя указать опредѣленно ни начало, ни конецъ ихъ. Внѣшній ходъ этихъ переселеній народовъ на небольшомъ пространствѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: племя Ѳессалійцевъ, осѣвшее въ Эпирѣ между Адріатическимъ моремъ и древнимъ святилищемъ Додонскаго оракула, перешло черезъ Пиндъ и овладѣло на востокъ отъ этого хребта плодородною страною, простиравшеюся до моря; этой странѣ племя и дало свое имя. Одно изъ племенъ, потѣсненныхъ этими Ѳессалійцами, потянулось на югъ и одолѣло Минійцевъ въ Орхоменѣ и Кадмейцевъ въ Ѳивахъ; въ связи съ этими передвиженіями или даже ранѣе ихъ, трехъ народецъ, *Доряне*, поселившіеся было на южномъ склонѣ Олимпа, тоже двинулся въ южномъ направленіи, завоевалъ небольшую гористую область между Пиндомъ и Этой — *Дориду*, но не удовольствовался ею, потому что она показалась тѣсна этому многочисленному и воинственному народцу, а потому онъ и заселилъ еще южнѣе гористый полуостровъ *Пелопоннезъ* (т. е. островъ Пелопса). По преданію, этотъ захватъ оправдывался какими-то правами дорійскихъ князей на область Аргосскую въ Пелопоннезѣ,—правами, перешедшими къ нимъ отъ ихъ родоначальника,

Геракла. Подъ начальствомъ трехъ вождей, подкрѣпившись по пути этолійскими толпами, они вторглись въ Пелопоннезъ. Этолійцы осѣли на сѣверо-востокѣ полуострова на равнинахъ и холмахъ Элиды; три отдѣльныя толпы Дорянъ, въ теченіе извѣстнаго періода времени, овладѣваютъ всѣмъ остальнымъ пространствомъ полуострова, кромѣ лежащей въ центрѣ его гористой страны Аркадіи, и такимъ образомъ основываютъ три дорійскія общины — *Аргосъ, Лаконію, Мессенію* — съ нѣкоторою примѣсью покореннаго Дорянами ахейскаго племени, первоначально здѣсь жившаго. И побѣдители, и побѣжденные — два различныхъ племени, не два различныхъ народа — образовали тутъ нѣкоторое подобіе маленькаго государства. Часть Ахеянъ въ Лаконіи, которымъ не по сердцу приходится ихъ порабощеніе, устремляются на іонійскія поселенія сѣверо-восточнаго побережья Пелопоннеза при Коринѳскомъ заливѣ. Вытѣсненные отсюда Іоняне выселяются на восточную окраину Средней Греціи, въ Аттику. Вскорѣ послѣ того Доряне попытались было двинуться на сѣверъ и проникнуть въ Аттику; но эта попытка не удалась — и они должны были удовольствоваться Пелопоннезомъ. Но Аттика, не особенно плодородная, не могла выносить слишкомъ большого переполненія населеніемъ. Это повело къ новымъ выселеніямъ за Эгейское море, въ Малую Азію. Переселенцы заняли тамъ среднюю полосу берега и основали извѣстное количество городовъ — Милетъ, Міусъ, Прине, Эфесъ, Колофонъ, Лебедосъ, Эритрэ, Теосъ, Клазомены — и единоплеменники стали собираться для ежегодныхъ празднествъ на одномъ изъ Кикладскихъ острововъ, *Делосѣ*, на который сказанія эллиновъ указываютъ, какъ на мѣсто рожденія солнечнаго бога, Аполлона. Берега на Ю. отъ занятыхъ Іонянами, а равно и южные острова—Родосъ, Критъ—были заселены переселенцами дорійскаго племени; мѣстности же къ сѣверу—Ахеянами и другими: самое названіе *Эолиды* эта мѣстность получила именно отъ пестроты и разнообразія своего населенія, для котораго также извѣстнаго рода сборнымъ пунктомъ былъ островъ Лесбосъ.

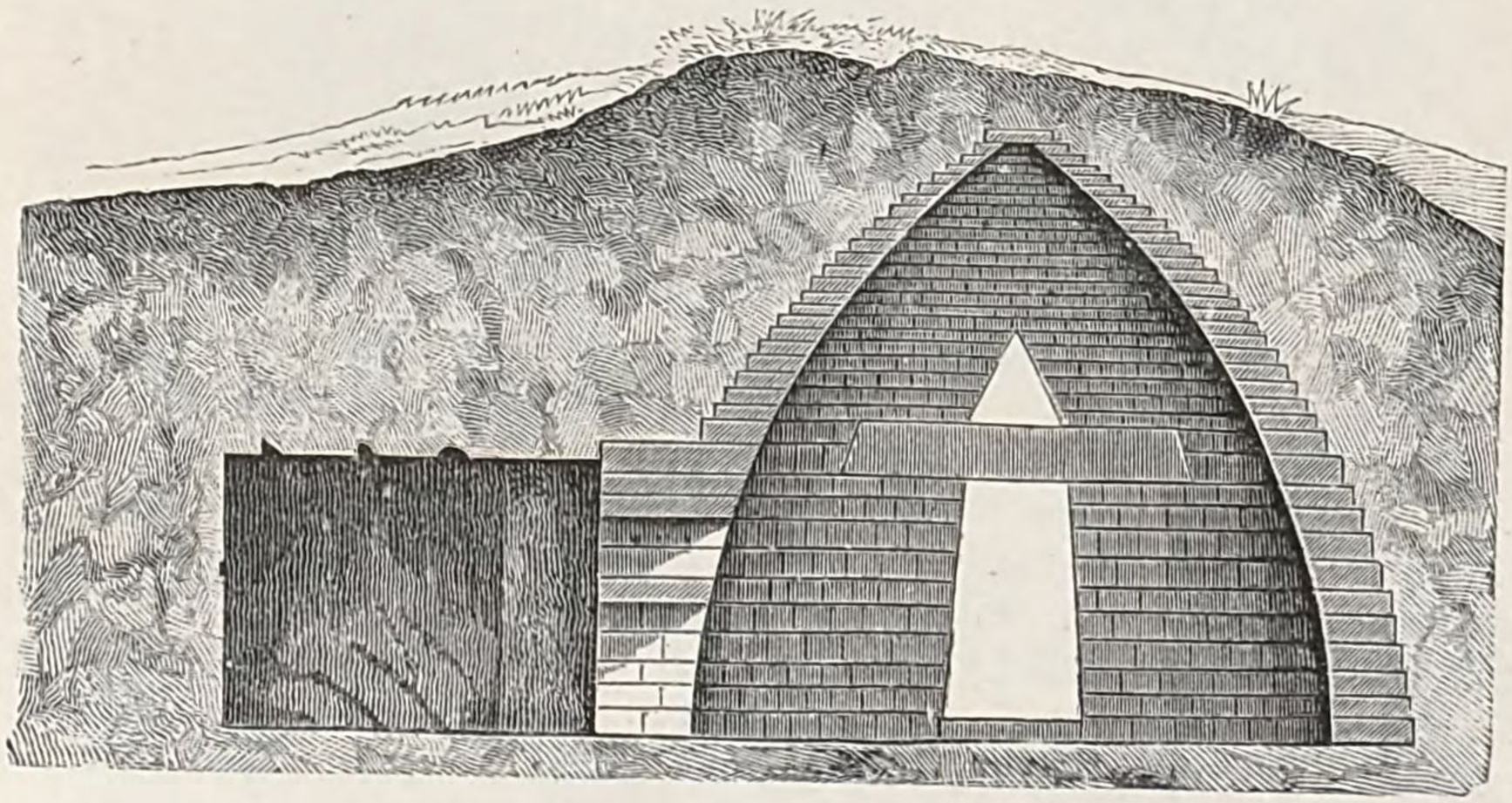
Гомеръ.

Въ этотъ періодъ упорной борьбы племенъ, положившей основаніе послѣдующему устройству отдѣльныхъ государствъ Греціи, — духъ Элливновъ нашелъ себѣ выраженіе въ героическихъ пѣсняхъ—этомъ первомъ цвѣткѣ греческой поэзіи, и эта поэзія уже очень рано, въ X—IX в. до Р. Х., достигла высшей степени своего развитія въ Гомерѣ, которому удалось создать изъ отдѣльныхъ пѣсенъ два большихъ эпическихъ произведенія. Въ одномъ изъ нихъ онъ воспѣлъ гнѣвъ Ахиллеса и его послѣдствія, въ другомъ—возвращеніе Одиссея домой изъ дальнихъ странствованій, — и въ обоихъ этихъ произведеніяхъ геніально воплотилъ и выразилъ всю юношескую свѣжесть отдаленнаго героическаго періода греческой жизни. О его личной жизни мы ничего не знаемъ; только имя его сохранено намъ достовѣрно: мы знаемъ, что нѣсколько значительнѣйшихъ городовъ греческаго міра оспаривали другъ у друга честь называться родиною Гомера. Многихъ способно сбить съ толку часто употребляемое по отношенію къ Гомеру выраженіе «поэтъ народный»: а между тѣмъ его поэтическія произведенія создавались уже видимо для избранной, благородной публики, для господъ (если можно такъ выразиться). Онъ пре-

восходно знакомъ со всѣми сторонами быта этого высшаго сословія: описываетъ-ли онъ охоту, или единоборство, шлемъ или иную часть вооруженія,—во всемъ виденъ тонкій знатокъ дѣла; съ удивительнымъ умѣньемъ и знаніемъ, основаннымъ на зоркой наблюдательности, рисуетъ онъ намъ отдѣльные характеры изъ этого высшаго круга. Но это высшее сословіе, описываемое Гомеромъ, вовсе не было замкнутой кастой; во главѣ этого сословія стоялъ царь, правившій небольшою областью, въ которой онъ былъ главнымъ землевладѣльцемъ; ниже этого сословія шелъ слой свободныхъ земледѣльцевъ или ремесленниковъ, которые на время обращались и въ воиновъ; и у всѣхъ у нихъ было свое общее дѣло, общіе интересы *). Важною чертою быта за это время является и то, что мы не видимъ вообще никакого тѣсно сплоченнаго сословія,—не видимъ и обособленнаго сословія жрецовъ; различные слои народа еще близко соприкасались между собою и понимали другъ друга,—вотъ почему и эти поэтическія произведенія, если даже они и были первоначально предназначены для высшаго сословія, вскорѣ сдѣлались достояніемъ всего



Гомеръ. Античный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.



Сокровищница Атридовъ. Изъ раскопокъ въ Микенахъ.

*) Бытъ высшаго сословія Гомеровскихъ временъ былъ въ послѣднее 20-лѣтіе дополненъ весьма важными раскопками Шлимана, произведенными на мѣстѣ древней Трои (въ М. Азіи) и на самомъ материкѣ Греціи (въ Микенахъ и др. мѣстахъ). Вещи, добытыя изъ этихъ раскопокъ и составляющія драгоцѣнный вкладъ въ науку древнеклассической археологіи, составляютъ богатѣйшій Шлимановскій музей въ Аѳинахъ.

Афродита Милосская. Античная мраморная статуя въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ.

народа, какъ истинный плодъ его самосознанія. Гомеръ усвоилъ отъ своего народа способность обуздывать и художественно умѣрять свою фантазію, точно такъ же, какъ унаслѣдовалъ отъ него сказанія объ его богахъ и геройхъ; но, съ другой стороны, ему удалось облечь эти сказанія въ такую яркую, художественную форму, что онъ навсегда оставилъ на нихъ печать своего личнаго генія. Можно почти сказать, что, со временъ Гомера, греческій народъ сталъ яснѣе и отчетливѣе представлять себѣ своихъ боговъ въ видѣ отдѣльныхъ, обособленныхъ личностей, въ видѣ опредѣленныхъ существъ. Палаты боговъ на неприступной вершинѣ Олимпа, высшій изъ боговъ, Зевсъ, ближайшія къ нему великія божества:—супруга его Гера,—гордая, страстная, сварливая; темнокудрый богъ морей, Посейдонъ, носящій на себѣ землю и потрясающій ее; богъ преисподней, Гадесъ; Гермесъ — посолъ боговъ; Аресъ, Афродита, Деметра, Аполлонъ, Артемида, Аѳина, богъ огня—Гефестъ; пестрая толпа

Аполлонъ Бельведерскій. Античная мраморная статуя въ Ватиканѣ, въ Римѣ.

боговъ и духовъ морской глубины, и горъ, источниковъ и рѣкъ, и деревьевъ,—весь этотъ міръ, благодаря Гомеру, воплотился въ живыя, индивидуальныя формы, которыя легко усвоивались народнымъ представленіемъ и легко облекались выходившими изъ народа поэтами и художниками въ осязательныя формы. И все высказанное примѣняется не только къ религіознымъ представленіямъ, къ воззрѣніямъ на міръ боговъ... И людей точно такъ же опредѣленно характеризуетъ поэзія Гомера, и, противополагая характеры, рисуетъ поэтическіе *образы* — благороднаго юноши, царственнаго мужа, многоопытнаго старца,—и притомъ такъ, что эти человѣческіе образы, эти Ахиллесы, Агамемноны, Несторы, Діомеды, Одиссеи—остались навсегда достояніемъ Эллиновъ, какъ и ихъ божества.

Такого литературнаго достоянія всего народа, какимъ Иліада и Одис-

Артемида (Версальская Діана). Античная мраморная статуя въ Парижѣ.

сея стали въ короткое время для Грековъ,—до Гомера, сколько намъ извѣстно, еще нигдѣ и никогда не бывало. Не слѣдуетъ забывать, что эти произведенія, неписанныя и преимущественно передаваемыя устно, были произносимы, а не читаемы; вотъ почему въ нихъ, кажется, и доселѣ еще слышится и чувствуется свѣжесть живой рѣчи.

Положеніе низшихъ классовъ народа. Гезіодъ.

Не слѣдуетъ, однакоже, забывать, что поэзія — не дѣйствительность, и что дѣйствительность той отдаленной эпохи для большинства тѣхъ, кто не былъ ни царемъ, ни вельможей, — была очень суровою. Сила тогда замѣняла право: маленькимъ людямъ жилось плохо даже и тамъ, гдѣ цари относились къ своимъ подданнымъ съ отеческою мягкостью, а знатные крѣпко стояли за своихъ людей. Простой человѣкъ подвергалъ опасности свою жизнь на войнѣ, которая велась изъ-за такого дѣла, которое непосредственно и лично его не касалось; если его похищалъ всюду подстерегавшій морской разбойникъ — онъ умиралъ рабомъ на чужбинѣ,

Аресъ. Мраморная статуя въ виллѣ Лудовизи въ Римѣ.
Эпоха Праксителя или Скόпаса; вѣроятно изъ мастерской Лизиппо или его учениковъ.

и не было ему возврата на родину. Вотъ эту-то дѣйствительность, по отношенію къ жизни простыхъ людей, описалъ намъ другой поэтъ, *Гезіодъ*,—прямая противоположность Гомеру. Этотъ поэтъ жилъ въ віотійской деревнѣ у подножія Геликона, и его «Труды и дни» поучали земледѣльца, какъ слѣдовало ему поступать при сѣвѣ и жатвѣ, какъ надо было прикрывать уши отъ холоднаго вѣтра и зловредныхъ утреннихъ тумановъ. Онъ очень горячо возстаетъ противъ всѣхъ знатныхъ людей, жалуется на нихъ, утверждая, что въ тотъ желѣзный вѣкъ на нихъ нельзя было найти никакой управы, и очень мѣтко сравниваетъ ихъ, по отношенію къ низшему слою населенія, съ коршуномъ, который въ когтяхъ своихъ уноситъ соловья.

Но какъ бы ни были основательны эти жалобы, все же большой шагъ впередъ былъ сдѣланъ уже въ томъ смыслѣ, что въ результатѣ

всѣхъ этихъ передвиженій и войнъ всюду образовались опредѣленныя государства съ небольшою территоріей, простиравшейся кругомъ городскихъ центровъ, — государства съ опредѣленными, хотя бы и суровыми для низшаго слоя правовыми порядками. Изъ нихъ въ европейской части эллинскаго міра (которому дана была возможность въ теченіе довольно долгаго времени развиваться свободно, безъ всякаго внѣшняго, иноземнаго вліянія) возвысились до наибольшаго значенія два государства: *Спарта* въ Пелопоннезѣ, а *Аѳины* въ Средней Греціи.

2. Доряне и Іоняне; Спарта и Аѳины.

Спарта.

Мужественнымъ Дорянамъ подчинились Ахеяне и въ Лаконіи, самой крайней, юго-восточной части Пелопоннеза. Но подчинились они не скоро, и не вполнѣ. Напору дорической воинской силы, которая двигалась внизъ по долинѣ Эврота, ахейскій городъ Амиклэ (въ низовьяхъ Эврота) оказалъ упорное сопротивленіе. Изъ воинскаго лагеря, расположеннаго на правомъ берегу той же рѣки, возникъ городъ *Спарта*, который и въ послѣдующемъ развитіи образовавшагося около него государства сохранилъ характеръ воинскаго лагеря. Одинъ изъ гражданъ Спарты, *Ликургъ*, происходившій изъ царственнаго рода, явился законодателемъ своей родины, и впослѣдствіи былъ почитаемъ въ особомъ, посвященномъ его памяти святилищѣ, гдѣ ему воздавались почести, какъ герою; много разсказывали впослѣдствіи о его путешествіяхъ, объ изреченіяхъ оракула, который указывалъ на него народу, какъ на избранника, и, наконецъ, о его смерти на чужбинѣ. Задача законодателя заключалась въ томъ, чтобы собрать и сосредоточить силу Спартіатовъ, — дорійской военной аристократіи, — противуполагая ее многочисленному слою подданныхъ, принадлежавшихъ къ другому племени и притомъ въ довольно обширной странѣ. Эти подданные — ахейцы — распадались на два класса: *періэковъ* и *илотовъ*. Послѣдніе были, судя по названію, военноплѣнные, принадлежавшіе къ населенію тѣхъ ахейскихъ городовъ и мѣстечекъ, которые сопротивлялись завоеванію до послѣдней крайности, и съ которыми, поэтому, поступлено было по всей строгости военныхъ законовъ. Они сдѣлались собственностью государства и его властью были предоставлены въ рабство тѣмъ или другимъ аристократамъ. Въ качествѣ рабовъ они, сами безземельные, обработывали землю для своихъ господъ и получали половину жатвы на свое содержаніе; нѣкоторые изъ нихъ, предоставленные въ личное распоряженіе своихъ господъ, сопровождая ихъ на войну, носили ихъ оружіе и съѣстные припасы и такимъ образомъ пріобрѣтали нѣкоторое значеніе военное. Ихъ различить было не трудно по особой одеждѣ и кожанымъ колпакамъ и по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ людей, погрязнувшихъ въ рабствѣ; единственная защита закона, на которую они имѣли право, заключалась въ томъ, что господинъ, пользовавшійся ими, какъ рабочею силою, несъ на себѣ нѣкоторую отвѣтственность за нихъ передъ государствомъ, которое въ данномъ случаѣ являлось собственникомъ: поэтому онъ не могъ ни убивать ихъ, ни уродовать, не

могъ ни отпустить на свободу, ни продать. Положеніе періэковъ было лучше; они происходили отъ той (значительно бо̀льшей) части ахейскаго населенія, которое во̀-время успѣло вступить въ переговоры съ побѣдителемъ и добровольно признало надъ собою его господство. Они были бо̀льшею частью небольшими землевладѣльцами и ремесленниками и пользовались личною свободою; въ своей трудовой дѣятельности они не были стѣснены ничѣмъ; платили подати, несли на себѣ воинскую повинность; въ различныхъ унизительныхъ формахъ они должны были проявлять свое преклоненіе передъ знатнымъ сословіемъ и политическихъ правъ не имѣли никакихъ; вопросы войны и мира рѣшались помимо ихъ воли представителями высшаго класса Спарты, и періэки узнавали о томъ только изъ устъ своихъ *гармостовъ* или старшинъ, также принадлежавшихъ къ высшему сословію.

Ликургово законодательство.

Что касается *Спартіатовъ*, т. е. дорійской аристократической общины, то она постоянно сохраняла свою строго-военную организацію, какъ и во времена завоеваній. Они жили въ разбросанныхъ по берегамъ Эврота домахъ своего неогражденнаго стѣнами города Спарты, какъ войско въ лагерѣ. Впрочемъ, и положеніе города было такое, что исключало всякую возможность открытаго нападенія: на западъ отвѣсная скала Тайгета, на востокъ и югъ—побережье, безъ единой гавани, и на немъ всюду, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ приступенъ, расположены гарнизоны; къ сѣверу гористая мѣстность, съ тѣсными проходами, которые очень не трудно было заградить. Притомъ все войско ихъ могло быть собрано въ нѣсколько часовъ. Во главѣ войска стояли, по какому-то древнему обыкновенію, котораго происхожденіе неизвѣстно, два царя изъ двухъ различныхъ родовъ; двоевластіе — можетъ-быть, еще со временъ ахейскихъ, слѣдовательно, уже съ самаго основанія, — власть весьма слабая; только въ военное время, какъ военачальники, оба эти царя пріобрѣтали нѣкоторое значеніе. Хотя и въ мирное время имъ были воздаваемы внѣшнія почести и обладали они всякими преимуществами, но руки у нихъ были связаны совѣтомъ старѣйшинъ, такъ-называемой *герусіей*,—совѣщательнымъ собраніемъ изъ 28 старцевъ (*геронтовъ*), которые избирались народомъ изъ стариковъ, не моложе 60 лѣтъ. Въ этомъ высшемъ правительственномъ совѣтѣ царю принадлежалъ только одинъ голосъ, какъ и всякому другому геронту. Ежемѣсячно, въ полнолуніе, всѣ благородные Спартіаты созываемы были въ общее народное собраніе, въ которомъ, однакожъ, никакія свободныя пренія не допускались. Говорить могли только одни должностныя лица; восклицаніе или молчаніе, болѣе или менѣе громкій крикъ — вотъ чѣмъ выражалась воля народа; въ случаѣ необходимости, для полученія болѣе яснаго рѣшенія, отрицающихъ и подтверждающихъ заставляли расходиться въ противоположныя стороны. Тщательно охранялись народные обычаи и поддерживались всѣ обыкновенія лагерной жизни; тяжко налагало государство свою руку на домашнюю жизнь Спартіатовъ и на воспитаніе юношества. Кто не вступалъ въ бракъ, тотъ подвергался *атиміи*, т. е. лишенію почетныхъ правъ; совершенію неравныхъ браковъ старались воспрепятствовать, иногда за нихъ даже наказывали; слабыхъ дѣтей изгоняли къ илотамъ или даже просто уби-

вали. Отъ 7-ми-лѣтняго возраста мальчики уже воспитывались на счетъ государства. Платье, стрижка волосъ, содержаніе — все это было строго опредѣлено, сообразно съ древне-дорійскими обычаями. Юноши, раздѣленные на *агѐлы* (или *илы*), отдавались на обученіе особымъ учителямъ гимнастики и доводились до такого совершенства въ воинскихъ упражненіяхъ, что, въ то время, никто не могъ съ ними въ этомъ равняться: они пріучались къ перенесенію всѣхъ возможныхъ трудностей — голода, жажды, къ затруднительнымъ переходамъ, къ безпрекословному, быстрому, молчаливому повиновенію, и, въ то же время, вмѣстѣ съ этимъ воспитаніемъ, воспринимали непомѣрно-высокое чувство собственнаго достоинства, которое основывалось столько же на національной гордости, сколько на сословной спѣси и на сознаніи своего воинскаго совершенства. Это общественное воспитаніе продолжалось до 30-ти-лѣтняго возраста: слѣдовательно, есть возможность предполагать, что молодой человѣкъ уже неоднократно имѣлъ случай выказать свое мужество на войнѣ, прежде нежели его принимали въ одну изъ *сисситій*, т. е. шатерныхъ товариществъ или застольныхъ товариществъ, представлявшихъ собою одно изъ замѣчательныхъ учрежденій этого воинственнаго государства. Въ каждой подобной сисситіи было 15 участниковъ; пріемъ новаго сочлена производился посредствомъ извѣстнаго рода баллотировки; такія товарищества обязаны были обѣдать вмѣстѣ и во всемъ, даже въ кушаньяхъ *), строго держаться старыхъ обычаевъ. Воспитаніе юношества даже старались простѣйшимъ образомъ дополнить, заставляя юношей присутствовать за этимъ обѣдомъ въ качествѣ зрителей или слушателей, дабы они могли слышать застольныя бесѣды мужей, постоянно вращавшіяся около неисчерпаемыхъ двухъ тэмъ: войны и охоты. При такихъ условіяхъ, конечно, для домашней жизни оставалось немного времени, и государство заботилось также о воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ; оно производилось не публично, но въ основу его полагалась та же строго опредѣленная точка зрѣнія — возращеніе воинственнаго, физически крѣпкаго потомства, и это было обставлено раціональными правилами и подвергалось строгому наблюденію. А между тѣмъ женщины, какъ и во всякой аристократической средѣ, пользовались большимъ почетомъ и вліяніемъ: въ остальной Греціи обращали вниманіе на то, что ихъ здѣсь называли «госпожами» (деспоинэ).

Положеніе Спарты въ Пелопоннезѣ.

Это общественное устройство Спарты, заключавшееся главнымъ образомъ въ обновленіи и окончательномъ закрѣпленіи древне-дорійскихъ обычаевъ, относится къ 840 году. Оно дало Спартѣ превосходство надъ всѣми, и слава ея могущества распространилась даже и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Подобное военное государство, конечно, не могло оставаться бездѣятельнымъ: оно начало съ того, что покорило прекраснѣйшую изъ греческихъ земель, страну, лежавшую по ту сторону Тойгета,—*Мессенію*. Послѣ геройской борьбы, часть Мессенцевъ выселилась изъ страны своей, остальная обращена была въ илотовъ. Послѣдовавшее

*) Очень часто здѣсь подавалось то національное блюдо,—тотъ *черный* супъ,—надъ которымъ постоянно смѣялись всѣ граждане приморскихъ и торговыхъ богатыхъ городовъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

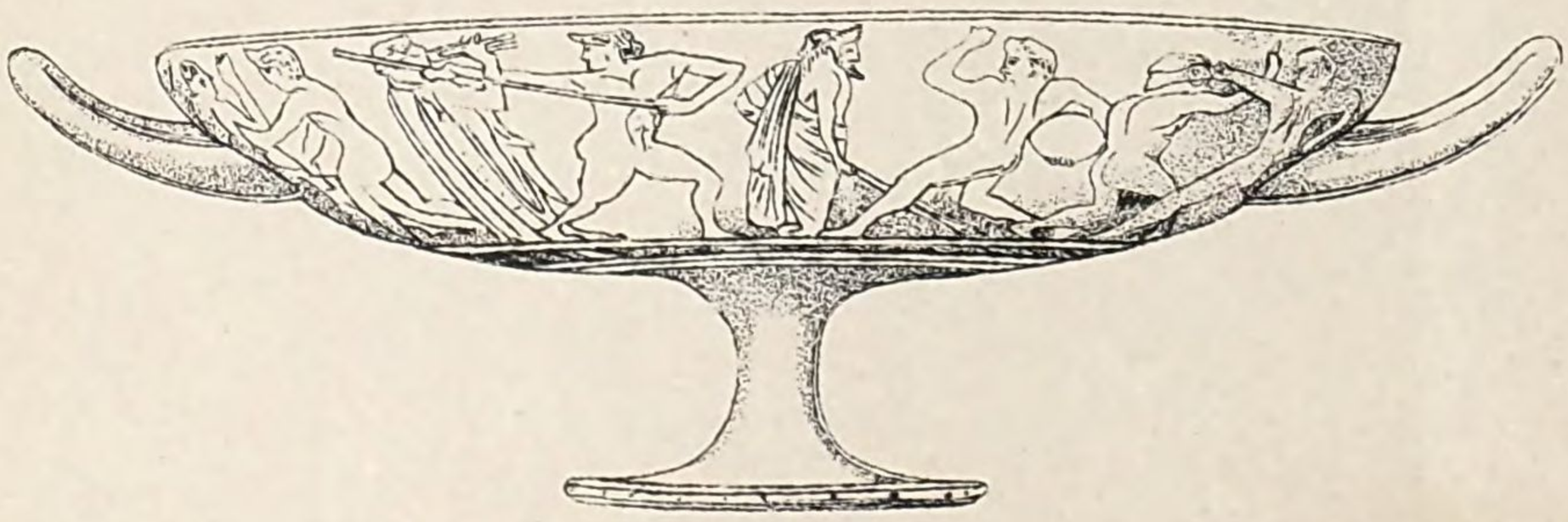
къ Памфеевой вазѣ, съ изображеніемъ гимнастическихъ упражненій.

Изображенія, представленныя нами здѣсь, принадлежатъ кисти художника Памфея, и находятся на внѣшней сторонѣ вазы V вѣка, отрытой въ Корнето и сохраняемой въ мѣстномъ музеѣ.

На одной сторонѣ, между двухъ колесницъ, запряженныхъ четверками коней, представленъ бой между Геракломъ, котораго легко узнать по накинутой на его плеча львиной кожѣ, и однимъ изъ его противниковъ, можетъ-быть, Кикносомъ. На гораздо болѣе любопытной, противоположной сторонѣ, мы видимъ юношей, которые заняты гимнастическими упражненіями подъ руководствомъ болѣе зрѣлаго мужчины (гимнаста), держащаго прутья въ рукахъ. Налѣво отъ зрителя, крайнимъ, изображенъ юноша, упражняющійся въ бѣгѣ; правѣе отъ него юноша, развивающій мускулы гирями; далѣе флейщикъ, сопровождающій своею игрою гимнастическія упражненія; далѣе—юноша, готовящійся къ метанію копья; по другую же сторону гимнасты—одинъ юноша упражняется въ метаніи диска, а двое другихъ заняты кулачнымъ боемъ.

Изображенія на внѣшней сторонѣ греческой вазы:—на одной половинѣ гимнастическія упражненія; на другой—сцена изъ подвиговъ Геркулеса.

БИБЛІОТ. І ВАРШАВСКОЙ ГИМНАЗІИ.



ОБЩІЙ ВИДЪ ПАМѲЕЕВОЙ ВАЗЫ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ. Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

затѣмъ нападеніе на *Аркадію*, лежавшую въ центрѣ Пелопоннеза, оказалось не вполнѣ удачнымъ. Однакоже, важнѣйшій изъ городовъ Аркадіи, *Тегея*, вступилъ со Спартою въ договоръ, по которому обязался во время войны предоставлять Спартѣ извѣстный отрядъ воиновъ, подъ команду спартанскаго военачальника. Еще болѣе ожесточенными и еще менѣе удачными были войны Спарты съ *Аргосомъ*, заселеннымъ также Дорійцами: войны эти длились долго, возобновлялись много разъ, и все же ни къ чему ни привели... Аргосъ остался независимъ отъ Спарты. Точно такъ же власть Спартанцевъ не распространилась на полу-іонійскіе и ахейскіе города на сѣверномъ побережьи Пелопоннеза: на Коринѳъ, Сикіонъ, Эпидавръ, Мегару и др. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, около 600 г. обстоятельства историческія сложились такъ, что въ Пелопоннезѣ ничто не могло произойти безъ воли и участія Спарты, а такъ какъ государства Средней Греціи тогда еще не достигли самостоятельнаго значенія, то Спарта, безспорно, должна была представляться иноземцамъ могущественнѣйшей изъ державъ на материкѣ Греціи.

Дальнѣйшее развитіе внутренняго строя. Эфоры.

Кромѣ военной славы, которою Спарта заслуженно пользовалась, были еще три обстоятельства, которымъ она была обязана этимъ своимъ высокимъ положеніемъ. Первое — то, что Спарта — въ то именно время, когда во всей остальной Греціи кипѣла борьба политическихъ партій (явленіе, не извѣстное на Востокѣ!)—съумѣла во внутреннемъ бытѣ примирить всѣ противорѣчія и оставалась совершенно спокойна. Попытки нѣкоторыхъ болѣе энергическихъ царей къ расширенію царской власти привели только къ полнѣйшему торжеству аристократіи; но при этомъ и царская власть не была устранена, а только придано было къ остальнымъ еще новое и въ высшей степени своеобразное учрежденіе,—нѣчто въ родѣ контроля, — а именно: пять *эфоровъ* или *надзирателей*, которые вскорѣ присвоили себѣ право наблюденія не только за царскою властью, но и вообще за аристократіею. Предполагаютъ, что первоначально эфоры были представителями пяти поселеній, изъ которыхъ выросъ самый городъ Спарта, или пяти частей (кварталовъ), на которыя онъ былъ раздѣленъ впослѣдствіи. Извѣстно достовѣрно, что эфоры выбирались ежегодно, и выборы ихъ не стѣснялись никакими отягощающими ограниченіями, какъ напр. выборы геронтовъ; что они въ силу принципа, въ прежнее время совершенно чуждаго этому государству, превратились, съ теченіемъ времени, въ дѣятельнѣйшій правительственный органъ, и сами цари приносили передъ этими представителями народа клятву въ соблюденіи законовъ страны, и, въ свою очередь, эфоры присягали царямъ въ вѣрности отъ лица своей общины. Мало-по-малу эфоры отъ наблюденія за дѣятельностью царей перешли къ наблюденію за дѣятельностью всѣхъ чиновниковъ вообще, и въ рукахъ ихъ оказалась уже неограниченная дисциплинарная власть, которой почти добровольно подчинилась спартанская знать, воспитанная въ строгихъ правилахъ военнаго повиновенія. При часто повторявшихся выборахъ эфоровъ постоянно имѣлось въ виду, чтобы въ эфоры не могли попадать лица, принадлежащія къ одной и той же фамиліи или партіи, и вообще старались сдѣлать эту важную должность доступною возможно большему числу Спартіатовъ. Но это новое учрежденіе ничего не измѣнило въ

древнемъ, столѣтіями освященномъ строѣ государства, а только еще усилило его незыблемость.

Тираннія.

Вслѣдствіе такой именно незыблемости государственныхъ учрежденій Спарты, явилось другое условіе, усиливавшее ея значеніе и могущество въ греческомъ мірѣ: всѣ государства Пелопоннеза и многіе внѣ его границы, въ Спартѣ видѣли опору аристократизма, видѣли идеалъ тѣсносплоченной большой партіи. Этой партіи, состоявшей изъ высшаго сословія, исключительно владѣвшаго земельною собственностью, всюду начинала угрожать оппозиція, составленная изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и становившаяся все болѣе и болѣе опасной. Аристократія всюду упразднила царскую власть, которая, главнымъ образомъ, являлась опорою и защитою для слабыхъ, и въ весьма многихъ мѣстахъ замѣнила ее *олигархіей*, т. е. господствомъ одного рода или немногихъ фамилій. Въ городахъ-же приморскихъ, гдѣ первоначально аристократы захватили въ свои руки и торговлю, вскорѣ сталъ развиваться духъ независимости, явились чисто-демократическія стремленія, поддерживаемыя недовольствомъ низшихъ слоевъ населенія, и аристократія оказывалась безсильною въ борьбѣ съ этими элементами, если у народа являлся вождь. Такихъ вождей оппозиція находила себѣ нерѣдко среди честолюбцевъ высшаго сословія, и эти запутанныя условія общественной жизни приводили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ новой формѣ монархіи—къ *тираніи*, т. е. къ захвату власти однимъ лицомъ. Власть этихъ *тирановъ*, поддерживаемая главнымъ образомъ массою народа, очень мало походила на прежнюю царскую власть гомеровскихъ временъ. Она опиралась на интересахъ настоящаго, и притомъ не на однихъ только матеріальныхъ, но и на духовныхъ, и на идеальныхъ. Писатели и художники всюду находили себѣ въ тираннахъ щедрыхъ покровителей, а масса народа—матеріальную поддержку и постоянную работу въ воздвигаемыхъ тираннами общественныхъ зданіяхъ и сооруженіяхъ. Эта противоположность между популярною властью тирановъ и эгоистическими стремленіями аристократіи всюду вызывала сильныя потрясенія. Спарта, спокойная у себя дома, хотя и поддерживавшая это спокойствіе самыми суровыми мѣрами *), относилась къ этимъ внѣ-пелопоннезскимъ волненіямъ вполнѣ своеобразно... Она всюду сочувствовала только аристократическому элементу въ связи съ крупнымъ землевладѣніемъ, и этимъ самымъ вызывала аристократію остальныхъ государствъ греческихъ взирать на Спарту, какъ на незыблемую опору аристократизма и (выражаясь языкомъ современнымъ) всѣхъ консервативныхъ началъ.

Дельфійскій оракулъ. Олимпійскія игры.

Третье важное условіе, способствовавшее возвышенію Спарты, составляли издавна установившіяся тѣсныя связи съ святилищемъ и оракуломъ *Аполлона Дельфійскаго* въ Средней Греціи и къ *олимпійскимъ играмъ*—древнему Зевсову празднеству въ Элидѣ, въ с.-з. части Пелопоннеза. Эти игры издавна были приняты Спартою подъ особое покрови-

*) Стоитъ только припомнить ту тайную внутреннюю стражу (криптейя), которая учреждена была въ Спартѣ для наблюденія за илотами. Каждый Спартіатъ, входившій въ составъ этой стражи, имѣлъ право убить илота, который почему-либо показался бы ему подозрительнымъ.

тельство, и собственная слава Спарты возрастала вмѣстѣ съ блескомъ и значеніемъ этихъ священныхъ игръ въ честь Зевса, которыя весьма скоро пріобрѣли значеніе празднества общаго для всѣхъ Эллиновъ, съѣзжавшихся на эти игры изо всѣхъ странъ, изъ-за моря и со всѣхъ концовъ эллинскаго міра, для того, чтобы участвовать въ состязаніяхъ на награды. выдаваемыя въ каждый четвертый годъ, или только присутствовать при этихъ торжественныхъ играхъ.

Такимъ образомъ, спартанское могущество несомнѣнно служило какъ бы тормазомъ среди тревожной жизни этого греческаго міра, составленнаго изъ множества мелкихъ государствъ съ ихъ безпокойнымъ населеніемъ, съ ихъ разнородными противоположностями и особенностями быта. Оно, до нѣкоторой степени, обезпечивало только внѣшній порядокъ; но духовнаго вліянія, въ высшемъ значеніи этого слова, Спарта оказывать на Грецію не могла, такъ какъ въ ея жизни и дѣятельности все было разсчитано только на поддержаніе уже существующаго. Для этой цѣли, ради охраненія Спарты отъ иноземнаго вліянія, тамъ были приняты самыя радикальныя мѣры: иностранцевъ прямо высылали изъ спартанскихъ городовъ и изъ предѣловъ государства, Спартіатамъ путешествія, за предѣлы Спарты, разрѣшались не иначе, какъ съ дозволенія правительства. Мало того: Спартіатамъ было воспрещено держать у себя серебряныя деньги и для удовлетворенія своихъ нуждъ предписывалось довольствоваться деньгами изъ желѣза, добываемаго въ Тайгетѣ, т. е. такою монетою, которая могла имѣть цѣнность лишь въ Спартѣ. Духовный прогрессъ въ Греціи былъ вызванъ другимъ городомъ Средней Греціи, *Аѳинами*, которыя вполнѣ самостоятельно развили и выработали свой государственный бытъ изъ совершенно иныхъ, противоположныхъ началъ.

Олимпійскія игры. Метатель диска. Древняя мраморная статуя въ Ватиканѣ.

Аѳины и Аттика.

Городъ Аѳины возвысился въ Аттикѣ, въ странѣ, представляющей наиболѣе выдающуюся къ востоку окраину Средней Греціи. Эта страна не обширна по размѣрамъ, всего около 41 кв. мили, и не весьма плодородна; между горами, не слишкомъ богатыми лѣсомъ, тянутся равнины,

не изобилующія орошеніемъ; среди растительности видимъ шелковичное дерево, миндальное и лавровое; изобилуетъ страна фиговыми деревьями и оливковыми. Но чудное небо и близость моря придаютъ аттическому ландшафту краски и свѣжесть; а за мысомъ Суніонъ (далеко выдающейся ю.-в. оконечности Аттики) начинается цѣлый міръ острововъ, которые тянутся въ видѣ непрерывнаго ряда станцій и гаваней почти до самаго берега М. Азіи, облегчая сношенія и торговлю. Аттика не привлекала къ себѣ поселенцевъ извнѣ, и впослѣдствіи жители Аттики любили хвалиться тѣмъ, что они «сыны земли своей», никогда не покидавшіе своихъ пепелищъ; по нѣкоторымъ древнимъ преданіямъ и сказаніямъ (напр., по миоу о юношахъ и дѣвицахъ, приносимыхъ въ жертву Минотавру, жившему на о. Критѣ), есть основаніе предполагать, что финикійскія факторіи

Битва съ амазонками. Снимокъ съ рельефа на античномъ саркофагѣ.

нѣкогда были и въ Аттикѣ, и на прилегающихъ къ ней островахъ, но не долго.

Древнѣйшая исторія Аѳинъ.

И въ Аѳинахъ исторія общественной жизни начинается съ царей, которые собрали подъ своею рукою небольшое аттическое государство и основали свою резиденцію въ низовьяхъ ручья Кефизосъ — наибо̀льшаго въ скудной водными источниками странѣ. Древнія сказанія восхваляютъ намъ между царями *Тезея*, которому приписываютъ многія важныя заслуги по отношенію къ культурѣ страны. Не менѣе прославляютъ и послѣдняго изъ потомковъ Тезея, царя Кодра, который пожертвовалъ жизнью за отечество и палъ въ битвѣ съ Дорянами, пытавшимися вторгнуться въ Аттику черезъ Истмійскій перешеекъ.

Царская власть; высшіе классы и народъ.

Всюду преобладавшій аристократическій элементъ и въ Аттикѣ оказался настолько сильнымъ, что онъ, мало-по-малу, и кажется даже безъ всякаго насилія, устранилъ царскую власть. Около 682 г. видимъ во главѣ аттическаго государства 9 *архонтовъ* (правителелей), избираемыхъ высшимъ сословіемъ изъ высшаго же сословія на одинъ годъ. Это сословіе—*эвпатриды* (благорожденные) являются исключительными и един-

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ Аристотелеву «Государству Аѳинянъ».

Сочиненіе это было написано между 329—324 гг. до Р. Х.; предлагаемая нами копія представляетъ снимокъ съ единственной рукописи, въ которой это сочиненіе сохранилось, и относится къ концу I или началу II вѣка по Р. Хр.; рукопись была найдена въ Египтѣ въ 1890 г. Вотъ что значится въ греческомъ текстѣ на приводимыхъ нами столбцахъ рукописи:

По переводу Ф. Поланда.

«Древнею монетною единицею была тогда дидрахма (двойная драхма). Ею же устанавливалось отношеніе между вѣсомъ и монетною системою, т. е. 60 минъ было въ талантѣ, а мины, въ свою очередь, дѣлились на статиры и другія монетныя единицы.

11. Когда Солонъ вышеописаннымъ образомъ устроилъ государство, всѣ стали обращаться къ нему по поводу законовъ, и докучали ему, то упрекая его, то задавая ему вопросы. Такъ какъ онъ не желалъ допустить въ нихъ никакого измѣненія, не желалъ никого и озлобить противъ себя, если бы остался (въ Аѳинахъ), то онъ удалился въ Египетъ, съ одной стороны, предполагая заняться торговыми оборотами, а съ другой—изучить страну, и такъ въ Канопѣ прожилъ цѣлыхъ десять лѣтъ. Ибо, какъ онъ говорилъ, онъ почиталъ это неправильнымъ, чтобы, оставаясь въ своей странѣ, онъ долженъ былъ разъяснять свои законы; а онъ, напротивъ того, желалъ, чтобы каждый сообразовался съ буквою закона. Притомъ же обнаружилось, что многіе изъ знатныхъ сдѣлались его врагами, вслѣдствіе сисахѳіи, да и вообще обѣ партіи начали измѣнять свое первоначальное заключеніе о Солонѣ, потому что установленное имъ государственное устройство не оправдало ихъ надеждъ. Ибо народъ представлялъ себѣ, что Солонъ займется передѣломъ всѣхъ земель, а знатные думали, что онъ все возвратитъ къ прежнему состоянію, или же предприметъ менѣе значительныя перемѣны. Онъ же поступилъ противъ ожиданія и той, и другой партіи, и хотя онъ, по собственному произволу, могъ войти въ соглашеніе съ одною изъ нихъ и достигнуть тиранніи, однакоже предпочелъ, чтобы обѣ партіи его возненавидѣли, послѣ того какъ онъ спасъ отечество (отъ междоусобій) и наилучшимъ образомъ устроилъ правленіе.

12. Что это именно такъ было, въ томъ не только удостовѣряютъ насъ всѣ единогласно, но и онъ самъ высказывается (о томъ же) въ слѣдующихъ стихахъ:

«Столько значенія придалъ я народу, сколько ему подобало,
«Ничего не отымая отъ его чести, и не слишкомъ ее преувеличивая.
«Тѣмъ же, которые, въ изобиліи власти и золота, возбуждали общее изумленіе,
«Тѣмъ строго я воспретилъ обладаніе неправо-пріобрѣтеннымъ добромъ.
«Но отъ тѣхъ и другихъ я устранился, прикрываясь щитомъ,
«И ни одному не далъ возможности торжествовать неправую побѣду».

И вновь излагаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ свое мнѣніе относительно того, какъ слѣдуетъ поступать съ массою народа:

«Лучше всего народъ подчинялся бы вождямъ своимъ,
«Если бы чувствовалъ себя не слишкомъ свободнымъ, и еслибъ не слишкомъ былъ угнетенъ.
«Пресыщеніе производитъ только гордость, и если обиліе счастья прольется
«На людей, справедливость перестаетъ украшать ихъ».

И затѣмъ еще въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о тѣхъ, которые хотѣли бы всю землю подѣлить между собою:

«Всѣ пришли, ожидая добычи, безъ мѣры давъ волю надеждамъ;
«Полагали, что каждый долженъ будетъ найти счастье въ изобиліи.
«Если меня осуждаютъ по-пріятельски, и я на это не гнѣваюсь.

«И вотъ стали они говорить глупости, стали всѣ гнѣвно смотрѣть
«На меня, искоса, какъ лютѣйшіе враги.
«А не должны бы. Ибо, что́ я обѣщалъ, то (съ помощью) боговъ и выполнилъ.
«И дѣянія мои не были необдуманными, и не привлекалъ меня поступокъ,
«Приведенный въ исполненіе властью тиранна; по равной части и не слѣдуетъ
«Получить дурному человѣку съ хорошимъ (при раздѣлѣ) плодородной почвы».

Далѣе Солонъ такъ выражается о стѣсненномъ положеніи бѣдныхъ, когда они прежде были рабами, а «сисахѳіей» были отъ рабства освобождены:

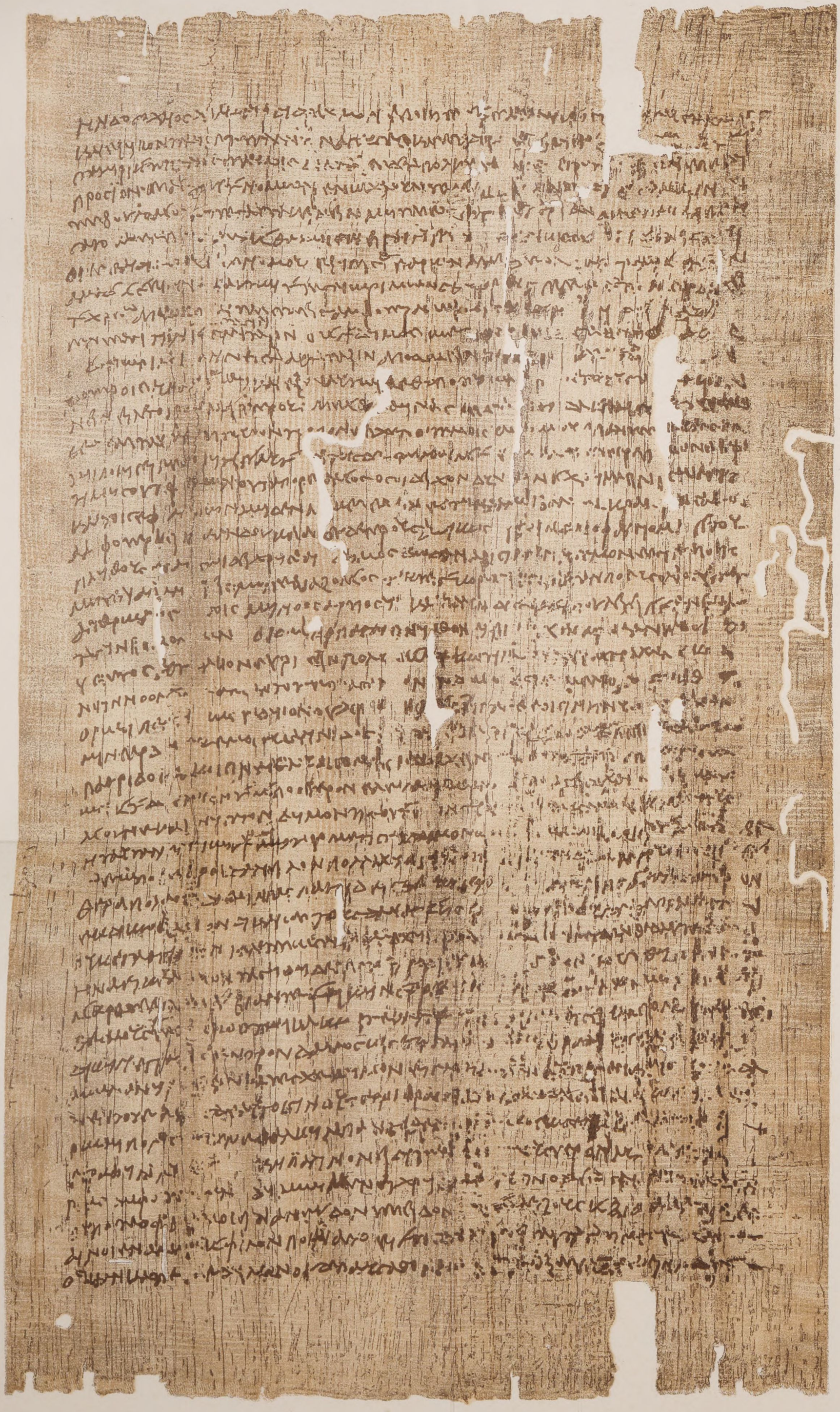
«Ради чего я бѣдный тяжко-угнетенный народъ
«Хотя немного облегчилъ отъ гнета его былыхъ страданій,
«То засвидѣтельствуетъ, на судѣ временъ,
«Великая, всемилостивая мать Олимпійцевъ,
«Темная земля, грудь которой я нѣкогда освободилъ.
«Повсюду отъ несносной тягости столбовъ (съ объявленіемъ о продажѣ задолженныхъ имуществъ),
«Которая нѣкогда была окована цѣпями рабства, а теперь свободна.
«Обратно въ дарованную богами отчизну я
«Привелъ (тѣхъ), кто по праву или противъ права былъ проданъ,
«И того, который бѣжалъ отъ несноснаго гнета своихъ долговъ
«И не говорилъ уже на родномъ языкѣ своемъ; когда этихъ я
«Отнялъ у чужбины, я освободилъ и того, кто и въ здѣшней сторонѣ,
«Трепеща передъ волею господина, несъ на себѣ ярмо рабства.
«Я все это выполнилъ въ силу закона, во едино
«Соединяя силу и право, какъ и обѣщалъ.
«Законы далъ и для добраго (человѣка), и для плута,
«И каждому далъ возможность ими пользоваться.
«И все же другой, достигнувъ власти,
«Человѣкъ съ злою волею, и исполненный корысти,
«Не такъ бы смирилъ народъ, какъ я. Если бы я пожелалъ (того),
«Что моимъ врагамъ тогда очень пришлось бы по-нутру,
«И что другіе имъ бы (охотно) прибавили,
«(То) многихъ бы гражданъ лишился этотъ городъ.
«Вотъ почему я (по отношенію ко) всѣмъ и выказалъ себя твердымъ,
«Проходя между всѣми, какъ волкъ проходитъ между многими собаками».

Затѣмъ онъ обращается съ рѣзкими укорами противъ тѣхъ жалобъ недовольства, которыя онъ позднѣе долженъ былъ выслушивать со стороны обѣихъ партій.

«Народъ—коли ужъ нужно высказать о немъ горькую правду,—
«Никогда бы и собственнымъ глазамъ не повѣрилъ (если бы увидѣлъ) сколь многимъ
«Онъ теперь владѣетъ—даже и во снѣ не снилось,
«Но кто счастливѣе и власть имѣетъ больше,
«Тотъ долженъ бы меня хвалить, какъ лучшаго своего друга.

Ибо,—говоритъ онъ,—если бы другой достигъ этого почетнаго положенія, то

«Не сталъ бы ни народъ угнетать, ни успокоился бы,
«Пока онъ не взболтаетъ молоко, пока не сниметъ съ него жиръ.
«А я, среди ихъ оружія, стоялъ тамъ
«Какъ твердый столпъ».



АРИСТОТЕЛЕВО „ГОСУДАРСТВО АѲИНЯНЪ".
IV столбецъ рукописи, хранящейся въ Британскомъ музеѣ.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

ственными распорядителями судебъ страны. Когда архонты отбывали свой годъ службы государству, они поступали въ составъ особаго высшаго совѣта — *ареопага*, въ которомъ эвпатриды (аристократы и по рожденію, и по имуществу) сосредоточили всю свою силу. Но въ этомъ аристократическомъ элементѣ на аттической почвѣ было *одно* весьма существенное различіе по сравненію съ аристократіей спартанской: низшіе слои народа были *одноплеменны* съ эвпатридами. Эвпатриды были люди богатые, крупные землевладѣльцы — «люди равнины» (пэдіи), какъ ихъ тогда называли — между ними и низшимъ классомъ, слѣдовательно, существовала разница въ имущественномъ отношеніи, въ образованіи, однимъ словомъ—различіе и противоположность чисто соціальныя. Рядомъ съ эвпатридами видимъ еще два класса въ аттическомъ обществѣ—*мелкихъ землевладѣльцевъ* (*діакріи*), которые, при общей бѣдности страны, были сильно обременены долгами и потому подпадали все болѣе и болѣе тяжкой зависимости отъ богачей, и наконецъ—*прибрежные жители* (*параліи*), люди, занимавшіеся всюду по берегамъ торговлею и мореходствомъ. Слѣдовательно, мы здѣсь встрѣчаемъ совсѣмъ иныя общественныя условія — иныя потребности, нежели въ Спартѣ; насущнѣйшею потребностью здѣсь среди зарождающейся демократіи была потребность въ *писанномъ законѣ*, который бы устранилъ произволъ сильныхъ и богатыхъ. Попытка основать тираннію, — столь обыкновенная въ это время—вызванная отчасти личнымъ честолюбіемъ, отчасти желаніемъ удовлетворить потребностямъ массы, въ Аѳинахъ не удалась. *Килонъ*, зять Мегарійскаго тиранна Ѳеогениса, захватилъ было Акрополь (628 г.) Аѳинскій. Но аристократическая партія взяла верхъ въ борьбѣ: приверженцы Колона должны были искать себѣ спасенія у подножія алтарей, сдались на обманчивыя обѣщанія и были перебиты.

Килонъ и Драконъ.

Около 620 г. видимъ первую попытку установленія правильнаго законодательства въ лицѣ *Дракона*. Кажется, онъ уже установилъ раздѣленіе гражданъ по имуществу, приписываемое Солону: дѣйствительнымъ правомъ гражданства пользовался каждый, кто былъ въ состояніи добыть себѣ полное вооруженіе, и это гражданство избирало архонтовъ и прочія должностныя лица, для которыхъ существовалъ опредѣленный цензъ, имущественная квалификація. Совѣтъ, состоявшій изъ 401 избранныхъ по жребію сочленовъ, былъ представителемъ всѣхъ гражданъ и за отсутствіе въ засѣданіяхъ совѣта назначались денежныя пени. Однакоже, это общественное устройство не привело ни къ чему; оно не улучшило положенія низшихъ классовъ, не дало правильнаго рѣшенія соціальной задачѣ, которая положена была въ основу аттическаго общественнаго устройства. Отношенія между бѣдными и богатыми не улучшились; гнетъ высшихъ классовъ кажется еще болѣе усилился вслѣдствіе попытокъ установленія тираніи, сдѣланной вышепомянутымъ *Килономъ*. Во многихъ мѣстахъ видны были каменные столбы, на которыхъ было прописано, сколько тотъ или другой дворъ мелкихъ землевладѣльцевъ былъ долженъ такому-то богачу, который, слѣдовательно, имѣлъ возможность продать его въ близкомъ будущемъ, и весьма многіе изъ гражданъ Аттики были проданы за это время въ рабство на чужбину, въ уплату долговъ своимъ кредиторамъ.

Солонъ.

Само собою разумѣется, что такія печальныя условія общественной жизни (въ странѣ малоплодородной и не густо населенной, при полной возможности выселенія въ сосѣднія страны) должны были всего ощутительнѣе отзываться на высшемъ сословіи... И вотъ, изъ самаго сословія эвпатридовъ выискался наконецъ замѣчательный человѣкъ — *Солонъ*, сынъ Экзекестида, потомокъ царя Кодра, который нашелъ возможность вернуть благосостояніе своей родинѣ, сваливъ съ порабощеннаго аттическаго населенія тяжкій гнетъ неоплатнаго долга. Съ нравственною физіономіею этого великаго человѣка мы имѣемъ возможность нѣсколько ближе ознакомиться по тому, что до насъ, въ отрывкахъ, дошло нѣсколько стихотвореній его. Духъ истиннаго мудреца и вполнѣ правдиваго человѣка выказывается вполнѣ ясно въ этихъ стихотвореніяхъ! Не безъ нѣкотораго юмора говоритъ онъ въ нихъ, что ему приходилось, какъ волку между собаками, прокладывать себѣ путь, не уклоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону и никого не слушая—чтобы придти къ разумному выводу. По этимъ стихотвореніямъ можно даже прослѣдить переходы въ настроеніи его души. Почти не уклоняясь ни въ сторону оптимизма, ни въ сторону пессимизма, онъ всюду выказываетъ свойственное Грекамъ равновѣсіе духа, и перебирая всѣ возрасты человѣка и всѣ занятія, сопряженныя съ его различными положеніями, онъ строго опредѣляетъ для каждаго границы доступнаго и возможнаго. Собственности онъ придаетъ цѣну, какъ и наслажденіямъ любовью и виномъ въ-пòру и вò-время,—но съ отвращеніемъ говоритъ о ненасытной алчности въ обладаніи. Въ одномъ изъ стихотвореній онъ высказываетъ желаніе, чтобы смерть его не осталась неоплаканною. Два личныхъ качества Солона особенно ярко выступаютъ въ этихъ стихотворныхъ отрывкахъ: сильно и ясно высказывающееся чувство правоты (право — божество Солона!) и не менѣе сильный, прекрасный, аѳинскій патріотизмъ. Читая эти стихотворенія, мы почти готовы думать, что онъ провидитъ великое будущее своей родной страны: «по волѣ Зевса и по мысли безсмертныхъ боговъ, нашъ городъ еще не погибъ!» — такъ начинается одно изъ Солоновскихъ стихотвореній,— «дочь Всемогущаго, высокоумная Паллада-Аѳина, простираетъ надъ нами свою руку, насъ защищающую!» Надо предполагать, что зло, за исправленіе котораго принялся Солонъ, давно уже было сознаваемо многими, почему онъ, едва приступивъ къ своимъ законодательнымъ реформамъ, уже сразу увидѣлъ около себя кружокъ людей, готовыхъ ему помогать и сочувствовать. Солонъ, родившійся въ 639 г. до Р. Х., пріобрѣлъ популярность среди своихъ согражданъ весьма важнымъ патріотическимъ подвигомъ: онъ возвратилъ Аѳинянамъ островъ Саламинъ, загораживавшій выходы изъ аѳинскихъ гаваней и, по винѣ правителей, отнятый у Аѳинянъ Мегарянами. Въ 594 г. онъ былъ избранъ въ архонты и выказалъ себя практическимъ государственнымъ дѣятелемъ: онъ съумѣлъ избавить государство отъ страшнаго вреда, который наносила ему непосильная задолженность его гражданъ и всѣ ея послѣдствія. Полнѣйшая амнистія для всѣхъ должниковъ, подпавшихъ *атиміи*, т. е. лишенію гражданскихъ правъ, выкупъ и возвращеніе проданныхъ на чужбину должниковъ, сложеніе долговъ, облегченіе ихъ уплаты и новыя, упорядоченныя правила залогодательства—

вотъ что составило часть Солонова законодательства, за которою и до позднѣйшаго времени сохранилось названіе «великаго *облегченія*» (сисахѳіи). Остальная часть касалась будущаго устройства тѣхъ же отношеній между бѣднымъ и богатымъ классомъ: воспрещала займы, обезпечиваемые личностью самого должника, и такимъ образомъ уничтожала рабство за долги. Это было прочнымъ исцѣленіемъ страшнаго общественнаго недуга; и мы въ послѣдующей исторіи Аттики не знаемъ ни одного такого случая, когда бы спокойствіе страны нарушалось какими бы то ни было экономическими смутами, столь обычными въ другихъ странахъ.

Законодательство Солона.

Но этого «великаго облегченія» было недостаточно для исправленія всѣхъ золъ, вкравшихся въ общественное устройство Аттики, а между тѣмъ срокъ полномочій Солона, какъ архонта, приближался. Онъ сознавалъ, что та *дисномія* (т. е. законная путаница), которую онъ видѣлъ кругомъ себя, составляетъ великое зло, и легко могъ бы захватить власть въ свои руки для благой цѣли, приведенія въ дѣйствіе задуманной имъ законной реформы. Но онъ не захотѣлъ показать своимъ согражданамъ дурной примѣръ, и сложилъ съ себя полномочія архонта въ законный срокъ. Тогда новые правители, цѣня высоко заслуги и скромную умѣренность Солона, предложили ему ввести въ государственную жизнь ту *эвномію* (равновѣсіе закона), которая была его идеаломъ—другими словами: предложили ему дать государству новое устройство.

Солоново общественное устройство.

Это новое устройство вполнѣ соотвѣтствовало условіямъ аттическаго общественнаго быта. Солонъ отлично сознавалъ разницу между аристократіей въ Аттикѣ и тѣмъ же сословіемъ въ другихъ государствахъ Греціи. Аттическая аристократія была главнымъ образомъ аристократія имущественная, а потому законодатель и выдвинулъ на первый планъ *имущество*, какъ основный принципъ для раздѣленія общества на сословія, при введеніи въ народѣ новой организаціи. Онъ удержалъ существовавшее до него (вѣроятно, еще Дракономъ введенное) раздѣленіе на сословія по среднему доходу съ урожая: на *пентакозіомедимновъ* (получавшихъ до 500 четвериковъ зерна отъ жатвы), на *гиппеевъ* (или *всадниковъ*), *зевгитовъ* (крестьяне-собственники, обработывавшіе поле парою воловъ) и *тэтовъ* (поденщиковъ). Послѣдніе не были обложены никакими податями; первые три класса—обложены соотвѣтственно своимъ доходамъ; но всѣ, имущіе и неимущіе, одинаково были обязаны воинскою повинностью на защиту отечества. Очень разумно распредѣлилъ онъ каждому честь по заслугамъ. Въ архонты — ежегодно избиралось 9 правителей — могли быть избираемы только тѣ, которые были обложены высшимъ размѣромъ податей; имъ собственно и надлежало руководить дѣлами, — политикой, войной и внѣшними сношеніями, культомъ и судомъ. Первый изъ архонтовъ, *эпонимъ* (его именемъ обозначался годъ его правленія), предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ и въ народномъ собраніи; архонтъ *полемархъ* заботился о внѣшнихъ сношеніяхъ государства; третій архонтъ, *базилевсъ* (царь), наблюдалъ надъ служеніемъ богамъ; остальные шесть архонтовъ, *тесмотеты* (стряпчіе), засѣдали въ судахъ. Кромѣ архонтовъ образованъ былъ *совѣтъ* изъ выборныхъ гражданъ; каждая изъ 4-хъ *филъ* или округовъ, на которые страна была раздѣлена, ежегодно избирала въ этотъ

совѣтъ по 100 человѣкъ членовъ; выборы членовъ въ этотъ совѣтъ 400-тъ могли быть производимы только гражданами первыхъ трехъ классовъ и только изъ трехъ первыхъ классовъ. Эта корпорація занималась текущими дѣлами и подготовляла тѣ дѣла, которыя подлежали рѣшенію *экклезіи*— всенароднаго собранія. Народъ въ Аттикѣ еще впервые явился въ видѣ полновластнаго правителя, какъ высшая и послѣдняя инстанція, которой и высшіе сановники должны были отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сомнительно, однакоже, чтобы въ Солоново время *тэты* уже принимали участіе въ этихъ собраніяхъ. Въ первое время по учрежденіи *экклезіи*, это собраніе созывалось не часто, среднимъ числомъ раза четыре въ году, и это было весьма разумно, такъ какъ не политика, а работа для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба, — должна составлять главное занятіе и главный интересъ народа. Притомъ, въ началѣ эти собранія не носили такого бурнаго характера, какъ впослѣдствіи: — намъ извѣстно о Солонѣ, что онъ говорилъ къ народу въ спокойномъ положеніи, до половины укрывъ руку одеждою. Собранія эти собирались на особомъ мѣстѣ, которое каждый разъ особо освящалось для этой цѣли; открывалось собраніе, какъ и въ Спартѣ, и всюду въ Греціи, жертвоприношеніями и молитвою. И старости воздавались почести—глашатай предлагалъ сначала говорить тѣмъ, которымъ было болѣе 50 лѣтъ. По самой натурѣ этого живого, легко воспламеняющагося народа іонійскаго племени, и по самому духу подобнаго рода государственныхъ учрежденій, эти собранія здѣсь очень скоро пріобрѣли болѣе оживленный характеръ и получили большее значеніе, нежели народныя собранія въ Спартѣ и гдѣ бы то ни было у дорійскаго племени. Солонъ самъ держался того взгляда, что онъ далъ народу достаточно власти; но онъ и позаботился о томъ, чтобы народъ воспитать, и съ этою цѣлью предоставилъ въ его руки *судебную расправу*, какъ дѣло наиболѣе близкое народу. Въ этомъ смыслѣ и ради этой цѣли, ежегодно изъ гражданъ, переступившихъ 30-ти-лѣтній возрастъ, избиралось по жребію 4000 человѣкъ, въ распоряженіе тесмотетовъ, и большее или меньшее количество ихъ призывалось въ судъ для присутствованія въ качествѣ присяжныхъ при тѣхъ судебныхъ процессахъ, которые сопряжены были съ лишеніемъ подсудимыхъ жизни, имущества или гражданскихъ правъ. Они приносили общую клятву при вступленіи въ исправленіе своихъ важныхъ почетныхъ обязанностей, а тѣ изъ нихъ, которые призваны были къ произнесенію приговора въ томъ или другомъ случаѣ, произносили еще особую клятву передъ началомъ каждаго судебнаго разбирательства. Особенное значеніе этому народному судилищу, *геліи*, придавало то, что предъ лицомъ его и сами архонты, до вступленія своего въ должность, должны были выдерживать нѣкотораго рода *испытаніе (докимазія)*, касавшееся ихъ правъ, ихъ нравственной чистоты, оказанныхъ ими воинскихъ заслугъ и выполненія ими иныхъ гражданскихъ обязанностей; точно такъ же и по окончаніи своего года службы, архонты должны были, передъ тѣмъ же учрежденіемъ, отдать отчетъ (эвтинэ) въ своей дѣятельности. Кругъ дѣятельности этого суда вначалѣ былъ не чрезмѣрно великъ; въ отдѣльныхъ общинахъ страны были свои деревенскіе судьи для менѣе важныхъ дѣлъ, и всѣ жалобы, касавшіяся

рѣшенія какихъ бы то ни было тяжебъ, должно было всегда приносить сначала передъ судомъ третейскимъ.

Законодатель старался сохранить изъ старины все, что было возможно удержать. Такъ, уцѣлѣло старое судилище, которому подлежали преступленія уголовныя—древній *ареопагъ*. Архонты, окончившіе свою службу, слѣдовательно люди, занимавшіе въ государствѣ высшее положеніе—вступали въ это высшее государственное учрежденіе, котораго полномочія были въ значительной степени расширены, такъ что онъ получилъ даже нѣкоторое политическое значеніе. Современники Солона на общій строй государственный смотрѣли не какъ на нѣчто механически-созданное, не какъ на своего рода страховое общество, а какъ на нѣчто жизненное, священное, а потому Солонъ и приверженцы его, хорошо зная натуру человѣка, отлично понимали, что для правительства и его чиновниковъ многое недостижимо изъ того, что можетъ имѣть серьезное значеніе для всего состава населенія. Вотъ почему ареопагу поручено было извѣстнаго рода наблюденіе надъ жизнью гражданъ, и, притомъ, онъ былъ облеченъ неограниченною карательною властью противъ всѣхъ нарушителей основныхъ нравственныхъ законовъ—противъ лѣнивыхъ, неблагодарныхъ или всякихъ людей зазорнаго поведенія. Въ то же время ареопагъ былъ и хранителемъ законовъ, и члены его—пожизненные, принадлежавшіе къ высшимъ и богатѣйшимъ классамъ общества, притомъ независимые отъ внѣшнихъ вліяній—придавали ему такой авторитетъ, что онъ могъ, въ случаѣ нужды, кассировать рѣшенія даже народнаго собранія,—либо отмѣняя ихъ вполнѣ, либо, по крайней мѣрѣ, отсрочивая ихъ выполненіе на неопредѣленное время.

Всемірно-историческое значеніе Солоновыхъ законовъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, важнѣйшее изъ Солонова законодательства: изъ вышеуказаннаго нами ясно, что въ этомъ народѣ жилъ иной духъ, нежели въ спартанскомъ:—духъ болѣе свободный и болѣе возвышенный. Это законодательство явилось не какъ результатъ недовѣрія къ подавленному народонаселенію,—оно было свободнымъ и, можно почти сказать, радостнымъ созданіемъ истинной государственной мудрости. Солону удалось создать для своего народа надежную законную основу, которая и въ дальнѣйшей исторіи Аѳинъ постоянно оказывала благое вліяніе на жизнь народную. Для всей дальнѣйшей исторіи и для всей жизни народа важное значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что такая громадная органическая реформа была Солономъ произведена путемъ законнымъ,—путемъ свободнаго соглашенія, безъ всякаго кровопролитія, безъ всякаго захвата власти и насилія. Въ этомъ смыслѣ Солонъ гораздо болѣе Ликурга достоинъ всемірно-историческаго имени.

Въ видѣ дополненія или прибавленія къ законодательству Солона приводятъ извѣстное количество нравственныхъ изреченій и поученій, будто бы тоже исходящихъ отъ Солона, въ родѣ общеизвѣстныхъ: «не издѣвайся надъ мертвыми», «передъ лицомъ народа говори всегда правду» и т. д. Легко можетъ быть, что это и такъ; что среди деревянныхъ таблицъ, хранившихся въ Акрополѣ (на нихъ и было написано законодательство Солона), можетъ быть, одна таблица и была посвящена изреченіямъ такой практической мудрости. Но приписываемое Солону весьма

извѣстное и знаменитое положеніе, по которому *каждый гражданинъ, при междоусобіяхъ, долженъ былъ открыто высказаться въ пользу той или другой партіи*,—это положеніе, конечно, принадлежитъ болѣе ранней эпохѣ возрожденія демократіи.

Тираннія Пейзистрата и его сыновей. (538).

Хотя Солонъ и съумѣлъ отринуть отъ себя всякій помыселъ о захватѣ верховной власти въ свои руки, однакоже и его государственное устройство не избавило Аттику отъ временной тираніи. Одинъ изъ молодыхъ эвпатридовъ, *Пейзистратъ*,—изъ дома Нелидовъ,—опираясь на свои военныя заслуги въ борьбѣ съ Мегарянами и поддерживаемый діакріями, еще во времена Солона успѣлъ захватить власть въ свои руки и дважды утрачивалъ ее и вновь захватывалъ, пока окончательно не удержалъ ее за собою (538—527 г.). Утвердился онъ во власти обычными средствами всѣхъ греческихъ тирановъ—ѳракійскими наемниками, союзами съ другими тиранами, Ликдамомъ Наксосскимъ и со знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ—Поликратомъ Самосскимъ,—колонизаціями и пріобрѣтеніемъ новыхъ земель; въ то же время онъ поощрялъ и развитіе сельской культуры, и любилъ окружать себя писателями и художниками. Онъ обратилъ особенное вниманіе на устройство правосудія въ деревенскихъ общинахъ, которыя часто посѣщалъ лично, и, по свидѣтельству Аристотеля, онъ былъ очень любимъ народомъ, какъ правитель. Солоновы законы онъ оставилъ неприкосновенными, насколько они не мѣшали его правленію, которое онъ удивительно умѣло и ловко умѣлъ примирить съ быстро-возраставшимъ могуществомъ народа. Онъ и умеръ правителемъ, и даже передалъ власть свою, какъ вполнѣ обезпеченное достояніе, своимъ сыновьямъ. Старшій изъ нихъ, *Гиппій*, пошелъ по слѣдамъ отца, вступилъ въ новые союзы, съумѣлъ даже поладить со Спартою; но убіеніе брата его, *Гиппарха*, который палъ жертвою частной мести двухъ гражданъ, Гармодія и Аристогитона, поколебало спокойствіе Гиппія и вынудило его къ суровымъ мѣрамъ, которыя значительно повредили ему.

Паденіе тираніи (510).

Къ тому же, подъ власть дома *Нелидовъ*, къ которому принадлежалъ Пейзистратъ, давно уже подкапывались потомки другого знатнаго рода—*Алкмеонидовъ*, который былъ изгнанъ послѣ неудачной попытки Килона захватить власть и учредить въ Аѳинахъ тираннію. Эти Алкмеониды дѣятельно работали въ изгнаніи, подготовляя гибель Пейзистратидамъ; они вошли въ сношенія съ жрецами дельфійскаго оракула, склонили ихъ на свою сторону, а чрезъ нихъ воздѣйствовали и на Спарту. Два раза пытались они свергнуть Гиппія, но безуспѣшно; на третій разъ, когда счастливая случайность предала въ ихъ руки дѣтей Гиппія, они добились своей цѣли, Гиппій бѣжалъ, а Алкмеониды возвратились на родину (510 г.).

Но случилось совсѣмъ не то, чего ожидали всѣ греческія государства. Аристократическая форма правленія не была возстановлена; напротивъ того, наступилъ рѣзкій поворотъ въ сторону чистой демократіи, и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ смыслѣ явился одинъ изъ Алкмеонидовъ, *Клисѳенъ*, способствовавшій изгнанію тиранна Гиппія. Изъ какихъ побужденій онъ дѣйствовалъ, — этого теперь невозможно разслѣдовать; знаемъ только, что онъ возстановилъ Солоновское государственное устройство и придалъ ему новую форму, въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія демократіи.

Демократія: Клисѳенъ.

Планъ реформъ былъ Клисѳеномъ задуманъ широко и требовалъ продолжительнаго времени для своего осуществленія. Вмѣсто весьма древняго раздѣленія страны на 4 филы, при которомъ, конечно, эвпатриды имѣли полную возможность оказывать сильное мѣстное вліяніе, Клисѳенъ ввелъ раздѣленіе на 10 филъ, и каждая изъ нихъ ежегодно избирала по 50 членовъ въ совѣтъ, по 500 геліастовъ въ народное судилище,—и такимъ образомъ совѣтъ состоялъ уже изъ 500 членовъ, а *Гелія* изъ 5,000 гражданъ. За смѣлымъ нововведеніемъ послѣдовала сильная реакція. Предводитель противной партіи, Исагоръ, призвалъ Спартанцевъ на помощь; спартанское войско, подъ предводительствомъ царя Клеомена, заняло аѳинскую крѣпость. Но самосознаніе народа успѣло уже за это время настолько возрасти, что народъ не допустилъ иноземнаго вмѣшательства въ свои дѣла: произошло общее народное возстаніе, и небольшое спартанское войско вынуждено было капитулировать. Послѣ этого стали Аѳиняне опасаться мести со стороны своей грозной сосѣдки, Спарты, и опасенія эти были настолько велики, что одно время Аѳиняне стали было даже хлопотать о помощи со стороны Персіи, и даже обращались за этимъ къ ближайшему персидскому сатрапу, въ Сарды. Но опасность вскорѣ миновала: наступавшее на Аттику спартанское войско вынуждено было вернуться, потому что между начальниками его начались раздоры и дѣло дошло до полнаго нарушенія воинской дисциплины. Однакоже Спартанцы все же не думали отставать отъ дѣла, и сильная партія между ними домогалась возстановленія тираніи въ Аѳинахъ при спартанской помощи; многимъ такая форма правленія въ сосѣднемъ государствѣ казалась болѣе выгодною, нежели правленіе народное, при которомъ ловкій и смѣлый демагогъ могъ легко увлечь за собою толпу на всякое дѣло. Гиппій даже приглашенъ былъ въ Спарту. Но при обсужденіи вопроса о вмѣшательствѣ Спарты, на общемъ собраніи пелопоннезскихъ союзныхъ государствъ, противъ этого возстали многіе, и преимущественно Коринѳяне; ихъ ораторъ началъ свою рѣчь горячимъ вступленіемъ: «небо и земля—на мѣстѣ-ли вы?!»—и доказалъ всю противуестественность заступничества за тираннію со стороны государства, которое бы никогда не допустило ее у себя. Спартанское вмѣшательство, такимъ образомъ, не состоялось, и демократическій принципъ окончательно восторжествовалъ въ Аѳинахъ.

Въ отдѣльныхъ *дэмахъ* или деревенскихъ округахъ Аттики, которыхъ прежде насчитывали 100, а затѣмъ уже и 190, развилось самоуправленіе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Каждыя 10 дэмъ составили филу. Тогда же допущено было еще одно весьма крупное нововведеніе: архонтовъ стали замѣщать не по выборамъ, а по жребію между тѣми, кто добивался архонтства или имѣлъ на него права. Противъ попытокъ возстановленія тираніи изобрѣли весьма своеобразную мѣру — *остракизмъ* (судъ черепковъ—если можно такъ выразиться). Ежегодно народному собранію, иногда по представленію совѣта, иногда даже по иниціативѣ частнаго лица, задавался запросъ: «не имѣется-ли основанія для изгнанія такого-то гражданина?»—т. е. не питаетъ-ли такой-то затаеннаго желанія быть тираномъ, или даже — не настолько-ли онъ влія-

телень, что такой соблазнъ можетъ ему придти въ голову. Если собраніе отвѣчало на этотъ вопросъ утвердительно, то вопросъ пускали на голоса, т. е. выцарапывали имя опаснаго гражданина на *остраконахъ*, на черепкахъ, и если такихъ черепковъ набиралось 6,000—участь гражданина была рѣшена: онъ изгонялся изъ страны, хотя это изгнаніе не было сопряжено ни съ потерею чести, ни съ конфискаціей имущества. Изгнаніе остракизмомъ осуждало на 10 лѣтъ пребыванія внѣ страны; но это было только простою формальностью, и по рѣшенію народа онъ могъ быть вызванъ во всякое время обратно.

3. Общая картина жизни Эллиновъ около 500 г. до Р. Х.

Эллинская колонизація.

Такъ образовалось, въ Средней Греціи, на мѣстѣ бойкомъ и весьма удобномъ для сношенія съ сосѣдними странами, новое государство, выросшее изъ совершенно иной основы, нежели Спарта, и быстро двигавшееся по пути развитія. Образованіе этого государства было важнѣйшимъ политическимъ событіемъ двухъ послѣднихъ столѣтій; въ теченіе этого времени значительно измѣнилась и вся жизнь того народа, который уже давно разумѣлъ себя подъ однимъ общимъ названіемъ *Эллиновъ*. Съ быстротою, почти безпримѣрною въ исторіи человѣчества, Эллины овладѣли почти всѣмъ Средиземнымъ моремъ и усѣяли его берега и острова своими *колоніями*. Финикіяне, нѣсколько ослабленные уже сложившимися на Востокѣ историческими условіями жизни, всюду видѣли себя вынужденными уступать мѣсто этому болѣе способному, болѣе многостороннему, болѣе энергичному народу; и всюду возникали новые своеобразные города, носившіе на себѣ свою, особую физіономію и отличавшіеся такимъ быстрымъ ростомъ населенія, что избытокъ его приходилось въ ближайшемъ будущемъ обращать на новую колонизацію. Въ этомъ величавомъ, всепобѣдномъ шествіи одинаково принимали участіе всѣ греческія племена, и именно въ этихъ-то разнообразныхъ поселеніяхъ и выросло то обще-эллинское національное чувство, которое обособляло Грековъ отъ чуждыхъ имъ или *варварскихъ* племенъ, среди которыхъ имъ приходилось селиться. Побужденія къ этимъ безпрерывно возобновлявшимся и громаднымъ выселеніямъ были очень различны. Однихъ вынуждала къ выселенію съ родины дѣйствительная нужда; другихъ побѣда противной имъ партіи въ сильно-разгорѣвшейся повсюду борьбѣ партій; третьихъ увлекала въ даль страсть къ приключеніямъ, а иногда и само правительство руководило выселеніемъ части гражданъ, чтобы избавить города отъ избытка населенія. Очень немногія изъ этихъ выселеній производились вслѣдствіе вынужденнаго, насильственнаго разрыва съ отечествомъ. Переселенцы обычно захватывали съ собою головню съ родного очага и ею зажигали свой новый очагъ на мѣстѣ новаго поселенія—и названія площадей и улицъ родного города возрождались въ его выселкѣ, и начинались изъ новаго города отправленія почетныхъ посольствъ на празднества родного города—и обратно посольства изъ стараго отечественнаго города на праздники

въ честь божествъ новаго поселенія. Но тѣмъ и ограничивались обоюдныя связи: независимости искали выселенцы на чужбинѣ, и находили ее всюду. Чтобы дать понятіе объ этихъ отношеніяхъ между метрополіей и колоніями, припомнимъ, что одинъ городъ Милетъ въ теченіе полутора столѣтія выдѣлилъ изъ себя 80 колоній въ разныя стороны, и эти колоніи не составляли ни Милетскаго царства, ни Милетскаго союза городовъ, и каждая изъ нихъ существовала сама по себѣ и жила своею жизнью, хотя и сохраняла дружественныя отношенія къ своимъ согражданамъ и землякамъ *).

Крайнимъ пунктомъ эллинской колонизаціи на З. былъ *Сагунтъ*, на вост. берегу Испаніи, *Массалія*—въ странѣ Галловъ, невдалекѣ отъ устья Роны. Въ южной Италіи и Сициліи эллинскія колоніи составляли какъ бы особую область; здѣсь приходилось имъ соперничать съ западною отраслью Финикійцевъ (Карѳагенянами), Этрусками на сѣв.-западѣ Италіи, и другими различными народами, промышлявшими морскимъ разбоемъ; за то ужъ въ восточной половинѣ они были полными хозяевами Средиземнаго моря и смежныхъ съ нимъ морей. Колоніи ихъ восходили до отдаленнѣйшихъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей; на В. простирались до самой Финикіи и острова Кипра и на Ю., въ Египтѣ, ими была заселена прекрасная мѣстность *Киренэ*—къ З. отъ устьевъ Нила. Нѣтъ возможности перечислить всѣ эти эллинскія колоніи, ни заглянуть въ ихъ исторію, любопытную и поучительную; но нельзя не замѣтить, что послѣдствія этой колонизаціонной дѣятельности были въ высшей степени важны: новая культура неудержимо пускала свои корни всюду кругомъ, отъ Понта Эвксинскаго до отдаленныхъ береговъ Иберіи, охватывая все обширное пространство береговъ Средиземнаго моря.

Народная жизнь. Литература.

Какъ разнообразно ни складывалась жизнь этого народа, однакоже связь всѣхъ племенъ его была всюду крѣпка, вслѣдствіе того, что всѣ они въ одинаковой степени обладали однимъ общимъ сокровищемъ. Это сокровище былъ единый, всѣмъ общій *языкъ*, который хотя и распадался на различные діалекты и говоры—все же былъ всѣмъ одинаково понятенъ во всѣхъ концахъ Эллинскаго міра, точно такъ же, какъ впослѣдствіи всѣмъ Эллинамъ доступною и понятною сдѣлалась общая имъ греческая *литература*. Гомеровскія пѣсни издавна стали всенароднымъ, національнымъ достояніемъ, и притомъ драгоцѣннѣйшимъ; ихъ уже давно закрѣпили въ писанной редакціи, и на великихъ законодателей Греціи,—Ликурга и Солона,—указываютъ какъ на ревностныхъ распространителей Гомеровской поэзіи, а на Пейзистрата, какъ на составителя лучшей и наиболѣе тщательной редакціи Гомеровскихъ пѣсенъ. Эти извѣстія, какъ бы мало ни были они достовѣрными, во всякомъ случаѣ важны, потому что доказываютъ, какая тѣсная взаимная связь существовала у Грековъ между ихъ литературными и государственными стремленіями и успѣхами. Несравненное произведеніе Гомера, въ свою очередь, породило богатую *эпическую*

*) И это дробленіе на части было до такой степени свойственно Эллинамъ, что они даже не создали себѣ отдѣльнаго термина, подобнаго нашему слову государство: слово *полисъ*, собственно *городъ*, примѣнялось и въ смыслѣ *государства*, которое обозначалось тѣмъ же самымъ словомъ.

литературу, въ видѣ продолженій и подражаній его поэмамъ, тѣмъ болѣе, что для этой литературы уже готовъ былъ строго-выработанный и какъ бы созданный для нея размѣръ—гекзаметръ. Изъ поэзіи эпической, при посредствѣ нѣкотораго измѣненія стихотворнаго размѣра, явилась новая поэтическая форма—*элегія*, въ которую вложено было и новое содержаніе: въ элегіи поэтъ отъ простого эпическаго разсказа переходилъ въ область ощущеній чисто-субъективныхъ, и такимъ образомъ открывалъ поэтическому вдохновенію новые необъятные горизонты. Новая элегическая мѣра служила формою то для нѣжной жалобы, то для спокойнаго созерцанія, то для произведенія сатирическаго оттѣнка; одною изъ подобныхъ элегій Солонъ побудилъ своихъ согражданъ къ завоеванію Саламина. Тотъ же поэтическій размѣръ, нѣсколько сокращенный, послужилъ современнику Солона, *Ѳеогниду изъ Мегары*, для эпиграммъ, направленныхъ противъ возникающей демократіи. Другой отличный знатокъ языка и пріятный поэтъ, *Архилохъ* Паросскій, изобрѣлъ другую стихотворную мѣру—стихъ *ямбическій*, какъ форму удобную для выраженія возбужденнаго чувства—гнѣва, насмѣшки, страсти. Этимъ стихомъ воспользовались для новыхъ поэтическихъ образовъ поэты богатаго талантами острова Лесбоса, *Аріонъ*, *Алкей* и поэтесса *Сафо*,—и воспѣвали имъ вино и любовь, воинственное возбужденіе и страстную борьбу партій.

Діонисъ. Въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

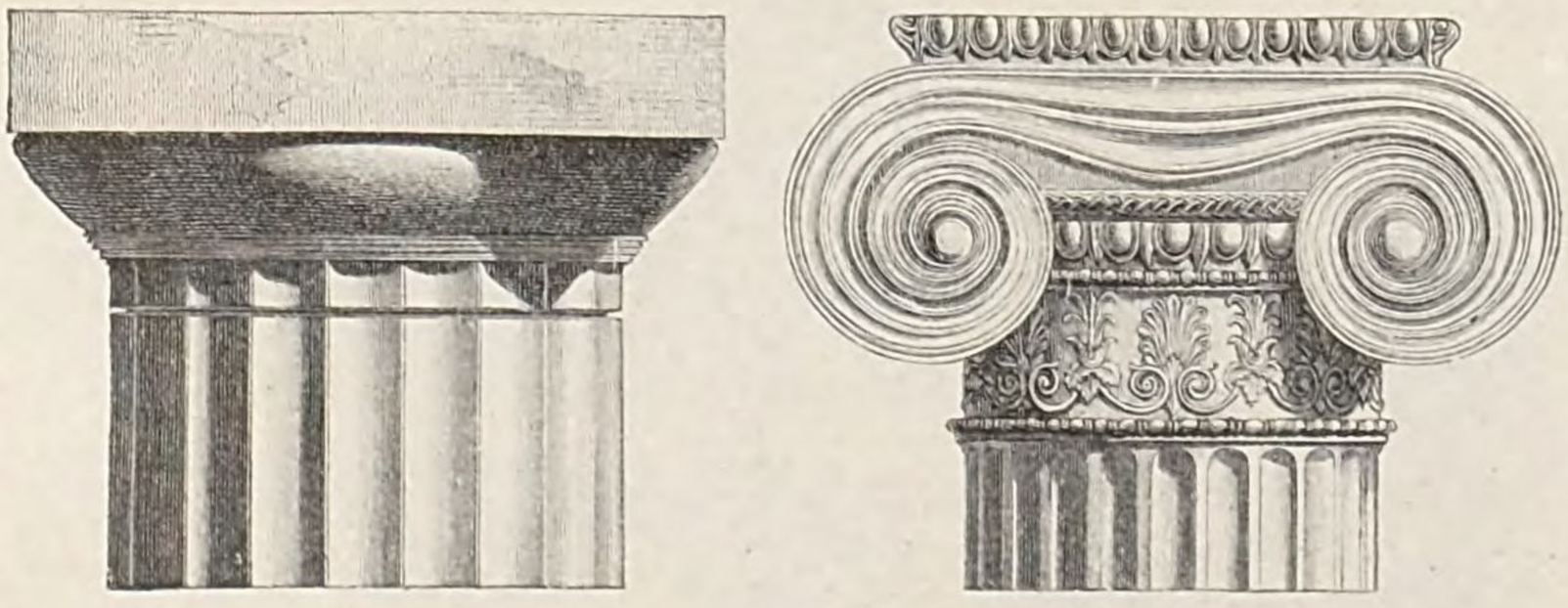
Немногіе изъ поэтовъ, подобно *Анакреону* Теосскому, занимались своимъ искусствомъ подъ покровительствомъ тиранновъ; большинство этихъ смѣлыхъ мыслителей были въ своихъ произведеніяхъ враждебны тиранніи, которая опиралась въ своихъ стремленіяхъ на низшіе слои народа. Можетъ быть потому именно и поспѣшили Пейзистратиды принять подъ свое покровительство *драму*, эту младшую, но и важнѣйшую изъ отраслей поэзіи, которая зародилась на почвѣ Аттики, богатой духовною жизнью. Драма, въ первоначальной своей формѣ, развилась изъ тѣхъ хоровыхъ пѣсенъ, которыя пѣлись въ честь бога вина *Діониса*, на его веселыхъ празднествахъ. Преданіе называетъ намъ *Ѳесписа* (изъ аттическаго демоса Икаріи) первымъ виновникомъ появленія новой поэтической формы. Ему, будто бы, пришла въ голову мысль внести въ хоровую пѣснь элементъ живого дѣйствія; для этой цѣли онъ сталъ

Праздникъ Діониса. Рельефъ аттическаго саркофага.

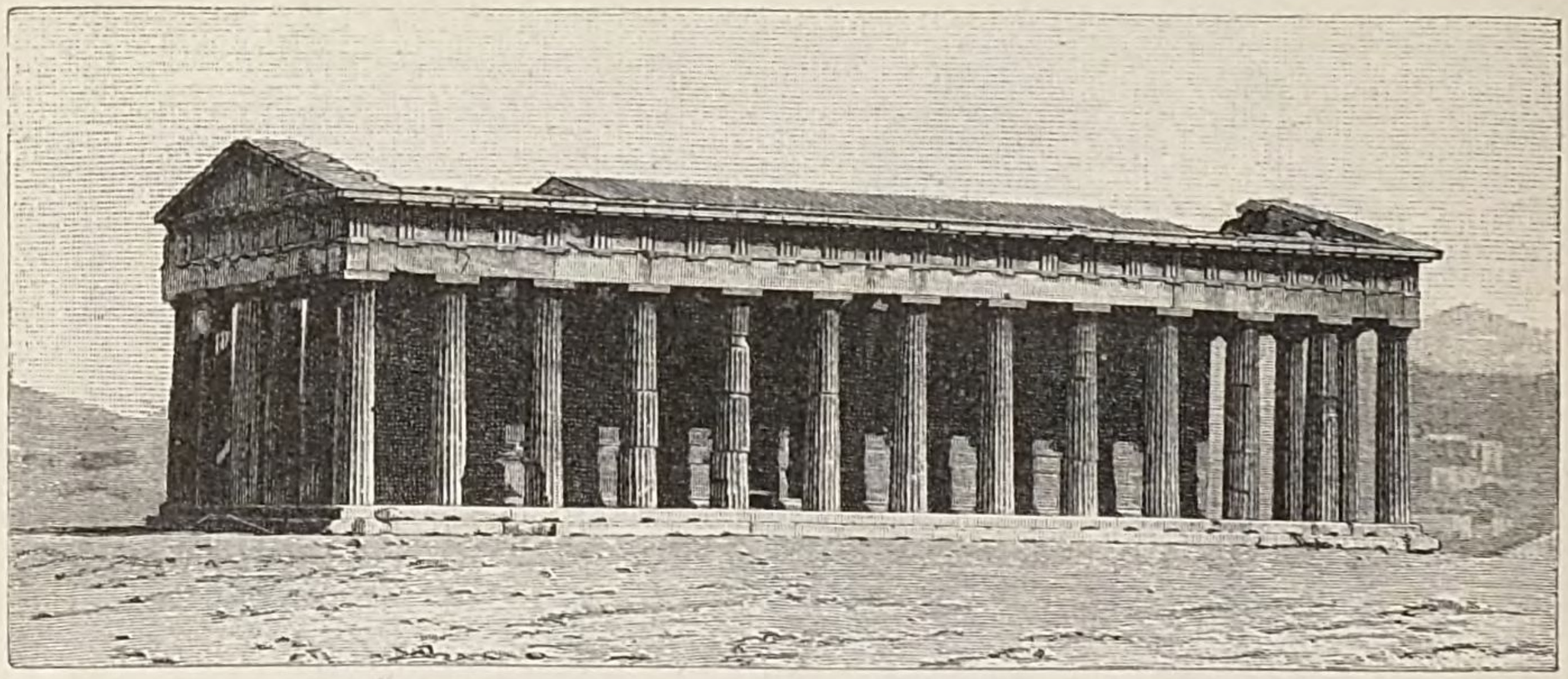
и хоръ, и главнаго запѣвалу хора облекать масками, хоровую пѣсню обратилъ въ пѣсенный діалогъ между запѣвалой и хоромъ; въ основу же этихъ діалоговъ полагалась одна изъ множества легендъ о Діонисѣ.

Искусства.

Одновременно съ литературой быстро стали развиваться и другія искусства пластическія, къ которымъ особенно благосклонно относились тираны, помогая ихъ развитію и поощряя художниковъ. Вниманіе этихъ правителей было преимущественно обращено на сооруженія, пригодныя для общественной пользы,—дороги, водопроводы, бассейны; но они не пренебрегали и произведеніями изящными, каждому бросающимися въ глаза. И ростъ искусствъ въ эту эпоху былъ такъ же поразительно быстръ, какъ и ростъ литературы,—съ невѣроятною быстротою освободились они отъ узъ ремесленности и цеховой ограниченности. Раньше всѣхъ развилась *архитектура*, въ которой блестящимъ образомъ проявился творческій геній Эллиновъ. Легко можетъ быть, что до первыхъ греческихъ зодчихъ и дошли смутныя преданія о громадныхъ храмахъ, дворцахъ и гробницахъ Египтянъ; но они не могли съ нихъ взять образца и пошли путемъ вполнѣ

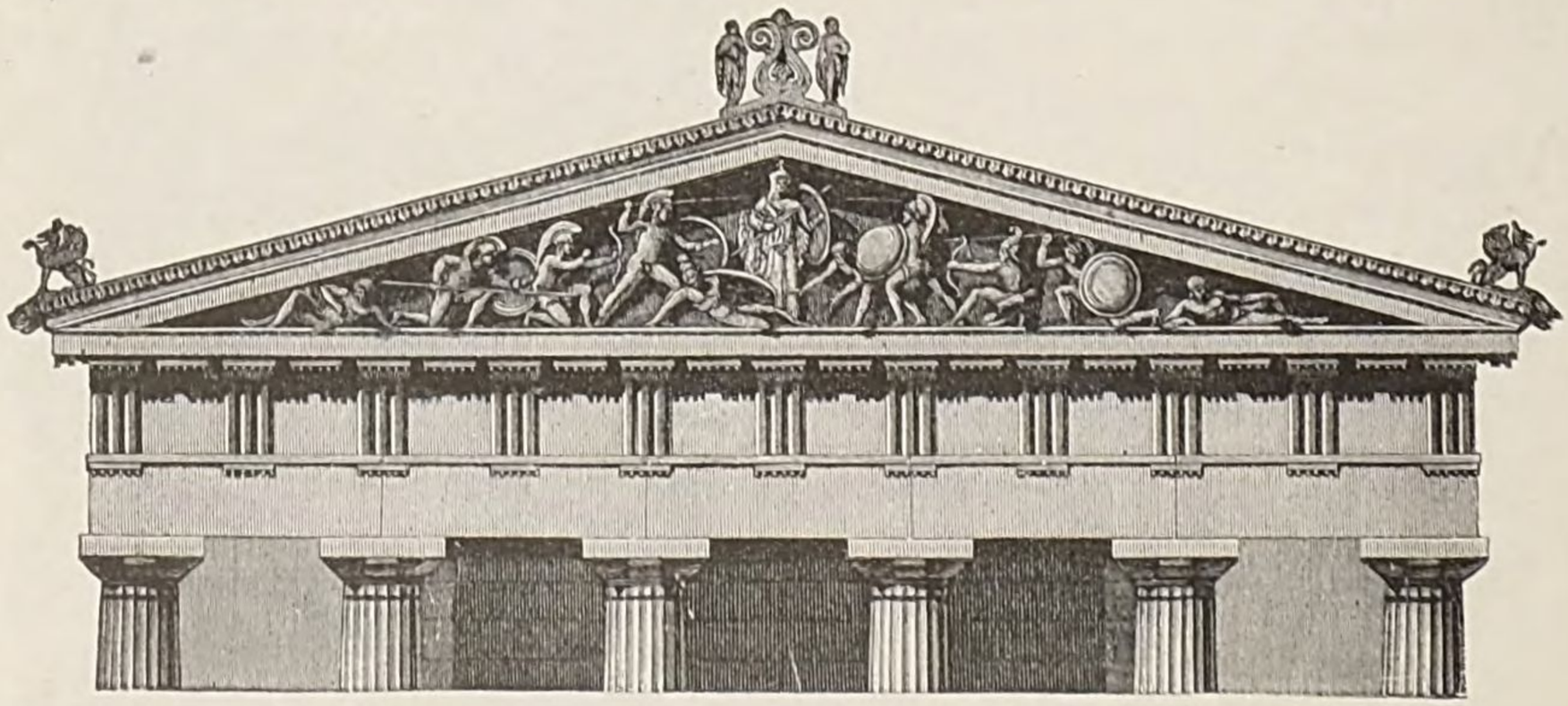


Дорійская и іонійская капители.



Храмъ Тезея въ Аѳинахъ. Образецъ дорійскаго стиля.

самостоятельнымъ. Такъ, напримѣръ, мы уже очень рано встрѣчаемъ у Грековъ два совершенно различные типа колоннъ, въ которыхъ восточныя формы не только преобразованы и выяснены, но притомъ еще настолько самостоятельно-усвоены, что въ нихъ проявляются даже характерныя особенности двухъ главныхъ греческихъ племенъ, въ видѣ двухъ стилей: дорическаго и іоническаго. Рядомъ съ архитектурой развивается и скульптура; уже у Гомера упоминаются скульптурныя произведенія, изображавшія людей и животныхъ, которыя представлялись «какъ бы живыми». Но въ сущности это искусство двигалось впередъ очень медленно и рѣзецъ художника не скоро пріучился побѣждать техническія трудности ваянія; однакоже, даже и тѣ произведенія греческой скульптуры, которыя заканчиваютъ собою ея первый періодъ, — напримѣръ, извѣстная фронтонная группа на храмѣ Аѳины въ Эгинѣ,—превосходитъ по общему духу произведенія и по художественной жизненности своей все, что въ той же области искусства успѣлъ создать Востокъ.

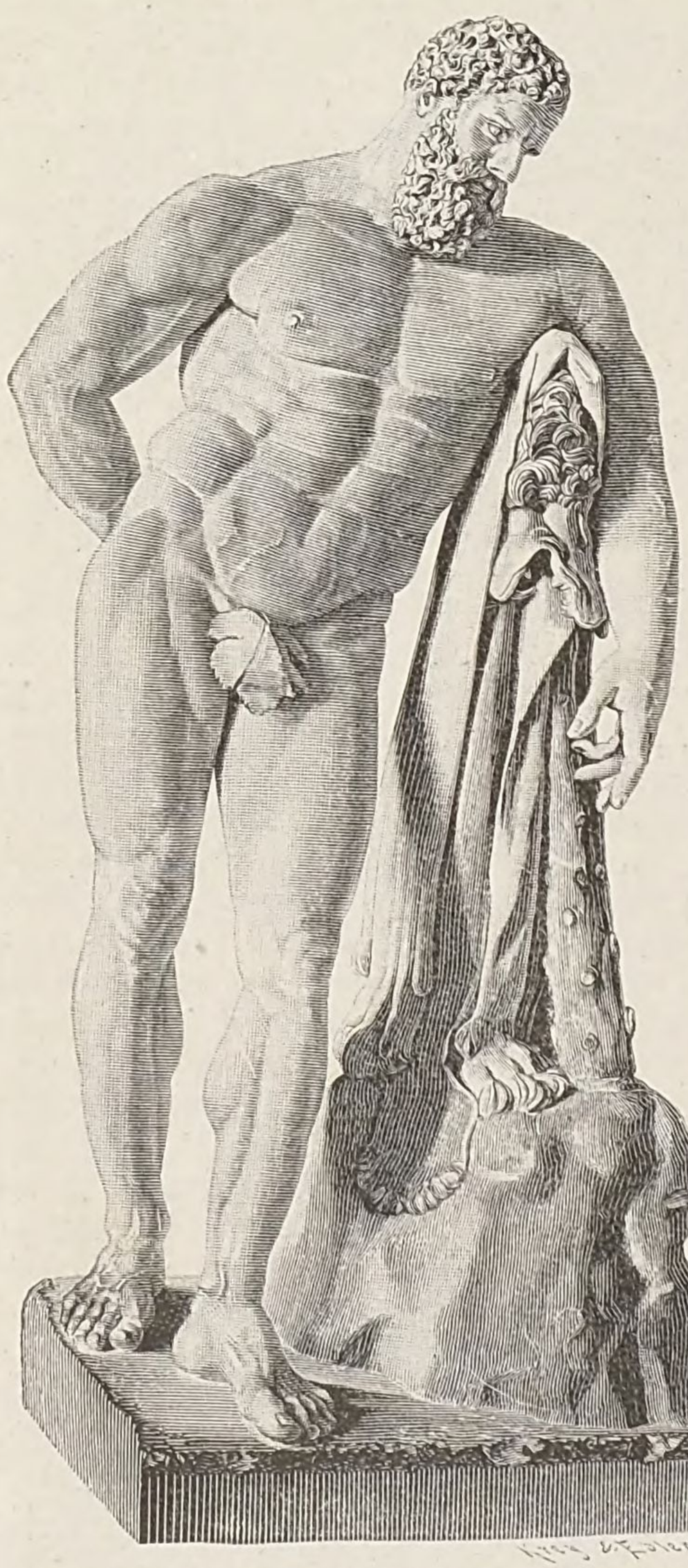


Фронтонная группа храма Аѳины, на островѣ Эгинѣ.

Религія.

Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и мѳахъ Эллиновъ древне-арійскія начала вполнѣ отступили на задній планъ — боги обратились въ олицетворенія людей, которые и ненавидѣли, и любили, и мирились, и ссорились, и перепутывались въ своихъ интересахъ точно такъ же, какъ люди, но только въ иномъ, высшемъ мірѣ — идеальномъ отраженіи низшаго. Благодаря такому обороту въ понятіяхъ народа, являлась опасность слишкомъ большого приниженія, матеріализаціи божества, и многіе изъ передовыхъ людей Греціи это отлично понимали. Неоднократно проявлялось стремленіе очистить религію отъ слишкомъ грубыхъ представленій о божествѣ, облечь эти представленія въ нѣкоторый туманъ таинственности. Въ этомъ именно смыслѣ были важны нѣкоторые мѣстные культы, изъ коихъ два пользовались громаднымъ значеніемъ во всей Греціи; а именно: культъ божествъ, *покровительствующихъ земледѣлію*, Деметры, Коры и Діониза въ Аттикѣ—въ *Элевзисѣ*, извѣстный подъ названіемъ *Элевзинскихъ таинствъ*. Въ этихъ таинствахъ, весьма внушительнымъ образомъ, связывалось мимолетное, ничтожное существованіе каждаго смертнаго съ явленіями высшаго порядка, недоступными человѣческому знанію и пониманію; насколько намъ извѣстно, здѣсь наглядно представлялось въ общей картинѣ цвѣтущее время жизни, увяданіе ея, смерть и пробужденіе къ новой загробной жизни, о которой, собственно говоря, Греки имѣли лишь весьма ограниченное представленіе. Не меньшимъ значеніемъ пользовался и культъ бога *Аполлона въ Дельфахъ*; это небольшое мѣстечко, заброшенное въ горахъ Фокиды, въ половинѣ VI в. до Р. Х., прославилось оракуломъ, котораго прорицанія почитались за волю вдохновлявшаго его бога. Весьма важнымъ шагомъ впередъ, по пути развитія религіозныхъ вѣрованій, слѣдуетъ считать уже то, что здѣсь Аполлонъ, богъ солнца—слѣдовательно, олицетворявшій собою одну изъ силъ природы—обратился уже въ народномъ представленіи въ божество, способное къ откровенію, изрекавшее волю свою устами жрицы, которую сажали на треножникѣ надъ щелью въ скалѣ, постоянно испускавшей сѣрные пары: отуманенная ими и приведенная въ изступленное состояніе, жрица становилась дѣйствительно непроизвольнымъ орудіемъ бога или его ловкихъ служителей. Тысячи простонародья и людей небогатыхъ постоянно толпились въ Дельфахъ; а цари, правители и вельможи присылали туда безпрестанно своихъ пословъ съ запросами къ оракулу. Впослѣдствіи, когда нѣкоторые города (а потомъ все бо̀льшее и бо́льшее число ихъ) учредили въ Дельфахъ сокровищницу и надежный складъ своихъ богатствъ и драгоцѣнностей, — этотъ городъ обратился въ очень важный центръ торговыхъ оборотовъ. Жрецы дельфійскіе, къ которымъ отовсюду приходили съ вѣстями и запросами, конечно, должны были очень многое знать и пользовались огромнымъ вліяніемъ на народъ. Но къ чести ихъ мы должны сказать, судя по немногимъ дошедшимъ до насъ изреченіямъ ихъ, что они въ значительной степени способствовали распространенію въ народѣ болѣе чистыхъ нравственныхъ воззрѣній. Геродотъ разсказываетъ намъ извѣстный случай съ Спартіатомъ Главкомъ, который, утаивъ чужое добро, осмѣлился обратиться къ оракулу съ вопросомъ, можетъ-ли онъ присвоить себѣ деньги принесеніемъ ложной клятвы. Оракулъ

отвѣчалъ сурово, воспрещая всякую клятву, и грозилъ Главку полнымъ истребленіемъ его рода. Главкъ вернулъ утаенное имъ богатство; но было уже поздно: его колебаніе было вмѣнено ему въ проступокъ и боги покарали его жестоко, искоренивъ его родъ въ Спартѣ. Этотъ примѣръ, приводимый Геродотомъ, ясно указываетъ и на то, что нравственныя воззрѣнія этого времени были выше, нежели во времена Гомера, который съ удивительною наивностью восхваляетъ одного изъ князей за то, что онъ выдвинулся «воровскимъ искусствомъ и клятвами, которыя внушалъ ему самъ богъ Гермесъ».



Наука.

Не трудно уяснить себѣ такой значительный прогрессъ нравственный, припомнивъ, что въ это время и наука уже заявила о своемъ существованіи и стала, смѣло минуя миѳы, искать начала всему существующему. То былъ именно вѣкъ, впослѣдствіи прозванный «вѣкомъ 7 мудрецовъ»; исторія науки указываетъ намъ въ это время на *Іонянина Θалеса*, на *Анаксимена* и на *Анаксимандра*, какъ на первыхъ ученыхъ, которые наблюдали природу, разумно созерцая и не уносясь въ область фантазіи, и старались заглянуть въ самое существо окружающаго ихъ міра, отрицая навязываемыя преданіемъ религіозныя воззрѣнія согражданъ.

Геракл̀ъ (Фарнезскій Геркулесъ). Античная мраморная статуя въ Неаполѣ.

Пробужденіе національнаго чувства.

Все вышеприведенное указываетъ на значительную общность мысли и ощущенія въ греческомъ мірѣ, которая приравнивала до извѣстной

степени всѣхъ Эллиновъ и придавала имъ нравственное единство въ то именно время, когда они, стремясь во всѣ концы извѣстнаго имъ міра, всюду основывали свои поселенія; но мы нигдѣ не видимъ въ это время ни политическаго, ни національнаго центра, къ которому бы всѣ Эллины тяготѣли. Даже и олимпійскія игры въ честь Зевса не служили такимъ центромъ, хотя уже и успѣли пріобрѣсти большое значеніе и сдѣлаться достояніемъ всего Эллинскаго міра. Всѣмъ Эллинамъ одинаково доступныя, онѣ уже давно утратили свой мѣстный характеръ; по *олимпіадамъ* (то-есть четырехлѣтнимъ промежуткамъ между играми) велось лѣтосчисленіе во всей Греціи, и тотъ, кто хотѣлъ посмотрѣть Грецію, или себя показать и прославиться на всю Грецію—тотъ долженъ былъ явиться на Олимпійскія

Олимпійскія игры.

Борцы. Античная мраморная группа во Флоренціи.

игры: въ теченіе пяти дней праздника въ равнинѣ Алфея кипѣла свѣжая, пестрая и удивительно-разнообразная жизнь! Но и здѣсь главнымъ оживляющимъ элементомъ было соперничество различныхъ городовъ и мѣстностей, выказывавшееся въ болѣе мирной формѣ въ эти священные дни, но тотчасъ по миновеніи ихъ готовое перейти въ ожесточенную борьбу. По *Амфиктіоніямъ*—довольно оригинальному политико-религіозному учрежденію—видимъ мы въ какой степени Эллины въ этотъ періодъ времени способны были къ единенію. Самое названіе это обозначаетъ «союзъ окрестныхъ жителей» — «окрестныхъ» по отношенію къ святилищу — и важнѣйшею изъ амфиктіоній была та, для которой центромъ служило святилище Аполлона въ Дельфахъ. Этотъ союзъ дважды въ году собирался

постоянно на собранія и, мало-по-малу, въ составъ его вошло довольно значительное количество племемъ и государствъ: Θессалійцы и Віотійцы, Доряне и Іоняне, Фокійцы и Локры, сильные и слабые по своему политическому значенію; на этихъ собраніяхъ приходили къ общимъ рѣшеніямъ, которыя и выполнялись общими силами, въ тѣхъ случаяхъ, когда священнослуженію грозило какое-либо нарушеніе спокойствія, или выказанное кѣмъ-либо непочтеніе святыни требовало мести и искупленія. Но участіе въ этомъ союзѣ нимало не препятствовало войнамъ и раздорамъ между городами, принадлежащими къ одной амфиктіоніи. Для этихъ войнъ (а ими переполнена исторія Греціи) существовали, впрочемъ, извѣстныя гуманныя правила, по которымъ, напримѣръ, нельзя было войну доводить до крайняго раззоренія амфиктіонійскаго города, нельзя было у него отводить воду и морить его жаждой и т. д.

Эллинская свобода.

Итакъ, главнымъ жизненнымъ элементомъ этого міра маленькихъ общинъ (изъ которыхъ ни одна не достигала размѣровъ даже одного изъ нынѣ уцѣлѣвшихъ въ Европѣ маленькихъ государствъ) была свобода движенія, и любовь къ этой свободѣ была настолько велика, что ради нея каждый изъ Эллиновъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать. Восточные сосѣди Грековъ въ Азіи, не имѣвшіе понятія о жизни такихъ маленькихъ центровъ, смотрѣли на нихъ съ пренебреженіемъ и смѣялись надъ ихъ постоянными спорами и усобицами. «Чего они ссорятся? Вѣдь языкъ у нихъ у всѣхъ одинъ:—послали-бы пословъ, и тѣ уладили бы всѣ ихъ несогласія!» такъ думали Персы, не постигавшіе, какая громадная сила заключалась въ этой самостоятельности каждаго отдѣльнаго гражданина, не терпящей никакихъ стѣсненій. Историкъ Геродотъ, которому, напротивъ, была совершенно ясна разница между міровоззрѣніями Эллиновъ и Азіатовъ, такъ какъ онъ родился подданнымъ Персидскаго царя, чрезвычайно высоко ставитъ то, что онъ называетъ «*равенствомъ всѣхъ людей на рынкѣ*» — то-есть равенство гражданъ передъ закономъ, въ томъ видѣ, какъ оно установилось по изгнаніи тирановъ. Кому не извѣстенъ его разсказъ о разговорѣ Креза съ Солономъ, такъ превосходно рисующій намъ идеалы Эллиновъ лучшаго времени? Крезъ, показавъ Солону всѣ неисчислимыя богатства, которыми была переполнена его сокровищница, спросилъ Солона: «видѣлъ-ли онъ на свѣтѣ людей, счастливѣе его, Креза?»—На это великій законодатель Аттики отвѣчалъ, что «самыхъ счастливыхъ людей не бываетъ между смертными; но, насколько это выраженіе можетъ быть примѣнимо къ смертному, то онъ могъ бы указать Крезу на одного изъ своихъ согражданъ, какъ на одного изъ самыхъ счастливыхъ людей на свѣтѣ»,— и затѣмъ разсказалъ царю его простую, незамысловатую исторію. Такимъ счастливцемъ, по мнѣнію Солона, былъ Аѳинянинъ Теллосъ, всю жизнь работавшій и пріобрѣтавшій на себя, а не на деспота. Онъ ни богатъ, ни бѣденъ; у него—столько, сколько ему нужно; у него и дѣти, и внуки, которые всѣ его переживутъ; въ борьбѣ не за Элладу, а за свой родной городъ, въ одной изъ небольшихъ усобицъ съ сосѣднимъ городомъ, Теллосъ умираетъ съ оружіемъ въ рукахъ, и его сограждане воздаютъ ему честь по заслугамъ: они погребаютъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, и погребаютъ на свой общій счетъ...

И наступилъ часъ, когда эту силу Азіатамъ предстояло испытать въ громаднѣйшей войнѣ,—въ войнѣ, которую слѣдуетъ признать одной изъ великихъ героическихъ эпопей Всемірной Исторіи, и которая, конечно, представляетъ совсѣмъ иной интересъ, нежели опустошительные походы Ассурбанипала и Небукаднессара.

Греческіе воины вооружаются. Изображеніе на аттической вазѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Персидскія войны.

(500—479 до Р. Х.).

Персидскія войны.

Первое столкновеніе Европы съ Азіей, Востока съ Западомъ, извѣстное подъ названіемъ Персидскихъ войнъ, есть несомнѣнно одно изъ важнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ событій въ исторіи человѣчества. Это событіе обыкновенно излагается нашими историками очень пристрастно, только со стороны заслугъ и достоинствъ Грековъ, — даже болѣе пристрастно, нежели излагаетъ его греческій же историкъ Геродотъ. Не слѣдуетъ однакоже забывать, что, какъ бы ни были велики заслуги Грековъ въ этой борьбѣ съ Персами, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы,—когда столкновеніе уже произошло,—Греки были бы постоянно правы, а Персы постоянно неправы; необходимо, при обзорѣ отдѣльныхъ эпизодовъ этой борьбы, глубже вдумываться и вглядываться въ то, что могли думать и чувствовать Персы, и въ то, что должно было происходить въ душѣ мощнаго царя, въ то время правившаго царствомъ Персидскимъ.

Дарій I и его походъ противъ Скиѳовъ.

Царь Дарій I (Гистаспъ), возстановивъ спокойствіе и порядокъ въ своемъ взволнованномъ государствѣ, ощущалъ необходимость въ большой и, конечно, побѣдоносной войнѣ, которая должна была бы сблизить разнородныя племена его царства и вмѣстѣ съ тѣмъ послужить и испытаніемъ его

твердости. Съ этою цѣлью онъ и предпринялъ большой походъ противъ Скиѳовъ, степныхъ народовъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная и Чернаго моря, нѣкогда (въ VII в. до Р. Х.) причинившихъ такъ много вреда и бѣдствій своимъ нашествіемъ на Малую Азію. Дарій, во главѣ войска, которое шло подъ его личнымъ предводительствомъ, переправился въ Европу и двинулся за Дунай, далеко внутрь скиѳскихъ степей: но тѣ жертвы, которыхъ стоилъ этотъ трудный походъ, не могли равняться съ ожидаемыми отъ похода выгодами, и потому Дарій отказался отъ продолженія его. Эта неудача (какъ кажется, очень преувеличенная въ греческихъ извѣстіяхъ) нимало не поколебала уваженія къ Дарію въ его подданныхъ. Притомъ же этотъ походъ остался не безъ результатовъ: пункты переправъ изъ Азіи въ Европу остались во владѣніи Персовъ и были ими укрѣплены; важные города, такіе какъ Перинѳъ, Византія, Дорискъ (на европейской сторонѣ), а равно и нѣкоторые острова, какъ Лемносъ и Имбросъ, были присоединены къ Персидскому царству и притомъ сатрапу Лидіи Артаферну (родному брату царя) дано было порученіе изслѣдовать «западныя страны» черезъ посредство нѣкоего врача Демокеда, Эллина изъ Кротоны, странною судьбою занесеннаго на дальній Востокъ, ко двору Персидскаго царя. Около того же времени сатрапъ, правившій Египтомъ, подчинилъ власти царя греческую колонію Киренэ, на западъ отъ Египта. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Дарій въ то время уже принялъ рѣшеніе—распространить персидское могущество и на Европу; по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что при персидскомъ дворѣ была партія, которая положительно утверждала, что Персіи не принесетъ ни малѣйшей пользы обладаніе гористою страною и островами, на которыхъ разселено было греческое племя... Но Греки сами напали на Персовъ, и тѣмъ вынудили Персовъ воевать съ Грецією.

Возстаніе Іонянъ (500).

Въ 500 г. разразилось на іонійскомъ побережьѣ Малой Азіи возстаніе, быстро-распространившееся потому, что царственная власть персидская тамъ очень мало давала себя чувствовать. Персидское правительство старалось вліять на эти города черезъ посредство ихъ тирановъ, и это было тѣмъ болѣе удобно, что если одинъ изъ нихъ подавалъ поводъ къ недовѣрію, то его было не трудно, подъ благовиднымъ предлогомъ, во всякое время вызвать въ Сузу. Но въ томъ-то и бѣда, что Персы не знали, съ какимъ народомъ имѣютъ дѣло; они вѣрили въ то, нѣкогда высказанное великимъ царемъ ихъ Киромъ, мнѣніе, что «Персамъ нечего опасаться людей, которые сходятся на рынокъ, чтобы обманывать другъ друга». Вотъ почему это возстаніе іонійскихъ городовъ и застало Персовъ врасплохъ. Безпокойный, хитрый и отважный *Аристагоръ*, заступившій въ Милетѣ мѣсто вызваннаго въ Сузу тиранна Гистіея (его зятя), сталъ во главѣ возстанія: тираны всюду были изгнаны, всюду введена демократія и избраны стратеги. Персидское войско, въ этой мѣстности весьма незначительное, отступило и заперлось въ цитадели, въ Сардахъ. Разумные люди, ближе знакомые съ персидскимъ могуществомъ, напрасно старались охладить разбушевавшіяся страсти. Аристагоръ,—который носился съ самыми задорными замыслами и затѣялъ уже походъ противъ Сузъ, чтобы воспользоваться громадными сокровищами этого города,—

рѣшился отправиться въ Грецію, просить поддержки. Въ Спартѣ, гдѣ вообще смотрѣли недовѣрчиво на дальніе походы, да притомъ и съ Аргосомъ еще не успѣли поладить, — Аристагору отказали; но Аѳинянъ онъ увлекъ своими рѣчами, и они послали въ помощь своимъ землякамъ 20 кораблей, къ которымъ еще присоединились 5 кораблей изъ Эретріи. Между тѣмъ возстаніе широко разлилось во всѣ стороны,—къ Геллеспонту, въ Карію и съ другой стороны—въ греческія колоніи на Кипрѣ; войско Іонянъ двинулось на Сарды, но не могло овладѣть цитаделью. Самый городъ былъ зажженъ или сожженъ случайно. А затѣмъ случилось то, что заранѣе предсказывали благоразумные люди. Громадныя силы могущественнаго царства, поддерживаемыя со стороны моря флотомъ Финикіянъ, давнихъ противниковъ греческой колонизаціи, надвигались отовсюду какъ тучи, Аѳиняне и Эретряне поспѣшили вернуться домой; между возставшими не было довѣрія другъ къ другу, не было единства, города ссорились между собою, не было единаго вождя, которому бы всѣ повиновались. Войско сосредоточилось вокругъ самаго большого и самаго богатаго изъ іоніійскихъ городовъ, Милета. Рѣшительное морское сраженіе у острова *Лядэ* (нынѣ онъ составляетъ часть материка), защищавшаго входъ въ Милетскую гавань, было проиграно, городъ взятъ приступомъ и, насколько можно было раззорить подобный городъ, былъ раззоренъ (494).

Раззореніе Милета (494).

Всѣ, кто могли, искали себѣ спасенія въ бѣгствѣ на западъ, а немногіе храбрецы, какъ напр. Діонисій Фокейскій, продолжали войну съ Персами, образовавъ легкую пиратскую флотилію. Персы, ожесточенные долгимъ и упорнымъ сопротивленіемъ, не замедлили мщеніемъ. Часть военноплѣнныхъ и между ними Гистіей (отпущенный царемъ изъ Сузъ и обѣщавшій унять возстаніе, а, вмѣсто того, самъ приставшій къ мятежникамъ), были казнены; другіе — отправлены на поселеніе на дальній Востокъ; святилища Грековъ сожжены;—Персы говорили, что «такъ поступать они научились у Грековъ»... Затѣмъ возстановилось спокойствіе. Артафернъ приказалъ измѣрить страну, и каждой общинѣ назначилъ, какую дань она должна платить; затѣмъ онъ созвалъ выборныхъ отъ городовъ и установилъ между ними миръ, чего они никакъ не могли достигнуть, пока были предоставлены на волю самимъ себѣ.

Особенно оскорбило Персовъ вмѣшательство Аѳинянъ. Они, не безъ основанія, предполагали, что имѣютъ самый справедливый поводъ къ объявленію войны, такъ какъ «Іоняне европейскіе» первые нанесли имъ обиду, и Дарій—какъ разсказываютъ—со времени пожара Сузъ приказывалъ себѣ каждый день напоминать объ этомъ ненавистномъ народѣ. При первомъ извѣстіи объ этомъ пожарѣ, онъ схватился за свой лукъ, пустилъ стрѣлу къ небу, и молилъ Бога отмстить Аѳинянамъ. Но привести это мщеніе въ исполненіе не спѣшили, и два первые похода (492 и 490 г. до Р. Х.) были снаряжены не въ слишкомъ большихъ размѣрахъ.

Мардуниджа, сынъ Гаубарувы (греки звали его Мардоніемъ, с. Гобрія), зять царя Дарія, получилъ отъ него приказаніе наказать городъ Аѳины. Это былъ человѣкъ не только весьма знатнаго рода, но и весьма талантливый, въ чемъ убѣждаетъ насъ его способъ дѣйствія по отношенію къ іоніійскимъ городамъ: онъ всюду въ нихъ допустилъ демократическое

Первый походъ (492).

устройство, въ томъ предположеніи, что оно удовлетворитъ желанія населенія и сильно ослабитъ его воинственныя наклонности. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ раздѣлялъ и гордость Персовъ, почитавшихъ себя первыми бойцами въ мірѣ, и ихъ ожесточеніе противъ нанесенной ихъ государству обиды. Однакоже, первый походъ не достигъ своей цѣли. Случайныя обстоятельства воспрепятствовали дальнѣйшему движенію Персовъ въ то время, когда они уже достигли опаснаго Ѳракійскаго полуострова, Атоса (Аѳонъ). Пришлось удовольствоваться тѣмъ, что Персы оставили за собою тѣ крѣпкіе пункты, которые были ими захвачены.

Второй походъ противъ Аѳинъ (490).

Между тѣмъ, какъ съ востока надвигалась эта страшная опасность, которая отсрочилась лишь на время, въ Греціи и не думали предпринимать какія бы то ни было общія мѣры къ отраженію врага. Повидимому, страхъ, внушаемый грозною мощью Персидскаго царства, превозмогъ все: уже самое имя «Мидянъ» — по словамъ Геродота — способно было возбудить ужасъ; и если, по другимъ свѣдѣніямъ, мы знаемъ, что одинъ изъ современныхъ греческихъ поэтовъ воскликнулъ въ веселомъ кружкѣ застольныхъ товарищей: «будемъ пить и мѣняться веселыми рѣчами, не пугаясь войны съ Мидянами!» — то изъ этого для насъ и становится ясно, что этой войны съ Мидянами всѣ очень боялись, когда не сидѣли за кубками. Это настроеніе было, конечно, извѣстно въ Сузахъ, гдѣ, при дворѣ царя, находили себѣ пріютъ многіе знатные греки-изгнанники; тамъ, кажется, держались и того мнѣнія, что цѣли можно будетъ достигнуть даже безъ особенно большихъ военныхъ усилій. Царь рѣшилъ отправить глашатаевъ въ греческіе города и черезъ нихъ потребовать формальнаго признанія его власти—потребовалъ «земли и воды». Въ большинствѣ городовъ требованіе царя и было исполнено; но въ Аѳинахъ и Спартѣ отвѣчали на это требованіе оскорбленіемъ царскихъ пословъ, съ которыми обошлись какъ со шпіонами. Въ 490 г. предпринятъ былъ *второй походъ*, съ совершенно опредѣленною и исключительною цѣлью: отмстить Аѳинамъ и Эретріи. Это было дѣломъ необходимости, потому что и Персамъ надо было оберечь свою національную честь; они всю Азію покорили, и между ихъ знатью жило твердое убѣжденіе, что имъ надлежитъ владѣть всѣмъ міромъ: — если бы ихъ царь не привелъ въ исполненіе свою волю надъ этими городами Іонянъ, то уваженіе къ нему народовъ его царства могло быть поколеблено. Притомъ, приказаніе — города эти разорить, а жителей ихъ привести въ Сузу плѣнными,—не можетъ быть понято буквально, такъ какъ изгнанный Пейзистратидъ Гиппій находился во второмъ походѣ при персидскомъ войскѣ, и Персы хотѣли возстановить его власть въ Аѳинахъ. Предводительство надъ войскомъ поручено было мидянину Датису, которому въ помощники былъ приданъ молодой князь изъ рода Ахэменидовъ, Артафренъ, и, на этотъ разъ, Персы избрали прямой, южный путь въ Аттику, черезъ Цикладскіе острова. Первый городъ, на который обрушилась месть Персовъ, Эретрія—палъ, послѣ кратковременнаго сопротивленія; городъ, съ его храмами, былъ сожженъ, часть жителей была посажена на корабли и отослана въ Азію; нѣсколько дней спустя, 600 персидскихъ кораблей бросили якорь у береговъ Аттики.

НАДГРОБІЕ АРИСТІОНА,

по надписи — работа Аристокла. Изображеніе покойнаго, оживленное явственно-сохранившеюся окраской, правильно принимается знатоками за типъ аѳинскаго гражданина и воина временъ Мараѳонской битвы.

НАДГРОБІЕ АРИСТІОНА.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ. Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Битва Марафонская. Мильтіадъ.

Рѣшительная битва произошла въ августѣ или сентябрѣ 490 г., у мѣстечка *Марафонъ*, въ сѣв.-вост. части Аттики. У Аѳинянъ союзниковъ не было. Спартанцы, правда, пообѣщали прислать вспомогательное войско, но выступленіе его будто бы замедлилось изъ-за соблюденія какихъ-то религіозныхъ формальностей; въ Аѳинахъ же явилось даже сомнѣніе въ возможности борьбы съ Персами въ открытомъ полѣ, когда ихъ громадному (какъ полагали—стотысячному) войску можно было противопоставить только 10,000 тяжеловооруженныхъ воиновъ. Между старшинами десяти филъ нашелся однакоже человѣкъ, хорошо знавшій Персовъ—то былъ *Мильтіадъ*, изъ стараго знатнаго аѳинскаго рода. Онъ предложилъ смѣлый планъ: начать оборону съ наступленія. Выступивъ противъ врага, Аѳиняне, уже на пути, получили неожиданную помощь: повстрѣчали тысячу гоплитовъ, высланныхъ имъ на помощь дружественнымъ віотійскимъ городомъ Платеей. Въ рощѣ, посвященной Гераклу, на ближайшихъ къ морю высотахъ, спускающихся въ прибрежную Марафонскую равнину, аѳинское войско заняло позицію. Мильтіадъ началъ битву. И въ этой первой битвѣ между Востокомъ и Западомъ — западное военное искусство одержало верхъ: въ то время, когда Персы готовились пустить въ Грековъ тучу стрѣлъ, аѳинскіе гоплиты быстро перебѣжали отдѣлявшее ихъ отъ врага пространство и произвели на него страшный натискъ, въ которомъ выказали всю силу и ловкость мышцъ, развитыхъ постоянными упражненіями въ палестрахъ. Персы были озадачены и быстро отступили къ кораблямъ; у кораблей Аѳиняне еще разъ произвели на нихъ нападеніе, но Персы все же благополучно убрались на суда, оставивъ 6,400 человѣкъ на мѣстѣ битвы. У нихъ былъ злой умыселъ:—быстро обогнувъ мысъ Суніонъ, они были намѣрены

Греческій воинъ въ полномъ вооруженіи. По древнегреческимъ памятникамъ.

произвести высадку близъ самыхъ Аѳинъ, въ которыхъ Гиппій могъ разсчитывать на поддержку со стороны своихъ тайныхъ доброжелателей. Но Мильтіадъ угадалъ ихъ намѣреніе и, оставивъ небольшую часть войска на полѣ битвы, поспѣшилъ съ остальнымъ войскомъ къ Аѳинамъ, которыя и избавилъ отъ внезапнаго нападенія. Персы должны были на этотъ разъ удовольствоваться половиною мщенія и вернулись домой скорѣе ожесточенные, нежели оробѣвшіе, такъ какъ они, конечно, приписывали свое пораженіе ничему иному, какъ новой, незнакомой имъ тактикѣ Грековъ.

Послѣдствія побѣды.

Можно себѣ представить, какъ вся Аттика воспрянула духомъ послѣ этой побѣды. Безъ всякихъ союзниковъ удалось поразить врага; спартанская помощь прибыла нѣсколько дней спустя и могла оказать своимъ союзникамъ только военную вѣжливость: весь спартанскій отрядъ, въ полномъ составѣ (а ихъ было 2,000 человѣкъ) посѣтилъ поле сраженія. И они, и весь греческій народъ, убѣдились въ томъ, что Персовъ можно было побѣдить; а это было очень важно, въ виду тѣхъ дальнѣйшихъ нападеній, которыхъ можно было ожидать съ полною увѣренностью.

Противъ ожиданія, эти новыя нападенія не тотчасъ послѣдовали. Въ этомъ мы узнаемъ осторожность умнаго Дарія, который, правильно оцѣнивъ событія, ясно убѣдился въ томъ, что покореніе западныхъ Іонянъ было не такъ легко, какъ полагали его вельможи. Онъ зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, и тотчасъ же принялся за приготовленія въ такомъ громадномъ размѣрѣ, что неудача предстоящаго нападенія представлялась уже немыслимою. Его приготовленія дали Грекамъ вздохнуть, такъ какъ, по совершенно случайному стеченію обстоятельствъ, затянулись на цѣлыя 10 лѣтъ. Это время Греками не было потеряно; но и воспользовались они имъ не такъ, какъ бы должно было воспользоваться.

Аристидъ и Ѳемистоклъ.

Мы немногое знаемъ изъ исторіи этихъ десяти лѣтъ; до насъ дошли имена побѣдителей на пиѳійскихъ, на истмійскихъ играхъ, дошло имя баснописца; или же мы узнаемъ о томъ, что аттическій поэтъ Эсхилъ выступилъ со своей трагедіей на только что отстроенномъ первомъ каменномъ театрѣ въ Аѳинахъ и получилъ за это награду. Тѣмъ не менѣе, однакожъ и въ Аѳинахъ, и въ Спартѣ были мужи, которые сознавали грозившую Грецію опасность и рѣшились противустать ей. Мильтіада уже не было въ числѣ ихъ; онъ воспользовался своимъ значеніемъ въ Аѳинахъ, чтобы побудить Аѳинянъ (изъ весьма узкихъ личныхъ цѣлей) къ морской экспедиціи противъ острова Пароса, а эта экспедиція не удалась: весьма мягкій приговоръ геліи присудилъ его къ уплатѣ денежнаго штрафа въ 50 талантовъ; но онъ не дожилъ до лучшаго времени—и умеръ, еще въ заточеніи, отъ раны, полученной на Паросѣ. Изъ молодыхъ дѣятелей на мѣсто его выдвинулось двое: *Аристидъ*, сынъ Лизимаха, и *Ѳемистоклъ*, сынъ Неокла: оба изъ старинной аттической знати. Оба были люди совершенно-разныхъ характеровъ и потому самому люди противоположныхъ политическихъ убѣжденій. Ѳемистоклъ былъ человѣкъ какъ бы созданный для необычайныхъ положеній и уже въ ранней юности побуждавшій говорить о себѣ, что «онъ непремѣнно совершитъ нѣчто великое, — или великое благо, или великое

зло для своего родного города»; Аристидъ — безупречный патріотъ, высоконравственный человѣкъ, неподкупной честности, но нерѣшительный, осторожный, и притомъ страстный приверженецъ старины. А между тѣмъ необычайное время требовало и необычайныхъ средствъ. Со всею энергіею прирожденнаго властолюбца, Ѳемистоклъ настаивалъ на созданіи сильнаго флота (смѣшно сказать, что у Аѳинянъ, въ началѣ этой борьбы, было всего 20 кораблей!), и ему удалось воспользоваться возвышеннымъ настроеніемъ гражданъ послѣ Мараѳонской битвы, чтобы провести эту необходимую мѣру. Съ достохвальною готовностью они отказались отъ своихъ долей въ доходѣ, получаемомъ съ серебряныхъ рудъ Лавріона, — дабы флотъ могъ скорѣе возрасти; легко можетъ быть, что въ виду предстоящей непосильной борьбы съ грознымъ врагомъ, Аѳиняне видѣли въ этомъ флотѣ и единственную надежду на спасеніе, и возможность поискать себѣ новаго отечества гдѣ-нибудь на дальнемъ Западѣ, въ случаѣ неудачи... Ѳемистоклъ держался политики неудержимо-смѣлой, при которой ему неудобенъ былъ человѣкъ, подобный Аристиду. Поэтому онъ попытался пустить въ ходъ оригинальное средство, которое предоставлялось въ его руки самымъ государственнымъ устройствомъ Аѳинянъ;— онъ подвергъ Аристида остракизму, и народъ понялъ, чего онъ добивался: Аристидъ, который, конечно, очень далекъ былъ отъ всякаго стремленія къ захвату власти, былъ устраненъ на нѣсколько лѣтъ съ политическаго поприща. А что время было такое, когда возможна была только безпощадная политика—въ этомъ легко убѣдиться изъ того, что, въ непосредственной близости отъ Аѳинъ, у Аѳинянъ былъ смертельный врагъ— сосѣдній островъ Эгина, съ которымъ необходимо было расправиться прежде, чѣмъ возобновится борьба съ Персами.

Положеніе Спарты.

Въ довершеніе всего, не слѣдуетъ забывать, что не Аѳины, а Спарта первенствовали въ Греціи. А въ это именно время въ Спартѣ и были большіе нелады. Одинъ изъ царей спартанскихъ, Демаратъ, былъ изгнанъ другимъ, жестокимъ и хитрымъ Клеоменомъ, который вскорѣ послѣ того и самъ умеръ въ цѣпяхъ, наложивъ на себя руки въ порывѣ безумія. Царь Леотихидъ, замѣстившій Демарата, не пользовался въ Спартѣ достаточнымъ уваженіемъ, чтобы изгладить слѣды этихъ раздоровъ. Да и вообще государственная машина въ Спартѣ, во всемъ, что не касалось непосредственно военныхъ цѣлей, двигалась очень туго. А это затруднительное положеніе, въ которомъ находилась Спарта, значительно ухудшалось тѣмъ, что Персидскій дворъ становился сборнымъ мѣстомъ всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ изгнанныхъ изъ Эллады. И царь Демаратъ, изгнанный спартанцами, и изгнанный аѳинянами Гиппій—одинаково находили себѣ пріютъ въ Персіи, и какъ тамъ, такъ и въ Греціи пользовались вліяніемъ и связями.

Сметрь Дарія. Ксеркъ I (485).

Замедленію войны между Персіей и Греціей способствовало также возстаніе, разразившееся въ Египтѣ въ послѣдній годъ жизни Дарія (486), и это возстаніе еще не было усмирено, какъ 73-хъ-лѣтній Дарій, на 35-мъ году своего царствованія, скончался (485). Послѣдніе годы жизни этого государя были омрачены обычнымъ явленіемъ всѣхъ восточныхъ дворовъ—интригами, по поводу престолонаслѣдія: наслѣдникомъ его

былъ назначенъ первый изъ его порфпрородныхъ сыновей *Ксеркс*ъ (персидская форма: *Кшіярша*) — 30-тилѣтній молодой человѣкъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Ксеркъ не былъ ни Киромъ, ни Даріемъ; легко поддавался стороннимъ вліяніямъ, легко бросался изъ одной крайности въ другую; однакоже онъ не былъ такимъ смѣшнымъ и ничтожнымъ, какимъ его рисуютъ авторы популярныхъ историческихъ повѣствованій. Съ египетскимъ возстаніемъ онъ справился очень скоро, и затѣмъ ему на разрѣшеніе долженъ былъ представиться неизбѣжный вопросъ—какъ ему быть съ планами его великаго предшественника по отношенію къ Европейской Греціи? Этотъ вопросъ, если вѣрить греческому историку, разбирался очень долго и былъ предметомъ бурныхъ преній между придворными партіями—и Ксеркъ колебался долго. Наконецъ взяла верхъ воинствен-

Мѣсто погребенія Дарія, имъ самимъ устроенное, близъ Персеполя. По Фландену.

ная партія, во главѣ которой стоялъ Мардоній, прямо указывавшій на то, что честь великаго Персидскаго царства затронута; въ томъ же направленіи на Ксеркса вліяли и греческіе изгнанники, и персидская знать, которая не могла себѣ представить ничего болѣе совершеннаго по устройству, какъ ихъ Персидское царство, въ которомъ, въ противоположность непонимаемой ими и вѣчно-тревожной Греціи, царилъ нерушимый порядокъ и спокойствіе подъ мощною охраною царской власти.

Приготовленія Персовъ.

И такъ, въ Сузѣ рѣшили воевать—и три года сряду вся Азія гремѣла приготовленіями къ войнѣ. Очень многіе представляютъ себѣ, что люди, руководившіе дѣлами при персидскомъ дворѣ, дѣйствовали подъ вліяніемъ какого-то ослѣпленія и глупой самоувѣренности; на самомъ-же дѣлѣ, это было вовсе не такъ, и это ясно доказывается характеромъ и размѣрами производимыхъ ими приготовленій. Приготовленія эти предприняты

были въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ, и войско было приготовлено къ походу такое, которое своимъ безукоризненнымъ составомъ могло почти ручаться за успѣхъ предпріятія.

Приготовленіе Грековъ не отличалось ни такимъ единствомъ, ни такою разумностью. Душою обороны были Аѳины; но, главнымъ образомъ, аѳинянинъ Ѳемистоклъ. Одинъ писатель справедливо замѣчаетъ о немъ: «онъ зналъ, что Ксерксъ—человѣкъ, а не богъ». И этимъ онъ выказалъ дѣйствительно такое величіе души, какое въ подобныхъ, повидимому, отчаянныхъ положеніяхъ, является достояніемъ немногихъ въ высшихъ классахъ. Всѣ, кому опасность была очевидна, медлили и выказывали нерѣшительность; а онъ одинъ увлекъ толпу за собою, толпу неразсуждающую и невникающую въ дѣло, но способную вѣрить и дерзать, по примѣру того выдающагося человѣка, который во главѣ ея и вѣритъ, и дерзаетъ. Такъ было въ Аѳинахъ, гдѣ вождь, подобный Ѳемистоклу, могъ взывать и къ популярности демократическаго правленія, и къ ненависти противъ тирановъ, идущихъ рука-объ-руку съ Персами, и къ свѣжимъ, не поблекшимъ еще воспоминаніямъ о славной Мараѳонской битвѣ. Среди Спартанцевъ дѣйствовала иная сила, едва-ли когда-либо проявлявшаяся съ такою силою среди людей: — воинственный духъ ихъ. Повелѣвать и повиноваться, владѣть оружіемъ при воинскихъ массовыхъ передвиженіяхъ или въ отдѣльномъ бою, одинъ-на-одинъ, презирать смерть — все это Спартанцы всасывали съ молокомъ матери. Нѣсколько лѣтъ не было врага, съ которымъ Спартанцы не рѣшились бы сразиться, котораго бы они не надѣялись сломить и одолѣть. И вотъ, между этими двумя совершенно различными государствами—Спартою и Аѳинами—былъ заключенъ воинскій союзъ, и къ тому союзу, кромѣ государствъ Пелопоннеза, тѣсносвязанныхъ со Спартою, мало-по-малу пристало еще значительное количество городовъ:—общее число ихъ доходитъ до 31-го, по сохранившейся еще до настоящаго времени надписи. На Истмійскомъ перешейкѣ собрались выборные, посланные городами для совѣщанія: здѣсь опредѣлено было, сколько кто долженъ выставить войска, сколько кораблей; здѣсь же избранъ былъ и постоянный военный совѣтъ для руководства общими военными дѣйствіями. Вліятельные люди были разосланы по всѣмъ направленіямъ, требовать усиленія союзнаго войска. Болѣе подробныя свѣдѣнія сохранились объ одномъ изъ такихъ посольствъ, отправленномъ къ правившему тогда въ Сиракузахъ тиранну *Гелону*, который будто-бы потребовалъ сначала, чтобы, въ случаѣ его участія, ему предоставлено было высшее начальство надъ всѣми силами союзниковъ. Этому, конечно, воспротивились Спартанцы. Тогда Гелонъ будто-бы потребовалъ, чтобы ему предоставлено было начальствованіе либо надъ сухопутнымъ войскомъ, либо надъ флотомъ,—чему, въ свою очередь, воспротивились Аѳиняне. Трудно себѣ представить, чтобы дѣло происходило именно такъ: если Гелонъ и отказалъ союзникамъ въ помощи, то его вынуждало къ этому опасеніе ближайшаго врага—Карѳагенянъ, которые могли воспользоваться войною съ Персами, чтобы вновь утвердиться въ Сициліи. Греки.

Общаго національнаго одушевленія мы у Эллиновъ однакоже не видимъ, и въ особенности отсталыми, не подготовленными къ своей вели- Аѳины и Ѳемистоклъ.

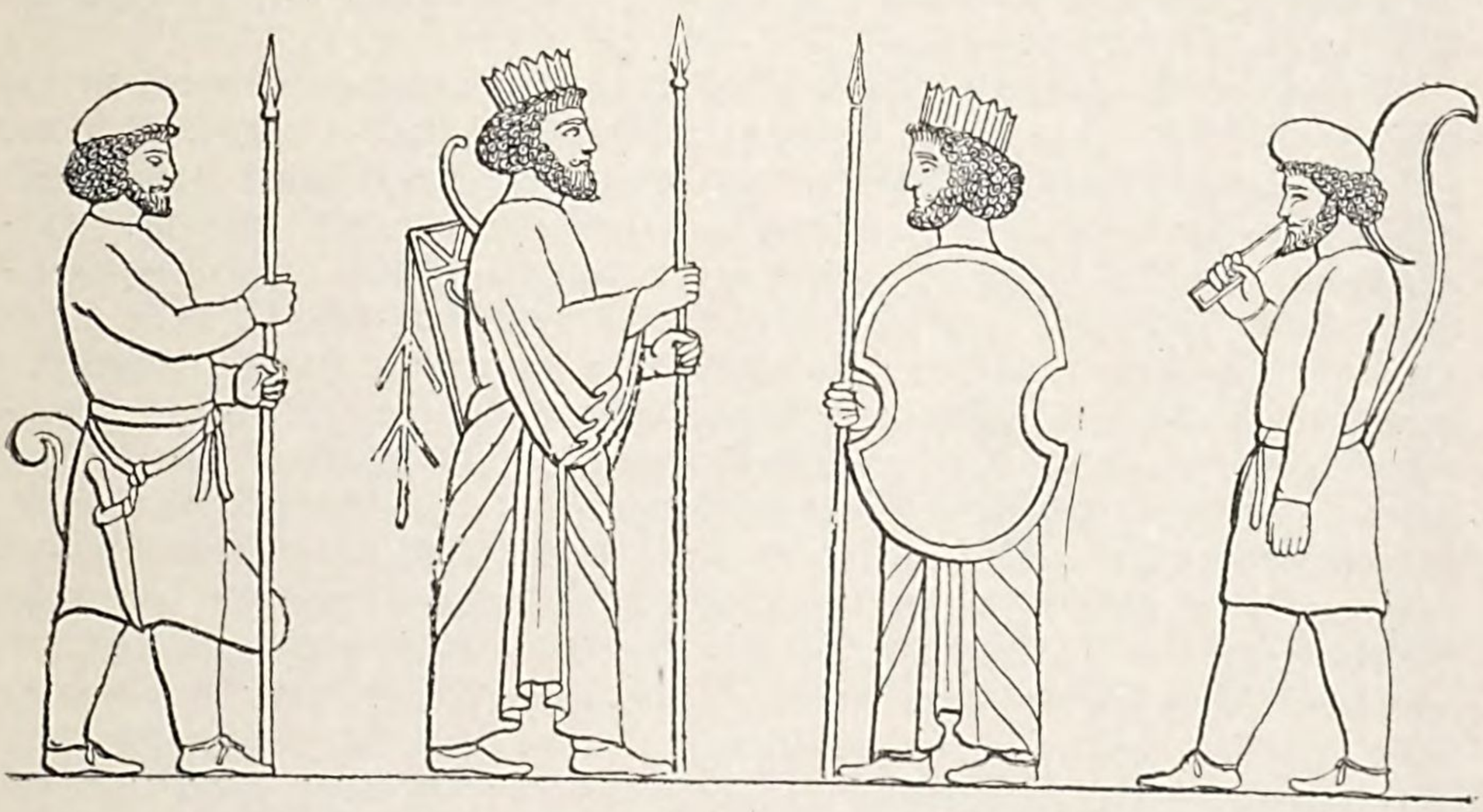
кой задачѣ выказали себя священнослужители при святилищахъ важнѣйшихъ оракуловъ. Бывали даже такія мгновенія, когда нерѣшительное настроеніе грозило получить перевѣсъ въ Средней Греціи, и этому не мало способствовали неблагопріятныя прорицанія оракуловъ, грозившихъ гибелью и неудачами — и только хитроумныя истолкованія этихъ прорицаній, придуманныя Ѳемистокломъ, вновь оживили падавшій духъ его соотечественниковъ. Вскорѣ, однакоже, дошли ужъ изъ Персіи слухи, что персидское войско собралось около Сардъ и готовится къ отплытію. При этихъ слухахъ, возбудившихъ энергію Грековъ, на совѣтѣ союзныхъ военачальниковъ было положено противустать врагу на первой (крайней къ сѣверо-востоку) оборонительной линіи — Олимпъ, Эта, Истмъ. Десять тысячъ воиновъ, подъ начальствомъ спартанскаго полемарха, было двинуто въ этомъ направленіи. Но оказалось, что этого войска слишкомъ недостаточно для занятія всѣхъ горныхъ проходовъ, а такъ какъ въ тылу у войска оставалась обширная Ѳессалійская равнина, то въ случаѣ обратнаго движенія, это войско должно было бы подвергнуться нападенію всей многочисленной персидской конницы: въ виду такихъ неблагопріятныхъ условій мѣстности, пришлось отказаться отъ выполненія этого плана.

Ѳемистоклъ. Мраморный бюстъ въ Ватиканѣ. Эпоха Фидія.

Третій походъ Персовъ (480).

Пока все это творилось въ Греціи, войско Персидскаго царя перешло черезъ Геллеспонтъ въ Грецію, по двумъ мостамъ, наведеннымъ при Абидосѣ эллинскими техниками. Это было цѣлое переселеніе народовъ, и притомъ такое, по которому не трудно было получить точное понятіе о величавомъ царствѣ, готовившемся присоединить новый, греческій міръ къ своимъ владѣніямъ. Въ царскомъ войскѣ можно было видѣть представителей 46-ти народовъ, во всемъ разнообразіи ихъ національной одежды и вооруженія: тутъ были Индусы съ далекаго Востока въ бѣлыхъ бумажныхъ одеждахъ; арабы на своихъ чудныхъ коняхъ и быстроногихъ дромадерахъ; темнокожіе Эѳіопы, Ливійцы съ юго-западной границы, многочисленныя племена богатой народами Малой Азіи, и, рядомъ съ былыми владыками Азіи — Ассиріянами и Вавилонянами — самое ядро войска, народы арійскаго племени, Мидяне, Гирканцы, Парѳяне, Бак-

трійцы, Саки, и наконецъ, сами Персы, господствующее въ царствѣ племя:—800,000 пѣшихъ воиновъ и 80,000 всадниковъ, какъ утверждаютъ дошедшія до насъ извѣстія. Семь дней и семь ночей подъ рядъ войска персидскія (и во главѣ ихъ царская гвардія, 10,000 безсмертныхъ) переходили по мосту, наведенному ниже другого, по которому тянулся громадный обозъ. Рядомъ съ сухопутными войсками двигался сильный флотъ, 3,000 транспортныхъ судовъ, 1,200 военныхъ кораблей, доставленныхъ Финикіянами, Египтянами, Киликійцами, Кипрянами, Памфилянами, Ликійцами, Карійцами и Іонянами Малой Азіи (послѣдніе въ очень маломъ числѣ). И флотъ, и сухопутное войско носили на себѣ исключительно восточный характеръ, хотя и была замѣтна нѣкоторая примѣсь греческаго элемента. Вѣроятно, всѣ распоряженія сдѣланы были чрезвычайно разумно; въ



Персидскіе воины Ксеркса. По современнымъ изображеніямъ на вазахъ.

противномъ случаѣ, такая масса людей не далеко бы ушла. Организація была прекрасно обдумана и въ успѣхѣ предпріятія, очевидно, не сомнѣвались. Все высшее начальство было изъ Персовъ, и вся царственная семья, всѣ Ахэмениды, были на-лицо. Эти высшіе начальники отдѣльныхъ корпусовъ (или, вѣрнѣе, отдѣльныхъ народовъ) арміи, отъ себя уже назначали тысяченачальниковъ и десятитысяченачальниковъ, т. е. полковниковъ и дивизіонныхъ генераловъ; эти, въ свою очередь, назначали низшихъ начальниковъ. Пѣхота была распредѣлена между шестью главнокомандующими (между ними упоминается и Мардоній); конницею начальствовали три главнокомандующихъ (изъ нихъ двое—сыновья Датиса); надъ царской гвардіей стоялъ особый начальникъ—Видарна (или Гидарнесъ).

Съ этимъ грознымъ наступленіемъ войска—которое, какъ намъ представляется, совершалось медленно, по строго выработанному плану — совершенную противоположность представляло нерѣшительное, невѣрное,

несогласное командованіе войскомъ у Грековъ. Мы уже видѣли выше, что отъ наступательнаго веденія войны, отъ удержанія позиціи у Олимпа, Грекамъ пришлось отказаться. Избрали позицію въ горахъ Эты, позади узкаго *Θермопильскаго* прохода. Но главныя силы спартанскія еще не прибыли на мѣсто; да и вообще между пелопоннезскими войсками начинало преобладать то близорукое воззрѣніе, что слѣдовало бы отступить еще далѣе и искать оборонительной позиціи на Истмѣ. Всего около 7,000 гоплитовъ стояло при Θермопилахъ и при нихъ небольшой отрядъ легковооруженныхъ, между которыми было очень немного уроженцевъ Средней Греціи. Флотъ, состоявшій уже изъ 271 корабля, вблизи тѣхъ же мѣстъ, былъ собранъ около с.-в. оконечности острова Эвбеи, близъ священной рощи Артемиды. Высшее начальствованіе, какъ надъ сухопутнымъ войскомъ, такъ и надъ флотомъ, сосредоточено было въ рукахъ Спартанцевъ: войскомъ командовалъ одинъ изъ двоихъ спартанскихъ царей, *Леонидъ*; флотомъ—спартіатъ *Эврибіадъ*.

Первыя битвы. Артемизіонъ и Θермопилы.

Первыя стычки между Персами и Греками произошли на морѣ, между персидскими и греческими судами, высланными на развѣдки. Затѣмъ, эскадра въ 200 кораблей отдѣлилась отъ персидскаго флота для обхода греческаго флота: Персы предполагали пройти по узкому проливу, отдѣляющему западный берегъ Эвбеи отъ материка Греціи, и зайти греческому флоту въ тылъ, въ то время, когда главныя морскія силы нападутъ на Грековъ съ фронта. Маневръ былъ задуманъ ловко, и служитъ прямымъ указаніемъ на то, что Персы дѣйствовали по разумно-обдуманному плану; если бы этотъ маневръ удался, то, по мнѣнію самихъ Эллиновъ, ни одинъ изъ нихъ не ускользнулъ-бы отъ гибели. Но бурные вѣтры воспрепятствовали этой эскадрѣ совершить обходъ и порядочно ее потрепали; она успѣла только тогда достигнуть южной оконечности острова Эвбеи, когда уже большое морское сраженіе произошло между флотами греческимъ и персидскимъ, при Артемизіи, и закончилось весьма благопріятно для Грековъ, хотя и ничего не рѣшило. А между тѣмъ, успѣли начаться битвы и на сушѣ, и позиція у Θермопильскаго прохода была Греками утрачена... Дѣло происходило такъ: персидское сухопутное войско, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія (напротивъ того: всюду персидскимъ глашатаямъ подносились требуемые ими знаки полнаго подчиненія), подступило, наконецъ, къ Θермопильскому проходу со стороны равнины, немного южнѣе города Антикира. Пять дней сряду Персы стояли спокойно, не вступая въ битву, и это обстоятельство многими совершенно неправильно истолковывается въ томъ смыслѣ, будто Ксеркъ ожидалъ, что Греки уступятъ ему позицію безъ боя.

Наконецъ, Персамъ приказано было наступать. Мидійскіе воины двинулись первые, но въ узкомъ пространствѣ ущелья, передъ первыми его «воротами», сейчасъ выказалось военное превосходство греческихъ воиновъ, въ особенности спартанскихъ гоплитовъ, о непреодолимости которыхъ уже и между Персами шла молва. Мидянъ смѣнили киссійскіе стрѣлки изъ лука; этихъ — отрядъ персидской гвардіи: но все было напрасно... Нападеніе съ фронта оказалось невозможнымъ, и Персы отъ него отказались. Легко можетъ быть даже, что они вовсе серьезно и не

думали штурмовать проходъ, потому что греческую позицію можно было обойти по горной тропинкѣ, которая выводила къ деревнѣ Альпенои, позади вторыхъ «воротъ» Θермопильскаго ущелья. Геродотъ сохранилъ намъ даже имя проводника, который провелъ по этой тропинкѣ персидскій отрядъ «безсмертныхъ» подъ начальствомъ Гидарна: его звали Эфіальтомъ. Тропинка эта охранялась 1,000 фокейскихъ воиновъ, которые однакоже дали себя застигнуть врасплохъ. Когда объ этомъ узналъ Леонидъ, онъ тотчасъ приказалъ главнымъ силамъ отступить отъ Θермопилъ, какъ можно скорѣе; чтобы дать имъ возможность произвести это отступленіе, самъ Леонидъ принялъ геройское рѣшеніе — пожертвовать собою, вмѣстѣ съ 300 Спартіатами, 700 Віотійцами изъ г. Θеспіи; и 400 человѣкъ Θиванцевъ онъ также удержалъ при себѣ. Тутъ-то и завязалась «битва при Θермопилахъ» — знаменитѣйшее изъ арьергардныхъ дѣлъ, извѣстныхъ исторіи. Надо замѣтить, что настроеніе войска Леонидова, несмотря на ожидавшую его вѣрную гибель, было превосходное: вступая въ неравный, смертный бой — воины шутили и смѣялись, стараясь перещеголять другъ друга своимъ грубоватымъ, чисто солдатскимъ юморомъ. Битва началась съ того, что Леонидъ, изъ первыхъ «воротъ» ущелья, ударилъ на враговъ; произошла страшная сѣча, въ которой палъ самъ Леонидъ и два брата Ксерксовы. Но Гидарнъ явился въ тылу горсти храбрецовъ, они были окружены и пали всѣ до единаго.

Съ утратою Θермопильскаго прохода, который, вѣроятно, было-бы можно долѣе удержать, если бы въ распоряженіяхъ эллинскихъ военачальниковъ было болѣе связи и обдуманности, — вся Эллада и самый городъ Аѳины, весьма слабо защищенный *), были открыты для Персовъ. Въ виду этого, и флотъ греческій поспѣшилъ пройти черезъ Эвбейскій проливъ, кратчайшимъ путемъ къ Саламину, поближе къ позиціи, занятой сухопутными войсками на Истмѣ. На этомъ побережьи должна была теперь рѣшиться судьба тогдашняго греческаго міра.

Раздоры между Греками.

Въ Аѳинахъ предстояло въ этотъ моментъ принять геройское рѣшеніе, и великимъ счастьемъ для Аѳинъ было то, что Θемистоклъ явился тогда какъ-бы полновластнымъ диктаторомъ: онъ ясно сознавалъ, чего хотѣлъ, и умѣлъ сохранить спокойствіе духа въ то время, когда кругомъ себя видѣлъ только безуміе, отчаяніе и слѣпое возбужденіе. Оракулъ Дельфійскій, на вопросъ Аѳинянъ, что имъ дѣлать?—отвѣчалъ, что имъ слѣдуетъ «искать спасенья за деревянными стѣнами Паллады-Аѳины», покровительницы города. Часть гражданъ аѳинскихъ пыталась истолковать это прорицаніе такъ, что Аѳинянамъ будто бы слѣдуетъ засѣсть въ Акрополѣ, гдѣ находился храмъ богини-покровительницы, и тамъ ждать враговъ. Но Θемистоклъ поспѣшилъ предложить свое, гораздо болѣе разумное толкованіе: по его мнѣнію, подъ «деревянными стѣнами» слѣдовало разумѣть *не что иное, какъ корабли*—и тотчасъ всѣхъ побудилъ принять соотвѣтствующее рѣшеніе. Городъ былъ немедленно очищенъ: женщины,

*) Только холмъ Акрополя былъ укрѣпленъ настолько, что могъ держаться нѣкоторое время.

дѣти и слабые люди перевезены были на Саламинъ или отправлены въ ближайшіе пелопоннезскіе прибрежные города, а всѣ, кто могъ владѣть оружіемъ или весломъ, устремились на корабли. Въ числѣ 368 военныхъ кораблей, собравшихся у Саламина,—250 кораблей доставлены были Аѳинянами. Персы двигались впередъ очень медленно, а потому на греческомъ флотѣ былъ досугъ совѣщаться, и здѣсь-то—въ виду грозившей всѣмъ страшной опасности—выказались тѣ недостатки, какими обыкновенно страдаютъ всѣ коалиціи. Аѳиняне, пожертвовавшіе своимъ роднымъ городомъ, требовали, съ Ѳемистокломъ во главѣ, смѣлаго и рѣшительнаго способа дѣйствій; а Спартанцы и Пелопоннезцы, вообще, старались воспрепятствовать этому, привязываясь къ мелочамъ, отстаивая частные интересы отдѣльныхъ городовъ, требуя, чтобы флотъ поближе былъ подвинутъ къ Истму и вынуждая Ѳемистокла доказывать всю нелѣпость подобнаго требованія, которое разъединило бы силы Грековъ и могло бы оказаться гибельнымъ.

Персы въ Аѳинахъ.

Между тѣмъ персидскій флотъ уже приближался. Одновременно съ нимъ и персидское сухопутное войско продвинулось на югъ, черезъ Віотію и Аттику, къ беззащитнымъ Аѳинамъ. Небольшой отрядъ, направленный къ Дельфамъ, по разсказамъ Грековъ, былъ на пути напуганъ разными чудесными знаменьями и вернулся, не посмѣвъ достигнуть священнаго города. Вѣрнѣе предположить, что Персы серьезно не думали объ его захватѣ: въ случаѣ ихъ побѣды надъ Греками, онъ и такъ достался бы въ ихъ руки. За то Персы не пощадили Аѳинъ, и съ радостнымъ торжествомъ зажгли аѳинскіе храмы, мстя Аѳинянамъ за былое оскорбленіе. О раззореніи Аѳинъ Ксерксъ поспѣшилъ эстафетой извѣстить своего дядю Артабана, оставленнаго правителемъ въ Персіи. Въ знакъ торжества своего, Ксерксъ разрѣшилъ бывшему съ нимъ аѳинскому измѣннику Пейзистрату, Гиппіеву сыну, совершить жертвоприношеніе на Акрополѣ; онъ этимъ видимо намекалъ на то, что, послѣ пораженія Грековъ, возстановитъ въ Аѳинахъ тираннію подъ непосредственнымъ покровительствомъ Персіи. Но до этого еще было далеко...

Битва Саламинская (480).

Разсужденія, происходившія передъ Саламинской битвой, какъ въ персидскомъ военномъ совѣтѣ, такъ и въ греческомъ—хорошо намъ извѣстны; въ первомъ изъ нихъ не было недостатка въ голосахъ, которые не совѣтовали вступать съ Греками въ морскую битву, а во второмъ—въ виду громаднаго множества персидскихъ кораблей, вновь послышались громкія и настоятельныя требованія, чтобы флотъ греческій ближе подвинулся къ Истму и покинулъ позицію у Саламина, которая, дѣйствительно, имѣла свои опасныя стороны. Рѣшеніе это было уже почти принято, когда Ѳемистоклу пришла въ голову счастливая мысль—заставить ихъ рѣшиться на битву. Черезъ довѣренное лицо, отправленное къ царю Персидскому, Ѳемистоклъ извѣстилъ его, что между Греками на флотѣ начались несогласія, и что теперь всего удобнѣе было бы на нихъ произвести нападеніе. Къ этому нападенію, которое, и безъ того, уже было окончательно рѣшено съ персидской стороны, — тотчасъ приняты были мѣры. Еще ночью Персы выполнили маневръ, при посредствѣ котораго отрѣзали греческому флоту отступленіе къ Истму, такъ что, съ

наступленіемъ утра, Греки увидѣли себя какъ бы замкнутыми съ двухъ сторонъ въ тѣсномъ пространствѣ между островомъ Саламиномъ, береговой линіей Аттики и непріятельскими кораблями. Намъ сохранилось любопытнѣйшее описаніе этой знаменитой битвы, принадлежащее очевидцу ея и притомъ замѣчательному поэту—Эсхилу. Живо изображаетъ онъ намъ, какъ, съ одной стороны, на аттическомъ берегу, съ высокого холма смотрѣлъ на это ожесточенное морское побоище всесильный царь и повелитель всей Азіи, окруженный своею блестящею свитою; а съ другой—на берегу Саламина, жители бѣднаго городка и тысячи несчастныхъ аѳинскихъ бѣглецовъ, которые здѣсь нашли себѣ пріютъ и кровъ. Битва началась рано утромъ, а когда взошла луна, то персидскій флотъ оказался блистательно отраженнымъ на всѣхъ пунктахъ, и, при весьма значительныхъ потеряхъ, былъ приведенъ въ такое смятеніе и безпорядокъ, которые не позволили ему и подумать о возобновленіи нападенія на Грековъ. Причиною пораженія персидскаго флота была, прежде всего, чрезвычайная разнородность его состава и отсутствіе умѣлаго руководителя, опытнаго въ морскихъ бояхъ. Съ другой стороны, значительною помѣхою персидскому флоту служило и его множество кораблей, которые даже и развернуть своихъ силъ не могли на томъ тѣсномъ пространствѣ, на которомъ битва происходила. Что же касается флота Эллиновъ, то причины его блистательнаго успѣха слѣдуетъ искать не только въ нравственномъ настроеніи и сильно возбужденномъ патріотизмѣ, но и въ томъ, что большинство его состояло изъ кораблей аѳинскихъ, которые дѣйствовали за-одно, повинуясь распоряженіямъ смѣлаго и талантливаго Ѳемистокла. Совершенно справедливо битва Саламинская приводится постоянно въ подтвержденіе того. что можетъ быть достигнуто малымъ числомъ воодушевленныхъ патріотизмомъ воиновъ противъ сильнѣйшаго въ числѣ непріятеля; но все-же немаловажною причиною пораженія, понесеннаго персидскимъ флотомъ, слѣдуетъ считать и то, что Персы были весьма мало свѣдущи въ морской войнѣ.

Рѣшене, принятое Персидскимъ военнымъ совѣтомъ.

Эллины ожидали на слѣдующій день вторичнаго нападенія и готовились къ отпору; но этого нападенія не послѣдовало, потому что въ тотъ именно день происходили въ персидскомъ лагерѣ, между ихъ начальными людьми, весьма важные переговоры. Мужественный отпоръ, данный греческимъ флотомъ персидскому, былъ неожиданностью, которая въ значительной степени разстраивала планы Персовъ. Хотя походъ, до Саламинской битвы, и шелъ вполнѣ успѣшно, однакоже теперь становилось очевидно, что съ Греками скоро не поладишь и что раздавить ихъ однимъ натискомъ невозможно. А между тѣмъ уже начинали сказываться тѣ неудобства, съ которыми сопряжено было содержаніе громадной арміи въ странѣ бѣдной; теперь же, когда греческій флотъ одержалъ такую побѣду надъ флотомъ персидскимъ, подвозъ припасовъ моремъ могъ затрудниться и привести къ страшнымъ послѣдствіямъ. Мардоній, который чувствовалъ, что на немъ лежитъ передъ царемъ отвѣтственность за успѣхъ всего предпріятія, предположилъ, что ему нетрудно будетъ довести это предпріятіе до конца, если только у него будутъ развязаны руки. И самому Ксерксу стало ясно, что его личное присутствіе при войскѣ въ

данное время уже не оказывается необходимымъ. Аѳины были разрушены, Грецiя, до самаго Истма, въ рукахъ Персовъ, а потому царь и могъ со славою побѣдителя вернуться въ свое царство, окончаніе-же войны поручить Мардонію, въ качествѣ главнокомандующаго. Притомъ же царю и не безопасно было на слишкомъ долгое время отлучаться изъ столицы: въ виду временнаго перевѣса на сторонѣ греческаго флота надо было озаботиться объ обезпеченіи Іоніи отъ нападенія и о поддержкѣ своего царственнаго авторитета по отношенію къ народамъ (Финикіянамъ, Египтянамъ и т. д.), которыхъ почитали главными виновниками пораженія, понесеннаго при Саламинѣ.

Продолженіе войны.

Въ виду всего этого, рѣшено было, по совѣту Мардонія, что царь Ксеркъ, съ бо́льшею частью своего громаднаго войска, вернется въ Персію, гдѣ, притомъ же, долгое отсутствіе царя могло дурно отозваться на управленіи страною. Но войну рѣшено было продолжать и закончить завоеваніемъ Пелопоннеза. Для этой цѣли Ксеркъ оставилъ въ Греціи Мардонія, съ сильнымъ, отборнымъ войскомъ, и ему поручилъ выполненіе дѣла, которое, съ персидской точки зрѣнія, казалось весьма возможнымъ. По греческимъ извѣстіямъ, Ксеркъ, при этомъ обратномъ походѣ въ Азію, понесъ, будто бы, громадныя потери и вернулся домой со стыдомъ; но это несомнѣнно преувеличенье. Ксеркъ возвращался въ Персію не какъ бѣглецъ, а какъ побѣдитель, жестоко наказавшій враговъ своей страны разореніемъ ихъ родного города; вѣроятно, съ нимъ довольно благополучно возвратилась и бо́льшая часть его войска, тѣмъ болѣе, что приняты были всѣ мѣры къ обезпеченію и защитѣ мостовъ, наведенныхъ черезъ Геллеспонтъ.

Мардоній.

Мардоній остался въ Греціи главнокомандующимъ, и ему теперь развязаны были руки для дѣйствія. Это почти единственный изъ вельможъ персидскихъ, о личности котораго мы можемъ имѣть довольно опредѣленное понятіе. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ человѣкъ разумный и способный. При этомъ онъ обладалъ личнымъ мужествомъ, свойственнымъ знатному Персу, настолько же, насколько и національною гордостью, которая убѣждала его, какъ Перса, въ томъ, что онъ защищаетъ вполнѣ правое дѣло. По персидскимъ воззрѣніямъ, Греки первые начали войну, и потому заслуженно несли всѣ сопряженныя съ нею бѣдствія. Строго вникая въ дѣло, мы должны сказать, что онъ былъ гораздо болѣе опаснымъ противникомъ для Грековъ, чѣмъ самъ Ксеркъ, и, собственно говоря, самымъ критическимъ годомъ въ исторіи Эллады былъ именно періодъ времени между битвою при Саламинѣ (сентябрь 480) и битвою при Платеѣ (сентябрь 479 г. до Р. Х.). Прикрывая отступленіе главныхъ силъ персидской арміи, Мардоній двинулся изъ Аттики черезъ Віотію (Ѳивы находились тогда въ союзѣ съ Персіей) до Ѳессаліи. Здѣсь, на большой равнинѣ и въ полнѣйшей безопасности, были приняты всѣ необходимыя мѣры для дислокаціи и организаціи многочисленнаго Мардоніева войска. Онъ оставилъ себѣ около 200,000 войска, преимущественно арійскаго племени — Персовъ, Бактріянъ, Саковъ, Индусовъ и отборной части изъ остальныхъ племенъ. Если добавить къ этому тотъ македонско-ѳессалійско-греческій контингентъ, на который онъ могъ

разсчитывать, то окажется, что Мардоній имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 300,000 воиновъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изъ этой массы людей Мардоній съумѣлъ образовать отличное войско, и что даже временемъ зимней стоянки онъ воспользовался гораздо лучше, чѣмъ Греки, такъ какъ о дѣятельности послѣднихъ, послѣ побѣды при Саламинѣ, мы почти не имѣемъ свѣдѣній. Греки не преслѣдовали отступающаго непріятеля. Годъ закончился для нихъ распредѣленіемъ наградъ побѣдителямъ на Истмійскихъ играхъ, при которомъ рѣзко выказались темныя стороны эллинскаго характера—племенная зависть и узость частныхъ городскихъ интересовъ. Войско, правда, возрастало отъ прилива охотниковъ, но никто, кажется, и не старался придать этой воинской силѣ хотя бы какую-нибудь болѣе прочную организацію.

Царь Александръ въ Аѳинахъ.

Во время зимы, проведенной въ Ѳессаліи, Мардоній попытался было войти въ нѣкоторое соглашеніе съ Аѳинянами черезъ Македонскаго царя Александра, который признавалъ себя вассаломъ Персіи и другомъ Аѳинянъ. Условія договора, предлагаемыя Персіей, привезенныя царемъ Александромъ въ полуразрушенныя Аѳины (куда однакоже уже возвратились жители), были довольно почетныя и притомъ исходили несомнѣнно отъ персидскаго правительства, уполномочившаго царя Александра предложить ихъ Аѳинянамъ: — признаніе надъ собою персидскаго господства, и взамѣнъ того, полное забвеніе всѣхъ винъ со стороны монарха, который даже изъявлялъ готовность вновь отстроить разрушенные имъ храмы; подтверждалась имъ полная автономія, полная возможность жить по ихъ законамъ; о возстановленіи тиранніи не было и рѣчи. Съ всемірно-исторической точки зрѣнія, картина представлялась даже заманчивой; городу Аѳинамъ предстояло вступить въ правильное и мирное соглашеніе съ царствомъ, вмѣщавшимъ въ себѣ всю Азію, и въ которое Аѳины могли бы внести потребность высшей духовной жизни. При этомъ, господство Персіи едва-ли могло бы навязать Аѳинамъ какія-либо тягостныя, стѣснительныя обязательства.... Но, нѣтъ! Этому городу предстояло болѣе тягостное, но и великое будущее—и потому заманчивыя предложенія Персовъ были встрѣчены весьма враждебно: аѳиняне на нихъ отвѣчали гордымъ и рѣшительнымъ отказомъ, и этотъ отказъ пришлось отвезти въ главную квартиру Персовъ царю Александру, который можетъ-быть внутренно былъ очень доволенъ смѣлостью Аѳинянъ. Со Спарты, стоявшей во главѣ союза пелопоннезскихъ городовъ, было взято обѣщаніе дать въ Віотіи сраженіе Персамъ въ составѣ всего союзнаго войска; а для этого — своевременно явиться въ Средней Греціи, дабы Аѳины не подверглись вторичному раззоренію. Несмотря на это обѣщаніе, Спарта допустила совершиться и этому второму раззоренію Аѳинъ. Многіе полагаютъ, что это было сдѣлано преднамѣренно, для ослабленія Аѳинъ, естественно соперничавшихъ со Спартою; но это едва-ли можетъ быть допущено. Скорѣе тутъ дѣйствовала обычная нераспорядительность Спартанцевъ и крайняя медлительность въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ внѣшней политики. Они всполошились и двинули союзное войско къ Элевзису тогда уже, когда весною 479 г. Персы вновь начали военныя дѣйствія и, явившись въ Аѳины, вторично поки-

нутыя населеніемъ, раззорили ихъ на этотъ разъ безпощадно и до тла, а затѣмъ Мардоній уже вернулся изъ Аттики въ Віотію, гдѣ онъ учредилъ главную квартиру своей арміи въ Ѳивахъ, столицѣ Віотіи.

Мардоній въ Ѳивахъ.

Здѣсь всѣ относились къ Персамъ очень дружелюбно. Здѣсь сильные олигархи изъ знатныхъ ѳиванскихъ фамилій совсѣмъ приняли сторону Персіи въ ея борьбѣ съ Грецією, и охотно братались съ Персами на тѣхъ роскошныхъ праздничныхъ пирахъ, которыми чествовала ѳиванская знать своихъ дорогихъ гостей — персидскихъ военачальниковъ. Олигархія ѳиванская, стараясь подавить возникающую демократію, нуждалась въ иноземной поддержкѣ и мечтала уже о томъ, что Персы, покоривъ Грецію, предоставятъ Ѳивамъ первое мѣсто въ средѣ городовъ Средней Греціи. Въ этихъ видахъ они даже присоединили къ персидскому войску довольно значительныя воинскія силы.

Битва при Платеѣ (479).

Предѣлъ всѣмъ этимъ надеждамъ былъ положенъ битвою, которая произошла въ мѣстности, удаленной всего на три часа пути на югъ отъ Ѳивъ, и названа была Греками *Платейскою*, по віотійскому городу Платеѣ *). Союзное войско греческое, участвовавшее въ ней, было болѣе чѣмъ когда-нибудь многочисленно: 27,000 воиновъ доставилъ Пелопоннезъ, 8,000—Аѳины, 3,000—самыя отдаленныя страны Греціи; а всего-на-все было, вѣроятно, около 100,000. Начальствовалъ надъ войскомъ спартанскій царь, *Павсаній*. Но и въ управленіи этой массой, и во внутренней связи ея частей ощущался большой недостатокъ; отдѣльныя части войска спорили изъ-за первенства въ строю, изъ-за мѣста, которое имъ надлежало занять въ боевомъ порядкѣ, и по этому поводу допускались и выслушивались длинныя рѣчи ораторовъ. Павсаній рѣшился принять битву только тогда, когда Мардоній, ловкими передвиженіями своего войска, вынудилъ его къ битвѣ. Въ персидскомъ лагерѣ никто не сомнѣвался въ побѣдѣ, и Мардоній въ то утро говорилъ одному изъ ѳессалійскихъ князей въ своей свитѣ, что онъ готовится сегодня отмстить Грекамъ за все зло, причиненное ими Персамъ. Но Мардонію не посчастливилось: въ то время, когда онъ лично повелъ отборный отрядъ войска противъ праваго крыла Грековъ, онъ былъ пораженъ стрѣлою изъ непріятельскихъ рядовъ и упалъ съ коня. Оба войска были лишены вождей своихъ, но битва уже завязалась и вскорѣ приняла оборотъ, неблагопріятный для Персовъ и ихъ союзниковъ. Когда дѣло было уже вполнѣ непоправимо, одинъ изъ персидскихъ военачальниковъ съ частью войска (говорятъ, тысячъ въ 40) сталъ отступать. Только эта часть и спаслась... Остальныя разрознились, разбились на кучки и были истреблены безпощадно. Послѣднее отчаянное сопротивленіе оказали Грекамъ Персы около деревяннаго укрѣпленія, которое они воздвигли въ серединѣ своей позиціи. Но и это укрѣпленіе было взято сильнымъ натискомъ Аѳинянъ, которые, поразивъ союзниковъ Мардонія на лѣвомъ крылѣ, поспѣшили къ центру. Такимъ образомъ, къ вечеру того дня, неожиданно для самихъ Грековъ и нимало не по заслугамъ ихъ главнокомандующаго, была одержана замѣчательнѣйшая побѣда (479).

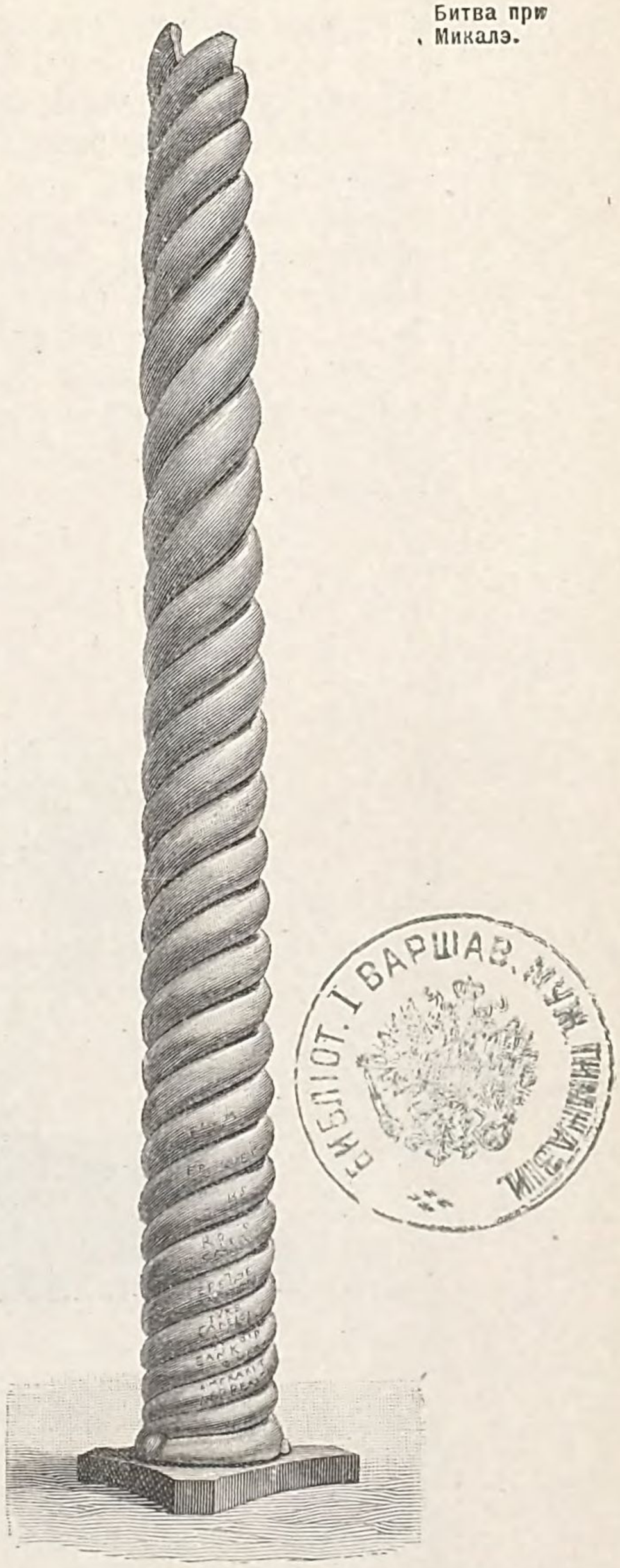
*) Она происходила въ равнинѣ, по которой протекала рѣчка Азопосъ, у сѣвернаго подножія высотъ горы Киѳеронъ.

Эта побѣда при Платеѣ, по преданію, въ тотъ же день была дополнена другою побѣдою, при мысѣ *Микалэ*, въ іонической части Малой Азіи, одержанною Греками подъ предводительствомъ спартанскаго царя *Леотихида*. И здѣсь, какъ въ Платейской битвѣ, подъ начальствомъ Аристида *), наиболѣе отличились Аѳиняне, подъ предводительствомъ Ксантиппа, родовитаго аттическаго эвпатрида. Впрочемъ, при Микалэ и спартанскій царь Леотихидъ дѣйствовалъ смѣлѣе царя Павзанія, и самъ началъ битву; но битву рѣшили Іоняне, бывшіе въ персидскомъ лагерѣ, и во время битвы перешедшіе на сторону Грековъ. Есть основаніе думать, что это случилось именно вслѣдствіе того, что уже на малоазійскомъ берегу было извѣстно объ исходѣ битвы при Платеѣ, и что эта вѣсть подѣйствовала на однихъ ободряющимъ, а на другихъ подавляющимъ образомъ; но сказаніе народное представляетъ дѣло въ иномъ видѣ:— вѣсть о побѣдѣ въ Віотіи однимъ изъ боговъ была распространена по рядамъ Грековъ въ то самое время, когда они вступили въ битву при Микалэ.

Обломокъ одной изъ трехъ змѣиныхъ головъ, которыя выставлялись между ногъ жертвеннаго треножника, сооруженнаго въ память Платейской битвы.

Значеніе побѣды, одержанной Эллинами при Платеѣ, было ими оцѣнено по достоинству. Памятникомъ, достойнымъ этой побѣды, былъ тотъ золотой треножникъ, который всѣ города, участвовавшіе въ Платейской битвѣ, поднесли святилищу Аполлона Дельфійскаго. Треножникъ утвержденъ былъ на мѣдной колоннѣ, обвитой тремя змѣями, которыя вверху выставляли между ногъ треножника свои головы съ широко-раскрытыми пастями. На кольцахъ змѣй были написаны названія тѣхъ городовъ, которые принимали участіе въ Платейской битвѣ. Золотой треножникъ былъ уже давно похищенъ, когда императоръ Кон-

Битва при Микалэ.

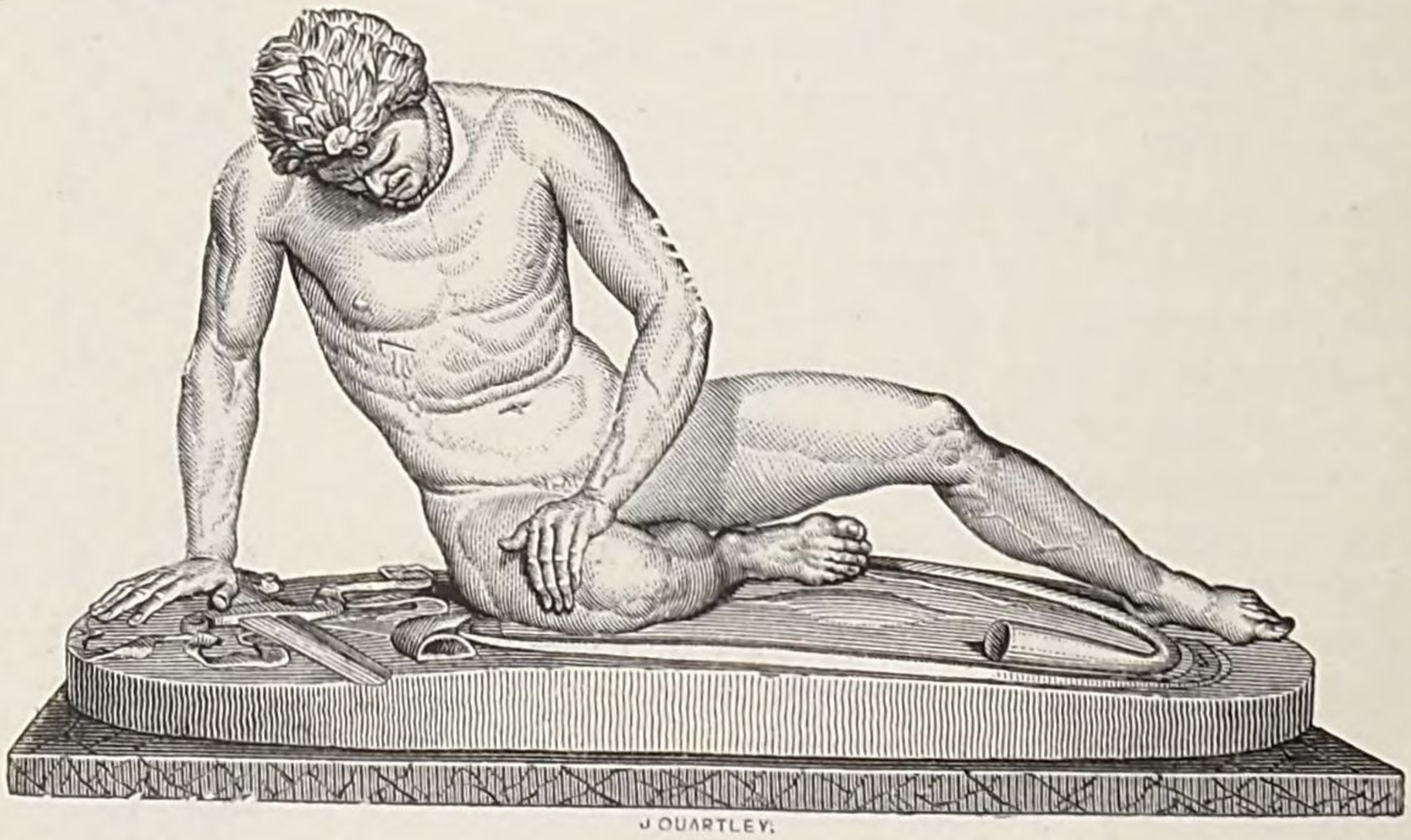

БИБЛІОТ. І ВАРШАВ. ИМП. УНИВЕРСИТЕТА

Мѣдная змѣеобразная колонна, составляющая подставу золотого треножника, поднесеннаго Эллинами въ даръ Дельфійскому Аполлону, послѣ побѣды при Платеѣ.

*) Послѣ битвы при Саламинѣ онъ вернулся въ свой родной городъ и подчинился во всемъ распоряженіямъ Ѳемистокла.

стантинъ перевезъ эту колонну изъ Дельфъ на Константинопольскій ипподромъ; тамъ-то, въ 1856 г., и были на колоннѣ открыты и прочтены надписанныя на ней названія городовъ.

Какъ бы то ни было, но побѣдою при Платеѣ, Западный міръ былъ теперь освобожденъ отъ всякой опасности, угрожавшей ему со стороны персидскаго владычества. Въ этой первой борьбѣ Востока съ Западомъ—одной изъ многихъ, украшающихъ страницы исторіи—Западъ побѣдилъ. Одновременно съ этой побѣдой, и на далекомъ сицилійскомъ поморьѣ Эллины побѣдили враждебныхъ имъ Карѳагенянъ: въ день битвы при Саламинѣ, сиракузскій правитель *Гелонъ* одержалъ при *Гимерѣ* (на сѣверѣ Сициліи) побѣду надъ карѳагенскимъ войскомъ, которая, по своему значенію, можетъ быть поставлена рядомъ съ Саламинскою побѣдою Эллиновъ.



J. QUARTLEY.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Исторія Эллиновъ послѣ побѣды при Платеѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вѣкъ Перикла.

Въ 479 г. до Р. Х., битвами при Платеѣ и Микалэ, было безповоротно рѣшено, что Кирово царство не можетъ быть распространено на европейскій материкъ. Великому царству удалось собрать всѣ свои многоразличные народы во-едино для нанесенія страшнаго удара, направленнаго противъ Греціи. Но противъ какого-же противника двигались и моремъ, и сушею эти громадныя силы? Противъ нѣсколькихъ городовъ и областей, которыя, въ общей своей сложности, не равнялись по размѣрамъ даже и одной изъ персидскихъ сатрапій,—противъ нѣсколькихъ областей, правда, въ минуту опасности соединившихся въ одинъ военный союзъ, но въ которомъ однакоже было очень мало единства и все зависѣло отъ доброй воли отдѣльныхъ его членовъ. И между этими областями не всѣ въ союзѣ принимали участіе: такъ, въ Пелопоннезѣ двѣ важныя области, *Арголида* и *Ахайя*, остались нейтральными, чуждыми общему дѣлу; а въ Средней Греціи, центральное государство, Віотія, даже открыто и энергично приняла сторону Персіи, въ лагерѣ которой и безъ того было не малое число недовольныхъ греческими порядками и изгнанниковъ изъ греческихъ городовъ. Въ смыслѣ политическомъ и военномъ управленіе союзными силами было далеко не геніальнымъ, а скорѣе даже очень плохимъ: — въ важнѣйшихъ мѣстахъ число войскъ было недостаточно, удобнѣйшія случайности были пропущены, наканунѣ рѣшительныхъ дѣйствій все было полно раздора и разлѣзалось врозь. Исходы этихъ дѣйствій, закончившихся при Саламинѣ и Платеѣ побѣдами, постоянно представлялись болѣе чѣмъ сомнительными. Объяснить можно, конечно, все, что уже случилось, и въ данномъ случаѣ также поводы къ побѣдѣ малаго числа надъ массою отыскать и указать не трудно; тѣмъ не менѣе

однакоже всѣмъ участникамъ событій они представлялись чѣмъ-то въ родѣ чуда, да такъ чудомъ и остались эти событія и для потомства.

Но какъ бы то ни было, а громадная опасность миновала. Она миновала вполнѣ, и, сравнительно, довольно быстро миновала, такъ что никому и въ голову не пришло сплотиться тѣснѣе для защиты противъ возможности подобныхъ случайностей въ будущемъ. На слѣдующій день послѣ Платейской битвы, во время перваго одушевленія, правда, въ груди всѣхъ Грековъ шевельнулось чувство сознанія общаго эллинскаго единства. Стали говорить о большомъ національномъ празднествѣ,—о праздничествѣ «освобожденія», которое слѣдовало-бы установить и черезъ каждыя пять лѣтъ праздновать на священномъ полѣ Платейской битвы; затѣмъ даже и на ближайшихъ Олимпійскихъ играхъ, въ 477 г., настроеніе было еще очень повышенное: не побѣдители на играхъ были предметомъ общаго вниманія, а аѳинянинъ Ѳемистоклъ, побѣдитель при Саламинѣ. Но только о народномъ праздникѣ (элевѳеріи) замолкли вскорѣ, и самый военный союзъ эллинскихъ государствъ распался, даже еще прежде, нежели пала послѣдняя персидская крѣпость въ Европѣ (470).

Спарта и Пелопоннезъ.

Всѣ обще-эллинскія предпріятія, непосредственно связанныя съ походомъ 479 года, — наказаніе Ѳивъ, изгнаніе Персовъ изъ ихъ позицій на Геллеспонтѣ: Сестоса, Византіи — кончились полнымъ успѣхомъ. Затѣмъ однакоже наступилъ чрезвычайно странный оборотъ въ политикѣ: Спартанцы, а съ ними и всѣ Пелопоннезцы, уклонились отъ продолженія войны. Въ то же время случилось весьма прискорбное событіе: побѣдитель при Платеѣ, Павзаній, возмечтавъ быть тиранномъ надъ всей Элладой (такъ говоритъ о немъ Геродотъ), вошелъ въ сношенія съ царемъ Персидскимъ, при персидской помощи долгое время занималъ положеніе независимаго князя въ Византіи, а затѣмъ и на малоазійскомъ берегу, въ Клеонэ, потомъ призванъ былъ обратно въ Спарту, замышлялъ государственный переворотъ, но былъ выданъ однимъ рабомъ и заморенъ голодомъ въ томъ храмѣ, гдѣ онъ искалъ себѣ убѣжища (466). Эта измѣна была симптомомъ того внутренняго распаденія, въ которое эпоха борьбы съ Персами и побѣдъ, одержанныхъ надъ ними, повергла Спартанское государственное устройство. Война съ Персами требовала и политическаго, и военнаго искусства въ болѣе обширномъ смыслѣ, нежели то было доступно Спартѣ. Человѣкъ, стоявшій во главѣ 100,000 войска эллиновъ и разбившій Персовъ въ большомъ сраженіи, конечно, не могъ равняться съ тѣми царями-полководцами, которые предводительствовали Спартанцами въ мелкихъ стычкахъ съ Мессенцами и Аргивянами; не могъ онъ примириться и съ придирчивой провѣркой его дѣйствій эфорами — органами подозрительной и недовѣрчивой аристократіи; не могъ уже потому, чтобы не поколебать свой авторитетъ главнокомандующаго надъ всей союзной арміей. Сверхъ этого, представлялось еще много и другихъ вопросовъ: если Спарта предполагала оставаться во главѣ Эллады, то она должна была принять на себя и начальствованіе на морѣ, а между тѣмъ у нея не было своего флота, да и завести его она могла только поступившись многими сторонами своего внутренняго устройства. Къ тому же и положеніе *періэковъ*, которые все же были свободными Эллинами, вызы-

вало на размышленіе; и объ илотахъ, оказавшихъ нѣкоторыя услуги на войнѣ, тоже приходилось подумать... По нѣкоторымъ извѣстіямъ, всѣ эти вопросы были подробно изслѣдованы на одномъ изъ народныхъ собраній; и вѣроятно не одинъ разъ, а часто и много разъ обсуждались тѣ же вопросы и были даже главнымъ предметомъ разговора въ сисситіяхъ между мужами спартанскими. Но въ результатѣ получился крайне непослѣдовательный выводъ: рѣшили отказаться отъ того славнаго пути, который открывался Спартѣ послѣ побѣды надъ Персами. И, принявъ это рѣшеніе, всѣ зажили опять такъ же, какъ прежде, какъ будто Персы никогда и въ Грецію не прихаживали; стали попрежнему заниматься своими тѣлесными упражненіями, участвовать въ народныхъ собраніяхъ, праздновать свои празднества — все, какъ оно велось изстари. Наблюденіе надъ царями стало еще болѣе придирчивымъ, еще болѣе мелочнымъ со времени гибели Павзанія, который именно разсчитывалъ поднять противъ Спарты илотовъ и тѣмъ указалъ на слабое мѣсто Спарты. Вскорѣ пришлось опять вступить въ мелочныя усобицы съ Аргивянами, старыми своими врагами, затѣмъ порвать дружбу съ Элидой, затѣмъ приняться за усмиреніе опаснаго возстанія города Тегеи и другихъ аркадскихъ мѣстечекъ... И если матеріальное положеніе въ періодъ времени, послѣдовавшій за персидскими войнами, и было благопріятно, то политическая жизнь въ Пелопоннезѣ, послѣ подавленія Спартою нѣкоторыхъ демократическихъ стремленій, вызванныхъ возбужденіемъ умовъ во время персидскихъ войнъ, была вялою и безплодною и проявлялась въ Спартѣ, и въ особенности въ Коринѳѣ, только въ затаенномъ озлобленіи и ненависти противъ Аѳинъ, которыя вскорѣ превзошли Спарту во всемъ и совершенно отодвинули ее на задній планъ.

Аѳины.

Въ Аѳинахъ, дѣйствительно, было чему позавидовать: тутъ во всемъ была видна ясность, энергія, подъемъ духовной жизни. Аѳиняне, среди бурь послѣдняго періода, достигли дѣйствительно полной зрѣлости, и въ нѣсколько лѣтъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ научились многому; притомъ, по особенному счастью, судьба послала имъ въ это многознаменательное время такого государственнаго мужа, который ясно сознавалъ, куда безсознательно стремились жизненныя силы его народа. Ѳемистоклъ въ высшей мѣрѣ обладалъ тѣми свойствами, которыя необходимы великому политику,—умѣлъ соединять идеальныя побужденія съ практическимъ взглядомъ и осмысленнымъ отношеніемъ къ тому, что предстояло совершить; и рядомъ съ нимъ Аристидъ (въ канунъ Саламинской битвы они оба примирились), дополнявшій его, когда было необходимо, остерегавшій его, побуждавшій его къ уступкамъ. Мы очень немногое знаемъ о дѣятельности Ѳемистокла, въ отдѣльности; но уже и оставленное имъ по себѣ столь громкое имя, доказываетъ намъ, что всѣ великія и простѣйшія мысли, которыми была положена основа дальнѣйшему развитію аѳинской политики, исходили отъ него. Эти мысли пережили самого Ѳемистокла и были уже въ существеннѣйшей своей части приведены въ исполненіе или, по крайней мѣрѣ, на пути къ осуществленію, когда какая-то тягостная необходимость, о которой мы не имѣемъ надлежащихъ свѣдѣній, побудила его земляковъ (или, вѣрнѣе, вліятельный кружокъ изъ нѣсколькихъ знат-

нѣйшихъ родовъ) отстранить Ѳемистокла, въ угоду Спартанцамъ. Уже въ 470 г. онъ подвергся остракизму, и вынужденъ былъ искать себѣ убѣжища тамъ, гдѣ его находили всѣ изгнанники — у двора персидскаго. Тамъ, въ маленькомъ городкѣ, Магнезіи, который великодушно данъ былъ ему на кормленіе, побѣдитель при Саламинѣ и скончался вассаломъ царя Персидскаго (463 г.), въ то самое время, когда его отечественный городъ достигъ высшей степени процвѣтанія.

Укрѣпленіе Аѳинъ.

Первою изъ мѣръ, принятыхъ по совѣту Ѳемистокла, было укрѣпленіе Аѳинъ, т. е. обезпеченіе ихъ независимости; это укрѣпленіе успѣло совершиться прежде, нежели кто бы то ни было вздумалъ противъ него поднять голосъ. А голосъ, главнымъ образомъ, могла поднять только Спарта. Когда же она, дѣйствительно, вздумала высказаться противъ укрѣпленія Аѳинъ, стѣна, надъ построеніемъ которой работало все населеніе, была уже возведена настолько, что могла служить городу оплотомъ. Была укрѣплена и гавань, которую по достоинству умѣлъ оцѣнить тотъ же Ѳемистоклъ,—и укрѣпленія были воздвигнуты въ то время, когда все населеніе было занято возстановленіемъ самаго города и постройкою для себя домовъ. Надо предполагать, что весьма значительная часть персидской военной добычи выпала на долю Аѳинъ: и аѳиняне не растратили эти богатства на вознагражденіе себя за испытанія и лишенія послѣднихъ лѣтъ, а употребили ихъ цѣликомъ на величавыя и общеполезныя сооруженія. Въ тѣсной связи съ этими обширными замыслами была проведена важная реформа во внутреннемъ государственномъ устройствѣ, приписываемая осторожному и консервативному Аристиду. Всѣ почетныя права, даже и должность архонта, стали доступны и младшему изъ сословій—сословію *тэтовъ*. Это отчасти могло быть вызвано тѣмъ, что война доставила Грекамъ массу рабовъ, и этотъ наплывъ ихъ нѣсколько измѣнилъ общественныя отношенія: люди свободные, даже изъ наименѣе состоятельныхъ классовъ, черезъ это какъ бы повысились въ значеніи. Притомъ событія и политическія случайности ближайшаго періода аѳинской исторіи способствовали тому, что всѣ аѳиняне стали составлять своего рода аристократію, а это содѣйствовало въ значительной степени уравненію всѣхъ классовъ общества.

Союзъ приморскихъ городовъ.

Укрѣпленіе города и его гаваней было только неизбѣжнымъ вступленіемъ къ смѣло задуманному плану внѣшней политики. Чтобы избѣжать опасностей, которыя грозили со стороны нѣсколько потрясеннаго, но все же могущественнаго царства Персидскаго, надлежало всюду продолжать вести ее поступательно, создавая Персамъ всякаго рода затрудненія въ ихъ собственныхъ моряхъ, на ихъ прибрежьяхъ. Къ этой политикѣ неизбѣжно должны были пристать всѣ островные и материковые города мало-азійскаго побережья. И вотъ, на мѣсто обще-эллинскаго военнаго союза, который, вслѣдствіе уклоненія отъ него Спартанцевъ (не формально, не юридически, но фактически), разрушился,—теперь выступилъ *союзъ береговыхъ и островныхъ городовъ* Эгейскаго моря. Въ составъ этого союза, главнымъ образомъ, вошли іонійскія общины, хотя вначалѣ въ немъ участвовали и нѣкоторыя дорійскія государства, какъ о. *Косъ* и о. *Родосъ*: и эта однородность состава была вѣрнымъ ручательствомъ за его

прочность и развитіе въ будущемъ. Руководящею силою въ союзѣ были Аѳины, обладавшія всѣми необходимыми данными для подобнаго руководительства: на ихъ сторонѣ была главная, тѣсно-сплоченная сила; изъ Аѳинъ, въ лучшее время, выходили и настоящіе вожди союза,—привлекательные люди и крупные дѣятели, подобные Аристиду, и рядомъ съ нимъ *Кимону*, Мильтіадову сыну, юному, но чрезвычайно талантливому полководцу. Аристидъ, осторожный и неподкупный, былъ первымъ распорядителемъ союзной кассы, которая хранилась на о. *Делосѣ* — древнемъ сборномъ пунктѣ всѣхъ Іонянъ; онъ съумѣлъ повести дѣло такъ, что всѣ мелкія государства сами спѣшили вступить въ союзъ, а не онъ имъ это участіе навязывалъ, какъ можетъ быть то сдѣлали-бы Ѳемистоклъ или Мильтіадъ. Но, главнымъ образомъ, великій политическій тактъ, положенный въ основу этого дѣла, выказали Аѳиняне въ томъ, что сами на себя возложили важнѣйшія трудности при его выполненіи.

Въ 468 г. Аристидъ умеръ. Его мѣсто заступилъ Кимонъ, человѣкъ, поражавшій своею наружностью, воинъ, вождь, постоянно счастливый въ выполненіи своихъ предпріятій и дальновидный въ составленіи плановъ. Величавый характеръ тогдашней аѳинской политики явствуетъ изъ одной надписи, въ которой приведены имена гражданъ одной филы, которые въ теченіе одного года пали на службѣ своего отечества въ Египтѣ, Финикіи, на Эгинѣ, на Кипрѣ и въ Мегарѣ. Самымъ крупнымъ изъ военныхъ подвиговъ, совершенныхъ Аѳинянами и союзниками ихъ подъ начальствомъ Кимона, была побѣда, въ одинъ и тотъ же день одержанная при устьѣ р. Эвримедонъ (въ Памфиліи) надъ персидскимъ флотомъ, персидскимъ сухопутнымъ войскомъ и поспѣшавшими на помощь къ нему 80-ю финикійскими кораблями (465). Одинъ изъ современныхъ греческихъ писателей такъ выразилъ впечатлѣніе этого событія: «съ тѣхъ поръ, какъ море отдѣляетъ Азію отъ Европы и бушующій Аресъ правитъ городами людей, ничего подобнаго никогда не было совершено смертными одновременно и на сушѣ, и на морѣ». Любопытно, что при этихъ морскихъ походахъ въ Азію и другихъ обширныхъ замыслахъ, Аѳиняне, однакоже, не упустили и ближайшей задачи, и весьма сурово обуздали морскихъ разбойниковъ, свирѣпствовавшихъ на Эгейскомъ морѣ.

Кимонъ. Битва при Эвримедонѣ.

Для подобныхъ предпріятій на дальней чужбинѣ, которыя общими успѣхами все тѣснѣе и тѣснѣе связывали между собою участниковъ союза,—одно было существенно необходимо: добрыя отношенія къ Спартѣ, взиравшей на эти успѣхи со спокойствіемъ, которое едва ли было особенно доброжелательнымъ. Кимонъ принялъ на себя трудъ установить это доброе согласіе между Спартою и Аѳинами, и, душою сочувствуя этой примирительной политикѣ, въ видѣ любезности, назвалъ даже одного изъ сыновей своихъ «Лакедемоніемъ»; онъ былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что дѣла въ Элладѣ только тогда и могутъ находиться въ нѣкотораго рода спокойномъ равновѣсіи, когда могущественной Спартѣ будетъ предоставлена ея особая сфера вліянія. Но не такъ думало молодое поколеніе аѳинское, и въ 464 г. эта консервативная политика, которая все еще держалась идеи военнаго союза, существовавшаго во время войны за освобожденіе, должна была выдержать весьма тягостное испытаніе.

Отношенія къ Спартѣ.

Страшное землетрясеніе посѣтило въ этомъ году Лаконію и почти до основанія разрушило большую часть Спарты. Это грозное бѣдствіе вызвало общее возстаніе илотовъ, которые особенно неохотно выносили свой гнетъ со временъ Персидской войны; господство Дорянъ въ Лаконіи, только что успѣвшихъ оправиться отъ усиленной борьбы съ Аркадіей,— подвергалось величайшей опасности. Само собою разумѣется, что извѣстія изъ Спарты вызвали большое возбужденіе умовъ въ Аѳинахъ; политики, твердо державшіеся идей Ѳемистокла, были того мнѣнія, что Спарту и слѣдуетъ предоставить на волю ея злой судьбы, такъ какъ она всюду становится поперекъ дороги Аѳинамъ. Но это была дурная политика: если ея держаться, то было бы еще послѣдовательнѣе—прямо помочь ея паденію и открыто принять сторону возставшихъ илотовъ. Противъ такой политики вооружилось все, что было въ Аѳинахъ, да и во всей Элладѣ аристократическаго и консервативнаго. Спарту не слѣдовало ослаблять: «не слѣдовало отпрягать одного изъ коней, везущихъ колесницу Эллады»— таково было мнѣніе Кимона; и эта благородная политика была настоящею; но вскорѣ сами Спартанцы сдѣлали ее невозможною.

Возстаніе Мессенцевъ. Кимонъ и Периклъ.

Они между тѣмъ успѣли кое-какъ справиться со своими мятежниками и непосредственная опасность была устранена мужественною твердостью царя Архидама и военною готовностью дорическаго войска; но еще нельзя было считать власть Спартанцевъ вполнѣ возстановленною, потому что еще значительная часть войска мятежниковъ держалась на Итомэ, въ сердцѣ Мессеніи. По просьбѣ спартанскаго правительства, отправленъ былъ тотчасъ же вспомогательный отрядъ аѳинскаго войска въ его распоряженіе; этого было не легко добиться друзьямъ Спарты—партіи Кимона—въ Аѳинахъ. Легко можетъ быть, что самое появленіе Аѳинянъ рядомъ съ ихъ утѣснителями, уже смутило мятежниковъ: тогда Спартанцы тотчасъ же вообразили, что они и сами управятся съ врагомъ, и отослали аѳинское войско, разсыпавшись въ благодарностяхъ, которыя при данныхъ условіяхъ были прямымъ оскорбленіемъ (461 г.).

Этотъ самъ по себѣ незначительный эпизодъ составляетъ какъ бы поворотъ во внутренней и внѣшней исторіи Греціи. Въ Аѳинахъ вскорѣ произошло полное паденіе Кимоновской партіи, благодаря которой городу пришлось испытать такое униженіе. Кимонъ былъ устраненъ остракизмомъ, и на первый планъ выступилъ *Периклъ*, сынъ того Ксантиппа, который при Микалэ предводительствовалъ аѳинскимъ войскомъ.

Периклъ—правитель государства.

Периклъ съ этого мгновенія оставался въ теченіе тридцати лѣтъ (съ очень небольшими перерывами) во главѣ аттическаго государства. Историкъ Ѳукидидъ называетъ «монархіей Перикла» это долгое пребываніе перваго гражданина Аѳинъ у власти, гдѣ онъ, занимая одну изъ должностей, всѣмъ доступныхъ, не обладая никакимъ инымъ средствомъ, кромѣ свободной рѣчи, ворочалъ всею внѣшнею и внутреннею политикою своего народа въ теченіе почти трети столѣтія, и управлялъ безпокойными согражданами своими какъ полновластный государь. Онъ происходилъ изъ стараго и знаменитаго рода; по матери Алкмеонидъ, по отцу онъ стоялъ въ критическіе годы близко къ руководящимъ кругамъ. Отличительною чертою Перикла, по сравненію со всѣми его сверстниками, была именно

его постоянная серьезность и вдумчивость, при которой онъ не зналъ наслажденія выше философской бесѣды и занятій государственными дѣлами. Такое соединеніе философскаго мышленія съ глубокимъ, практически-вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и дѣйствительность рѣдко встрѣчается въ одномъ человѣкѣ; а въ немъ это соединеніе представлялось естественнымъ и гармоническимъ.

Периклъ. Мраморный бюстъ времени Фидія. Въ Ватиканѣ.

Развитіе Делосскаго союза.

Государственный мужъ, подобный Периклу, не отдѣляетъ внѣшней политики отъ внутренней и разсматриваетъ ихъ только во взаимодѣйствіи. На смертномъ одрѣ своемъ — по извѣстному разсказу, — онъ ставилъ себѣ въ особенную заслугу то, что ни одна женщина въ Аттикѣ не носила печальной одежды *«по его винѣ»;* тотъ, кто послѣ жизни, переполненной борьбою и войнами, могъ это сказать, тотъ своимъ словамъ, конечно, придавалъ только одно значеніе — что ни одна изъ веденныхъ имъ войнъ не была вызвана его честолюбіемъ, а всѣ вызывались только одною безусловною необходимостью государственной. Къ числу такихъ войнъ, пожалуй, и слѣдуетъ отнести скорѣе блестящія и громкія, нежели полезныя войны противъ Персіи, которыя никакъ нельзя было прекратить по произволу, да еще приходилось посылать подкрѣпленія поддерживать возстаніе въ Египтѣ (460 г.). Но и въ самой Греціи представлялись Периклу задачи, болѣе близкія и болѣе настоятельно требующія разрѣшенія; въ особенности одна изъ нихъ—не будь она разрѣшена надлежащимъ образомъ—могла бы угрожать величайшими опасностями: задача эта заключалась въ превращеніи военнаго союза въ настоящій союзъ государствъ. *Делосскій* союзъ былъ союзомъ сильнаго со многими слабыми, добровольный, но по самой сущности своей—неразрывный. Но тѣ, что были послабѣе, и самые слабые—находили, что мнимая независимость ихъ обходится имъ черезчуръ дорого: вооруженія, поддержка въ полной готовности и мобилизаціи военныхъ кораблей — все это дѣйствительно, въ большой массѣ, обходилось дешевле. Вотъ почему они и предпочли платить Аѳинамъ, вмѣсто доставки кораблей, соотвѣтствующую, не очень большую сумму. За уплату этой суммы, Аѳины правили за нихъ общую союзническую повинность, поставляли корабли, платили жалованье матросамъ. Такимъ путемъ первенствующее государство весьма легко и просто забрало въ руки всѣ военныя преимущества. Это, конечно, клонилось къ обоюдной выгодѣ, было даже необходимо; но оно было противно эллинскимъ обычаямъ: только въ виду этого, по врожденной Эллинамъ склонности къ розни и вольности, наиболѣе сильные изъ участниковъ союза — Наксосъ въ 466, а Тазосъ, въ 465 гг.—попытались было отъ союза отказаться. Эти попытки были энергично подавлены, сопротивленіе сломлено; побѣжденные союзники стали платить Аѳинамъ сумму, соотвѣтствующую количеству ихъ ко-

раблей, должны были выдать свои корабли,—даже срыть укрѣпленія; такимъ образомъ они утратили свою самостоятельность, и около 460 года только у трехъ большихъ острововъ—Хіоса, Самоса и Лесбоса—уцѣлѣли собственные корабли. Нѣсколько лѣтъ спустя (454), когда усиленныя вооруженія царя Артаксеркса вызвали опасенія возможности предстоящаго вторженія Финикійскихъ кораблей въ Эгейское море, — союзная касса съ о. Делоса была перенесена въ Аѳины, и тамъ стала храниться въ Акрополѣ; это было какъ разъ въ то время, когда Аѳиняне заботились о дополненіи системы аѳинскихъ укрѣпленій соединеніемъ стараго города посредствомъ длинныхъ стѣнъ съ обѣими гаванями *). Такимъ образомъ, Аѳины стали столицею большого союза государствъ, въ составъ котораго, въ цвѣтущее время, входило до 300 городовъ или городовъ-государствъ; этотъ союзъ распадался на пять округовъ—іонійскій, гелеспонтскій, ѳракійскій, карійскій и островной. Всѣ города-государства, входившіе въ составъ союза,—одни болѣе, а другіе менѣе,—испытывали на себѣ сильное вліяніе Аѳинъ, которое, впрочемъ, вовсе не стѣсняло ихъ самостоятельности: такъ, напримѣръ, право чеканить монету было оставлено за ними всѣми, и потому одни чеканили ее по образцу Эгины, другіе по аттическому или финикійскому, или даже персидскому.

Планы эллинскаго единенія.

Было трудно рѣшить вопросъ, долго-ли этотъ іонійскій или аѳинскій союзъ и старый пелопоннезскій или спартанскій—просуществуютъ рядомъ въ мирѣ? Рѣшеніе этого вопроса было тѣмъ болѣе затруднительно, что были еще въ Греціи и большія, и малыя общины, не примкнувшія ни къ тому, ни къ другому союзу. Событія 464 и 461 гг. выяснили только полную несогласимость обоюдныхъ интересовъ Спарты и Аѳинъ; въ Аѳинахъ, среди кружковъ, близкихъ къ главному распорядителю судебъ государства, знали всѣ, что когда-нибудь, въ весьма неотдаленное время, дѣло дойдетъ до расчета между обѣими державами-соперницами. Сохранилось извѣстіе, по которому Периклъ лелѣялъ будто-бы такой планъ: всѣ эллинскіе города, большіе и малые, пригласить на общій съѣздъ въ Аѳины, и на этомъ съѣздѣ обсудить вопросъ о возстановленіи всѣхъ варварами разрушенныхъ святилищъ, объ учрежденіи нѣкоторыхъ общихъ жертвоприношеній и объ установленіи общаго мира на морѣ,—однимъ словомъ, воспроизвести нѣчто въ родѣ обще-эллинской амфиктіоніи, для болѣе тѣснаго сближенія и умиротворенія безпокойныхъ элементовъ греческаго міра; говорили, будтобы ужъ и послы, которымъ поручено было пригласить города на съѣздъ, выѣхали изъ Аѳинъ, но весь планъ разрушился изъ-за несогласія Спарты.

Средне-греческія усобицы.

Во всякомъ случаѣ, со времени паденія Кимона, положеніе стало болѣе натянутымъ. До того времени въ аѳинской политикѣ было принято за основное правило—подальше держаться отъ Пелопоннеза; а тутъ вдругъ вступили въ сношеніе съ старымъ врагомъ Спарты, съ Аргивянами; затѣмъ, въ слѣдующемъ 459 г., привлекли къ союзу небольшую, но очень важную по своему положенію на Истмѣ — *Мегару*, а черезъ это завладѣли и двумя хорошими гаванями—*Низайей* (при Сароническомъ заливѣ)

---

*) Периклъ говорилъ, что городъ, окруженный такимъ образомъ стѣнами, становится такъ же неприступенъ, какъ островъ, омываемый моремъ.

и *Пагаей* (при Коринѳскомъ заливѣ). Война, которая завязалась изъ-за этого съ сосѣдними дорійскими городами — Эгиной, Коринѳомъ, Эпидавромъ, Трэзеномъ — побудила и Спартанцевъ выслать войска за Истмъ. Въ союзѣ съ Ѳиванцами они разбили въ 457 г. аѳинское войско при *Танагрѣ*; это пораженіе въ слѣдующемъ году было заглажено побѣдою, одержанною аѳинянами въ той же мѣстности, при *Энофитѣ*, и въ томъ же году, вѣчно враждебная Аѳинамъ, а подчасъ даже и весьма опасная Эгина была захвачена, стѣны ея города снесены и на эгинцевъ наложена дань. Въ это самое время Спартанцамъ удалось настолько справиться съ мятежниками на Итомэ, что тѣ рѣшились очистить эту мѣстность, если имъ будетъ открытъ свободный путь изъ Пелопоннеза; аѳиняне тотчасъ же отвели для этихъ желанныхъ союзниковъ городъ Навпактъ на сѣверномъ берегу Коринѳскаго залива, изъ котораго незадолго передъ тѣмъ изгнали Локровъ. По другую сторону залива, близъ тѣхъ же мѣстъ, къ аѳинскому морскому союзу приступили нѣкоторые изъ ахейскихъ городовъ, а въ Іонійскомъ морѣ острова Закинѳъ и Кефаллонія. Но за то на дальнемъ Востокѣ, въ Египтѣ, аѳиняне потерпѣли пораженіе: войско ихъ, отправленное на помощь возставшимъ Египтянамъ, было окружено Персами на одномъ изъ острововъ Нила, и послѣ 18-ти-мѣсячной осады вынуждено сдаться; одновременно, тамъ же погибла и флотилія изъ 50 триремъ (453). Но за то въ томъ же году, столь обильномъ событіями, былъ положенъ послѣдній камень въ стѣны, соединявшія городъ съ гаванями. Можетъ быть въ связи съ египетскимъ эпизодомъ въ Аѳинахъ стало временно преобладать болѣе мирное настроеніе и граждане опять стали склоняться къ политикѣ Кимона, который въ 454 г. и возвратился въ Аѳины. Въ 451 г. между аѳинскимъ и спартанскимъ союзами было установлено 5-ти-лѣтнее перемиріе.

Кимоновъ миръ (449).

Съ этимъ временемъ совпало окончаніе Персидской войны. Кимонъ умеръ во время послѣдней экспедиціи противъ стараго врага — передъ г. Китіономъ (на о. Кипрѣ); послѣ его смерти была одержана еще одна побѣда при Кипрскомъ Саламинѣ. Затѣмъ аѳинская эскадра была вызвана обратно и наступилъ мирный періодъ, которому древніе придали названіе *Кимонова мира.* Трудно рѣшить въ данное время, былъ-ли то прочный миръ, заключенный съ царемъ Персидскимъ (Артаксерксомъ I), или только временное перемиріе, заключенное съ сатрапами западныхъ провинцій Персидскаго царства? Несомнѣнно однакоже, что какое-то соглашеніе существовало, и что для него были выработаны соотвѣтствующія условія. Аѳиняне отказались отъ вмѣшательства въ кипрскія и египетскія дѣла; Персы не стали требовать дани съ греческихъ городовъ Малой Азіи. Персидскіе военные корабли не появлялись болѣе въ Эгейскомъ морѣ, и оно обратилось съ той поры—выражаясь языкомъ современнымъ—въ Эллинское озеро.

Перемиріе со Спартою.

Но въ томъ же самомъ году, который такъ благополучно закончилъ персидскія войны, истекъ срокъ перемирія между государствами Греціи. Фокейцы поссорились съ Дельфійскою общиною и это повлекло къ вмѣшательству Спартанцевъ, которые вступились за Дельфійцевъ, и къ вмѣшательству Аѳинянъ, заступившихся за Фокейцевъ. Гораздо опаснѣе для

Аѳинъ былъ слѣдующій, 447 г. Въ Віотіи разразился насильственный переворотъ противъ демократической партіи и аѳинскаго союза; отрядъ аѳинскаго войска, поспѣшавшій на помощь демократамъ, потерпѣлъ пораженіе при Коронеѣ и это послужило сигналомъ къ возстанію враждебныхъ Аѳинамъ партій въ нѣкоторыхъ городахъ на Эвбеѣ и въ Мегарѣ. На подкрѣпленіе Мегары поспѣшило явиться спартанское войско. Периклъ подавилъ возстаніе на Эвбеѣ, а наступавшее спартанское войско побудилъ къ отступленію—какъ разсказываютъ—благодаря тому, что подкупилъ молодого царя Плейстоанакса и его совѣтника. Но вѣроятно при этомъ велись же какіе-нибудь переговоры, которые и привели къ соглашенію. Периклъ, обладавшій важнѣйшею доблестью каждаго хорошаго правителя — умѣньемъ знать, что достижимо — на время пріостановился, видя, что еще не назрѣло время для осуществленія его плановъ; Аѳины отступились отъ Мегары и своихъ пріобрѣтеній въ Пелопоннезѣ, и такимъ образомъ явилась возможность добиться заключенія мирнаго договора между Спартою и Аѳинами на тридцатилѣтній срокъ (445).

Мирный договоръ между Аѳинами и Спартой.

Десятилѣтіе, послѣдовавшее за заключеніемъ этого мира, можно считать, конечно, счастливѣйшимъ въ жизни эллинскаго народа. Воспользуемся же возможностью бросить взглядъ на этотъ разнообразный міръ и на ту многостороннюю и величавую работу во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества и труда, которыя *вѣку Перикла* (такъ совершенно правильно называется это время) придали значеніе эпохи, важной для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній,—эпохи всемірно-исторической въ возвышенномъ смыслѣ этого слова.

Греческая жизнь. Пелопоннезъ.

Хотя въ этотъ вѣкъ городъ Аѳины и вся Аттика далеко оставили за собою всѣ остальныя части Эллады, однакоже мы неминуемо должны и на нихъ бросить взглядъ, потому что безъ обзора ихъ и самое богатство аѳинской жизни оказалось бы для насъ не вполнѣ яснымъ. Въ южной трети Греціи, въ Пелопоннезѣ, наиболѣе оживленнымъ было сѣв.-вост. побережье, и здѣсь *Коринѳъ*, благодаря своему необычайно-выгодному положенію, казалось, былъ предназначенъ быть столицей — пожалуй даже столицей всей Эллады. Городъ лежалъ между Сароническимъ и Коринѳскимъ заливами и обладалъ двумя гаванями: *Лехэонъ*—на З., и *Кенхрея*—на В., при чемъ обѣ гавани были соединены весьма оживленною въ то время дорогою. Самый же городъ Коринѳъ лежалъ у подошвы неприступной горы, Акрокоринѳа, которая и придавала городу большое стратегическое значеніе. Населеніе Коринѳа было очень смѣшанное; въ немъ былъ силенъ дорійскій элементъ, и потому уже, какъ и по естественной торговой конкуренціи, оно было враждебно настроено противъ аѳинскаго населенія, при чемъ не обладало ни политическимъ тактомъ, ни духомъ аѳинянъ. Это населеніе было сильно испорчено постояннымъ приливомъ пестрой толпы, привлекаемой сюда торговлею; легкая и обильная нажива собирала здѣсь множество мошенниковъ и промышлявшихъ развратомъ. Притомъ, и городовъ тутъ было много и на близкихъ разстояніяхъ: Сикіонъ, Эпидавръ, Трэзенъ, Флія,—и у каждаго изъ нихъ все же была какая-нибудь особенность или спеціальность, которою онъ славился, какъ напр. Эпидавръ своими врачами. Въ ахейскихъ городахъ западнаго берега, не-

большихъ и расположенныхъ на узкой полосѣ берега, мало было замѣтно того торговаго и промышленнаго оживленія, которое ключомъ кипѣло въ сосѣднихъ съ ними городахъ восточныхъ, а равно и среднія мѣстности Пелопоннеза—Арголида, Аркадія, Элида—носили на себѣ также совсѣмъ особый характеръ. Изъ нихъ *Арголида* жила замкнутою, неподвижною, сумрачною жизнью; она не принимала никакого участія въ національной борьбѣ съ Персами и была исключительно озабочена только ревнивымъ охраненіемъ своей полной самостоятельности противъ могущественной Спарты. *Аркадія* была вполнѣ горною страною, около 90 кв. миль пространствомъ, рѣдко населена и мало посѣщаема иноземцами. Населеніе ея жило скотоводствомъ и охотою, а храбрые жители этой страны, которая не могла даже и прокормить все свое населеніе, готовы были къ услугамъ всѣхъ и каждаго, въ качествѣ воиновъ-наемниковъ. При этомъ оно отличалось чрезвычайною привязанностью къ своей родной землѣ; но это чувство лишь весьма поздно выразилось настолько сильно, что могло собрать во-едино страну, въ то время еще рѣзко раздѣленную на пять областей съ пятью (довольно отдаленными другъ отъ друга) городами: Тегея, Мантинейя, Орхоменъ, Фенеосъ и Клейторъ. Совсѣмъ иной характеръ носила на себѣ *Элида*, сосѣдняя съ Аркадіей. Элида, съ западной стороны, примыкала къ морю. То была равнина, въ нѣкоторыхъ частяхъ пересѣченная холмами и орошаемая нѣсколькими небольшими рѣками, въ томъ числѣ Алфеемъ и Пэнеемъ, и многими ручьями; страна была зажиточная, благодаря олимпійскимъ празднествамъ, на которыя въ каждый четвертый годъ собиралась вся Греція въ долинѣ Алфея, и народонаселеніе было этимъ самымъ вынуждено со всѣми жить въ ладу. Весь югъ полуострова входилъ въ область государства Спарты, которое существенно не измѣнилось отъ того, что великія событія, совершившіяся въ Греціи, возвысили Спарту въ положеніе первенствующей державы. Здѣсь на все смотрѣли съ исключительно-военной точки зрѣнія; слава спартанской непобѣдимости нашла себѣ сильную поддержку въ нѣсколькихъ храбро-выдержанныхъ бояхъ, а главнымъ образомъ въ общемъ, счастливомъ исходѣ войны, хотя эта слава, конечно, ни мало не могла относиться къ спартанскому государственному управленію и военной администраціи, насколько они выказались въ Персидскихъ войнахъ. Что касается совершенства военной выправки и боевой готовности спартанскаго войска, то эти качества его еще усилились за послѣднее время, и блистательно выказались въ только-что законченной весьма трудной и опасной (такъ называемой *третьей*) Мессенской войнѣ. Вообще говоря, тамъ, гдѣ дѣло шло о подавленіи всякихъ попытокъ къ возстанію со стороны подчиненныхъ Спартѣ народовъ,—тамъ тотчасъ являлось и согласіе, и единство въ дѣйствіяхъ между всѣми властями, царями, эфорами и герузіей, между тѣмъ, какъ въ остальное время всѣ они весьма недружелюбно и недовѣрчиво относились другъ къ другу. Единственнымъ большимъ городомъ въ Лаконіи была *Спарта*; но страна была покрыта довольно частыми поселеніями періэковъ и еще болѣе частыми, всюду раскиданными поселками илотовъ. Печальное зрѣлище представляла *Мессенія*, послѣ того, какъ въ 456 г. ее покинули послѣдніе сво-

бодные граждане ея. Собственно говоря, она была прекраснѣйшею изъ всѣхъ мѣстностей Эллады, была обильно орошена, способна производить всякіе нѣжные плоды, разнообразна по своему прелестному ландшафту. Ничтожное населеніе, еще уцѣлѣвшее въ Мессеніи, совершенно разъединенное съ остальными Эллинами, сурово и грубо управляемое Спартанцами, мало-по-мало вымирало, какъ вымирали и воспоминанія о герояхъ былыхъ мессенскихъ войнъ.

Средняя Греція.

Въ Средней Греціи, двѣ страны: *Акарнанію* (45 кв. м.) и *Этолію* (72 кв. м.) мы видимъ еще почти не участвующими въ общей эллинской жизни, занятыми мелочнымъ торгомъ и промысломъ; даже и большихъ дорогъ въ этихъ странахъ не было, а только одни проселки. Въ Этоліи почти вовсе не было городовъ, и всѣ ходили тамъ вооруженные, какъ и въ древнія времена. Очень незначительна была, несмотря на свое знаменитое имя, маленькая *Дорида*, всего въ 4 кв. м. величиною и притомъ еще поросшая лѣсомъ. Большія дороги съ З. на В. и съ С. на Ю шли мимо, обходя эту маленькую страну, черезъ сосѣдственную область *Фокейцевъ*, въ которой находился важный центръ культа, священный г. Дельфы, весьма оживленный, хотя въ это время дельфійскій оракулъ уже и утратилъ до нѣкоторой степени свое былое значеніе. *Віотія*, занимавшая около 58 кв. миль, вела свою особую, областную жизнь. Около $^1/_4$ всего пространства страны занимало рыбное озеро Копаисъ; остальная область, за исключеніемъ горныхъ округовъ Геликона и Киѳерона, обладала почвою плодородною. Населеніе отличалось своимъ пристрастіемъ къ грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ. Много тамъ было малыхъ городовъ, но ни одинъ не могъ тягаться съ Ѳивами. Въ Ѳивахъ преобладала старая и богатая аристократія, которая ничѣмъ въ своемъ преобладаніи не была поколеблена. Черезъ западные склоны Киѳерона можно было проникнуть въ лежавшую на Истмѣ наименьшую изъ странъ Греціи—*Мегариду;* близость къ ней большихъ городовъ служила ей поддержкой, а ихъ взаимная зависть обезпечивала ея независимость.

Аѳины въ вѣкъ Перикла.

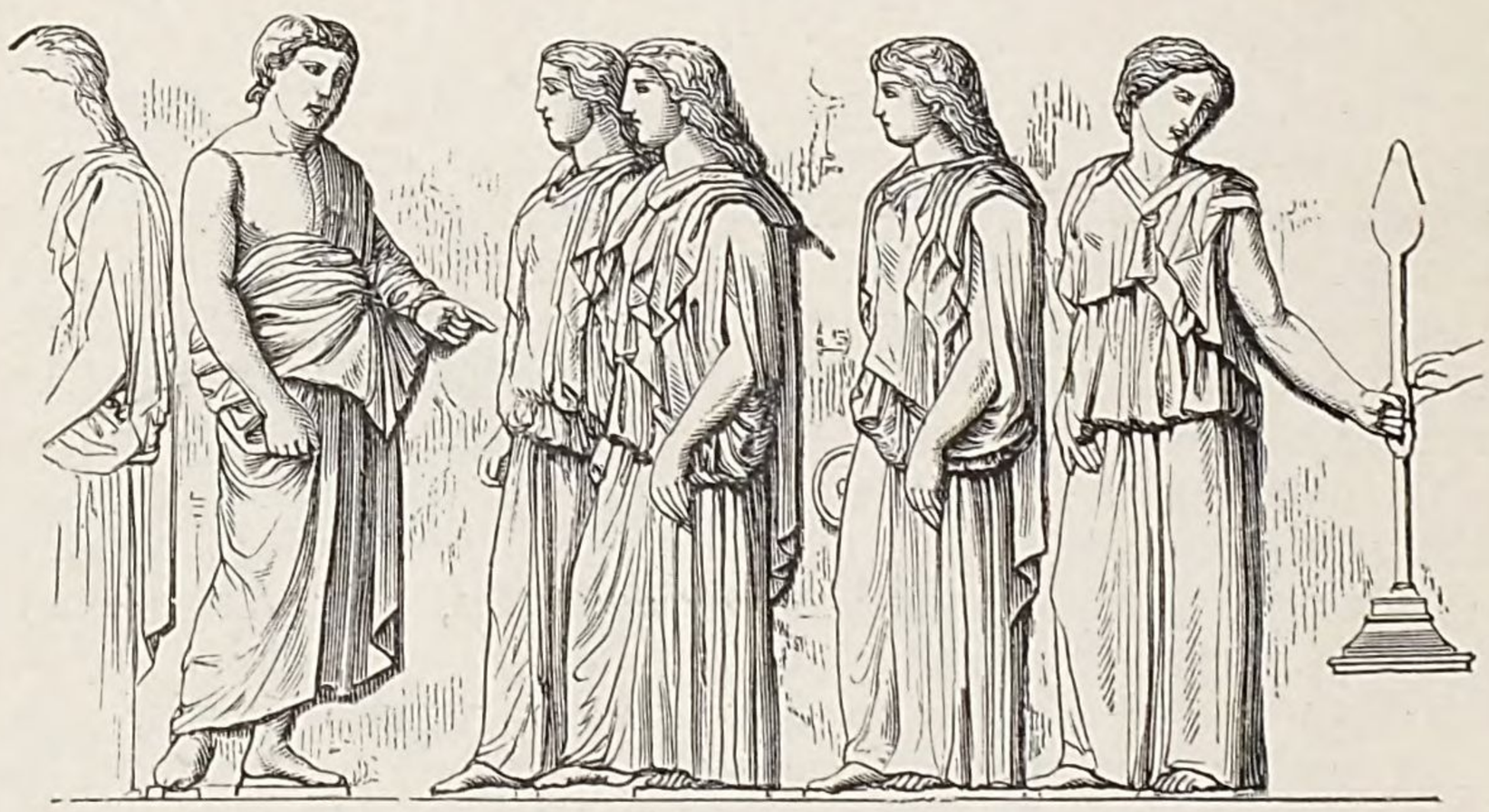
Одинъ изъ старыхъ писателей, описывая общее положеніе Греціи въ 445 г., говоритъ, что торжественныя собранія, состязанія въ видѣ общественныхъ игръ, праздничныя жертвоприношенія богамъ, и все то, что можетъ обозначать собою счастливое и мирное положеніе общества, можно было около этого времени повсемѣстно встрѣтить въ Греціи; но эти слова, по отношенію къ тогдашней Аттикѣ и ея древней столицѣ, Аѳинамъ, оказались бы, конечно, далеко не исчерпывающими всего содержанія ихъ современной жизни. Аѳинскій гражданинъ средняго сословія, которому удалось пережить дни Мараѳона и Саламина, жилъ тогда такою жизнью, какая до него не выпадала на долю ни одному смертному, и представляла собою рядъ высокихъ и благороднѣйшихъ наслажденій, призывавшихъ всѣ силы души къ напряженной дѣятельности. Всѣ граждане, вырастая, отъ ранняго дѣтства воспитывались въ томъ убѣжденіи, что все существованіе ихъ неразрывно связано съ *отечествомъ*—и нельзя не замѣтить, что это пониманіе только у Аѳинянъ явилось впервые въ совершенно-ясной и для всѣхъ одинаково понятной формѣ. Это отечество, утраченное ими во время грозной эпохи вторженія Персовъ, было имъ, по особой необычайной

милости боговъ, возвращено послѣ упорной, кровавой и достославнѣйшей борьбы, и любовь ихъ къ этому отечеству была безграничная, исключающая всякія личныя, эгоистическія стремленія. Этотъ гражданинъ долженъ былъ помнить, какъ на его глазахъ родной городъ былъ возстановленъ изъ пепла и развалинъ, и, въ силу особыхъ условій, съумѣлъ достигнуть того, что даже и въ средѣ зажиточныхъ гражданъ сохранилась скромность и простота жизни, и въ то же время деньги обильно притекали со всѣхъ сторонъ тамъ, гдѣ дѣло шло о воздвиженіи общественныхъ зданій—арсеналовъ, верфей, храмовъ,—которые аѳинянами строились роскошно и великолѣпно украшались. Въ ту пору у аѳинянъ вошло въ ненарушимое обыкновеніе и стало какъ бы для всѣхъ понятнымъ дѣломъ, что гражданинъ долженъ жить для государства, и только имѣя въ виду такое воззрѣніе можно себѣ ясно представить эту демократію, которая не удовлетворялась даже и *выборнымъ* началомъ, и для занятія важнѣйшихъ должностей — для судовъ, для совѣта, для архонтства, — просто призывала гражданъ по *жребію*. Въ крайнемъ развитіи своемъ, эта демократія выработала наконецъ *законъ Эфіальта* (Эфіальтъ, въ Периклово время, стоялъ хотя и значительно ниже Перикла, но все же во главѣ передовой демократической партіи), по которому у ареопага, сохранившаго при началѣ во всемъ своемъ составѣ аристократическій характеръ, отнято было всякое вліяніе на политику и законодательство (460). Въ этомъ отношеніи обязанности ареопага перешли на избираемую по жребію комиссію *номофилаковъ* (стражей закона); вѣроятно, около того же времени учреждена была должность *софронистовъ*, которые должны были наблюдать за жизнью юношей.

Домашнее воспитаніе въ Аѳинахъ имѣло гораздо больше значенія, чѣмъ въ Спартѣ; чувствовался, однакоже, большой недостатокъ въ томъ благодѣтельномъ, нравственно-воспитательномъ вліяніи матери, которое видимъ теперь у современныхъ намъ народовъ: мать-аѳинянка лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ могла быть полезна подрастающему сыну въ чемъ бы то ни было, кромѣ указаній, касавшихся внѣшности. Тѣсныя, искреннія отношенія рѣдко существовали между супругами, и дѣтямъ почти не удавалось узнать семейную жизнь въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ теперь. Высшаго умственнаго развитія и образованія достигали женщины только въ томъ случаѣ, когда онѣ переходили за предѣлы обыденной нравственной жизни; и даже первый изъ аѳинянъ этого времени, Периклъ, за то счастье, которое приносила ему связь съ такою умною и высокообразованною подругою жизни, какъ Аспазія, уроженка Милета, долженъ былъ выносить тѣ плоскія и грязныя шутки, которыми осыпали Аспазію комики на сценѣ. Въ однообразіе жизни женщины-аѳинянки только жертвоприно-

Поминальное жертвоприношеніе. Изображеніе на аттической вазѣ.

шенія да иные религіозные обряды вносили нѣкоторое содержаніе и перемѣну; но по отношенію къ мужчинамъ, честная женщина была окружена идеальнымъ ореоломъ, какъ нѣчто далекое отъ реальной жизни, отъ всего обыденнаго и пошлаго, и ея вліяніе было велико и благодѣтельно. Какъ ни были непристойны представленія о богахъ, передаваемыя общераспространеннымъ миѳомъ, какъ ни кажется намъ отвратительна та распущенность, которая даетъ возможность комикамъ вышучивать этотъ міръ боговъ, лишь бы разсмѣшить публику — а все же нельзя не признать, что эти боги и служеніе имъ были нѣкотораго рода нравственною силою, и, можетъ быть, въ вѣкъ Перикла, болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ въ это время великіе писатели воспольз-



Аѳинянки, вступающія въ храмъ. Изъ горельефовъ Парѳенона.

зовались древнимъ миѳомъ о богахъ, какъ удобнѣйшимъ матеріаломъ и неизсякаемымъ источникомъ для своихъ драматическихъ твореній. У домашняго очага, на улицахъ и торжищахъ города, передъ каждымъ засѣданіемъ суда, каждымъ народнымъ собраніемъ, во всѣхъ проявленіяхъ общественной и домашней жизни,—всюду выступалъ рядомъ съ дѣйствительностью и этотъ міръ идеальныхъ образовъ и символическихъ олицетвореній; и такою связующею нитью проходили они черезъ всю жизнь человѣка, отъ колыбели и до могилы; съ представленіемъ объ этихъ богахъ грекъ вступалъ на корабль, бился въ битвѣ,—и каждаго, даже и самаго ничтожнаго, эти представленія переносили въ міръ духовный, хоть до нѣкоторой степени. Собственно же ученье школьное для аѳинянина не имѣло большого значенія, и кругъ его свѣдѣній былъ очень ограниченъ; въ особенности-же нѣчто въ родѣ нашего изученія основъ религіи было древнимъ совершенно неизвѣстно: религія была въ жизни, въ нравахъ, въ преданіяхъ... Весьма характерною чертою преподаванія было то, что кромѣ родного языка никому и въ голову не приходило языки иноземные изучать или нуждаться въ ихъ пониманіи; этимъ преимуществомъ пользовались только рабы,

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

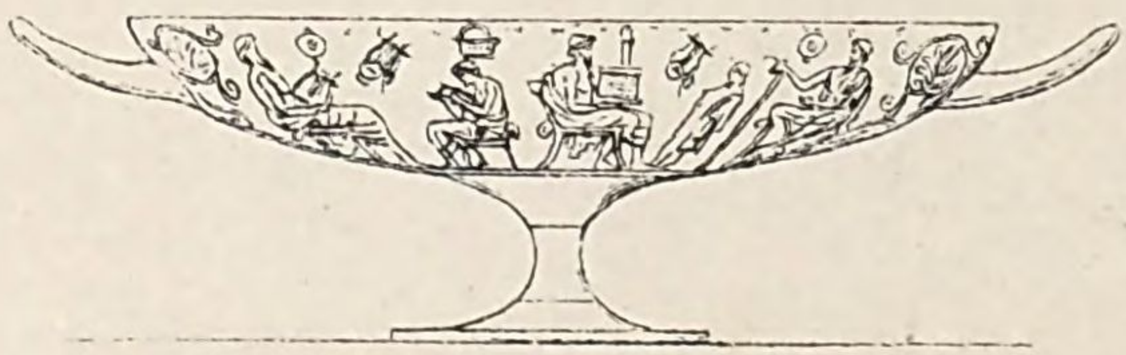
къ вазѣ Дуриса, съ изображеніемъ греческой школы.

Предлагаемое нами изображеніе находится на внѣшней сторонѣ греческой вазы превосходнаго стиля, хранящейся въ Берлинскомъ музеѣ. По работѣ она принадлежитъ знаменитому рисовальщику на вазахъ Дурису, и, помимо своего художественнаго совершенства, представляется еще особенно любопытною въ томъ смыслѣ, что даетъ намъ возможность заглянуть въ бытъ аттической школы. Домашній наставникъ изъ рабскаго сословія (на нашей вазѣ его не трудно узнать по длинной бородѣ, по его посоху и по довольно неизящной посадкѣ) привелъ своего питомца къ учителю и присутствуетъ на урокѣ.

Питомецъ, всюду сохраняющій по отношенію къ своему настоящему учителю приличное и вѣжливое положеніе, на одной половинѣ вазы обучается у молодого еще учителя письму; учитель, видимо, исправляетъ его ошибки на вощеной дощечкѣ; у того же учителя беретъ онъ урокъ и на флейтѣ. На другой сторонѣ вазы, у болѣе зрѣлаго мужчины, почтенной наружности, тотъ же питомецъ проходитъ школу высшихъ наукъ. Сначала видимъ, что учитель держитъ передъ нимъ свитокъ, содержащій въ себѣ начало неизвѣстнаго гомеровскаго гимна, конечно, для того, чтобы онъ могъ научиться читать его плавно и съ выраженіемъ; далѣе онъ, сидя, обучается игрѣ на лютнѣ, которая вполнѣ правильно почиталась гораздо болѣе трудною и болѣе совершенною, нежели игра на флейтѣ. Самое помѣщеніе школы изображено передъ нами, на античный ладъ, въ видѣ цѣлаго ряда предметовъ, которые либо служатъ пособіями при самомъ обученіи (какъ напр. лютни, свернутый свитокъ и вощеная дощечка), либо—для подкрѣпленія силъ учениковъ во время уроковъ (какъ напр. повѣшенныя на стѣнѣ чаши).

Рисунокъ внутри вазы, къ сожалѣнію, настолько поврежденный, что съ него нельзя было дать и снимка, представлялъ купающагося юношу.

Изображеніе на внѣшней сторонѣ вазы, представляющее греческую школу; работа художника Дуриса.



ОБЩІЙ ВИДЪ ВАЗЫ ДУРИСА.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ. Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

которые, живя въ Греціи, научались и греческому языку, кромѣ своего отечественнаго. Въ школахъ, гдѣ, сообразно климатическимъ условіямъ страны, ученье начиналось очень рано, мальчики научались чтенію, письму и счету; Гомеръ, давно уже сдѣлавшійся книгою изъ книгъ, былъ въ школахъ главнымъ руководствомъ для упражненій и главнымъ образовательнымъ средствомъ; преподавалась въ школѣ и музыка, въ видѣ игры на инструментѣ, подобномъ цитрѣ. О методѣ, о планѣ ученья, особенно же о теоретическомъ преподаваніи не было и рѣчи, и для того немногаго, что́ давала школа, нужно было еще находить время, среди тѣхъ разнообразныхъ тѣлесныхъ упражненій, которымъ юноши обучались въ трехъ гимназіяхъ города,—гдѣ юношеству аѳинскому приходилось учиться все-же гораздо болѣе, нежели юношеству спартанскому, на его плацахъ. Шестнадцатымъ годомъ заканчивалось для юноши общее образованіе, на-

Военный танецъ аттическихъ юношей, по греческому рельефу въ собраніи скульптуръ Ватикана.

сколько могла его дать школа. Однакоже, именно въ Периклово время стала сильно высказываться потребность въ высшемъ обученіи, и начала развиваться *софистика*, въ качествѣ учебнаго искусства, въ высшемъ значеніи этого слова.

Юности былъ положенъ предѣлъ въ видѣ первой воинской службы: юноша, «достигшій расцвѣта» (ефебе), долженъ былъ поступить на службу государства и два года нести ее въ гарнизонѣ одного изъ укрѣпленныхъ мѣстъ Аттики. Только тогда, когда онъ исполнилъ эту обязанность, его заносили въ *лексіархикон*ъ (списокъ) его общины, и тогда получалъ право посѣщать народное собраніе. Съ той поры, когда онъ начиналъ принимать участіе въ жизни государства, его воспитаніе считалось вполнѣ законченнымъ. Тутъ онъ имѣлъ возможность сообразить, долженъ-ли онъ посвятить себя призванію государственнаго дѣятеля, или избрать иную дорогу; дорога на службу государственную была открыта только тѣмъ, кто обладалъ нѣкоторымъ достаткомъ, такъ какъ только съ 30-го года были доступны каждому важнѣйшія почетныя должности въ его общинѣ. Для этихъ должностей — для службы при-

сяжными, или для работы въ совѣтѣ пятисотъ, рядомъ со множествомъ всякихъ комиссій и спеціальныхъ службъ—необходимо было и множество людей; такъ какъ, сверхъ того, у аѳинянъ была еще и внѣшняя политика, также требовавшая дѣятелей, то, при 20, много 30-ти тысячахъ полноправныхъ гражданъ, которыхъ слѣдуетъ предположить въ Аѳинахъ, мы можемъ думать, что, для большинства аѳинянъ домашняя жизнь была немыслима. Ремесла и мелкая промышленность, равно какъ и значительная доля крупной промышленности были въ рукахъ иноземныхъ «присельцевъ» или *метэковъ*, не обладавшихъ никакими гражданскими правами и исключительно заботившихся о своемъ заработкѣ; они платили умѣренную пошлину и выбирали себѣ *простата* или патрона изъ гражданъ, который былъ ихъ представителемъ передъ судомъ; эти метэки не всегда принадлежали къ эллинской національности. Впрочемъ, полноправное гражданство аѳинское, хотя и давало въ обществѣ положеніе привилегированное,—не было, однакоже, недостижимымъ; гражданство, такъ быстро идущее по пути прогресса, не могло обойтись безъ того, чтобы не дать льготныхъ правъ и иноземцамъ. Дарованіе этого права государство ставило въ зависимость отъ согласія гражданъ аѳинскихъ, а эти граждане—сыновья свободныхъ аѳинянъ и свободныхъ уроженокъ Аттики—составляли въ сущности аристократію, проникнутую сознаніемъ собственнаго достоинства не только по отношенію къ рабамъ, но и по отношенію къ союзникамъ. И дѣятельность этой аристократіи была такъ необходима и такъ существенно-важна, что геліастамъ, за исправляемую ими должность, давалось лишь весьма умѣренное жалованіе; то же производилось и по отношенію къ народнымъ собраніямъ, которыя становились все болѣе и болѣе частыми; за исполненіе гражданскихъ обязанностей по участію въ экклезіи получалось самое скромное вознагражденіе. Должно, однакоже, предполагать, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ Аттикѣ еще былъ очень великъ избытокъ силъ народныхъ, такъ какъ аѳиняне все еще продолжаютъ основывать важныя колоніи въ дальнихъ странахъ (въ 443 г. Турія въ Италіи, въ 437 Амфиполисъ на Стримонѣ); при такого рода выселеніяхъ вошло въ обычай, что выселенцы изъ Аѳинъ отдавали въ аренду принадлежавшій имъ участокъ городской земли, а сумму, получаемую въ видѣ арендной платы, прокучивали въ Аѳинахъ; изъ этого уже видно, какъ было выгодно принадлежать къ этой аристократической демократіи.

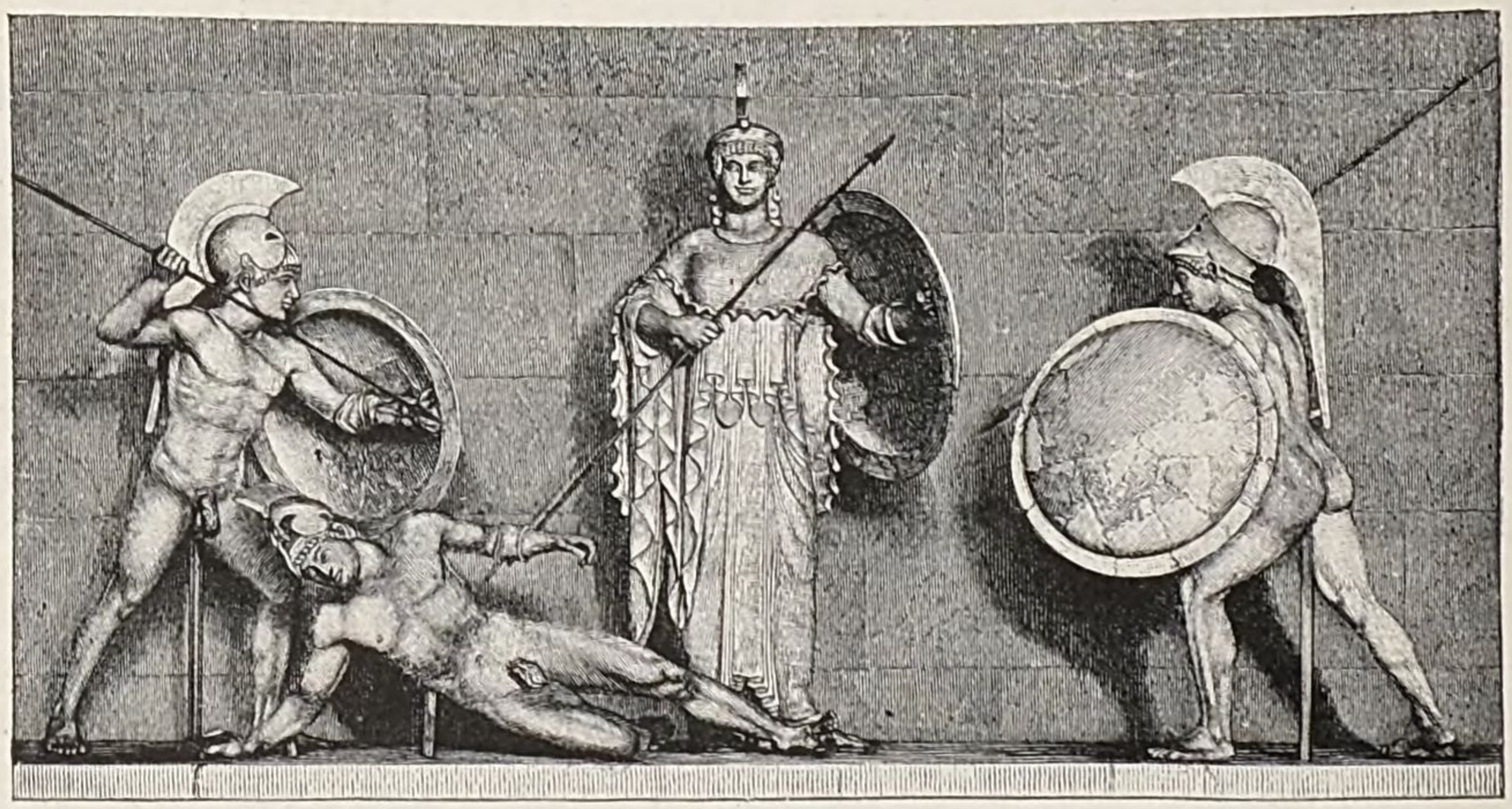
Искусство, литература и науки.

Большая война обрушилась на Элладу тогда, когда жизнь греческаго народа во всѣхъ его многочисленныхъ городскихъ центрахъ культуры была въ полномъ расцвѣтѣ, и всѣ искусства и науки уже успѣли благополучно преодолѣть первыя трудности и препятствія. Стоитъ только припомнить нѣсколько фактовъ, чтобы въ этомъ осязательнѣе убѣдиться и доказать, что аѳинская демократія довершила начатое тиранніей. Въ 620 г. былъ выстроенъ на Самосѣ храмъ Геры, въ томъ самомъ году, въ которомъ тираннъ Ѳеагенъ Мегарскій одарилъ свой народъ водопроводомъ; въ 548 г. сгорѣлъ до-тла храмъ Дельфійскій и на собранныя деньги былъ вновь отстроенъ, при чемъ изгнанный родъ Алкмеонидовъ внесъ главную долю въ складчину и это было ему поставлено въ за-

слугу. Около этого времени процвѣтала *Эгинская* школа искусствъ, по уцѣлѣвшимъ произведеніямъ которой зритель выноситъ такое впечатлѣніе, что остается еще сдѣлать одинъ рѣшительный шагъ, для достиженія верха совершенства. Когда въ 500 году рухнули подмостки, на которыхъ происходили представленія еще юнаго драматическаго искусства въ Аѳинахъ,—подмостки были замѣнены каменнымъ театромъ. Съ 628 г. имѣемъ свѣдѣнія о статуяхъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ (олимпіониковъ) и объ извѣстныхъ художникахъ, которые постепенно эти статуи совершенствовали: Агеладъ Аргосскій, Канахъ Сикіонскій, Антеноръ Аѳинскій; послѣдній изъ нихъ, въ 509 г., изваялъ статуи Гармодія и Аристогитона, убійцъ Гиппарха. На поприщѣ *поэзіи*, мы уже упоминали о богатой лирикѣ, смѣнившей эпическую поэзію. Цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей видимъ мы въ VI вѣкѣ: къ упомянутымъ уже причисляемъ мы элегика Мимнерма, баснописца Эзопа, Стезихора, Ивика, Анакреона, Симонида; Ѳеогнисъ, Фокилидъ, Гиппонаксъ, Эпихармъ; съ 511 выступаютъ на первый планъ писатели драматическіе, начиная съ *Фриниха*. И *наука* быстро пошла впередъ въ этомъ плодовитомъ VI вѣкѣ до Р. Х. Изъ Египта въ Элладу былъ принесенъ удобный письменный матеріалъ *папирусъ*, вскорѣ сдѣлавшійся одною изъ важныхъ статей торговли; проза стала вырабатываться; изреченія мудрецовъ, выводы строгаго естествознанія, съ трудомъ пріобрѣтенныя тѣми скудными средствами, какія иногда были въ рукахъ ученыхъ, свѣдѣнія о чужихъ земляхъ, которыя открывались любознательности и торговому духу народа, — уже не стали передаваться одною только рѣчью. Культура, которая выражалась въ писаныхъ книгахъ, удобныхъ для чтенія, и даже въ цѣлыхъ библіотекахъ,—была въ полномъ ходу; и между тѣмъ, какъ философы и писатели продолжали пользоваться связною рѣчью, какъ наиболѣе удобнымъ способомъ сообщенія и изложенія своихъ мыслей, — явилась уже цѣлая литература *логографій*, прозаическихъ сказаній народныхъ и историческихъ, и положено было даже основаніе *врачебной науки*, для которой многое было сдѣлано геніальнымъ врачемъ *Демокедомъ*; его жизнь, полная приключеній, случайно намъ извѣстна и можетъ служить характернымъ образцомъ жизни Эллина въ этотъ бурный и многообѣщающій періодъ.

Онъ родился въ Южной Италіи, въ городѣ Кротонѣ,—городѣ, который славился двумя особенностями, ничего не имѣющими между собою общаго: здѣсь воспитывались лучшіе борцы и гимнасты, и здѣсь же существовала цѣлая философская школа, примѣнявшая къ жизни свои воззрѣнія и стремленія. Здѣшніе философы были послѣдователями Самосскаго уроженца *Пиѳагора* и способствовали тому, что городъ Кротонъ прославился чистотою своихъ нравовъ, мудрымъ управленіемъ и благоустройствомъ. Когда Демокедъ поссорился со своимъ отцомъ, то убѣжалъ отъ него, и на Эгинѣ уже занимался врачеваньемъ, гдѣ-то еще ранѣе научившись врачебному искусству. Вскорѣ послѣ того онъ явился въ Аѳины, но тиранъ Самосскій Поликратъ переманилъ его къ себѣ, предложивъ ему два таланта ежегоднаго содержанія. Въ свитѣ Поликрата онъ совершилъ то гибельное путешествіе въ Магнезію, во время котораго этотъ замѣча-

тельный правитель былъ убитъ коварнымъ персидскимъ сатрапомъ Ороитомъ. Вмѣстѣ съ остальными рабами Поликрата и Демокедъ прибылъ въ Сузу, какъ вдругъ быстрое правосудіе Дарія покарало коварнаго сатрапа. Тутъ случилось однажды, что царь вывихнулъ себѣ на охотѣ ногу, и египетскіе врачи не только не помогли ему, а еще болѣе растравили его ногу своими сильными средствами. Придворные перетревожились и стали придумывать, какъ бы помочь дѣлу? Кто-то вспомнилъ Эллина-врача, о которомъ нѣкогда много говорили въ Сардахъ; посылаютъ за нимъ, отыскиваютъ его; въ печальной одеждѣ, связанный, былъ онъ приведенъ къ царю. Ему удается вылѣчить царя, который награждаетъ его двумя золотыми цѣпями, и вскорѣ находитъ, что этотъ врачъ ему необходимъ. У Демокеда всего оказывается вдоволь,—онъ удостоенъ высокой чести обѣдать за однимъ столомъ съ Даріемъ, онъ занимаетъ самое завидное поло-



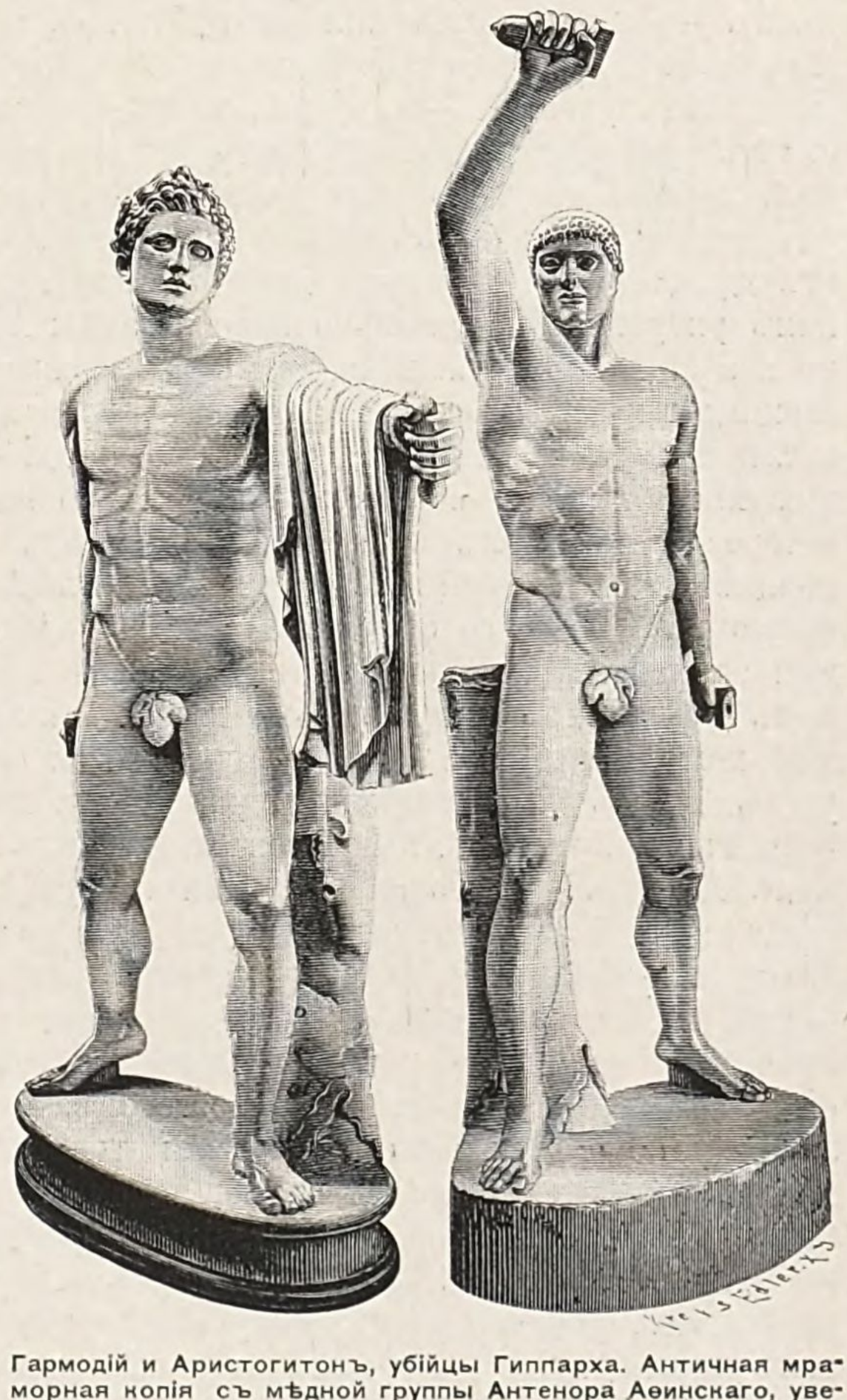
Средняя группа на фронтонѣ Эгинскаго храма Аѳины.

женіе въ царствѣ; но онъ—Грекъ, и для него весь этотъ блескъ не можетъ замѣнить блага свободы, непостижимой для Персовъ. Ему удалось такъ угодить первой изъ царскихъ женъ, Атоссѣ, дочери Кира, что та выхлопотала ему разрѣшеніе или порученіе—сопровождать персидскую экспедицію, посланную въ Грецію для развѣдокъ. При отъѣздѣ его, царь очень выразительно внушилъ своимъ Персамъ, чтобы они непремѣнно вернули ему этого дорогого человѣка, котораго онъ, сверхъ того, осыпалъ милостями. Въ Тарентѣ ему удалось ускользнуть отъ своихъ спутниковъ; ему посчастливилось однакоже достигнуть цѣли своихъ пламенныхъ желаній — своего родного Кротона, и когда Персы вздумали было его тамъ схватить, то имъ растолковали, что такъ не дѣлается въ эллинскомъ городѣ. Онъ окончилъ свою тревожную жизнь, какъ истый Эллинъ. Послѣ того, какъ онъ у себя на родинѣ добился почетнаго положенія и женился на дочери знаменитѣйшаго изъ кротонскихъ атлетовъ, Милона, онъ

былъ вовлеченъ въ политическія распри между аристократіею и демократіею—это неизбѣжное зло всѣхъ мелкихъ греческихъ государствъ—и былъ убитъ однимъ изъ своихъ политическихъ противниковъ.

Послѣ войны.

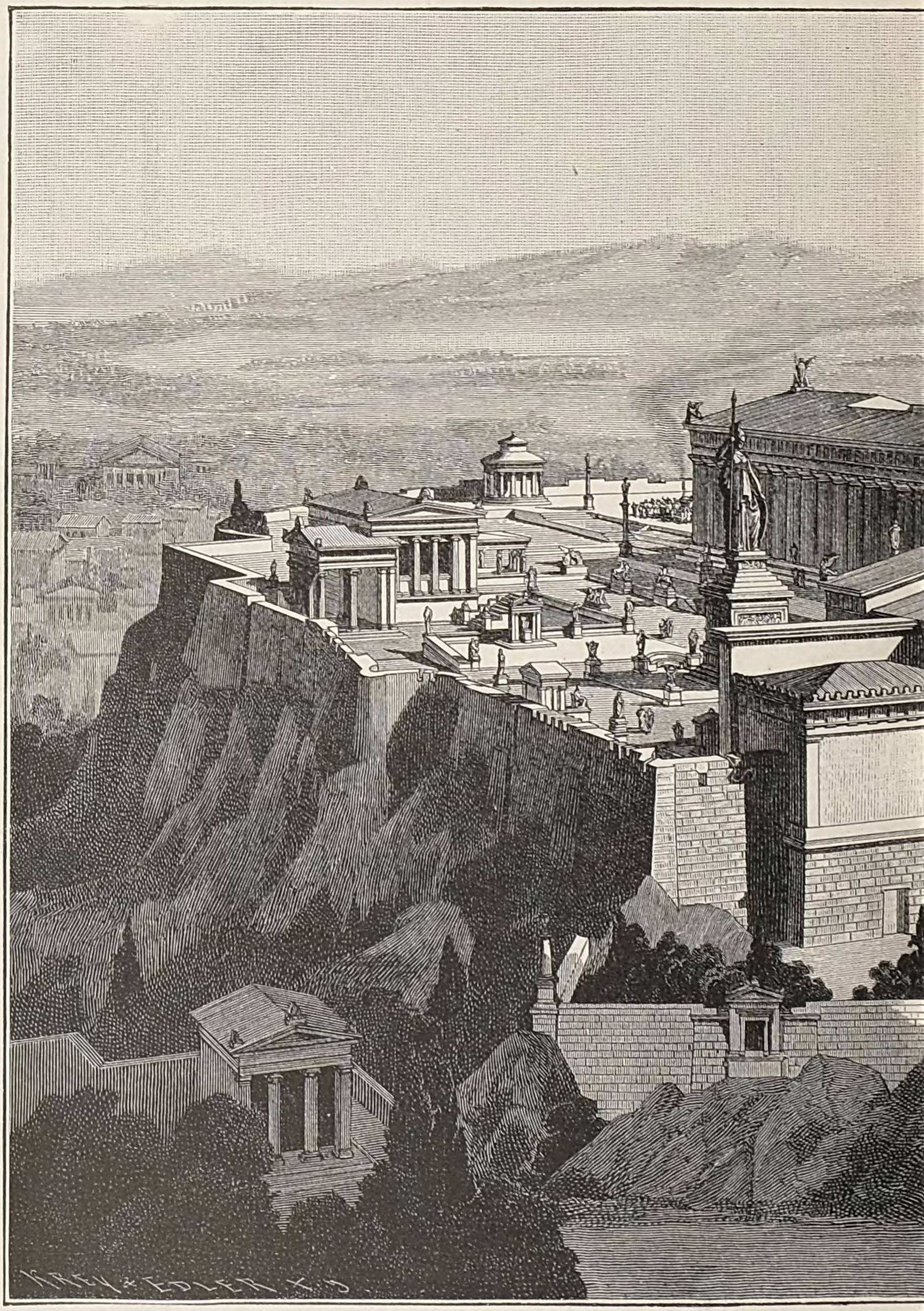
Опасеніе давно ожидаемаго грознаго столкновенія съ Персидскимъ царствомъ, та тяжелая атмосфера ожиданія, которая предшествовала грозѣ въ теченіе 500—480, 479 гг., нѣсколько замедлила и задержала полный расцвѣтъ умственной и художественной жизни Грековъ, и онъ наступилъ уже только послѣ побѣды при Платеѣ. И въ Греціи произошло то же, что и вездѣ: величавыя произведенія во всѣхъ областяхъ духовной жизни, явившіяся въ счастливый пятидесятилѣтній періодъ (отъ 480—430 гг.), стояли, конечно, въ связи съ одушевленіемъ войны и побѣды; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ художественный и умственный подъемъ стоялъ въ несомнѣнной зависимости и отъ подъема *матеріальнаго*, отъ усиленія промышленности и торговли, которыя внесли жизнь въ массу народа и послужили внѣшнимъ побужденіемъ къ развитію безпримѣрной творческой и художественной дѣятельности, которыя въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій во сто разъ умножили умственный и культурный капиталъ человѣчества. Большое вліяніе въ этомъ цвѣтущемъ періодѣ должны были оказать и милліарды персидской добычи: особенно много способствовало развитію этой дѣятельности то чувство безопасности, которое внушено было всѣмъ побѣдою на сушѣ и на морѣ. Масса денегъ вдругъ хлынула въ руки людей; а нравы-то были еще не испорчены, люди были трудолюбивы, довольствовались немногимъ, были физически крѣпки, воинственны; болѣе же всего поражаетъ насъ въ это время и



Гармодій и Аристогитонъ, убійцы Гиппарха. Античная мраморная копія съ мѣдной группы Антенора Аѳинскаго, увезенной Ксерксомъ въ Персію, въ видѣ военной добычи. Нынѣ въ Неаполѣ.

въ этомъ народѣ изумительное взаимодѣйствіе всѣхъ его силъ. Съ 480—432 г. въ Аѳинахъ и ихъ окрестностяхъ (слѣдовательно на пространствѣ одного изъ среднихъ по величинѣ швейцарскихъ кантоновъ) воздвигнуты были слѣдующія большія сооруженія: *Тезейонъ*—большой храмъ въ дорическимъ стилѣ; *Расписная палата* (460 г.), украшенная живописью Полигнота съ Тазоса и Микона Аѳинскаго; дивный *храмъ Аѳины*, на Акрополѣ; *Парѳенонъ*, начатый въ 448 и оконченный въ 438 г. Иктиномъ и Калликратомъ; *Пропилеи*, воздвигнутые Мнезикломъ въ 437—433 гг. Чрезвычайно замѣчательное описаніе Аѳинъ, хотя и относящееся къ гораздо болѣе позднему времени, сохранилъ намъ одинъ изъ греческихъ ученыхъ—Павзаній, жившій во II в. по Р. Х. Съ любопытствомъ осматривая многочисленные памятники Аѳинъ, еще уцѣлѣвшіе во всей красотѣ своей со временъ Перикла, онъ съ восторгомъ описываетъ ихъ, сообщая о каждомъ все то, что́ могъ собрать отъ мѣстныхъ жителей, отъ жрецовъ при храмахъ, даже отъ женщинъ. Картина, которую онъ намъ рисуетъ, дѣйствительно поразительна; Аѳины, уже полуразрушенныя, но все еще переполненныя дивными произведеніями искусства и безчисленными памятниками краснорѣчивой древности, и спустя семьсотъ лѣтъ послѣ Периклова вѣка все еще производили на ученаго эллина чарующее впечатлѣніе: — по этому впечатлѣнію можно судить о томъ обаяніи, которое производилъ этотъ дивный городъ въ періодъ своего полнаго процвѣтанія. Павзаній описываетъ намъ Аѳины отъ самаго вступленія своего въ городъ, со стороны Пирея, отъ тѣхъ гробницъ именитыхъ мужей аѳинскихъ, которыя съ этой стороны возвышались по обѣимъ сторонамъ дороги, до великолѣпныхъ храмовъ и зданій, окружавшихъ священный холмъ Акрополя. Онъ ведетъ насъ за собою по широкимъ улицамъ, уставленнымъ безконечными рядами бронзовыхъ изображеній, воздвигнутыхъ въ честь героевъ, полубоговъ и великихъ людей древности; описываетъ намъ Пританей съ его серебряными статуями; подробно говоритъ о фрескахъ, передающихъ отдѣльные эпизоды Троянской войны и Марѳонской битвы на стѣнахъ Расписной палаты; разсказываетъ съ изумленіемъ о храмѣ Зевса, украшенномъ ста-двадцатью столпами изъ фригійскаго и ливійскаго мрамора, о превосходныхъ статуяхъ, вставленныхъ въ ниши его, украшенныя алавастромъ и золотомъ. Отъ Пританея, по пути, окаймленному по обѣ стороны бронзовыми треножниками, онъ ведетъ насъ къ древнему храму Діониса и къ обширному театру, обставленному мраморными изваяніями авторовъ трагедій и комедій; дивится громаднымъ позлащеннымъ головамъ Медузы и Горгоны, художественно изображеннымъ на щитахъ, украшающихъ стѣну между театромъ и Акрополемъ, и затѣмъ переходитъ къ описанію этой священной твердыни Аѳинъ, заключавшей въ себѣ важнѣйшія святилища и святыни города и дивныя сокровища искусства, принадлежавшія вдохновенному рѣзцу Фидія и Праксителя. Павзаній особенно восторгается входомъ въ Акрополь, украшеннымъ конными статуями неизвѣстныхъ ему всадниковъ. «Этотъ входъ»—говоритъ онъ—«покрытъ бѣлымъ мраморомъ, который, какъ размѣрами своими, такъ и украшеніями, превосходитъ все изящнѣйшее изъ видѣннаго мною». Чрезвычайно любопытно то, что Павзаній подробно описываетъ

Эрехѳейонъ.



ОБЩІЙ ВИДЪ ДРЕВНЯГО А
По проекту возстановленія

Пароенонъ.

Пропилеи. Храмъ Аѳины-Побѣдительницы.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

го АѲИНСКАГО АКРОПОЛЯ.
нія развалинъ Г. Рэлендера.

намъ знаменитое (причислявшееся тогда къ чудесамъ свѣта) изображеніе Аѳины-Паллады, изваянное въ колоссальномъ видѣ Фидіемъ изъ золота и слоновой кости, и исчезнувшее безслѣдно во время одного изъ аѳинскихъ разгромовъ. «Статуя богини сдѣлана изъ золота и слоновой кости; посреди шлема ея видимъ изображеніе сфинкса; богиня облечена въ длинную одежду, покрывающую даже самыя ноги ея. На груди Аѳины находится Медузина голова, изваянная изъ слоновой кости. Около богини статуя Побѣды, почти 4-хъ локтей въ вышину. Аѳина въ рукахъ держитъ копье; около ногъ ея поставленъ щитъ, а внизу, близъ копья, извивается змѣй». Одновременно съ Аѳинами, горячая, неутомимая строительная дѣятельность проявилась вездѣ: великолѣпныя постройки въ Сицилійскомъ Акрагасѣ, храмъ Аполлона въ Фигалеѣ, Телестріонъ въ Элевзисѣ—относятся къ этому же времени; а въ 432 г. былъ законченъ храмъ Зевса въ Олимпіи, для котораго величайшій изъ художниковъ того времени, *Фидій*, изваялъ статую Зевса, почитаемую за совершеннѣйшее произведеніе древней пластики *). Рядомъ съ нимъ дѣйствовали его ученики—*Алкаменъ*, съ произведеніями котораго насъ познакомили въ послѣднее время раскопки въ Олимпіи, и *Агоракритъ*; заслуживаютъ упоминанія и его соперники: *Поликлейтъ* Аргосскій и *Миронъ* Элевѳерійскій (изъ Віотіи). Отъ Фидія еще сохранились намъ весьма значительные остатки его произведеній, нѣкогда украшавшихъ Парѳенонъ. Стоитъ сравнить совершеннѣйшія произведенія ассирійскаго и египетскаго искусствъ съ этими безпощадно изуродованными остатками цвѣтущаго періода искусствъ въ Греціи, чтобы убѣдиться въ громадномъ прогрессѣ, который былъ сдѣланъ Греками и въ особенности ясно бросается намъ въ глаза въ этой области искусства, хотя и вообще выказался во всѣхъ областяхъ творчества, какъ откровеніе новаго умственнаго принципа. На глубокое соотношеніе высшаго, идеальнѣйшаго въ одной вѣтви искусства, съ высшимъ въ другой — указываетъ намъ разсказъ о томъ, какъ Фидій, создавая своего Зевса Олимпійскаго, припоминалъ тѣ стихи изъ Иліады, въ которыхъ Гомеръ представляетъ намъ этого бога въ бесѣдѣ съ Ѳетидою, умоляющею его даровать славу ея сыну Ахиллу, этому первообразу всѣхъ эллинскихъ героевъ. И вотъ то, что силою своего творческаго таланта поэтъ возсоздавалъ въ своемъ воображеніи задолго до Фидія, было здѣсь живо представлено Фидіевымъ рѣзцомъ. Но въ этотъ блестящій періодъ и сама поэзія, въ иномъ смыслѣ, стала оживотворять свои образы, и этимъ путемъ производить такое глубокое впечатлѣніе на современное общество, какого никогда не удавалось достигнуть и самому Гомеру.

Драматическія представленія были уже въ это время главною составною частью Діонисіевыхъ празднествъ. Заслуживаетъ вниманія то, что и къ этой области искусства былъ примѣненъ принципъ состязанія, котораго мы нигдѣ не видѣли на Востокѣ, между тѣмъ какъ въ Греціи вездѣ, въ особенности на празднествахъ народныхъ, состязанія всякаго рода занимаютъ главное мѣсто. Знаменитые писатели добивались полученія тѣхъ наградъ, которыя ежегодно были назначаемы отъ государства. Въ Драма.

*) Тотъ же Фидій, въ 440 г., изваялъ для Парѳенона громадную статую Аѳины.

484 г. на этомъ поприщѣ одержалъ первую свою побѣду *Эсхилъ* (род. 525 г. въ Элевзисѣ); въ 468 году надъ нимъ уже одержалъ побѣду болѣе молодой поэтъ, *Софоклъ;* третій, хотя и упоминаемый рядомъ съ ними, но гораздо ниже ихъ стоящій, *Эвриидъ* (онъ родился, кажется, въ день Саламинской битвы), одержалъ первую побѣду на состязаніи 441 г. Если мы примемъ въ соображеніе, что Эсхилъ оставилъ намъ 90 пьесъ, что Софоклу, достигнувшему глубокой старости, приписываютъ 113, и что александрійскіе ученые еще обладали 72 трагедіями Эсхила, то мы можемъ себѣ представить, какъ богато было то время умственною дѣятельностью, даже если мы возьмемъ только одну эту сторону аѳинской духовной жизни. На самомъ же дѣлѣ, надо сказать, что и поэты на аѳинской почвѣ были

Парѳенонъ въ Акрополѣ аѳинскомъ. Въ его нынѣшнемъ состояніи.

поставлены чрезвычайно благопріятно. Тотъ матеріалъ, который представляли поэтамъ сказанія о ихъ народныхъ богахъ и герояхъ, былъ и неисчерпаемъ, и удоборастяжимъ. Этотъ матеріалъ былъ уже разработанъ и въ живой былинѣ, и въ наивномъ народномъ изложеніи, и въ передачѣ поэтовъ, и даже въ пластикѣ настолько, насколько желательно для драматическаго поэта; а, притомъ, и каждому въ народѣ этотъ матеріалъ былъ настолько знакомъ, что зритель или слушатель уже съ полуслова схватывалъ и усвоивалъ себѣ мысль поэта. Появленіе божественныхъ существъ въ этихъ драмахъ никого не могло удивить: авторъ возвышалъ значеніе дѣйствія, и не только не оскорблялъ, но даже и не затрагивалъ нравственнаго чувства, выводя на сцену Эвменидъ, Океанидъ, Аполлона или титана Прометея. Только высшаго изъ боговъ, самого Зевса, авторы не выводили на сцену по естественному чувству религіознаго

ВНУТРЕННОСТЬ ЗЕВСОВА ХРАМА ВЪ ОЛИМПІИ, СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ЗЕВСА, РАБОТЫ ФИДІЯ.

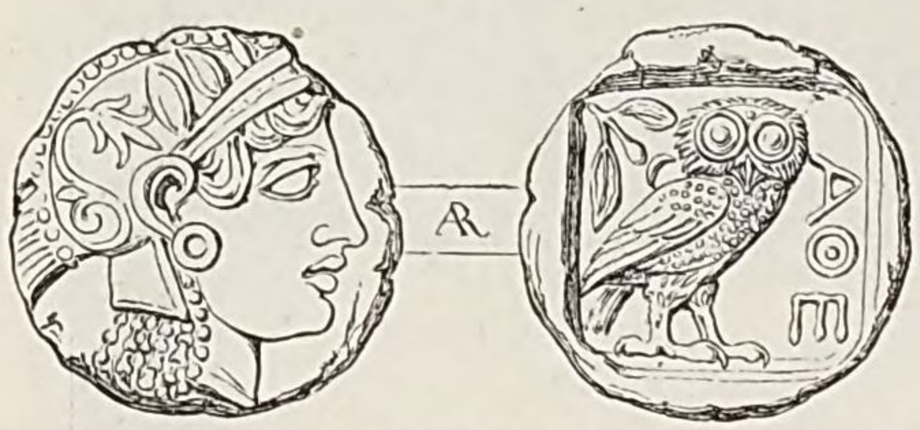
Проектъ возстановленія, составленный Г. Рэлендеромъ.

такта—и это также симптомъ немаловажный. Для діалога избрана была чрезвычайно удобная форма ямбическаго триметра, мало стѣснявшаго свободу языка, и все же достаточно возвышавшаго рѣчь надъ уровнемъ обыденной дѣйствительности. Идеальный элементъ драмы былъ еще значительно усиленъ особеннымъ искусственнымъ средствомъ — участіемъ *хора*, который, не вникая глубоко въ драматическое дѣйствіе, служилъ, однакоже, какъ бы посредникомъ между дѣйствіемъ, происходившимъ на сценѣ, и зрителями, заставляя ихъ смотрѣть на дѣйствіе глазами дѣйствующихъ лицъ и живѣе испытывать всѣ ощущенія, волновавшія ихъ на сценѣ. Но этотъ миѳологическій элементъ былъ, однакоже, настолько силенъ, что, увлекая фантазію въ міръ сверхъестественный, дѣлалъ возможными на сценѣ даже такіе мотивы (напр. въ сагѣ объ Эдипѣ), которые теперь показались-бы невыносимыми; а съ другой стороны — дозволялъ автору (какъ напр. Эсхилу, въ его «Персахъ») облекать въ драматическую форму событія изъ самаго недавняго прошлаго. Миѳологическое покрывало, которое легко было накинуть на любой сюжетъ, до нѣкоторой степени отнимало у сюжета реальную подкладку и какъ бы одухотворяло его. Притомъ же и театръ еще не снизошелъ до обычной разговорной формы: представленія происходили рѣдко, и при Діонисіевыхъ празднествахъ были одной изъ частей, входившихъ въ составъ религіознаго обряда; уже самое это значеніе ихъ вызывало въ публикѣ такое настроеніе, о какомъ мы не можемъ имѣть понятія при современныхъ театральныхъ представленіяхъ; къ этому прибавлялся еще интересъ, возбуждаемый состязаніемъ авторовъ, которые иногда вызывали ожесточенную борьбу между зрителями, раздѣлявшимися на партіи. Только сообразивъ всѣ эти условія, мы можемъ постигнуть, какъ могла публика въ аѳинскомъ

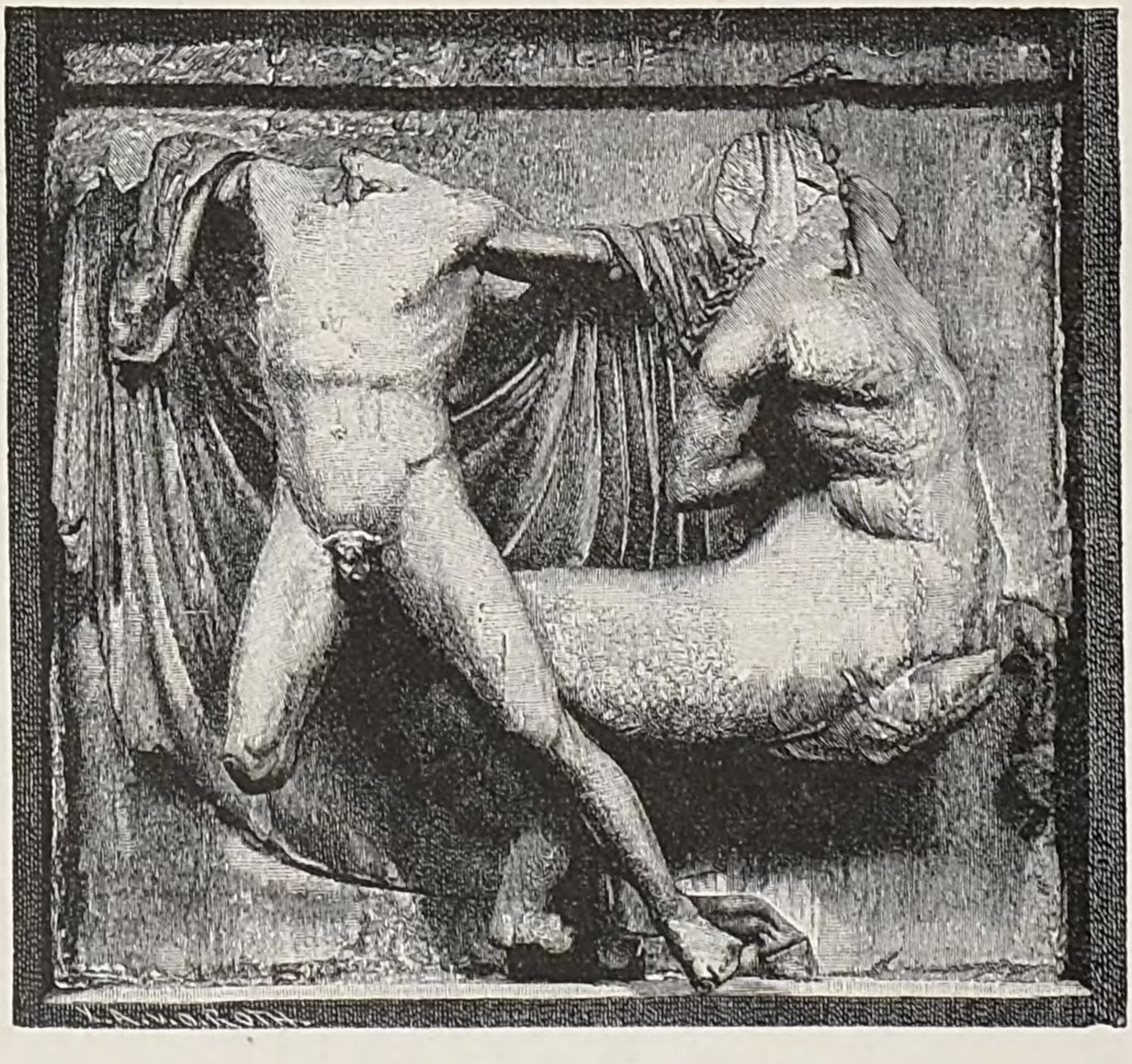
Аѳина Парѳеносская. Въ этой статуэткѣ пентелійскаго мрамора, отрытой въ Аѳинахъ въ 1880 г., слѣдуетъ видѣть копію съ Фидіева колоссальнаго изображенія богини въ Парѳенонѣ.

ВНУТРЕННЕЕ СВЯТИЛИЩЕ ПАРѲЕНОНА, СО СТАТУЕЙ АѲИНЫ, РАБОТЫ ФИДІЯ.
Проектъ возстановленія, составленный Г. Рэлендеромъ.

театрѣ высидѣть все время, потребное на представленіе многихъ трилогій, одна за другою являвшихся на сценѣ, при чемъ для необходимаго успокоенія и приправленія ощущеній употребляли довольно наивный, но и весьма дѣйствительный способъ: вслѣдъ за трагедіями, давали обыкновенно сатирическую сценку, шутовскую интермедію съ пляской, почерпая сюжетъ ея изъ того же круга сказаній, къ которому принадлежала трилогія. Эсхилъ и Софоклъ, вмѣстѣ взятые, достаточно характеризуютъ богатство драматической литературы этого времени; болѣе ихъ молодой Эврипидъ показываетъ намъ, какъ обыденные таланты пользовались этимъ богатствомъ, какъ они его опошливали, какъ расточали, разбрасывали и какъ злоупотребляли имъ. Эсхилъ—старѣйшій изъ всѣхъ драматурговъ,



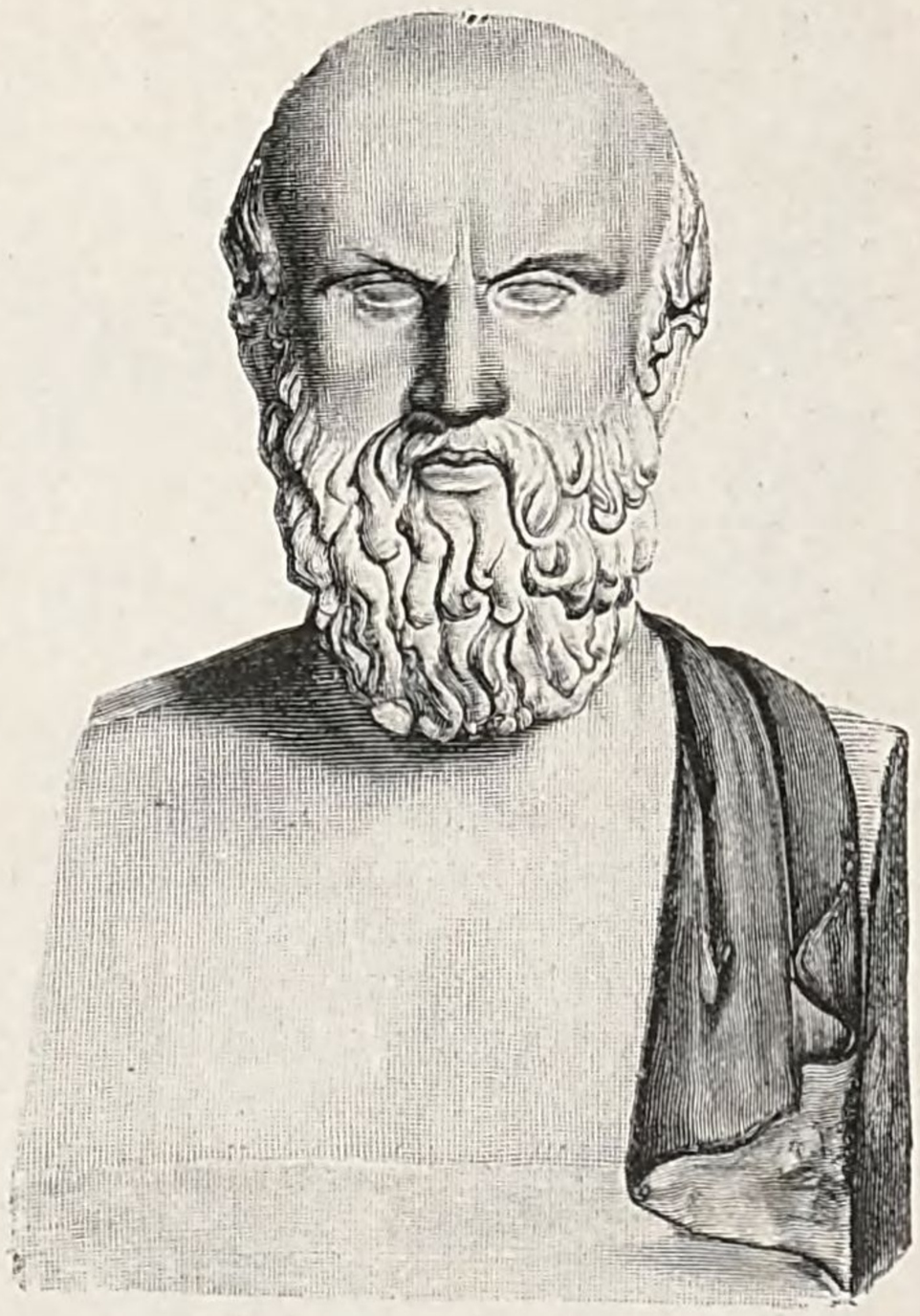
Аѳинская тетрадрахма. Въ берлинскомъ мюнц-кабинетѣ. Лицевая сторона: голова Аѳины; на оборотѣ: сова съ масличной вѣтвью и три начальныя буквы названія города: A, Θ, E.



Изъ украшеній Парѳенона.
Двадцать седьмая метопа, изображающая сцену изъ боя Кентавровъ съ Лапитами.
Оригиналъ нынѣ въ Лондонѣ.

одинъ изъ «бойцовъ Мараѳонскихъ», какъ называли сами Греки суровыхъ героевъ этого времени, которое вскорѣ стало имъ чуждымъ и не вполнѣ понятнымъ. Погружаясь въ величавый міръ боговъ первобытнаго

времени, съ нѣкотораго рода мистическимъ настроеніемъ, Эсхилъ постоянно борется съ мыслью, для которой не всегда находитъ подходящее выраженіе; слѣдя за его драмами, мы невольно спрашиваемъ себя: для кого, собственно, были сочинены хоры въ его драмахъ, такъ какъ большинство зрителей никакъ не могло ихъ понять вполнѣ, а читающая публика тогда еще только начинала развиваться. Повидимому, этотъ великій и строгій писатель уже не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ въ Аѳинахъ Периклова времени; но едва-ли его удаленіе изъ Аѳинъ стояло въ связи съ появленіемъ на сценѣ его величавой трилогіи,—Агамемнонъ, Коэфоры, Эвмениды,—которая явилась какъ бы отвѣтомъ на демократическія новшества 460 г. Въ концѣ этой трилогіи онъ выставляетъ древній ареопагъ въ полномъ значеніи и величіи учрежденія, глубоко сросшагося съ жизнью народа. Вскорѣ послѣ того, онъ покинулъ Аѳины и два года спустя умеръ въ Гелѣ, въ Сициліи. Его младшій современникъ, Софоклъ, всегда представляется намъ болѣе близкимъ, потому что онъ даетъ намъ прекрасное въ болѣе легкой, ясной и доступной формѣ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ смертнымъ, которымъ судьба доставляетъ возможность спокойно излить всю полноту своего генія въ цѣломъ рядѣ своихъ художественныхъ произведеній. Его долгая жизнь совпадаетъ съ блестящимъ періодомъ въ жизни его народа; родившись во времена Марѳонской битвы, онъ умеръ въ глубокой старости, въ тотъ самый годъ, когда Аѳины торжествовали свою послѣднюю побѣду въ гибельной войнѣ. Его драмы понимаются нами безъ всякаго труда, потому что діалогъ, дѣйствіе—сдѣлались уже въ его время важнѣйшею частью драмы, а хоръ былъ поставленъ въ гармоническое соотношеніе съ драматическимъ дѣйствіемъ. Вполнѣ ясный языкъ прекрасно передаетъ идеи Софокла, глубокія, но не заключающія въ себѣ ничего мистическаго; ничто не можетъ быть яснѣе, понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательнѣе, какъ, напр., въ «Антигонѣ» это противуположеніе государственнаго права и дочерней обязанности, писаннаго и неписаннаго закона, которое и приводитъ, наконецъ, къ столкновенію. Нельзя не упомянуть и о томъ, что самыя внѣшнія условія, при которыхъ эти пьесы ставились на сцену, были весьма разумны и не слишкомъ уклонялись отъ естественности; авторъ самъ



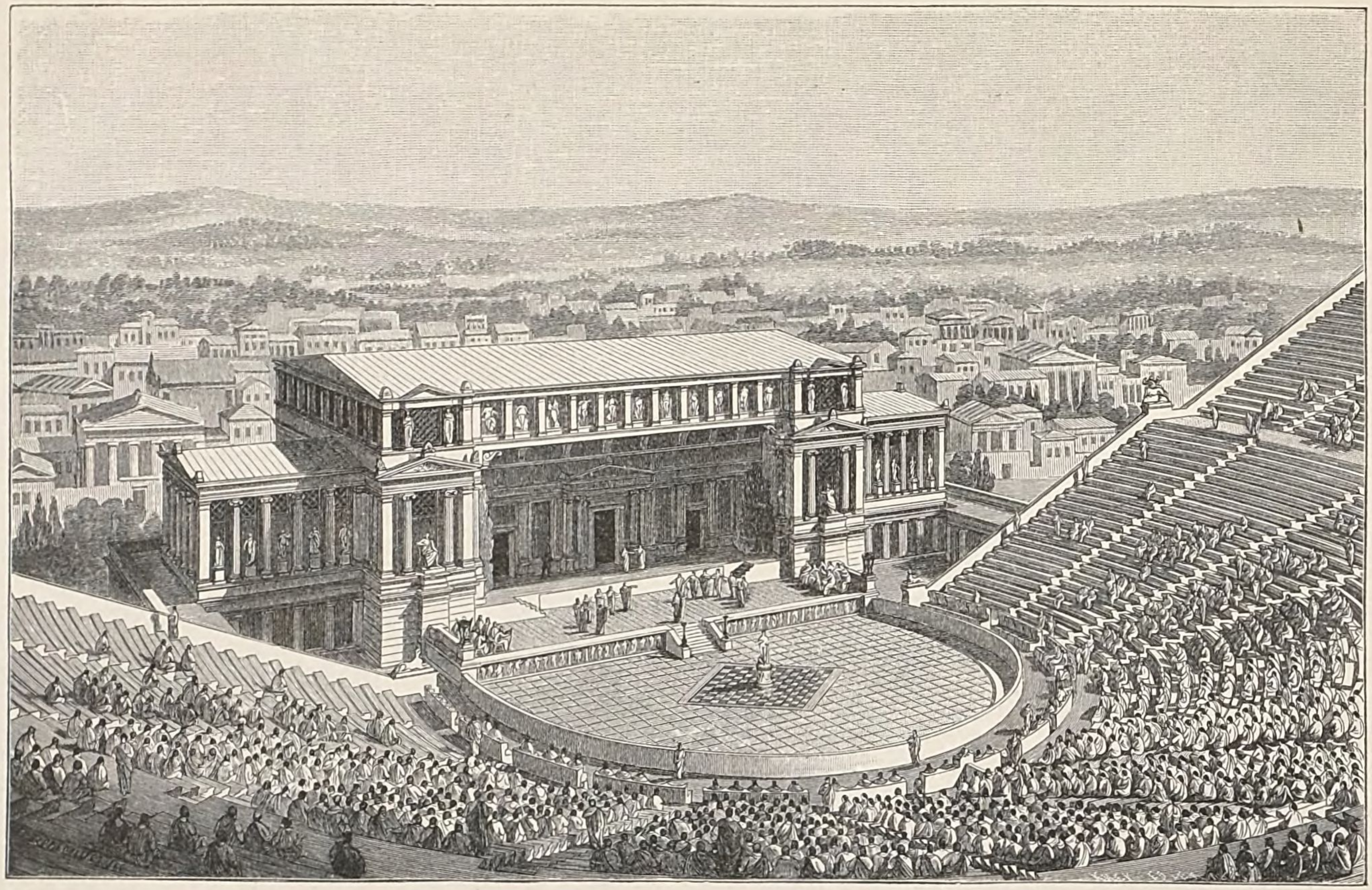
Эсхилъ. Бюстъ въ Ватиканѣ.

наблюдалъ за постановкою своей пьесы; хорами завѣдывали богатые, именитые граждане, которые принимали на себя почетную обязанность *хорэговъ* (руководителей хора); роли въ драмахъ исполнялись хотя и не диллетантами, но тогда еще и не присяжными актерами; и сцены, и мѣста для зрителей тогда еще были устроены очень просто, и очень мало способствовали иллюзіи—предоставляя воображенію зрителей дополнять дѣйствіе; и публика была не та, что теперь посѣщаетъ театръ—не все знать и чернь, и не все энтузіасты, любители или люди, не знающіе, чѣмъ себя развлечь... Публику составлялъ дѣйствительно *весь народъ*, который, однакоже, обладалъ въ самомъ широкомъ смыслѣ весьма тонкимъ и естественнымъ развитіемъ, своего рода нравственнымъ аристократизмомъ. И денежный вопросъ, вопросъ гонорара, былъ обойденъ чрезвычайно деликатно: онъ сводился къ довольно значительному, почетному вознагражденію въ видѣ жалованья, которое совѣтъ отъ имени народа выплачивалъ побѣдителю.

Эврипидъ. Мраморная статуя въ Ватиканѣ.

Всѣ отлично сознавали, что драматическія произведенія должны оказывать сильное вліяніе на духъ народа; вотъ почему, напр., на Фриниха была наложена пеня въ 1,000 драхмъ за то, что онъ позволилъ себѣ избрать сюжетомъ трагедіи, предназначенной для народа, такое горестное и возмутительное событіе, какъ взятіе Милета Персами въ 494 г. По замѣчанію одного изъ тончайшихъ умовъ этого, столь богатаго талантами времени, «*писатели для взрослыхъ то же, что учителя для юношей*»; и если мы уже знаемъ изъ предыдущаго, что Гомеръ и Гезіодъ создали для Грековъ образы божествъ, придали форму и опредѣленность ихъ еще грубымъ религіознымъ представленіямъ, то объ Эсхилѣ и Софоклѣ можно сказать, что они этому гомеровско-гезіодовскому міру боговъ и тѣмъ народнымъ представленіямъ, которыя были съ нимъ связаны, придали болѣе глубокое нравственно-религіозное содержаніе или извлекли изъ нихъ и раз-

Софоклъ. Мраморная статуя въ Ватиканѣ.



ОБЩІЙ ВИДЪ ДРЕВНЯГО ТЕАТРА ДІОНИСА ВЪ АѲИНАХЪ.
По проекту возстановленія развалинъ Г. Рэлендера.

вили ихъ нравственную сущность. Эсхилъ и Софоклъ и всѣ современные имъ творческіе умы, работавшіе въ другихъ областяхъ искусства и науки, несомнѣнно имѣютъ за собою то достоинство, что еще нѣсколько позадержали развитіе критики у этого народа, одареннаго необычайно яснымъ разумѣніемъ и наклоннаго къ скептицизму, и дали ему, въ періодъ его полной зрѣлости, полезный и цѣлительный противовѣсъ въ своихъ произведеніяхъ.

Историческое повѣствованіе.

Они раздѣляли это достоинство съ человѣкомъ, который былъ первымъ творцомъ перваго историческаго труда въ Греціи:—то былъ *Геродотъ Галикарнасскій*. Родившись еще персидскимъ подданнымъ, но Эллинъ по духу и по плоти, Геродотъ умѣлъ трезво и серьезно усвоить себѣ рѣзкую противуположность эллинства и варварства, и борьбу между Эллинами и варварами положилъ въ основу большого историческаго сочиненія, въ которомъ онъ собралъ результаты цѣлой жизни, проведенной въ путешествіяхъ и пытливыхъ изслѣдованіяхъ. Онъ уже вполнѣ ясно сознаетъ разницу между вымысломъ и исторіей, и потому доискивается истины, дѣйствительности; что религія Персовъ, въ противуположность греческой, придавала важное значеніе правдивости,— это было ему извѣстно и произвело на него глубокое впечатлѣніе; и онъ уже пользуется критикой для твердой установки факта, и проявляетъ замѣчательную справедливость въ своихъ заключеніяхъ о людяхъ и вещахъ. Почти можно сказать, что, въ пониманіи чуждыхъ національностей (Египтянъ, Персовъ и многихъ другихъ), онъ остался единичнымъ явленіемъ, и ни одинъ изъ послѣдующихъ греческихъ историковъ его не только не превзошелъ, но и не сравнялся съ нимъ въ этомъ отношеніи. Онъ нашелъ себѣ отечество въ Аѳинахъ, насколько подобный ему изслѣдователь можетъ имѣть отечество; умеръ онъ въ Туріяхъ (въ Южной Италіи), въ младшей изъ аѳинскихъ колоній, немного лѣтъ спустя послѣ начала злосчастной Пелопоннезской войны.

Геродотъ.

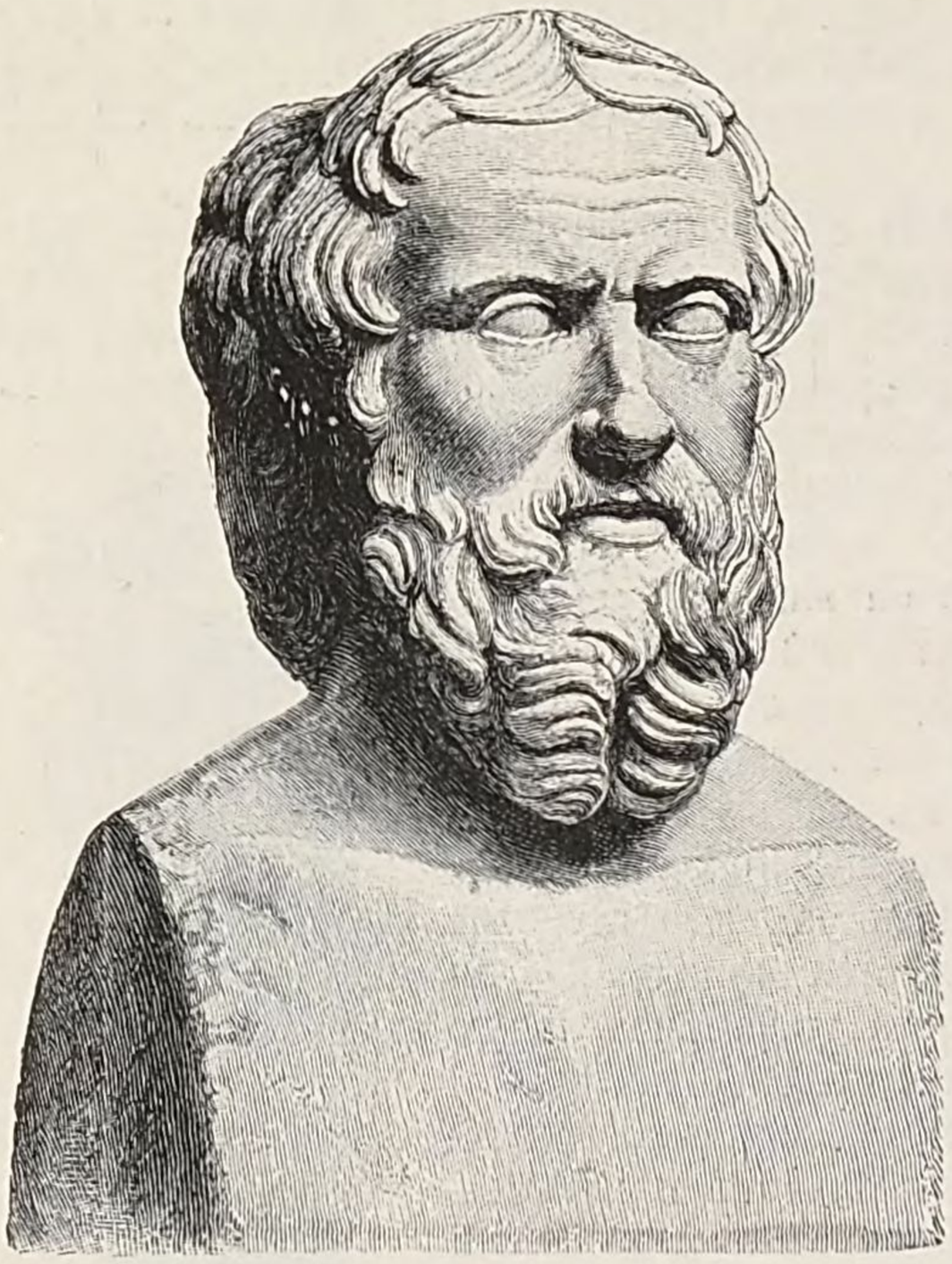
Трагическая фигура греческаго актера. Античная статуэтка изъ пестрой слоновой кости.

И философскія изслѣдованія, начавшіяся впервые въ Іоніи, не прекращались въ это время, полное независимости; по самому существу своему, разъ зародившись, этого рода изслѣдованія уже не могутъ быть остановлены. Наиболѣе замѣчательнымъ изъ философовъ въ этомъ вѣкѣ былъ *Анаксагоръ* Клазоменскій. Продолжая работу предшествовавшихъ ему изслѣдователей и доискиваясь «начала вещей»,—внѣ чувственныхъ ощущеній, внѣ «обмановъ зрѣнія и слуха»—стараясь опредѣлить сущность истиннаго бытія, онъ набрелъ на новое понятіе о всеобъемлющемъ духѣ, создавшемъ вселенную—понятіе, которое дало ему возможность выступить на новый путь изслѣдованій. Какъ смѣло шли этимъ путемъ изслѣдователи того времени, проникая до послѣднихъ границъ человѣческаго сознанія, это доказывается не только множествомъ великихъ мужей, про-

Философія.

славившихся въ періодъ 560—430 гг. (Пиѳагоръ, Зенонъ, Демокритъ, Эмпедоклъ, Парменидъ, Гераклитъ), но еще въ особенности тѣмъ, что тотчасъ по окончаніи этого періода, и даже еще въ концѣ его, явилось весьма оригинальное философское движеніе — *софистика*, ученіе радикальное, отвергающее всѣ религіозныя традиціи и гипотезы. Первые представители этого ученія— *Горгій* Леонтинскій и *Продикъ* Кеосскій—еще принадлежали вѣку Перикла.

Общее впечатлѣніе. Рѣчь Перикла.



Геродотъ. Бюстъ въ Неаполѣ.

Всѣ эти столь разнообразныя стремленія отражались въ *Аѳинахъ*, какъ въ общемъ фокусѣ. Анаксагоръ былъ учителемъ, Фидій другомъ Перикла, и Геродотъ, читавшій въ Аѳинахъ въ 445 г. свой историческій трудъ или, скорѣе, нѣкоторыя части его и подготовительныя къ нему работы, тоже принадлежалъ къ числу горячихъ поклонниковъ знаменитаго государственнаго мужа. Одновременно съ ними были живы и находились въ цвѣтѣ силъ Эсхилъ и Софоклъ, и множество выдающихся людей, второстепенныхъ и третьестепенныхъ, во всѣхъ областяхъ искусства и знанія; а среди подрастающаго поколѣнія было опять-таки не мало высокоталантливыхъ людей. Аѳины того времени были дѣйствительно умственнымъ центромъ Греціи, а всѣ красоты города, всѣ художественныя сооруженія, великолѣпіе театральныхъ и музыкальныхъ представленій, праздничныхъ шествій и процессій—все это служило могущественнымъ средствомъ къ объединенію эллинскаго народа, для котораго Аѳины должны были явиться столицею. Его политическія мысли дошли до насъ въ видѣ той рѣчи, которую онъ держалъ нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ начала рѣшительной борьбы со Спартой, давно ожиданной Периклом. Своею рѣчью онъ почтилъ первенцевъ между павшими въ этой войнѣ. Но рѣчь его стоитъ въ такомъ полномъ соотвѣтствіи съ политическимъ сознаніемъ современныхъ Периклу Аѳинъ; такъ полно выражаетъ сущность всего, пріобрѣтеннаго человѣчествомъ до этого періода, что мы должны привести здѣсь важнѣйшія мѣста изъ нея. Ораторъ, обращаясь въ своей рѣчи къ согражданамъ и родственникамъ павшихъ, утѣшаетъ ихъ напоминаніемъ, «за какой городъ» эти мужи пошли на смерть. «Начну съ предковъ», такъ говоритъ Периклъ,—«и справедливо, и вполнѣ при-

стойно въ данномъ случаѣ воздать имъ честь признательнаго воспоминанія. Предки наши, въ непрестанномъ чередованіи другъ за другомъ слѣдующихъ поколѣній, въ этой странѣ жили, и мужествомъ, и храбростью своею съумѣли донынѣ сохранить намъ страну независимою. И такъ, они достойны похвалы — и еще болѣе ея достойны наши отцы; они, ко всему, что отъ предковъ получили, пріобрѣли еще то выдающееся политическое положеніе, которымъ мы пользуемся, пріобрѣли не безъ труда, и передали его нынѣ живущимъ». ...«Дальнѣйшее», такъ продолжалъ онъ съ понятною гордостью,— «къ ихъ пріобрѣтенью добавили мы сами, мы, стоящіе въ расцвѣтѣ жизни, и эту жизнь во всѣхъ отношеніяхъ такъ устроили, что она и въ войнѣ, и въ мирѣ одинаково находитъ себѣ полное удовлетвореніе»... «Городъ нашъ не нуждается въ подражаніи другимъ въ своихъ законахъ; онъ самъ можетъ служить образцомъ для всѣхъ другихъ: демократія наша,

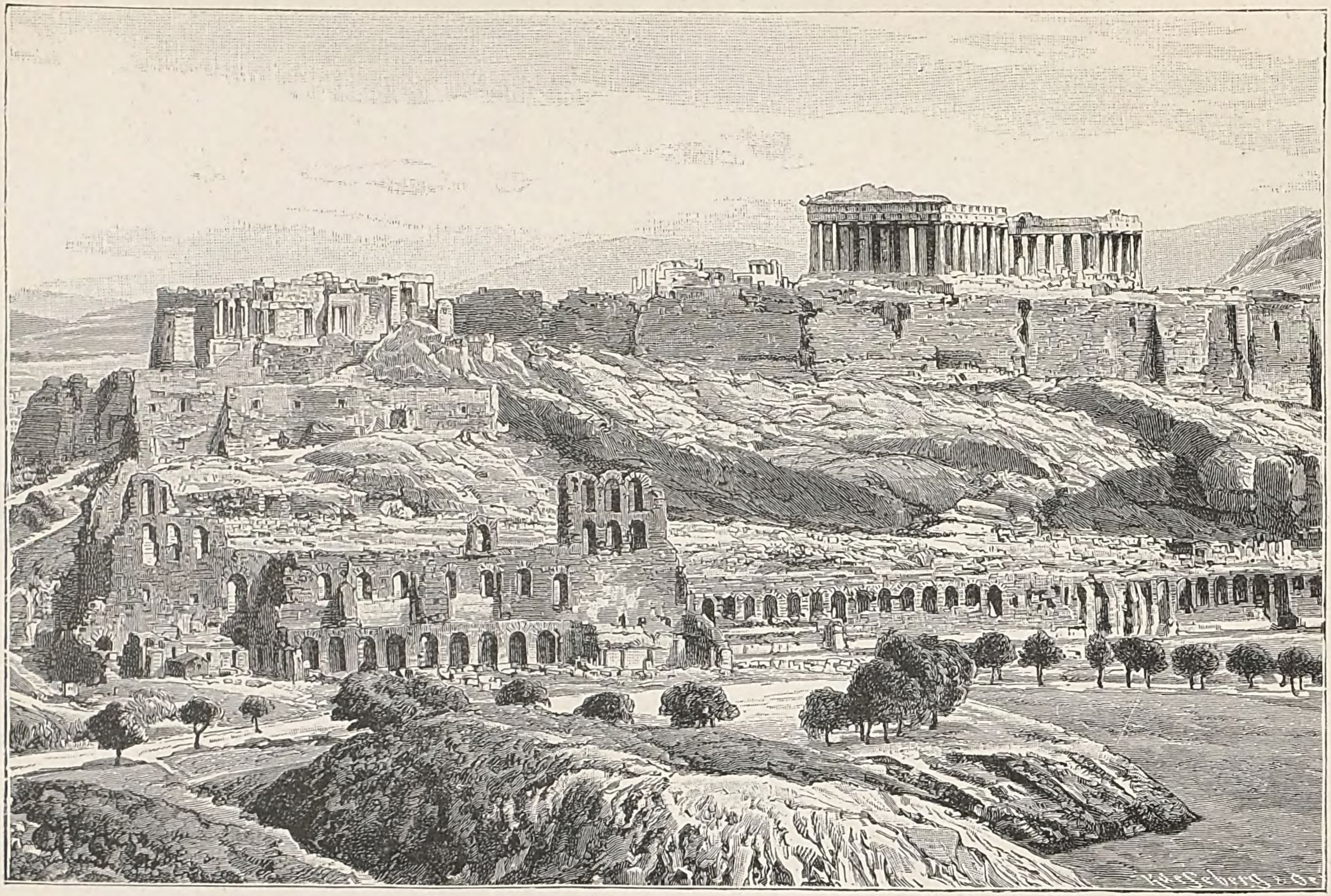
Аѳинскіе юноши, ѣдущіе въ торжественномъ шествіи. Съ фриза Парѳенона.
Работа Фидія.

имѣющая въ виду не малое количество людей, а всѣхъ гражданъ, каждому даетъ одинаковыя права, въ какомъ бы онъ ни былъ положеніи; свободно живемъ мы въ нашемъ государствѣ, какъ равноправные члены одного цѣлаго, и среди ежедневныхъ нашихъ занятій мы не сѣтуемъ на того, кто живетъ для своего удовольствія или устроиваетъ жизнь по своему желанію. Добродушно относясь другъ къ другу въ нашихъ частныхъ сношеніяхъ, мы однакоже тщательно хранимъ въ себѣ истинную стыдливость, побуждающую избѣгать всего беззаконнаго въ общественныхъ дѣлахъ». И далѣе: «мы создали весьма много средствъ для развлеченія ума; весь годъ нашъ проходитъ среди празднествъ, жертвоприношеній и прекрасныхъ, благородныхъ препровожденій времени; и городъ нашъ великъ: къ нему притекаетъ отовсюду все, и мы можемъ одинаково пользоваться всѣмъ, что здѣсь произрастаетъ, и всѣмъ, что къ намъ привозится—какъ своимъ собственнымъ». Затѣмъ ораторъ хвалитъ свой городъ за его отношенія къ чужеземцамъ, порицаетъ въ этомъ смыслѣ Спарту за ея исключительность и добавляетъ: «нашъ городъ открытъ для всѣхъ». И военное дѣло, по указанію Перикла, ведется въ Аѳинахъ иначе, нежели въ Спартѣ: «ничто не дѣлается у насъ тайно, и при воспитаніи юношества не тре-

буется никакого тягостнаго воздержанія: мы сами любимъ жить и даемъ жить другимъ, и, несмотря на это, мы не теряемся въ опасности, и умѣемъ встрѣтиться съ нею лицомъ къ лицу». Весьма подробно распространяется онъ о военныхъ средствахъ своего города, его особенности, какъ большой морской державы,—и находитъ, что Аѳины заслуживаютъ еще удивленіе и во многихъ другихъ отношеніяхъ: «ибо мы любимъ прекрасное, не стараясь блистать имъ, мы занимаемся и науками, не впадая въ изнѣженность. Богатство мы затрачиваемъ тамъ, гдѣ оно необходимо на дѣло, а не ради хвастовства; мы не говоримъ, что бѣдность позоритъ человѣка — позоритъ человѣка только нежеланіе избавиться отъ бѣдности трудомъ». Иные смѣлы потому, что не знакомы съ дѣломъ, что бродятъ въ потемкахъ, а они, Аѳиняне, смѣлы потому, что дѣйствуютъ постоянно съ полнымъ сознаніемъ. «И я, сводя все во-едино, скажу такъ: весь этотъ городъ есть школа для Эллады»... «Смѣемъ сказать, что потомство будетъ намъ дивиться, и мы не нуждаемся въ Гомерѣ, чтобы насъ воспѣвать: наша смѣлость открыла намъ доступъ во всѣ моря и во всѣ земли, и всюду мы оставили другимъ по себѣ вѣковѣчные памятники».

Такъ могъ говорить этотъ гражданинъ-монархъ къ своему царственному городу: онъ только облекалъ въ слова то, что каждый Аѳинянинъ про себя думалъ, что думали даже и подчиненные имъ союзники ихъ. «Они не имѣютъ права сказать»—говоритъ Периклъ—«что подчиняются недостойнымъ».

Реставрированная группа Пергамскаго храма. Бой Зевса съ гигантами и океанидами.



ОБЩІЙ ВИДЪ РАЗВАЛИНЪ ДРЕВНЯГО АКРОПОЛЯ СЪ ЮЖНОЙ СТОРОНЫ. НА ПЕРВОМЪ ПЛАНѢ ЗДАНІЕ ОДЕОНА И ХРАМЪ АСКЛЕПІАДА.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Распаденіе Эллинской націи. Пелопоннезская война.

Города-государства.

Приступая къ изложенію ближайшаго періода, намъ придется говорить о борьбѣ двухъ важнѣйшихъ государствъ эллинскаго міра—о борьбѣ Спарты и Аѳинъ за преобладаніе политическое. По этому поводу, необходимо замѣтить, что, называя Спарту и Аѳины *государствами*, мы сознаемъ, однакоже, въ какой степени это слово оказывается неудобнымъ для передачи той идеи, которую мы желали бы выразить. Тотъ политическій организмъ,—весьма сложный и мудрёный, и весьма разнообразно устроенный,—который мы въ настоящее время называемъ «государствомъ», вовсе не соотвѣтствуетъ весьма простому и несложному понятію Грековъ о ихъ небольшихъ, тѣсно-сплоченныхъ и цѣльно-сложившихся политическихъ организмахъ. Не было въ то раннее время понятія о государствѣ, о державѣ, какъ политической единицѣ, въ нашемъ смыслѣ слова, — не было и слова для несуществующаго понятія; такъ какъ всѣ греческія государства развивались изъ того или другого городского центра, изъ *города* (*полисъ*—по-гречески), то и сложившаяся въ одно цѣлое страна, которая тянула къ этому городу и почитала его центромъ, тоже носила названіе *полисъ*, но уже не въ смыслѣ города, а именно въ смыслѣ маленькаго государственнаго организма. Вслѣдствіе этого и мы вынуждены всюду, подъ именемъ *одного* города (*Аѳинъ, Спарты, Ѳивъ* и т. д.) разумѣть, въ большей части случаевъ, всю ту совокупность гражданъ города и внѣгородского населенія, которая тѣмъ городомъ олицетворялась, составляя съ нимъ одно цѣлое.

Только уяснивъ себѣ понятіе объ этихъ маленькихъ государствахъ-городахъ, только вполнѣ отстранивъ отъ себя наше современное понятіе о государствахъ европейскихъ, мы можемъ постигнуть истинное значеніе той жизни общественной, которая развилась въ важнѣйшихъ центрахъ греческой цивилизаціи въ блестящій и высшій періодъ ея развитія (въ V вѣкѣ до Р. Х.). И только тогда, когда мы внимательно вглядимся въ жизнь этихъ маленькихъ городовъ-государствъ, когда мы вполнѣ проникнемся сознаніемъ ея тѣсныхъ рамокъ, вникнемъ въ относительное ничтожество матеріальныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи этихъ политическихъ общинъ — только тогда мы, съ одной стороны, будемъ въ состояніи понять истинное значеніе той интеллектуальной жизни, которая способна была въ нихъ развиться, а съ другой стороны — постигнемъ

истинный смыслъ той борьбы политическихъ партій, которая была въ состояніи вызвать во всѣхъ концахъ эллинскаго міра безпримѣрное броженіе и волненіе, выразившееся окончательно въ такъ-называемой Пелопоннезской войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вся длинная и сложная эпопея этой Пелопоннезской войны представится намъ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ только тогда, когда мы сообразимъ, что эта война происходила между важнѣйшими двумя государствами Эллады — Спартою и Аѳинами — на пространствѣ, которое не превышало по протяженію одну изъ небольшихъ по размѣрамъ губерній Россіи, и въ то же время ожесточенно велась въ отдѣльныхъ маленькихъ центрахъ, гдѣ, при полномъ преобладаніи личнаго элемента въ обще-эллинской городской жизни, поочередно брала верхъ то та, то другая политическая партія, попеременно обращавшаяся за помощью то къ Спартѣ, то къ Аѳинамъ, для подкрѣпленія и поддержки своихъ слабыхъ, частныхъ попытокъ и усилій. Какого необычайнаго напряженія силъ должна была стоить эта борьба, проникавшая сверху и до низу во всѣ слои населенія, колебавшая всѣ основы не только общественныхъ, но и частныхъ, и личныхъ, и семейныхъ отношеній,—мы это видимъ по результатамъ Пелопоннезской войны, по тому страшному истощенію матеріальному и нравственному, къ которому она привела, по тому оскудѣнію идеаловъ и стремленій, которое выразилось въ гегемоніи Спарты, опиравшейся на грубую силу, и привело къ паденію выработанной вѣками и такъ пышно расцвѣтшей эллинской цивилизаціи.

435—338. Сто лѣтъ спустя, послѣ Перикла, никто не посмѣлъ бы вести ту гордую рѣчь, которую мы привели выше. Дивный цвѣтъ, расцвѣтшій на деревѣ человѣчества, на краткій срокъ собранный въ одно мѣсто для проявленія неподражаемой дѣятельности, былъ слишкомъ прекрасенъ, и потому не могъ быть прочнымъ. Въ основу Перикловой рѣчи несомнѣнно положена мысль, что родной его городъ и въ политическомъ отношеніи долженъ быть столицею всѣхъ эллиновъ: эта мысль была осуществима только при необычайномъ стеченіи счастливыхъ случайностей. Уже со смертью Перикла мысль эта оказалась неосуществимою: историкъ Ѳукидидъ очень тонко замѣчаетъ, что Аѳины при Периклѣ только по имени были демократіей, въ сущности же были государствомъ, въ которомъ первый гражданинъ аѳинскій правилъ какъ монархъ; отсюда и слабость этой державы, и неисполнимость идеаловъ, высказанныхъ Периклом. Человѣкъ, подобный Периклу, въ демократіи еще менѣе замѣнимъ, чѣмъ Александръ Великій въ своей монархіи.

Исторія греческаго народа въ періодъ 435—338 г. до Р. Х., или, если примемъ во вниманіе конечный пунктъ его автономнаго существованія, 322 г. до Р. Х., сама собою распадается на три отдѣла, изъ которыхъ первый захватываетъ время великой внутренней борьбы эллинскаго міра и паденіе Аѳинскаго государства; второй заключаетъ въ себѣ послѣдствія этого паденія и тотъ періодъ времени, которому Ксенофонтъ придаетъ названіе «безсуднаго»; а третій излагаетъ окончательную судьбу греческаго народа, т. е. уничтоженіе ихъ городскихъ *автономій* и *автархій*. Если смотрѣть на этотъ рядъ событій, какъ на исторію народа, и притомъ съ чисто-эллинской точки зрѣнія, т. е. со стороны такъ-называемой политической свободы, то эта исторія окажется очень печаль-

ною; утѣшительнѣе смотрѣть на этотъ періодъ съ точки зрѣнія всемірно-исторической, потому что мы тутъ видимъ, какъ прогрессъ все же продолжаетъ развиваться, какъ и за аѳинскимъ идеаломъ гражданской свободы, и за эллинскими художественными идеалами открываются еще обширные и громадные горизонты — и поступательное движеніе прогресса выражается въ томъ, что бѣдные землепашцы въ верхне-македонскихъ горахъ и угнетенныя, униженныя народности вырождающагося Персидскаго царства, достигаютъ наконецъ возможности сколько-нибудь сносно устроить свое существованіе.

Пелопоннезская война. Поводъ къ ней.

Самоубійственная борьба, въ теченіе 30 лѣтъ (съ небольшими перерывами) раздиравшая весь эллинскій міръ, которой съ аѳинской точки зрѣнія дано было не совсѣмъ вѣрное названіе «*Пелопоннезской войны*», началась съ одной изъ тѣхъ ничтожныхъ городскихъ усобицъ, которыя всюду въ Греціи такъ легко вызывались въ населеніи горячностью темперамента и страстною борьбою партій. Городъ Эпидамнъ на Адріатическомъ морѣ — колонія коринѳской колоніи *Коркира*—обратился къ своему родному городу съ просьбою о помощи въ своихъ внутреннихъ усобицахъ; когда же городъ Коркира отказалъ, не желая вступаться въ это дѣло, Эпидамнъ обратился съ тою же просьбою къ Коринѳу. Изъ-за этого завязалась ожесточенная борьба между Коринѳомъ и Коркирой, которая давно уже не ладила со своей метрополіей. Коринѳяне, въ качествѣ членовъ Пелопоннезскаго союза, завлекли въ это междоусобіе и Спартанцевъ, и вскорѣ эта усобица разгорѣлась на всю Грецію. У береговъ Эпира, близъ группы острововъ Сибота, дѣло дошло до ожесточенной битвы между флотомъ Коркирянъ и Коринѳянъ (433). Коринѳяне побѣдили и готовились уже воспользоваться своею побѣдою, когда аѳинская эскадра въ 20 кораблей—уже подъ вечеръ—явилась на мѣстѣ битвы. Оказалось, что Коркиряне, на случай крайней нужды, заручились союзомъ съ Аѳинянами. Коринѳяне не дерзнули на другой день возобновить нападенія на Коркирянъ, но сочли вмѣшательство Аѳинянъ за прямое нарушеніе перемирія, уже 12 лѣтъ длившагося между Пелопоннезскимъ и Аѳинскимъ союзами, и принесли жалобу въ Спартѣ, требуя созыва всѣхъ членовъ союза на конгрессъ. Положеніе оказалось еще было запутаннымъ, вслѣдствіе того, что около этого же времени коринѳская колонія *Потидея* (на полуостровѣ Халкидикѣ), принадлежавшая къ Аѳинскому союзу, отпала отъ Аѳинъ.

Начало войны.

На собраніи конгресса въ Спартѣ выказалось то страшное озлобленіе, которое Пелопоннезцы питали къ Аѳинамъ. Весьма сомнительно, чтобы въ этой ненависти главную роль играло племенное различіе между Дорянами и Іонянами; да и самая противуположность аристократическихъ стремленій Спарты и демократическихъ стремленій Аѳинянъ, по крайней мѣрѣ въ первое время борьбы, не имѣла большого значенія. Главнымъ образомъ здѣсь дѣйствовала непримиримая зависть къ городу, который, въ короткій періодъ, протекшій со времени окончанія Персидскихъ войнъ, успѣлъ такъ быстро опередить остальные города во всѣхъ отношеніяхъ, и, видимо, еще былъ не у конечной своей цѣли... «Аѳины — тираннъ надъ всѣми городами нашими!» злобно восклицали Пелопоннезцы, и ихъ ненависть съ первой же минуты была тѣмъ сильнѣе, что къ ней примѣ-

шивалась значительная доля опасенія, да притомъ еще Аѳинянъ никакъ нельзя было обвинить ни въ какомъ дѣйствительномъ правонарушеніи. Рѣчь Перикла, какъ мы видѣли выше, дышала спокойнымъ сознаніемъ полнаго превосходства Аѳинянъ надъ всѣми остальными Греками, и вотъ это-то именно сознаніе, въ одинаковой степени раздѣляемое всѣми согражданами Перикла, и приводило каждаго не-аѳинянина въ ярость! И чѣмъ болѣе Аѳиняне были правы въ своемъ сознаніи собственнаго достоинства, тѣмъ невыносимѣе казалось оно всѣмъ другимъ. Кажется, что и аѳинскій посолъ, случайно присутствовавшій на этомъ конгрессѣ (онъ былъ въ Спартѣ по другому дѣлу) и получившій разрѣшеніе говорить, высказался въ томъ же горделивомъ духѣ, въ какомъ говорилъ самъ Периклъ. И вотъ, на этомъ первомъ собраніи конгресса было положено, что перемиріе 445 г. аѳинянами нарушено; на второмъ — война въ принципѣ была рѣшена (432).

Въ Аѳинахъ уже ожидали этого рѣшенія. Изъ устъ въ уста передавались слова, сорвавшіяся у «Олимпійца» (какъ они тамъ называли Перикла): «вижу, какъ катится на насъ волною война отъ Пелопоннеза». И самъ Периклъ, и многіе вмѣстѣ съ нимъ давно уже поняли, что прежде чѣмъ осуществится великій планъ сліянія всей Эллады подъ главенствомъ Аѳинъ, какъ обще-эллинской столицы, борьба съ Пелопоннезомъ должна быть непремѣнно выдержана. Никто не заблуждался насчетъ того, что борьба эта будетъ очень трудною борьбою—на жизнь и на смерть; и замѣчательно, что всѣ точно какъ будто только и ожидали этой случайности, и весь эллинскій міръ, какъ по сигналу, разомъ раздѣлился на два лагеря. Даже и въ мѣстахъ очень отдаленныхъ отъ мѣста дѣйствія Пелопоннезской войны, напр., въ италійскомъ городѣ Туріи, явились двѣ партіи — спартанская и аѳинская, и граждане боролись крѣпко изъ-за вопроса, кого слѣдуетъ имъ признавать своей метрополіей, кого считать основателемъ города? Наконецъ обратились къ Дельфійскому оракулу и тамъ имъ было дано прекрасное рѣшеніе ихъ вопроса: «никого иного, кромѣ боговъ, не признавайте основателями вашего города». И отвѣтъ оракула, какъ мы имѣемъ свѣдѣнія, примирилъ бушующія страсти силою единой вѣры; въ самой же Элладѣ уже давно перестали слушаться ея укрощающаго голоса: сражающіеся, взаимно терзая другъ друга, взывали къ однимъ и тѣмъ же богамъ!

Аѳины и Спарта; ихъ военное могущество.

Однакоже, къ войнѣ, съ обѣихъ сторонъ, и въ особенности со стороны руководящихъ городовъ, приступали съ тяжкимъ раздумьемъ. Спартанцы начали дипломатическій походъ, обычно-предшествующій всякой кампаніи, съ требованья: чтобы Аѳиняне изгнали изъ города «Килоновское проклятіе», т. е. устранили бы систему Алкмеонида Перикла. И дѣйствительно, положеніе Перикла, на мгновеніе, было потрясено: партія, во главѣ которой нѣкогда стоялъ Кимонъ, требовавшій, «чтобы колесницу Эллады обязательно везли два коня», проявилась вновь въ силѣ. Ближайшія къ Периклу лица,—скульпторъ Фидій, философъ Анаксагоръ, даже его подруга Аспазія — вдругъ подверглись озлобленнымъ нападкамъ; но Периклъ еще разъ одолѣлъ своихъ противниковъ. Онъ напомнилъ народу, что Спартанцы говорятъ съ ними, какъ повелители; онъ исчислилъ

имъ тѣ средства, которыми они обладали; указалъ на ихъ изумительно разросшіяся морскія силы, на ихъ громадный военный фондъ (6000 талантовъ или почти 14.000,000 рублей), хранившійся въ Парѳенонѣ на Акрополѣ; напомнилъ имъ о 300 триремахъ, которыя господствуютъ надъ морями; сухопутное войско исчислилъ онъ въ 29,000 гоплитовъ, изъ которыхъ 13,000 готовы были къ наступленію во всякое время. Онъ взвѣсилъ и силы противниковъ: противъ большой, но широко разбросанной до крайняго Запада силы аѳинянъ (около 300 большихъ и малыхъ городовъ) выступала плотная масса Пелопоннезскаго союза, который весь былъ въ сборѣ на полуостровѣ, представлявшемъ неприступную съ суши и мало приступную съ моря природную крѣпость; этотъ союзъ въ войскѣ Спартіатовъ обладалъ твердою основою своихъ воинскихъ силъ, и это войско во всей Греціи славилось своей непобѣдимостью. Вычислено было, что Пелопоннезскій союзъ могъ выставить въ поле 60,000 тяжело-вооруженныхъ воиновъ. Это превосходство силъ у противниковъ уже вынуждало Аѳинянъ избрать чисто оборонительный планъ войны, который мало согласовался съ характеромъ этого народа; однакоже Периклъ умѣлъ убѣдить народное собраніе въ необходимости этого плана.

Условія борьбы складывались для Аѳинъ невыгодно. Ничто не могло быть легче, какъ истолковать преобладающее положеніе Аѳинъ среди ихъ морского союза въ смыслѣ тиранніи (чѣмъ въ сущности это и было). Вѣчный, обязательный союзъ заключаетъ въ себѣ нѣчто принудительное, и въ особенности съ двухъ сторонъ это принудительное отношеніе было для союзниковъ невыносимо. Одною непріятною для союзниковъ стороною было то, что всюду въ Греціи болѣе всего цѣнили въ городахъ автономію, а потому и вступали въ союзы лишь на время, ради опредѣленной цѣли, а не на вѣкъ; другою стороною, весьма неудобною въ этомъ союзѣ, являлось то, что система *представительства*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее теперь понимаемъ, была почему-то совершенно чужда тогдашнему греческому міру. Большинству союзниковъ, принимавшихъ въ Аѳинскомъ союзѣ участіе, не предоставлено было никакой дѣятельной роли, и потому они въ союзныхъ отношеніяхъ видѣли только стѣсненія,—обязательную дань, обязательную поставку войска—а всѣ преимущества, доставляемыя союзомъ, союзники упускали изъ виду потому, что они уже были слишкомъ для всѣхъ ясны и очевидны. Персовъ уже всѣ перестали опасаться, а Спарта для островитянъ представлялась очень удобною въ качествѣ преобладающей державы, да къ тому же во всей Греціи было очень много людей, которымъ казалось, что въ самихъ Аѳинахъ и во всей области ихъ вліянія демократическій элементъ ужъ черезчуръ развился и пріобрѣлъ слишкомъ выдающееся значеніе. Такимъ образомъ уже съ самаго начала борьбы на сторонѣ Спарты видимъ нѣчто въ родѣ политической программы, на основаніи которой Спарганцы являлись какъ-бы освободителями Эллады отъ аѳинскаго гнета.

Периклов планъ войны.

Въ противоположность аѳинянамъ, Спартѣ приходилось вести войну наступательную и непосредственно дѣйствовать противъ Аѳинъ: если бы она не повела дѣла именно такъ, то нельзя было разсчитывать на отпаденіе союзниковъ отъ Іонійскаго союза. Въ противуположность этому, планъ Перикла заклю-

чался въ спокойной и неколебимой оборонѣ, разсчитанной на то, чтобы очень быстро истощить силы противника, у котораго войска было много, а денегъ, рабовъ и кораблей мало. Вторженіе пелопоннезскаго войска въ Аттику не имѣло бы никакого значенія, если бы все наиболѣе цѣнное имущество жителей удалось свезти въ Аѳины; городъ и гавани аѳинянъ были неприступны, пока аѳинскій флотъ господствовалъ надъ морями и держалъ союзниковъ въ уздѣ. Ясно, что бѣдствія войны должны были вскорѣ гораздо тягостнѣе отозваться на Пелопоннезѣ. Периклъ говорилъ: «боюсь не мощи противниковъ, а собственныхъ моихъ ошибокъ»... И болѣе всего боялся онъ той чисто-демократической ошибки, что пожалуй у аѳинянъ не хватитъ терпѣнья ждать, и они, во время оборонительной войны, задумаютъ дѣлать завоеванія.

Война началась, даже прежде объявленія ея, съ очень кроваваго эпизода. Ѳиванцы—естественные, ревностные и горячіе союзники Пелопоннезцевъ въ борьбѣ противъ Аѳинъ, вошли въ тайное соглашеніе съ олигархами городка Платеи, который уже издавна принадлежалъ къ Аѳинскому союзу. Въ темную, дождливую ночь передовой ѳиванскій отрядъ вступилъ въ городъ, въ томъ расчетѣ, что главныя ѳиванскія силы подоспѣютъ ему на помощь, прежде нежели граждане успѣютъ замѣтить малочисленность вступившихъ. Но этотъ расчетъ не удался: разливъ рѣки задержалъ наступавшее войско, а Платейцы замѣтили малочисленность передового отряда и вступили съ нимъ въ битву. Въ узкихъ, немощеныхъ улицахъ городка Ѳиванцы легко были осилены множествомъ, и 180 человѣкъ изъ числа ихъ достались живые въ плѣнъ Платейцамъ. Въ слѣпомъ озлобленіи Платейцы ихъ всѣхъ тотчасъ перебили, вмѣсто того, чтобы сохранить ихъ, какъ цѣнныхъ заложниковъ на случай превратностей войны.

432—421. Чума въ Аѳинахъ.

Спартанскій глашатай, посланный царемъ Архидамомъ, уже не былъ впущенъ въ Аѳины, и тотчасъ препровожденъ обратно черезъ границу Аттики. Первый періодъ этой продолжительной войны длился до 421 г., когда и закончился краткимъ и ненадежнымъ перемиріемъ. Въ 431 г. пелопоннезское войско вступило въ Аттику; но такъ какъ все населеніе собѣжалось въ городъ, то враги могли вымещать свою злобу только надъ опустѣвшею страною. Они могли бы и еще нѣсколько разъ повторить то же вторженіе; но каждый разъ эти вторженія были бы для нихъ болѣе и болѣе убыточными, такъ какъ имъ все менѣе и менѣе оставалось матеріала для раззоренія. Какъ на бѣду для Аѳинянъ, Пелопоннезцы нашли себѣ союзника, на котораго менѣе всего могли разсчитывать: страшная эпидемія, занесенная на торговыхъ корабляхъ съ Востока, разразилась въ Аѳинахъ, переполненныхъ массою народа, и произвела большія опустошенія и въ городѣ, и во флотѣ аѳинскомъ. Іоняне, по самому характеру своему чрезвычайно энергичные тамъ, гдѣ приходилось принимать быстрыя и смѣлыя рѣшенія и бороться съ явными, осязательными опасностями, оказались совершенно неподготовленными къ борьбѣ со страшною болѣзнью, противъ которой и тогдашнія медицинскія средства оказывались совершенно безсильными. Болѣзнь разлагающимъ образомъ дѣйствовала и на нравственное настроеніе Аѳинянъ; это настроеніе отозвалось и на Периклѣ, который на нѣкоторое время впалъ въ немилость у народа; впрочемъ, отъ

его политики никто и не думалъ уклоняться и мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о попыткахъ къ примиренію.

Смерть Перикла.

Великимъ несчастіемъ для Аѳинянъ было то, что самъ Периклъ въ 429 г., на третій годъ войны, скончался. Незамѣнимыхъ людей не бываетъ на свѣтѣ и, все сообразивъ, нельзя даже сказать, чтобы война въ послѣдующіе годы съ аѳинской стороны велась дурно. Аѳиняне однакоже не слишкомъ строго держались методы Перикла въ веденіи войны; да и вообще сомнительно, чтобы одного плана можно было въ войнѣ слишкомъ долго держаться, такъ какъ каждый планъ войны необходимо долженъ измѣняться на основаніи случайныхъ событій и дѣйствій противника.

Митилены; Платея; Коркира.

Подробное изложеніе обоюдныхъ случайностей этой борьбы, раздробившейся на столько разныхъ театровъ войны, можетъ быть любопытно только для людей, спеціально изучающихъ греческую исторію. Чрезвычайно характерно то, что около 428—427 гг. борьба сосредоточилась около двухъ городовъ — Митиленъ на Лесбосѣ и Платеи въ Віотіи. Эолійскій городъ (по всей вѣроятности, вслѣдствіе временного перевѣса аристократической или, лучше сказать, «автономической» партіи) отпалъ отъ Аѳинъ. Однакоже спартанская помощь, на которую эта партія разсчитывала, не являлась; и вотъ городъ Митилены, осажденный аѳинскимъ отрядомъ сухопутнаго войска и аѳинской эскадрой, угрожаемый внутри мѣстнымъ демосомъ, которому само правительство въ крайности выдало вооруженіе гоплитовъ,—долженъ былъ сдаться на полную волю осаждающихъ, и люди, правившіе городомъ, должны были предоставить и судьбу города, и свою собственную на произволъ аѳинскаго народнаго собранія. Собраніе, побуждаемое однимъ изъ самыхъ задорныхъ вожаковъ народа, *Клеономъ*, Клеайнетовымъ сыномъ *), рѣшило всѣхъ плѣнныхъ мужского пола казнить: пусть молъ всюду узнаютъ союзники, что значитъ отпасть отъ союза съ Аѳинами. Корабль отплылъ съ этимъ кровавымъ повелѣніемъ къ начальнику эллинскаго войска; и едва только онъ успѣлъ присланный ему приказъ прочесть, какъ прибылъ другой корабль съ другимъ приказомъ, который былъ результатомъ болѣе спокойныхъ разсужденій въ народномъ собраніи. Въ этомъ послѣднемъ приказѣ смертная казнь примѣнялась лишь къ болѣе виновнымъ; но и тѣхъ все же набралось слишкомъ 1000 человѣкъ, какъ свидѣтельствуетъ дошедшее до насъ донесеніе; приказъ этотъ и былъ безпощадно приведенъ въ исполненіе. Спартанцамъ вскорѣ представился случай отмстить за эту суровую кару, такъ какъ, послѣ долгой осады, остатки гарнизона, засѣвшаго въ *Платеѣ* (изъ него 220 успѣли пробраться черезъ непріятельскія линіи, воспользовавшись бурною декабрьскою ночью 428 г.), были вынуждены къ сдачѣ. Ненависть Ѳиванцевъ къ Платейцамъ, на судѣ, взяла верхъ; забыты были клятвы временъ Саламина и славной Платейской битвы! Времена измѣнились. Учрежденъ былъ особый военный судъ, изъ пяти Спартіатовъ, и несчастнымъ предложенъ былъ на разрѣшеніе насмѣшливый вопросъ: «удалось-ли Платейцамъ, съ самаго начала войны, хоть разъ

---

*) Онъ не принадлежалъ къ знатнымъ классамъ, до этого времени умѣвшимъ удержать за собою вліятельную роль въ управленіи.

оказать Спартанцамъ или ихъ союзникамъ какое-нибудь добро?» Въ самомъ вопросѣ этомъ уже заключался смертный приговоръ: и вотъ, 200 Платейцевъ и 25 Аѳинянъ были казнены, а городъ разрушенъ.

Въ то же самое время, на островѣ Коркирѣ яростно боролись партіи, олигархическая и демократическая, и изъ нихъ одна разсчитывала на помощь Спарты, другая—на помощь Аѳинъ. «Происходило все возможное и даже болѣе того», говоритъ Ѳукидидъ, историкъ этой войны, описывая отвратительную сцену въ храмѣ Геры, гдѣ были умерщвлены демократами 400 плѣнныхъ олигарховъ, которые не успѣли еще сами на себя наложить руки.

Занятіе Пилоса.

Въ 425 году война приняла вдругъ рѣшительный оборотъ, благопріятный для Аѳинъ, между тѣмъ какъ до той поры успѣхи и неудачи съ обѣихъ сторонъ распредѣлялись равномѣрно. Аѳинскій флотъ отплылъ въ Коркиру, чтобы установить тамъ, гдѣ усобица между партіями продолжалась, твердый порядокъ въ смыслѣ демократическомъ, и затѣмъ пуститься далѣе на островъ Сицилію, который уже въ значительной степени былъ вовлеченъ въ борьбу дорійскаго и іонійскаго племени. По пути, видъ покинутаго жителями юго-западнаго берега Мессеніи — превосходной военной позиціи — навелъ одного изъ низшихъ начальниковъ, геніальнаго Демосѳена *), на мысль — занять и укрѣпить господствующія высоты при Пилосѣ, такъ-называемый Корифазіонъ. Эта мысль приводится въ исполненіе, почти какъ шутка; Демосѳенъ съ сотней-другою бойцовъ остается на этой позиціи; флотъ идетъ далѣе. Этотъ маневръ оказался удивительно ловкимъ и удачнымъ; спартанское войско, уже въ пятый разъ вторгнувшееся въ Аттику, при извѣстіи о занятіи Корифазіона, тотчасъ возвратилось на полуостровъ; пелопоннезскій флотъ получилъ приказаніе взять позицію во что бы то ни стало; флотъ заграждаетъ на сѣверѣ и на югѣ входы въ узкій проливъ, отдѣляющій этотъ мессенскій берегъ отъ длиннаго и узкаго острова Сфактеріи, который вдоль него тянется, и на самый островъ высаживаетъ около 200 Спартіатовъ. Вся война вдругъ переносится на этотъ пустынный берегъ, а почва, на которой здѣсь утвердились аѳиняне, была *вулканическая* — почва древне-мессенской страны... Въ то время какъ пелопоннезскій флотъ дѣлаетъ рядъ отчаянныхъ и тщетныхъ попытокъ высадки войскъ на берегъ, въ рядахъ войска уже обнаруживаются побѣги илотовъ къ Аѳинянамъ; и въ то же время является аѳинскій флотъ, подъ предводительствомъ Эвримедона (около 50 кораблей); онъ форсируетъ оба входа въ проливъ, вынуждаетъ часть пелопоннезскихъ кораблей броситься къ берегу, а другую—искать спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ; и эта превосходная позиція въ мѣстѣ столь опасномъ для Спарты, остается въ рукахъ Аѳинянъ. Они владѣютъ неприступнымъ фортомъ Корифазіонъ, господствующимъ надъ всею страною, и обоими входами въ Наваринскій заливъ, а на островѣ Сфактеріи, безъ малѣйшей возможности бѣжать, сидятъ, какъ бы въ плѣну у нихъ, словно замкнутые, 420 человѣкъ спартанскаго войска, въ томъ числѣ 120 Спартіатовъ.

---

*) Онъ принималъ участіе въ экспедиціи въ качествѣ волонтера.

Это послѣднее условіе, а именно—большое количество Спартіатовъ на Сфактеріи, произвело сильное впечатлѣніе на правящіе круги въ Спартѣ, и тамъ было принято быстрое рѣшеніе. Они добились 20-ти-дневнаго перемирія и отправили въ Аѳины посольство съ предложеніемъ мира. Здѣсь въ это время боролись двѣ партіи; во главѣ одной стоялъ Клеонъ, во главѣ другой Никій, сынъ Никерата—богатый, знатный, умѣренный, проводившій политику Кимоновскихъ временъ и вполнѣ готовый вступить въ переговоры со Спартой; къ тому же и послы Спарты говорили въ томъ же умѣренномъ духѣ, выставляя на видъ, что если бы Аѳины теперь рѣшились примириться со Спартой и идти съ нею рука объ руку, въ ихъ рукахъ оказалась бы судьба всей Греціи. А между тѣмъ никакихъ опредѣленныхъ условій это посольство не предлагало: повидимому, въ основѣ переговоровъ лежала та мысль, что можно было бы просто вернуться къ statu quo 445 г. Но это значило бы пожертвовать весьма блестящимъ положеніемъ, достигнутымъ послѣ 6-ти-лѣтней, не Аѳинами начатой, войны и притомъ пожертвовать, не получивъ за это никакого осязательнаго вознагражденія; вотъ почему никакъ нельзя въ вину Клеону ставить то, что онъ условіемъ мира поставилъ возвращеніе Аѳинскому союзу уступленныхъ имъ въ 445 году городовъ: Низаи при Сароническомъ, Пагаи при Коринѳскомъ заливѣ, Трезена и др. ахейскихъ городовъ, а въ видѣ ручательства за установленіе прочныхъ мирныхъ переговоровъ потребовалъ немедленной сдачи блокированнаго на островѣ Сфактеріи спартанскаго отряда. Спартанцамъ, напротивъ того, поручено было потребовать немедленнаго освобожденія Спартіатовъ. Переговоры, такимъ образомъ, не привели ни къ чему; Клеону, конечно, надобно поставить въ заслугу то, что, по прекращеніи переговоровъ, онъ настоялъ на немедленномъ взятіи въ плѣнъ блокированнаго на Сфактеріи отряда и на препровожденіи плѣнныхъ въ Аѳины, какъ въ совершенно безопасное мѣсто. Онъ брался въ теченіе 20 дней привести это въ исполненіе; такъ оно и случилось: его самого туда отправили, и даже ранѣе истеченія этого срока аѳиняне удостоились блестящаго тріумфа: 292 человѣка Лакедемонскихъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ 120 Спартіатовъ, привезены были въ Аѳины. Послѣ совершенно безнадежной борьбы, тѣснимые отъ позиціи къ позиціи на протяженіи острова, простирающагося не болѣе, какъ на полчаса пути, они 12 дней сряду выдерживали натискъ, и наконецъ сдались. Положеніе Спартанцевъ ухудшалось все болѣе и болѣе. Въ 424 г. Демосѳенъ овладѣлъ Низайей, Никій занялъ важный по положенію островъ Киѳеру на югъ отъ Лаконіи; позиція на Пилосѣ была передана Мессенцамъ изъ Навпакта, заклятымъ врагамъ Спарты; съ трехъ сторонъ Аѳиняне угрожали Пелопоннезу, и до какой степени положеніе Спарты было отчаяннымъ, доказываетъ отвратительная правительственная мѣра, на которую въ Спартѣ рѣшились: 2000 илотовъ, по вызову правительства, добровольно записавшихся на военную службу, исчезли около этого времени безслѣдно какимъ-то таинственнымъ образомъ.

Неудавшаяся попытка примиренія. Клеонъ.

По счастью, въ ту пору, явился въ Спартанскомъ государствѣ человѣкъ, далеко превосходившій собою всю обыденную тяжеловѣсную массу благородныхъ представителей дорійскаго племени. То былъ *Бразидъ*. Онъ

Бразидъ. Амфиполь въ рукахъ Спарты.

воспользовался удивительной военной организаціей Спарты, чтобы съ самою ничтожною затратою силъ нанести ударъ Аѳинянамъ вдали отъ ихъ центра, въ такомъ однакоже чувствительномъ мѣстѣ, которое имѣло для нихъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ Пилосъ для Спартанцевъ. Задуманный геніальнымъ Бразидомъ походъ былъ чрезвычайно смѣлою попыткою, на успѣшный исходъ которой онъ разсчитывалъ именно потому, что хорошо былъ знакомъ съ этимъ диковиннымъ міромъ маленькихъ греческихъ государствъ. Съ отрядомъ въ 2000 гоплитовъ Бразидъ быстро перешелъ Пелопоннезъ, Віотію и Ѳессалію, направляясь къ Халкидикѣ, слѣдовательно въ ближайшее сосѣдство съ аѳинскими владѣніями въ этихъ мѣстностяхъ Ѳракіи. Быстрота и неожиданность, съ которою являлся Бразидъ, всюду приготовляли почву для выполненія спартанской программы освобожденія, возстановленія безусловныхъ городскихъ автономій въ Элладѣ, а чрезвычайно-привлекательная личность превосходнаго вождя Спартанцевъ всюду настраивала умы къ этому неожиданному повороту, къ которому города едва-ли обратились бы по собственному побужденію, такъ какъ у нихъ (насколько намъ извѣстно) не было особыхъ причинъ къ недовольству тѣми отношеніями, которымъ Спарганцы придавали названіе «аѳинскаго ига». Продвигаясь вдоль берега къ сѣверу, Бразидъ такимъ образомъ привлекъ на сторону Спарты Аканѳъ, Стагейру и даже драгоцѣннѣйшее изъ аѳинскихъ владѣній въ этой мѣстности, *Амфиполь* на Стримонѣ, несмотря на то, что аѳинская эскадра стояла почти въ виду города, у о. Тазоса, въ разстояніи полусуточнаго перехода. Амфиполь былъ основанъ Аѳинянами въ 437 г., но аѳинскій элементъ все же составлялъ здѣсь меньшинство, чѣмъ и объясняется возможность захвата города Спартанцами, за что пришлось отвѣтствовать и Ѳукидиду, сыну Олора, командовавшему аѳинской эскадрой у Тазоса. Онъ успѣлъ удержать во власти аѳинянъ только небольшое мѣстечко *Эйонъ*, близъ устья Стримона, и за свою нераспорядительность подвергся изгнанію, въ которомъ и былъ имъ написанъ важнѣйшій изъ историческихъ трудовъ древности послѣ Геродота.

Никіевъ миръ (421).

Эти утраты, за которыми можно было ожидать и дальнѣйшихъ въ той же мѣстности, а равно и пораженіе, нанесенное аѳинскимъ войскамъ при Делiонѣ въ Віотіи, выдвинули въ Аѳинахъ на первый планъ умѣренную партію и ея вождя, Никія; въ какой степени возросло ея значеніе, это доказывается намъ тѣми жестокими нападками, которыми Аристофанъ въ современныхъ комедіяхъ осыпаетъ предводителя сторонниковъ войны, «*живодёра Клеона*» *). Оказалось, что и въ Спартѣ, въ то же время, стало преобладать миролюбивое настроеніе, въ которомъ немаловажную роль играла зависть къ Бразиду, геніальному воину и политику, широкія задачи котораго не укладывались въ тѣсныя рамки спартанскаго государственнаго устройства. И вотъ установлено было перемиріе между Спартой и ея пелопоннезскими союзниками (Коринѳомъ, Эпидавромъ, Сикіономъ, Мегарой и т. д.) съ одной стороны, и Аѳинами и Аѳинскимъ союзомъ — съ другой; перемиріе, однакоже, не распро-

*) Эта кличка дана Клеону, т. к. у него было дѣйствительно кожевенное заведеніе.

странялось на Ѳракійскій театръ войны. Чтобы прійти тамъ къ какому-нибудь результату, Аѳины рѣшились отправить туда Клеона, который неоднократно выказывалъ уже свою энергію, хотя, повидимому, и не обладалъ полководческимъ дарованіемъ. Во время одной изъ рекогносцировокъ, вблизи Амфиполя, Клеонъ потерпѣлъ пораженіе отъ своего несравненно болѣе талантливаго противника. Онъ самъ палъ въ битвѣ, что послужило не на пользу ему въ потомствѣ, которое этого страстнаго, способнаго и патріотически-настроеннаго человѣка стало изображать безчестнымъ и наглымъ демагогомъ, къ чему дошедшія до насъ извѣстія, безпристрастно оцѣниваемыя, не даютъ ни малѣйшаго права. По какому-то особенному счастью, благопріятствовавшему въ данномъ случаѣ аѳинянамъ, въ той же стычкѣ въ числѣ семи павшихъ Спартанцевъ находился и опаснѣйшій противникъ ихъ въ этой войнѣ, *Бразидъ* (422 г.).

Смертью этихъ двоихъ людей устранялось и важнѣйшее препятствіе къ миру; въ одной изъ современныхъ комедій Аристофана они были представлены въ видѣ двухъ пестовъ, которыми демоны войны и междоусобія расплющивали большіе и малые города Эллады. Наибольшее значеніе пріобрѣлъ теперь Никій; истый аѳинянинъ древняго пошиба,—богачъ, патріотъ, человѣкъ вѣрующій,—онъ способствовалъ главнымъ образомъ установленію мира (421 г.). Мирный договоръ заключенъ былъ на 50 лѣтъ; обоюдныя завоеванія, по этому договору, должно было возвратить:- крѣпость Панактъ, на віотійской границѣ, и Амфиполь—аѳинянамъ, занятые же аѳинянами пункты въ Пелопоннезѣ, а именно Пилосъ и Киѳеру—Спартанцамъ; всѣ остальныя владѣнія оставить въ прежнемъ составѣ; доступъ во всѣ храмы и на всѣ празднества, попрежнему, долженъ быть открытъ всѣмъ Эллинамъ.

421—413. Интриги и борьба въ Пелопоннезѣ.

Вторая часть Пелопоннезской войны обнимаетъ собою годы 421—413. «Никіевъ миръ», въ сущности, никого не примирилъ и не былъ продолжителенъ. Мы не знаемъ, дѣйствительно-ли были воздвигнуты тѣ мѣдные столпы въ память мира, которые рѣшено было поставить въ Аѳинахъ, Спартѣ, Дельфахъ, Олимпіи и на Истмѣ; знаемъ, однакоже, что договоръ никогда не былъ соблюдаемъ вполнѣ, и что затрудненія возникли тотчасъ же по заключеніи мира. Могущественнѣйшіе изъ союзниковъ Спарты, а именно Ѳиванцы, совсѣмъ этого мира не приняли, и ихъ примѣру послѣдовали многіе; проявилось нѣчто чрезвычайно оригинальное:—сильнѣйшее недовѣріе малыхъ и среднихъ государствъ по отношенію къ Аѳинамъ и Спартѣ. Это придало временно нѣкоторое значеніе пелопоннезскому городу *Аргосу*, который давно уже отодвинулся на задній планъ; стали поговаривать о томъ, что эпизодъ со Сфактеріей, по отношенію къ Спартанцамъ, а пораженіе при Деліонѣ, по отношенію къ аѳинянамъ, положительно лишали эти обѣ державы всякаго обаянія въ смыслѣ ихъ военнаго превосходства—и былъ даже такой моментъ, когда это настроеніе стало выказываться настолько грозно, что Аѳины и Спарта нашли себя вынужденными заключить между собою частный союзъ. Но въ то же время, какъ со стороны Спарты и Аѳинъ, такъ и со всѣхъ сторонъ, все было переполнено кознями и запутаннѣйшею игрою интригъ, направленной противъ всѣхъ и каждаго. Уже на третій годъ послѣ заключенія мира, война

возгорѣлась вновь и союзъ пелопоннезскихъ государствъ, состоявшій изъ Аргоса, Мантинеи, Элиды и поддерживаемый Аѳинами,—уже угрожалъ спартанскому могуществу. Только побѣдою, одержанною надъ этимъ союзомъ въ Мантинейской области, удалось Спартанцамъ вновь возстановить свое значеніе въ Пелопоннезѣ (іюнь 418 г.).

Аѳины. Аристофанъ.

Въ Аѳинахъ тоже ясно сказались моральныя послѣдствія послѣднихъ лѣтъ войны. Къ этому періоду времени относятся важнѣйшія изъ комедій Аристофана—425 *Акарняне*, 424 *Всадники*, 423 *Облака*, 421 *Миръ*,— и надо сказать, что онѣ служатъ однимъ изъ наиболѣе ясныхъ симптомовъ наступающей эпохи. Насколько мы изумляемся въ нихъ неописуемой геніальности автора, насколько мы даже должны признать въ основѣ ихъ патріотическое настроеніе и утверждать положительно, что всѣ благороднѣйшія побужденія души человѣческой были ему вполнѣ открыты и доступны,—настолько же, съ другой стороны, мы вынуждены сказать, что подобныя произведенія и самый успѣхъ ихъ на сценѣ заставляютъ предполагать и отчасти даже выказываютъ въ обществѣ чрезвычайно опасное расположеніе умовъ. Всякіе авторитеты, государственные дѣятели всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ — Периклъ, Клеонъ, Никій, Ламахъ и Демосѳенъ, даже столь всесильный въ то время демосъ, предъ лицомъ того же демоса, народъ передъ народомъ—подвергаются въ этихъ комедіяхъ самому необузданному осмѣянію; боги народа низвергаются авторомъ во прахъ; все божественное и человѣческое предается въ жертву всесильной насмѣшки, которая должна дѣйствовать тѣмъ болѣе разлагающимъ образомъ, что авторъ умѣетъ находить высокій и торжественный строй рѣчи для предметовъ возвышенныхъ; и, рядомъ съ этою бичующею, все разлагающею сатирой, превозносится чувство собственнаго достоинства этого народа, и безъ того уже возведенное на страшную высоту всѣмъ, что̀ можетъ обольстить человѣка—могуществомъ, славою, богатствомъ, неисчерпаемыми сокровищами духа во всѣхъ его проявленіяхъ: въ искусствѣ, въ наукѣ, въ поэзіи... Только при томъ состояніи современнаго общества, которое вскрываетъ намъ Аристофанъ своею личностью и своими произведеніями, можно себѣ уяснить все сумасбродство того предпріятія, которое вскорѣ должно было привести аѳинянъ къ безпримѣрной катастрофѣ.

Алкивіадъ.

Около этого времени въ Аѳинахъ стало преобладать вліяніе личности, которая представляла собою смѣшеніе самыхъ блестящихъ и самыхъ опасныхъ особенностей аѳинскаго характера; личность эта—*Алкивіадъ*. сынъ Клеинія. Природа и счастье щедро надѣлили этого человѣка (въ 421 г. ему минуло 30 лѣтъ) всѣми преимуществами. Онъ былъ знатнаго рода, прекрасенъ собою, богатъ, уменъ:—лишившись отца въ ранней юности, онъ поступилъ подъ опеку и руководство перваго изъ гражданъ аѳинскихъ, Перикла (тотъ приходился Алкивіаду дядею); самъ по себѣ, какъ личность, Алкивіадъ былъ въ такой степени привлекателенъ и разносторонен, что умнѣйшій, оригинальнѣйшій и благороднѣйшій изъ мыслителей древности, *Сократъ*, Софронисковъ сынъ, вступилъ съ Алкивіадомъ въ тѣснѣйшую связь; у Потидеи и при Делiонѣ они стояли рядомъ въ войскѣ аѳинскомъ. Однакоже Сократъ неспособенъ былъ лучшимъ своимъ достояніемъ подѣлиться съ этимъ баловнемъ счастья, мелочно-самолюби-

вымъ и отъ ранней юности уже находившимъ удовольствіе въ томъ, чтобы быть предметомъ городскихъ толковъ. Алкивіаду были чужды и чувство справедливости, и сознаніе нравственной отвѣтственности за свои поступки; его тщеславіе удовлетворялось тѣмъ, что всѣ говорятъ о его необузданныхъ продѣлкахъ, и вскорѣ онъ сталъ этими продѣлками обращать на себя вниманіе народа, навязывать ему свою личность. При этомъ онъ былъ человѣкъ съ большою силою воли, умѣвшій при всякой обстановкѣ выдвинуться и выказать свои преимущества, вызывавшій среди своихъ соотечественниковъ самыя горячія ожиданія своими блестящими способностями, а также и своимъ необычайнымъ умѣньемъ подлаживаться къ обстоятельствамъ и пользоваться слабостями людей, угождая имъ и съ величайшею легкостью переходя отъ персидской распущенности къ спартанской строгости нравовъ. Особенно умѣлъ онъ поддерживать въ народѣ то монархическое стремленіе, которое и въ республикахъ побуждаетъ простолюдина увлекаться тою или другою выдающеюся личностью: когда, послѣ заключенія Никіева мира, въ 420 г., Аѳиняне впервые вновь явились на Олимпійскихъ празднествахъ, онъ добился того, что былъ выбранъ въ составъ торжественнаго посольства и въѣхалъ на арену на семи колесницахъ, запряженныхъ четверками; этимъ великолѣпіемъ онъ хотѣлъ доказать, что его родной городъ не обѣднѣлъ отъ войны.

Алкивіадъ. Мраморный бюстъ въ Ватиканѣ.

Сицилійская экспедиція.

Онъ-то и увлекъ народъ аѳинскій къ невѣроятно-смѣлому предпріятію, извѣстному подъ названіемъ *Сицилійскаго похода*. Поводъ къ этому предпріятію былъ поданъ усобицей между двумя весьма незначительными городами острова Сициліи; одинъ изъ нихъ, *Эгеста*, обратился за помощью въ Аѳины потому, что другой, *Селинунтъ*, опирался на Сиракузы, колонію дорійскую. Это ходатайство о помощи, указывая дальновидной политикѣ новое поле дѣйствія, привело къ важному кризису въ жизни аѳинскаго народа. Та часть аѳинскаго общества, которую можно было бы назвать на новѣйшемъ историческомъ языкѣ «молодыми Аѳинами», и во главѣ ея Алкивіадъ,—жаждали политики въ величавомъ стилѣ, и подъ стать ихъ идеямъ, въ массѣ приверженцевъ подобной политики давно уже сдѣлалось общимъ желаніе утвердиться на такомъ удобно-расположенномъ и плодородномъ островѣ, какъ Сицилія, и даже обладать имъ. Эти юные государственные мужи, не затрудняясь и не останавливаясь ни передъ чѣмъ, уже простирали виды на Италію и Африку, Этрурію и Карѳагенъ, пренебрегая и осмѣивая старыя традиціи и осторожную политику Перикла... Экспедиція въ Сицилію—на помощь Эгестѣ—была рѣшена. Броженіе въ Аѳинахъ было чрезвычайное: юношество и толпа страстно ухватились за мысль о подобномъ походѣ, на который всѣ смотрѣли, какъ на предпринимаемый съ цѣлью завоеваній; приливъ добро-

вольцевъ, желавшихъ поступить въ ряды войска, былъ громадный,—можно было подумать, что наступаетъ новая эра въ жизни государства. И напрасно противился Никій, представитель традиціи Кимонова и Аристидова временъ, осуществленію этой экспедиціи, которая должна была отвлечь военныя силы Аѳинъ вдаль, въ такое время, когда въ самой Греціи нельзя было ручаться ни за одинъ день. Порицанія Никія и его указанія на то, что это предпріятіе будетъ стоить огромныхъ затратъ, только еще болѣе повредили дѣлу; народъ удвоилъ затраты, предположенныя Никіемъ, и избралъ его самого, Алкивіада и Ламаха (довольно извѣстнаго полководца) предводителями экспедиціи, вручивъ имъ весьма обширныя полномочія.

Кощунство надъ статуями Гермеса.

Какъ велико было возбужденіе въ средѣ кружковъ консервативныхъ, это доказывается загадочною продѣлкою—извѣстнымъ кощунствомъ надъ статуями Гермеса. Незадолго до отплытія экспедиціи, въ одно утро оказалось, что всѣ Гермы, т. е. священные камни съ головою Гермеса, бога торговли и мореплаванія, всюду въ городѣ воздвигнутыя въ качествѣ символовъ мирныхъ торговыхъ сношеній, были изуродованы; и это кощунство привело въ ужасъ всю еще весьма наивно-вѣровавшую массу аѳинскаго народа. То, что не могла даже и въ то время (или не хотѣла) выяснить аѳинская полиція, то конечно останется неразъясненнымъ и для современнаго изслѣдователя, работающаго по матеріаламъ весьма недостаточнымъ; но есть основаніе думать, что этимъ чрезвычайнымъ злодѣяніемъ, этимъ несчастнымъ предзнаменованіемъ желали возбудить въ народѣ опасеніе противъ экспедиціи, а затѣмъ и навлечь подозрѣніе на ревностнѣйшаго поборника этой экспедиціи, Алкивіада, легкомысліе котораго уже не разъ проявлялось въ осмѣяніи священныхъ обрядовъ. Довольно яснымъ представляется намъ и то, что злодѣяніе было совершено немногими участниками, и притомъ приведено въ исполненіе быстро, умно и тайно, и что никакого безпристрастнаго разслѣдованія не было произведено. Но цѣль, къ которой стремились лица, совершившія злодѣяніе (кто бы они ни были), не была достигнута (415).

Осада Сиракузъ (415).

Съ удивительнымъ мастерствомъ рисуетъ намъ Ѳукидидъ рядъ картинъ этой трагической экспедиціи, цѣлью которой былъ первый изъ сицилійскихъ городовъ—дорійскій г. *Сиракузы*; при этомъ онъ самымъ величавымъ образомъ доказалъ, что историкъ, проникнутый сознаніемъ своихъ высокихъ обязанностей, можетъ найти въ себѣ силу для точнаго, правдиваго и безпристрастнаго изложенія даже того, что ему особенно горько и тягостно излагать, какъ патріоту. Едва-ли до насъ дошла отъ древности другая, подобная же картина, настолько же сохранившая всю свѣжесть своихъ красокъ? По Ѳукидиду мы можемъ прослѣдить это предпріятіе, начиная отъ ранняго утра того іюльскаго дня (415 г.), когда войска изъ города направились къ гавани и, послѣ жертвоприношеній, вознесенныхъ необозримою толпою народа, направились на ожидавшіе ихъ корабли, которые пустились въ свой гибельный путь, весело обгоняя другъ друга; затѣмъ, по прибытіи флота въ италійскія воды, мы видимъ нерѣшительность и несогласіе въ средѣ вождей, мы видимъ перстъ судьбы въ прибытіи того государственнаго корабля, который долженъ

былъ увезти въ отечество Алкивіада — единственного человѣка, способнаго провести это предпріятіе до конца или во-время отъ него отказаться *). И вотъ, честный, преданный своему отечеству, но ограниченный Никій видитъ себя вынужденнымъ приняться за руководство предпріятіемъ, которое онъ положительно не одобрялъ, которое по самому существу своему вполнѣ противурѣчило и его природнымъ свойствамъ, и его политическимъ воззрѣніямъ. Онъ подступаетъ къ городу послѣ долгаго промедленія, въ теченіе котораго Сиракузяне имѣли возможность приготовиться къ оборонѣ. Весною 414 г. начинается осада, ведется усиленно, побѣда уже близка; но вскорѣ все измѣняется. Злой духъ Аѳинъ, Алкивіадъ, съ безпримѣрной наглостью перешедшій на сторону враговъ и бѣжавшій въ Спарту, вступается въ дѣло; по его наущенію, спартанскій военачальникъ, *Гилиппъ*, прибылъ въ Сицилію съ небольшимъ отрядомъ, проникъ черезъ аѳинскія линіи въ осажденный городъ, принялъ начальство надъ Сиракузянами, успѣлъ ободрить ихъ, и осенью того-же года положеніе осаждающихъ ухудшилось настолько, что самую осаду уже можно было продолжать съ надеждою на успѣхъ только въ случаѣ присылки сильныхъ подкрѣпленій изъ Аѳинъ. Подкрѣпленія были посланы, но Никій не былъ отозванъ обратно:—народъ, жаждавшій успѣха экспедиціи и увѣренный въ томъ, что въ ней затронута честь «имени Аѳинъ», къ сожалѣнію, слишкомъ довѣрялъ своему малоспособному вождю. Демосѳенъ, приведшій подкрѣпленія изъ Аѳинъ, послѣ первой же неудачи, призналъ, что слѣдуетъ отказаться отъ несчастнаго предпріятія; но Никій никакъ не можетъ рѣшиться на этотъ шагъ. Наконецъ и онъ рѣшается на это; но тутъ лунное затменіе (27 авг. 413 г.) довершаетъ дѣло: жрецы объявляютъ, что отплытіе можетъ совершиться только черезъ трижды-девять дней! Тогда Сиракузяне, пользуясь этимъ невозвратно утраченнымъ временемъ, загораживаютъ входъ въ гавань, гдѣ стоятъ аѳинскіе корабли, и только побѣдою могутъ они проложить себѣ путь въ открытое море—единственный путь къ спасенію. Послѣдовала битва въ большой Сиракузской гавани; описаніе ея у Ѳукидида живо переноситъ насъ въ то отдаленное время и заставляетъ переживать тѣ ощущенія, которыя, во время этой страшной битвы, переживали Сиракузяне, слѣдившіе за ходомъ ея со стѣнъ города и съ окружающихъ его высотъ. Приближался-ли къ берегу, въ общей сутолокѣ, аѳинскій корабль и экипажъ его собирался искать спасенія по берегу,—стоявшіе тамъ спрашивали его: не думаетъ-ли онъ сухопутьемъ вернуться въ Аѳины? Когда въ такомъ же положеніи находился сиракузскій корабль, Сиракузяне кричали землякамъ своимъ съ берега, что смерть есть жребій всѣхъ людей, и что нѣтъ смерти прекраснѣе, какъ на водахъ родного города!— Въ концѣ концовъ аѳинянамъ не удалось прорваться въ море — единственный путь къ спасенію былъ утраченъ.

Послѣднія движенія аѳинскаго войска, попытка отступленія внутрь острова для соединенія съ дружественными племенами—все это было не Катастрофа 413 г.

*) Враги Алкивіада воспользовались его отсутствіемъ, чтобы возбудить противъ него народъ и вызвать его въ судъ, по обвиненію въ преступленіи противъ религіи.

болѣе, какъ содроганія умирающаго. Побѣдители преслѣдовали Аѳинянъ по пятамъ; сначала была обезоружена окруженная въ оливковомъ саду Сиракузянами часть аѳинскаго войска, подъ предводительствомъ Демосѳена; въ 5 часахъ пути отъ Сиракузъ, на берегахъ маленькой рѣчки *Азинара*, войско Никія остановилось; порядокъ былъ нарушенъ окончательно; это уже не войско, а толпа несчастныхъ людей, измученныхъ лишеніями и жаромъ, отчаянныхъ бѣглецовъ, которымъ Никій, проявившій въ крайности большое самообладаніе, еще разъ предлагаетъ сразиться, и—когда они ему въ томъ отказываютъ—предоставляетъ себя и ихъ великодушію того Спартіата, который руководилъ Сиракузянъ въ побѣдѣ. Сиракузяне не послушали Гилиппа, который хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, спасти вождей аѳинскаго войска: — Никій и Демосѳенъ пали жертвами народной мести. Тѣ изъ плѣнныхъ, которые не погибли въ Сиракузскихъ каменоломняхъ, были проданы въ рабство; «скачущій конь» — гербъ города Сиракузъ, былъ у нихъ выжженъ на лбу и указывалъ на то, что свободные граждане аѳинскіе отнынѣ стали собственностью города Сиракузъ. Немногіе изъ жертвъ этой катастрофы, которыхъ можно было мѣстами встрѣтить на островѣ, старались снискать себѣ смягченіе своей горькой доли тѣмъ, что читали вслухъ трогательные стихи изъ трагедій Эврипида, въ то время любимѣйшаго трагика аѳинянъ.

Не трудно вычислить, что долгая осада и заключительная катастрофа ея стоила Аѳинянамъ не менѣе 8000 аѳинскихъ гражданъ и около 200 триремъ; можно сказать, что едва-ли когда-либо высокомѣріе демократіи, избалованной долгимъ періодомъ счастія, наказывалось болѣе страшнымъ ударомъ! И едва-ли когда-либо болѣе яснымъ представлялось всѣмъ и каждому неудобство такого государственнаго устройства, при которомъ, въ рѣшеніи трудныхъ вопросовъ и положеній внѣшней политики, послѣднее, рѣшающее слово принадлежитъ народному собранію. Каждый видѣлъ наступленіе бѣдствія; никто—и менѣе всего сами полководцы — не сознавалъ въ себѣ мужества или права это бѣдствіе во-время отклонить или отъ него отстраниться. И если мы въ данномъ случаѣ должны обвинить аѳинянъ, то, съ другой стороны, справедливость побуждаетъ насъ признать, что, напротивъ того, способъ дѣйствій аѳинянъ, послѣ пережитой ими ужасной катастрофы, былъ достоинъ лучшихъ временъ аѳинской республики и лучшихъ дѣяній прошлаго. Вскорѣ послѣ того, какъ аѳинскіе граждане справились съ первымъ, потрясающимъ впечатлѣніемъ катастрофы, они одумались и приготовились къ одной изъ славнѣйшихъ въ исторіи человѣчества оборонительныхъ войнъ, только девять лѣтъ спустя закончившейся взятіемъ Аѳинъ Спартанцами, послѣ всевозможныхъ колебаній счастья то въ ту, то въ другую сторону.

Отчаянное положеніе и героизмъ Аѳинъ.

Такъ начался *третій* періодъ войны (413—404), главный интересъ которой вращается преимущественно около этой изумительной обороны. Несчастливый исходъ сицилійскаго похода, конечно, тотчасъ-же вызвалъ противъ Аѳинъ цѣлую коалицію хищныхъ враговъ, желавшихъ поживиться богатою добычею. Прежніе противники Аѳинянъ въ самой Греціи получили новое подкрѣпленіе со стороны Сиракузянъ, еще не пресыщенныхъ местью и явившихся доказать свою признатель-

ность дорійскимъ союзникамъ, оказавшимъ помощь ихъ городу; къ коалиціи примкнули и города, участвовавшіе въ Делосскомъ союзѣ, отпавшіе отъ Аѳинъ вслѣдствіе понесеннаго ими пораженія или просто пользовавшіеся случаемъ выбиться изъ-подъ ихъ власти, потому что подъ вліяніемъ Спарты во главѣ управленія этихъ городовъ явилась партія олигархическая. Особенно чувствительнымъ для Аѳинъ было отпаденіе отъ нихъ *Хіоса* (412), который все же занималъ въ союзѣ положеніе выдающееся. Къ этимъ противникамъ Аѳинъ присоединились, наконецъ, и Персы. На быстро долетѣвшее до Сузы извѣстіе о пораженіи Аѳинянъ въ Сициліи, правительство персидское отвѣтило очень странною мѣрою: царская казна вновь потребовала отъ двоихъ сатраповъ Малой Азіи внесенія тѣхъ даней, которыя нѣкогда платили царю Персидскому греческіе малоазійскіе города. И уже въ 412 году между сатрапомъ Тиссаферномъ и Спартою былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ, по которому постановлено было, что Артаксерксу I, царю Персидскому (съ 465 г.), слѣдуетъ возвратить всѣ его прежнія владѣнія на берегахъ Малой Азіи.

Спартанцы въ Аттикѣ.

По счастью, всѣ эти противники выказали себя медлительными, и Аѳиняне успѣли далеко обогнать ихъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ: уже къ концу 412 года они снова обладали флотомъ, состоявшимъ изъ 104 триремъ, тогда какъ въ пелопоннезскомъ флотѣ ихъ было всего 94. Хуже всего было то, что Спартанцы, по совѣту Алкивіада, вмѣсто ежегодныхъ своихъ вторженій въ Аттику, заняли въ этой области мѣстечко *Декелейю* *), укрѣпили его и помѣстили въ немъ сильный гарнизонъ. Это не повело непосредственно къ столкновенію, но было все же чрезвычайнымъ стѣсненіемъ для аѳинянъ; не даромъ Аристофанъ, въ знаменитой своей комедіи «Облака», влагаетъ въ уста Стрепсіада жалобу на то, что «теперь нельзя даже и рабовъ своихъ выпороть всласть—того и гляди, что убѣгутъ въ спартанскій лагерь». Мы знаемъ, что и дѣйствительно между рабами въ Аѳинахъ эти побѣги сдѣлались обычнымъ дѣломъ. Вообще же говоря, война около этого времени велась очень вяло, и всѣ были гораздо менѣе заняты войной, нежели интригами, въ которыхъ вскорѣ Алкивіаду опять пришлось играть главную роль.

Алкивіадъ.

Послѣ того, какъ Алкивіадъ въ теченіе долгаго времени пользовался при спартанскомъ правительствѣ вліятельнымъ положеніемъ полезнаго совѣтника, пришло и такое время, въ которое недовѣріе къ нему, никогда вполнѣ не проходившее, стало вновь преобладать. Человѣкъ онъ былъ въ Спартѣ безправный, да притомъ сталъ признаваться неудобнымъ—такъ съ нимъ и не поцеремонились: эфоры изготовили ему смертный приговоръ. Но хитрый Іонянинъ не дался имъ въ руки: онъ бѣжалъ къ сатрапу Тиссаферну и вѣроятно при его дворѣ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ среди Спартанцевъ, которыхъ презиралъ отъ души, какъ истый аѳинянинъ. И вотъ онъ задумалъ примириться со своимъ роднымъ городомъ и даже готовъ былъ предложить своимъ согражданамъ награду за это примиреніе: онъ надѣялся склонить въ ихъ пользу сатрапа, у котораго вскорѣ сталъ пользоваться большимъ значеніемъ.

---

*) Декелейя находилась въ пяти часахъ пути къ С. отъ Аѳинъ.

Политическая борьба въ Аѳинахъ.

Повидимому, однакоже, Тиссафернъ, въ видѣ ручательства, потребовалъ измѣненія демократическаго правленія въ Аѳинахъ въ смыслѣ преобладанія аристократическаго принципа. И такому измѣненію дѣйствительно способствовали въ данное время многія обстоятельства. Послѣ того, какъ многіе изъ новыхъ людей, подобныхъ Клеону, Гиперволу и др., вышедшіе изъ низшихъ слоевъ народа, привели демократію къ цѣлому ряду неудачъ, древне-аѳинскіе, аристократическіе элементы сплотились тѣснѣе; явились въ обществѣ *гетэріи* или клубы; припомнили и то, что несчастная сицилійская экспедиція не одобрялась однимъ изъ представителей аристократическаго сословія, честнымъ и вѣрнымъ правительству Никіемъ. Многимъ демократическая форма правленія стала казаться неудобною, и это направленіе нашло себѣ горячаго сторонника въ талантливѣйшемъ и остроумнѣйшемъ изъ всѣхъ аѳинскихъ писателей—въ *Аристофанѣ*. Миръ былъ необходимъ: но какъ же могло демократическое правленіе прійти къ какому бы то ни было соглашенію со Спартой? Алкивіадъ, повидимому, надѣялся добиться своего возвращенія въ Аѳины при помощи олигархической партіи, которая временно получила нѣкоторую точку опоры въ довольно распространенномъ настроеніи массы. Но эти надежды рухнули потому, что Алкивіаду не удалось переманить Персовъ на сторону Аѳинъ, и ему стали не довѣрять. даже опасаться его; олигархическая партія рѣшилась дѣйствовать и помимо его, и—отчасти при помощи насилія, отчасти при помощи ловкой интриги—произвела такой государственный переворотъ, при помощи котораго солоновское государственное устройство было устранено и замѣщено олигархическимъ способомъ правленія. Эту перемѣну старались нѣсколько прикрыть тѣмъ, что въ механизмѣ новаго правленія оставили мѣсто и для экклезіи, состоявшей изъ 5000 зажиточнѣйшихъ гражданъ (слѣдовательно, народное собраніе, и притомъ на довольно широкой демократической основѣ); но эта экклезія никогда не собиралась, потому что право созывать ее было предоставлено особому *совѣту четырехсотъ* (411 г.) Вѣсть объ этомъ переворотѣ въ правленіи вызвала возстаніе въ аѳинскомъ флотѣ, въ то время находившемся близъ береговъ Самоса. Слова, нѣкогда высказанныя Ѳемистокломъ наканунѣ Саламинской битвы, не утратили своего значенія для этихъ аѳинянъ: они пришли къ убѣжденію, что здѣсь, за стѣнами кораблей, сохранилось настоящее аѳинское государство и весь строй ихъ родного города; что «не они, возставая противъ новыхъ порядковъ, отпадаютъ отъ города, а городъ отъ нихъ отпадаетъ». Такъ выразился одинъ изъ вождей ихъ, Ѳразивулъ; затѣмъ аѳинскіе моряки побратались съ гражданами Самоса, державшими сторону демократіи; всѣ поклялись держаться демократическаго способа правленія и обязались вести войну съ Пелопоннезомъ, не щадя никакихъ усилій. А такъ какъ имъ нуженъ былъ вождь съ громкимъ именемъ, и Алкивіадъ пользовался славою человѣка, который можетъ добиться всего, чего захочетъ,—то они его призвали и онъ принялъ надъ ними начальство.

Возвращеніе Алкивіада. Побѣды Аѳинянъ.

И можно сказать, что онъ именно былъ человѣкомъ, вполнѣ подходящимъ для такого запутаннаго положенія. Онъ выказалъ и знаніе людей, и осмотрительность, и патріотизмъ, и съумѣлъ отстранить тѣ крайнія

мѣры, къ которымъ, какъ извѣстно, люди тогда именно выказываютъ наибольшую склонность, когда они наименѣе способны привести ихъ въ дѣйствіе. Пока онъ посредничалъ, новый переворотъ произошелъ въ Аѳинахъ; олигархія была низвержена и прежнее государственное устройство возстановлено, при чемъ партія, взявшая верхъ, выказала большую умѣренность. Тяжеловѣсная спартанская политика не съумѣла воспользоваться и этимъ опаснымъ кризисомъ. И вотъ, счастье какъ будто вновь улыбнулось утѣсненнымъ Аѳинамъ: подъ предводительствомъ Ѳразивула и Ѳразилла, Аѳиняне одержали при Абидосѣ побѣду надъ пелопоннезскимъ флотомъ, который все это время оставался празднымъ; въ слѣдующемъ (410) году, уже при содѣйствіи Алкивіада, они одержали вторую, болѣе полную, побѣду при *Кизикѣ* (въ Пропонтидѣ) надъ пелопоннезскимъ флотомъ и войсками персидскаго сатрапа Фарнабаза. Донесеніе спартанскихъ начальниковъ, заступившихъ мѣсто убитаго въ сраженіи Миндара, дошло до насъ въ своей первоначальной формѣ и даетъ отличное понятіе о лаконическомъ дѣловомъ слогѣ Спартанцевъ: «кораблей нѣтъ, Миндаръ убитъ; люди голодаютъ; мы безпомощны; что дѣлать?»

Лизандръ. Союзъ съ Персіей.

Эти побѣды способствовали окончательному примиренію Алкивіада съ его согражданами и въ 408 году онъ торжественно возвращенъ былъ въ Аѳины. Весь городъ—свободные граждане и рабы — сбѣжался въ гавань въ тотъ день, когда ожидали его прибытія, и толпа отнеслась къ нему съ тѣмъ беззавѣтнымъ довѣріемъ, которое она и въ республикахъ, и въ монархіяхъ одинаково питаетъ къ великимъ именамъ. Однакоже, того довѣрія, которое бы его одного уполномочило стоять у кормила правленія, довѣрія не къ таланту, а къ характеру, довѣрія, котораго не могъ бы подорвать временный неуспѣхъ,—такого довѣрія онъ не встрѣтилъ въ Аѳинахъ; да, можетъ-быть, и не заслуживалъ? Такой именно неуспѣхъ, постигнувшій одного изъ второстепенныхъ его военачальниковъ (онъ самъ тутъ былъ ни при чемъ!), привелъ къ его паденію уже въ слѣдующемъ (407) году, подъ вліяніемъ того страшнаго деспотизма, который присвоила себѣ толпа, въ это время уже расположенная считать всякое обманутое ожиданіе, всякую неудачу—за государственную измѣну. Такимъ образомъ былъ устраненъ единственный человѣкъ, способный успѣшно вести борьбу съ коалиціей, преобладавшей въ послѣдній годъ этой войны, и основанной на тѣсной связи спартанскаго наварха Лизандра съ однимъ изъ младшихъ князей дома Ахэменидовъ, съ Киромъ-Младшимъ. Эти оба дѣятеля, и Спартіатъ изъ рода Гераклитовъ, и младшій братъ наслѣдника персидскаго престола (сынъ Дарія II, царствовавшаго съ 424 г.), были ярые честолюбцы; они и тогда уже задумали—каждый у себя дома—забрать власть въ свои руки, и потому легко сблизились между собой. Они оба, въ противуположность традиціямъ ихъ народовъ, были людьми новѣйшей формаціи. Въ Лизандрѣ высокомѣріе Спартіата и суровая безпощадность дорійскаго знатнаго вельможи соединялись съ самоновѣйшимъ софистическимъ невѣріемъ, которое давало ему возможность, въ интересахъ-ли государства, или въ интересахъ собственнаго преобладанія, какъ ни по чемъ, приносить вѣроломныя клятвы всѣмъ богамъ, либо пускать въ обращеніе ложныя изреченія

оракуловъ. Онъ былъ, можно сказать, вторымъ Алкивіадомъ на спартанской почвѣ, съ тою только разницею, что ему не пришлось поднять оружія противъ своей родины. Киръ-Младшій, съ другой стороны, былъ однимъ изъ тѣхъ весьма немногихъ Персовъ, которые были расположены ко всему, что составляло основу эллинизма: къ «свободѣ», которой онъ до извѣстной степени завидовалъ,—завидовалъ, не понимая ея сущности, наравнѣ съ большинствомъ всѣхъ восточныхъ людей, но признавая въ то же время всѣ преимущества, какія эта свобода давала Эллинамъ при каждой борьбѣ съ Азіатами. При этомъ у него не было недостатка ни въ персидской національной гордости, ни въ умѣньи пользоваться восточнымъ деспотизмомъ:—кому случалось проѣзжать по управляемой имъ провинціи, тому не трудно было убѣдиться въ быстротѣ обычной у него короткой расправы по множеству встрѣчавшихся на пути людей съ обрѣзанными ушами или съ изуродованными руками. Какъ истый Персъ, Киръ-Младшій раздѣлялъ и ту злобную ненависть къ аѳинянамъ, которую питали всѣ Персы со временъ пораженій, нанесенныхъ имъ во время великой войны за освобожденіе Греціи. Лизандръ съумѣлъ воспользоваться денежными средствами молодого князя, какъ подспорьемъ для обще-пелопоннезскаго дѣла, но затѣмъ на нѣкоторое время удалился съ театра войны, потому что однимъ изъ основныхъ правилъ спартанскаго правительства была обязательная замѣна одного наварха другимъ, послѣ годового командованія. Его смѣнилъ *Калликратидъ*, котораго не даромъ называютъ справедливѣйшимъ изъ Спартанцевъ; это былъ дѣйствительно одинъ изъ немногихъ избранныхъ людей Спарты, который еще былъ проникнутъ духомъ древне-эллинскаго, обще-эллинскаго патріотизма, и потому не пожелалъ унижаться передъ персидскими вельможами. Онъ заперъ весь аѳинскій флотъ въ Митиленской гавани. Однакоже аѳиняне, доведенные до крайности, еще разъ съумѣли сдѣлать невозможное возможнымъ. Путемъ величайшихъ усилій они успѣли быстро создать новый флотъ, который нанесъ Пелопоннезцамъ страшное пораженія при *Аргинузскихъ островахъ* (406), и самъ Калликратидъ палъ въ этой битвѣ.

Истощеніе Аѳинъ.

О немъ разсказываютъ, будто онъ сказалъ, что, по возвращеніи изъ похода, онъ почтетъ своею обязанностью позаботиться о примиреніи Эллиновъ. Но, послѣ его смерти, объ этомъ не было и рѣчи; одинъ изъ двоихъ противниковъ долженъ былъ пасть прежде, чѣмъ можно было думать о возстановленіи мира. А между тѣмъ въ Аѳинахъ наступили тяжелые дни: полководцы, побѣдившіе при Аргинузскихъ островахъ, были приговорены къ смерти возбужденною противъ нихъ толпою (безъ соблюденія всякихъ законныхъ формъ) и казнены за то, что они, будто бы, послѣ побѣды не приняли мѣръ къ спасенію погибавшихъ въ волнахъ, въ чемъ однакоже препятствовала имъ буря. А Спартанцы между тѣмъ поставили вновь Лизандра во главѣ флота: онъ былъ въ сущности главнымъ начальникомъ, а другое лицо носило только титулъ наварха.

Битва при Эгоспотамосѣ (405 г.)

Въ 405 г. нанесенъ былъ послѣдній, рѣшительный ударъ. Близъ Лампсака, на Геллеспонтѣ, при Эгоспотамосѣ (Козьей рѣкѣ), Лизандръ внезапно напалъ на аѳинскій флотъ, обманувъ аѳинянъ цѣлымъ рядомъ

неловкихъ маневровъ, которые могли свидѣтельствовать о весьма плохомъ состояніи спартанской армады; Аѳиняне дались въ обманъ, и Лизандръ засталъ ихъ врасплохъ, въ состояніи полной безпечности и безпомощности, такъ что дѣло, собственно говоря, даже вовсе и не дошло до сраженія. Изъ большого аѳинскаго флота—180 триремъ—лишь весьма немногія суда успѣли уйти подъ предводительствомъ отличнаго моряка Конона, и между ними одинъ изъ трехъ государственныхъ почтовыхъ кораблей, Паралосъ. Этотъ корабль и привезъ въ Аѳины страшное извѣстіе о пораженіи: всѣмъ стало ясно, что конецъ близокъ. Не было болѣе никакихъ вспомогательныхъ средствъ и никакой надежды, когда, позднею осенью того же года, Лизнадръ, съ 150 триремами, сталъ блокировать Пирей и въ то же время царь Павзаній подступилъ къ городу съ С. съ сухопутнымъ войскомъ. Аѳины долго выдерживали осаду, но, наконецъ, голодъ вынудилъ городъ къ сдачѣ (404 г.).

Миръ (404 г.).

Миръ былъ дàромъ Спартанцевъ. «Аѳины взяты нами»,—такъ сообщалъ Лизандръ своему правительству объ этомъ событіи. «Удовольствуемся этимъ взятіемъ»,—такъ отвѣчало ему правительство. Этотъ отвѣтъ касался, главнымъ образомъ, тѣхъ дикихъ плановъ мщенія, которые теперь высказывались съ разныхъ сторонъ. Коринѳяне и Ѳиванцы добивались даже прямо раззоренія Аѳинъ, которыя, по ихъ мнѣнію, слѣдовало обратить «въ овечье пастбище». Но это вовсе не входило въ расчеты Спартанцевъ: они нуждались въ Аѳинахъ, какъ въ противовѣсѣ противъ тѣхъ же черезчуръ ревностныхъ союзниковъ, которые современемъ могли явиться ихъ врагами. Въ виду этого Спартанцы удовольствовались разрушеніемъ арсенала и уничтоженіемъ матеріаловъ для кораблестроенія; разрушена была также довольно значительная часть городскихъ стѣнъ. Паденіе аѳинской демократіи и подчиненіе Аѳинъ Спартѣ было также весьма точно обусловлено. Спартанцы настаивали на томъ, чтобы Аѳины возвратились къ государственному устройству своихъ отцовъ, и всѣмъ при данныхъ условіяхъ было понятно, чего собственно они добивались. И вотъ, худшіе люди послѣдняго олигархическаго переворота были призваны къ кормилу правленія и образовали правительственную комиссію, состоявшую изъ 30 членовъ. Послѣ того, какъ и Самосъ, гдѣ демократы противились Спартѣ, былъ захваченъ Лизандромъ и переданъ въ руки тамошнихъ олигарховъ, преобладаніе аристократическаго принципа и господство Спартанцевъ въ Элладѣ было окончательно установлено.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Преобладаніе Спартанцевъ.—Возвышеніе Ѳивъ.—Возстановленіе могущества Аѳинъ.

Миръ.—Спартанская гегемонія.

Нѣсколько десятилѣтій подъ-рядъ Спарта стояла во главѣ Греціи. Въ *одномъ* только смыслѣ Спарта могла дѣйствительно господствовать надъ этимъ чрезвычайно разнообразнымъ и разрозненнымъ міромъ: въ распоряженіи ея было небольшое, но постоянное войско, состоявшее изъ настоящихъ воиновъ, притомъ еще не просто обладавшихъ военною техникою, но и воодушевленныхъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Слава, предшествовавшая всюду этому войску, удесятеряла его значеніе; сверхъ того, Спартанцы всюду въ городахъ встрѣчали болѣе или менѣе сильную аристократическую партію, среди которой не было недостатка въ личностяхъ выдающихся. Что же касается до большинства населенія, то оно, какъ и послѣ каждой большой войны, было искалѣчено, запугано, подавлено, да къ тому же и Лизандръ былъ въ это время для Спарты наиболѣе подходящимъ человѣкомъ. Онъ собственно и былъ главнымъ руководителемъ судебъ Греціи: около него группировались по городамъ вожди олигархической партіи, всѣ лично ему извѣстные; и онъ, въ ближайшіе годы послѣ паденія Аѳинъ, игралъ точно такую же роль, на какую нѣкогда имѣлъ притязаніе Павзаній; но только Лизандръ былъ къ ней гораздо болѣе способенъ и умѣлъ подчинять окружающихъ дѣйствію своей личной тиранніи, прикрываясь именемъ Спарты.

Олигархи въ Аѳинахъ.

Аѳины представляли зрѣлище оригинальное. Положеніе аѳинскаго общества, отчасти, было подготовлено олигархическими клубами, давно уже существовавшими въ Аѳинахъ. Пять комиссаровъ, которымъ безъ дальнихъ околичностей дано было спартанское названіе *эфоровъ*, побудили народное собраніе, еще находившееся подъ гнетомъ только что перенесенныхъ страданій, къ выбору 30 человѣкъ, которые должны были одновременно и управлять Аѳинами, и набрасывать планъ новаго государственнаго устройства. Совѣтъ былъ оставленъ въ прежнемъ видѣ, но не смѣлъ и пикнуть, потому что спартанскій гармостъ, съ отрядомъ войска, занималъ Акрополь, да, сверхъ того, въ распоряженіи олигарховъ состояло извѣстное количество наемниковъ, большею частью чужеземцевъ, всегда готовыхъ на всякое насиліе. Эмиграція, возвращавшаяся въ Аѳины, ликовала. Вскорѣ дѣло дошло до того, что насилія стали совершаться уже не

по политическимъ причинамъ, а по чисто-личнымъ побужденіямъ, по ненависти, корыстолюбію и другимъ низкимъ пристрастіямъ. При этомъ, утонченная злоба правителей доказывалась и на практикѣ: такъ, напримѣръ, тридцать правителей ввели въ обычай, чтобы всѣ насильственныя мѣры, принятыя по ихъ приказанію, приводились бы въ дѣйствіе именитыми гражданами, которыхъ этимъ путемъ правители хотѣли опорочить въ глазахъ народа, и вынужденнымъ участіемъ въ ихъ злодѣйствахъ—заставить перейти на свою сторону.

Ихъ насильственное господство.

Большимъ счастьемъ было то, что среди этихъ 30-ти правителей ни одинъ не пользовался своей неограниченной властью съ безусловнымъ авторитетомъ: власть эта дробилась между двумя умными злодѣями, *Критіемъ* и *Ѳерименомъ*. Послѣдній, принимавшій личное участіе въ недавнихъ мирныхъ переговорахъ въ Спартѣ и въ главной квартирѣ войскъ, осаждавшихъ Аѳины, отлично зналъ аѳинскій народъ: цѣль его заключалась въ томъ, чтобы создать прочное положеніе, подготовить мало-по-малу почву для олигархіи въ самомъ народѣ. Онъ стремился къ тому, чтобы привлечь на сторону аристократическаго государственнаго устройства всѣхъ зажиточныхъ гражданъ, т. е. тѣ 3,000 человѣкъ изъ «высшаго слоя» аѳинскаго населенія, которые имѣли возможность изъ собственныхъ средствъ запастись полнымъ вооруженіемъ гоплита. Этотъ Ѳерименъ, былъ, по складу ума, человѣкъ государственный; Критій же былъ, напротивъ того, весьма способный, но жесткій и дурной человѣкъ, который не затруднялся съ величайшимъ цинизмомъ открыто заявлять, что «гдѣ сила заступаетъ мѣсто права, тамъ слѣдуетъ силою и пользоваться». Быть-можетъ, онъ былъ и правъ; мудрено было передѣлать старую демократію въ олигархію путемъ полюбовныхъ соглашеній и тонкостей. Болѣе же всего онъ признавалъ необходимымъ установленіе единства среди 30-ти правителей; и вотъ, съ необычайною дерзостью человѣка, готоваго на всякое преступленіе, онъ приказалъ схватить Ѳерамена у подножія того алтаря, который находился въ помѣщеніи совѣта, произнести надъ нимъ смертный приговоръ и свести его въ тюрьму, гдѣ ему тотчасъ же поднесенъ былъ кубокъ съ ядомъ.

Ихъ паденіе.

Но эта побѣда террористической партіи привела вскорѣ къ такому положенію, когда—по весьма мѣткому выраженію одного новѣйшаго историка—самый страхъ уже внушаетъ мужество людямъ. 30 правителей составили списокъ 3,000 гражданъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, они могли довѣриться; имъ они оставили оружіе, между тѣмъ какъ всѣ прочіе граждане были обезоружены. Послѣднихъ стали мало-по-малу выселять изъ города; многіе изъ нихъ были даже тайно казнены. Свободное слово само собою замерло на устахъ у всѣхъ, а тамъ, гдѣ оно случайно доносилось до ушей правителей, дерзнувшій открыто высказываться вскорѣ испытывалъ на себѣ ихъ тяжелую руку. Такъ, о Сократѣ было имъ донесено, что онъ сказалъ: «плохой тотъ пастухъ, который свои стада сокращаетъ». Его призываютъ къ отвѣту, и одинъ изъ тридцати намекаетъ ему, что ему не мѣшаетъ поостеречься, «а не то можетъ случиться», добавилъ онъ съ напускнымъ остроуміемъ,—«что и ты попадешь въ число сокращаемыхъ». Начинаются побѣги изъ Аѳинъ: бѣгутъ сотнями; а спар-

танское правительство воспрещаетъ своимъ союзнымъ городамъ принимать у себя бѣглецовъ изъ Аѳинъ. Но изъ числа этихъ союзныхъ городовъ, Ѳивы и Коринѳъ, были ужъ и безъ того раздражены грубостью и безцеремонностью, съ которой спартанцы пользовались своимъ главенствомъ; даже и въ самой Спартѣ старо-спартанская партія была крайне недовольна своеволіемъ Лизандра, который, по личному произволу, разрѣшалъ всѣ вопросы внѣшней политики. Въ виду этого недовольства, весьма большое количество аѳинскихъ бѣглецовъ собралось въ Ѳивахъ. Среди нихъ находился и Ѳразивулъ—человѣкъ, пользовавшійся значеніемъ: когда около него собралось достаточное количество аѳинянъ, онъ перешелъ вмѣстѣ съ ними границу Аттики и воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы овладѣть весьма удобно расположенной горной крѣпостью *Филе*. Жалкому правительству тридцати не удалось выбить аѳинянъ изъ этой крѣпости, и, между тѣмъ какъ они пытались еще болѣе подтянуть бразды правленія въ Аѳинахъ, Ѳразивулъ въ одну ночь перешелъ разстояніе, отдѣлявшее Филе отъ Пирея, и тамъ укрѣпился при храмѣ Артемиды. Сторонники тридцати, подъ начальствомъ самого Критія, двинулись противъ Ѳразивула изъ Аѳинъ. Произошла схватка, въ которой Критій палъ, а его сторонники отступили въ Аѳины. Здѣсь, однакоже, между ними произошелъ раздоръ: часть тридцати правителей удалилась въ Элевзисъ; другая осталась въ Аѳинахъ выжидать спартанской помощи. Помощь эта и явилась: самъ Лизандръ, братъ его Либисъ, а немного позже и одинъ изъ двоихъ царей, Павсаній, который сталъ принимать жалобы на хозяйничанье 30-ти правителей, и притомъ жалобы отъ людей вполнѣ надежныхъ, расположенныхъ и къ Спартѣ, и къ аристократическому строю. Всѣ они имѣли полное право жаловаться, потому что правленіе тридцати, въ своемъ ослѣпленіи, не щадило и этихъ людей. Положеніе дѣлъ, установившееся въ Аѳинахъ, въ сущности, было весьма выгоднымъ для спартанскихъ интересовъ:—олигархія въ Элевзисѣ и демократія въ Аѳинахъ... Спартанцы и рѣшились предоставить дѣло на произволъ судьбы, и не препятствовали Ѳразивулу и его сторонникамъ занять Аѳины, между тѣмъ какъ остатокъ тридцати правителей утвердился въ 4-хъ часахъ пути отъ Аѳинъ, въ Элевзисѣ. При этомъ спартанскіе вожди, не ладившіе между собою, выказали себя очень не искусными политиками; имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что городъ Аѳины легче было обратить въ «овечье пастбище», какъ того нѣкогда желали коринѳяне, нежели въ подчиненный городъ, покорный велѣніямъ Спарты. Въ самое короткое время олигархи были окончательно сломлены, а древнее территоріальное единство Аттики, равно какъ и Солоновское государственное устройство—возстановлены (403 г.).

Возстановленіе Солоновскаго государственнаго устройства (403).

Въ высшей степени способнымъ, въ политическомъ смыслѣ, какъ и въ высшей степени умѣреннымъ выказалъ себя въ этомъ случаѣ аѳинскій народъ и тѣ мужи, которые приняли на себя заботы по общественному управленію во время этого кризиса; и мы даже склонны думать, что они дѣйствовали по соглашенію съ вліятельнѣйшими представителями умѣренной партіи въ Спартѣ. Уничтожено было все, что произошло во время «правленія тридцати»; пересмотрѣны были всѣ законы (что было также нѣкоторою уступкою по отношенію къ спартанцамъ), и демократія по край-

ней мѣрѣ настолько ограничена, что было постановлено: никакое рѣшеніе совѣта или народнаго собранія не должно быть приведено въ дѣйствіе иначе, какъ на основаніи закона.

Въ то же самое время была провозглашена полная *амнистія* и всѣ выборные присяжные, вошедшіе въ составъ возстановленной *геліи*, должны были выдать обязательство въ томъ, что будутъ соблюдать ее. Все это совершилось въ теченіе одного года, и архонтство *Эвклида* (онъ придалъ свое имя и самому году) получило вслѣдствіе этого весьма важное значеніе (403 г.).

Легко можетъ быть, что такому обороту дѣлъ много способствовали всякія личныя отношенія, а въ особенности то обстоятельство, что спартанскому правительству крайне докучала вся эта возня со всевозможными интригами, которыми была переполнена жизнь всѣхъ греческихъ государствъ: Спарта довольствовалась уже и тѣмъ, что городъ Аѳины на долгое время былъ теперь исключительно предоставленъ заботамъ о своемъ внутреннемъ устройствѣ; и дѣйствительно, Аѳины за это время какъ бы вовсе не участвовали въ политической жизни Греціи. Однакоже, въ 339 г. тамъ случилось крупное, выдающееся по значенію событіе, которое, впрочемъ, гораздо болѣе привлекло къ себѣ вниманіе потомства, нежели было замѣчено современниками: мы говоримъ о знаменитомъ процессѣ философа *Сократа*.

Софистика.

И въ самыхъ Аѳинахъ, конечно, это событіе выдавалось изъ ряда обыкновенныхъ, такъ какъ чудакъ-«софистъ», Сократъ, Софронисковъ сынъ, былъ личностью весьма извѣстною. Это былъ истый аѳинянинъ, никогда не покидавшій своего города, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ долженъ былъ выступать въ походъ вмѣстѣ съ другими, несшими обязательную военную службу:—такъ видимъ мы его подъ стѣнами Потидеи, при Амфиполѣ, при Деліонѣ. Подраставшему поколѣнію аѳинянъ онъ, можетъ-быть, былъ и нѣсколько болѣе чуждымъ, однакоже, всѣ знали о немъ, что онъ, во время суда надъ полководцами въ 406 г. и при тридцати тиранахъ, не разъ выказывалъ себя неустрашимо-мужественнымъ и независимымъ въ своихъ мнѣніяхъ, и въ одной изъ комедій Аристофана, *Облаках*, карикатура Сократа набросана такъ мѣтко, что должна была несомнѣнно врѣзаться въ сознаніе толпы. Ѳукидидъ очень умно и очень вѣрно называетъ войну «суровымъ учителемъ»; выраженіе это оказывается въ особенности вѣрнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда война, по продолжительности и значенію, походитъ на войну пелопоннезскую, и дѣйствительно, является «суровымъ учителемъ» въ томъ смыслѣ, что разрушаетъ всякіе идеалы. Она безпощадно вынуждаетъ человѣка ограничиваться одною грубою дѣйствительностью; а война пелопоннезская разразилась именно въ такое время, когда греческая жизнь, въ особенности въ Аѳинахъ, витала въ сферахъ очень высокихъ. Самый способъ правленія демократическаго—правленія, *убѣждающаго путемъ разумныхъ доводовъ*,—уже вынуждаетъ къ критикѣ, къ различенію дѣйствительно существующаго отъ того, что существуетъ только въ воображеніи, и прямымъ выразителемъ этого критическаго духа представляется намъ *Эвриидъ* въ своихъ произведеніяхъ (жилъ отъ 480—406 г.). Онъ не могъ тягаться на по-

принцѣ поэзіи съ современными ему трагиками Эсхиломъ и Софокломъ; не часто выпадала на его долю награда за его поэтическое творчество, но онъ далеко превосходилъ ихъ по непосредственному значенію своему въ толпѣ. Онъ обязанъ былъ этою популярностью тому, что самъ лишь весьма немного возвышался надъ этою толпою обыкновенныхъ смертныхъ; онъ мыслитъ, философствуетъ или разсуждаетъ, какъ они; онъ то проявляетъ себя вѣрующимъ, то легкомысленнымъ, а нерѣдко и чувствительнымъ и даже воодушевленнымъ, какъ и всѣ люди толпы. И вотъ это-то направленіе, которое всюду вносило свое критическое отношеніе къ традиціямъ и тѣсно связаннымъ съ ними религіознымъ гипотезамъ, и называютъ *софистикой*, хотя и ранѣе уже слышали о *софистахъ*, о «*мужахъ мудрости*» по профессіи, объ учителяхъ и преподавателяхъ «мудрости», хотя и довольно трудно опредѣлить, что именно разумѣютъ подъ этими двумя словами. И тогда, какъ и въ наше время, между этими мудрецами были хорошіе и дурные люди, благородные и своекорыстные, глубокіе мыслители и поверхностные, ничтожные шуты. Въ числѣ выдающихся софистовъ слѣдуетъ упомянуть о *Протагорѣ* изъ Абдеры, *Горгіи Леонтинскомъ* (изъ Сициліи) и *Продикѣ Кеосскомъ*. Первому принадлежитъ извѣстное положеніе: «*человѣкъ представляетъ собою мѣру всего существующаго*»—и это положеніе заключаетъ въ себѣ цѣлую программу софистическаго ученія; при этомъ Протагоръ выражался о богахъ, что онъ не знаетъ, существуютъ-ли они, и если они дѣйствительно существуютъ, то онъ о существѣ ихъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія; въ Аѳинахъ, гдѣ онъ училъ, онъ, конечно, не могъ ужиться съ сословіемъ жрецовъ и былъ удаленъ изъ города, какъ безбожникъ. Горгій Леонтинскій особенно выдавался между софистами своимъ искусствомъ изложенія, и когда онъ въ 424 г. явился въ Аѳины въ качествѣ посла отъ своего роднаго города, то это пребываніе его въ столицѣ Аттики осталось неизгладимо въ памяти всѣхъ, кто проявлялъ расположеніе къ высшей и утонченной образованности. Продикъ Кеосскій, въ нѣкоторомъ смыслѣ, былъ популярнѣйшимъ изъ софистовъ, и его аллегорія о Гераклѣ, пришедшемъ на распутье, до нашего времени сохранила свой нравственный смыслъ. Не трудно видѣть (и въ особенности ясно видимъ мы это въ твореніяхъ весьма консервативнаго въ политическомъ смыслѣ *Аристофана*), какъ, подъ вліяніемъ этого духовнаго направленія, весьма и весьма многіе порвали совершенно съ прежними наивными вѣрованіями въ боговъ, и какъ, вслѣдствіе того, что они не только не могли выразить своихъ вольнодумныхъ мнѣній во всеуслышаніе, но даже не рѣшались и самимъ себѣ въ нихъ сознаться, неправда вторглась во всѣ проявленія ихъ жизни. Честный, по старинѣ вѣрующій, строго-нравственный патріотъ, подобный Никію, который мѣриломъ всего существующаго считалъ не свой личный произволъ, а и законы божескіе, и обычаи родного города,—къ такому человѣку люди, подобные Алкивіаду, Критію, Ѳерамену или Лизандру относились уже съ насмѣшкой и пренебреженіемъ. И это настроеніе широко распространилось въ обществѣ: — оно было настолько же моднымъ, насколько матеріализмъ въ прошломъ или даже въ нынѣшнемъ столѣтіи; а во всемъ томъ, въ чемъ это настроеніе не согласовалось съ

существующими воззрѣніями, новѣйшіе мудрецы старались отдѣлаться ловко обернутой фразой, путемъ діалектики и реторики, которыми софисты занимались весьма усердно и при посредствѣ которыхъ (по мѣткому замѣчанію древнихъ) они научали искусству «обращать слабѣйшую рѣчь въ сильнѣйшую».

Сократъ.

Наиболѣе опасною стороною этого настроенія было то, что въ немъ была частичка истины и справедливости. Главною заслугою Сократа было именно то, что онъ съумѣлъ сохранить для человѣчества эту частичку истины и справедливости. Онъ родился въ 469 г., и былъ сынъ второстепеннаго скульптора, какихъ было много въ Аѳинахъ; мать Сократа была повивальная бабка. Первоначально онъ тоже занимался скульптурой, а затѣмъ, подъ вліяніемъ мощныхъ духовныхъ побужденій времени, онъ выступилъ на такую дорогу, для которой на современномъ языкѣ не было опредѣленнаго названія: — онъ занялся философствованьемъ, исканіемъ мудрости и истины. Этому исканію онъ тѣмъ болѣе могъ предаться, что съумѣлъ ограничить свои потребности наименьшимъ возможнымъ: «къ божеству, не имѣющему никакихъ потребностей»,—такъ утверждалъ онъ,—«болѣе всего приближается тотъ, кто умѣетъ наиболѣе ограничить свои потребности». Не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что этотъ замѣчательный человѣкъ былъ проникнутъ влеченіемъ къ истинѣ, къ полному самосознанію и къ согласованію самосознанія съ волею, и проникнутъ былъ въ такой степени, что эта духовная сторона его преобладала надъ всѣмъ его существомъ. Прекрасно характеризуетъ Сократа тотъ извѣстный случай, когда одинъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ его запросилъ дельфійскаго оракула о своемъ учителѣ и получилъ въ отвѣтъ, что «ни одинъ изъ эллиновъ не можетъ по уму тягаться съ Сократомъ»; но Сократъ не повѣрилъ божеству, которое говорило устами оракула, и всѣмъ своимъ философскимъ разсужденіямъ придалъ такую странную форму, какъ будто онъ доискивался человѣка, который бы очевидно былъ умнѣе его. При этомъ исканіи, которое привело его къ чисто-греческому, чисто-аѳинскому оспариванью всѣхъ и каждаго, онъ пришелъ къ парадоксальному положенію, весьма знаменательному: «иные»—говорилъ онъ—«считаютъ себя знающими даже и въ томъ, что имъ вовсе неизвѣстно; я же, по крайней мѣрѣ, твердо знаю *одно*—что ничего не знаю»; и это положеніе послужило какъ бы первымъ шагомъ къ дѣйствительному, осязательному знанію и полному познаванію. Отъ излюбленной предшествующими изслѣдователями натуральной философіи Сократъ уклонился, признавъ, что она не можетъ его привести къ тѣмъ выводамъ, которыхъ онъ собственно добивался — и обратился онъ къ этикѣ, къ созерцанію человѣка и его обязанностей, стараясь въ этой области добиться вѣрныхъ опредѣленій, и это привело его къ безпощадной критикѣ обычнаго

Сократъ.
Оригиналъ въ Неаполѣ.

міросозерцанія. Въ своемъ философскомъ ученіи онъ ясно различалъ четыре стороны: положительную и отрицательную, созидательную и критическую. Этой послѣдней сторонѣ придалъ онъ названіе *іроніи*; а сторону положительную въ шутку сравнивалъ съ ремесломъ своей матери,— такъ какъ она предназначена вызывать къ жизни здравыя понятія о вещахъ; онъ и назвалъ эту сторону своей *мэевтикой*. Наиболѣе величавымъ выводомъ изъ всѣхъ его этическихъ воззрѣній слѣдуетъ считать выставленное имъ положеніе: «добродѣтель, сама по себѣ, есть знаніе: тотъ, кто уяснилъ себѣ ея сущность, сущность всего добраго, тотъ уже долженъ быть добродѣтельнымъ». И въ немъ самомъ эти теоретическая и практическая стороны находились въ гораздо бо̀льшемъ соотвѣтствіи, чѣмъ когда-либо до того времени въ комъ-либо изъ смертныхъ.

Дѣятельность Сократа.

Мы, люди новѣйшаго времени, при чрезвычайно сложныхъ условіяхъ нашей жизни, не можемъ себѣ представить изслѣдованія помимо книгъ, и дѣятельности учительской, проповѣднической—безъ каѳедры университетской или церковной. Сократъ же очень просто воспользовался свободными формами отношенія и общественной жизни въ современныхъ ему Аѳинахъ, стараясь многихъ привлечь къ участію въ его собственной духовной дѣятельности. Съ каждымъ приходившимъ къ нему, и съ тѣми, отъ кого онъ надѣялся услышать нѣчто дѣльное, Сократъ вступалъ въ разговоръ и въ споръ, при чемъ многіе (притомъ же люди самыхъ разнообразныхъ наклонностей, напр. Платонъ и Ксенофонтъ, Алкивіадъ и Критій) вскорѣ уже замѣчали, что̀ можно было извлечь изъ сношеній съ этимъ своеобразнымъ мыслителемъ, у котораго, даже и въ тогдашнихъ Аѳинахъ, нашлось бы пожалуй поболѣе ума, нежели у двадцати другихъ умниковъ. Наиболѣе своеобразно было въ немъ то, что онъ не стремился ни къ одной изъ обычныхъ человѣческихъ цѣлей, не бралъ за свое ученіе никакой платы, и вовсе не желалъ быть софистомъ, т. е. учителемъ мудрости по профессіи. При этомъ всѣмъ бросалась въ глаза его внѣшность, его лицо, напоминавшее типъ Силена, его большіе, вдумчивые глаза; вскорѣ онъ сталъ извѣстенъ всѣмъ въ Аѳинахъ, гдѣ и безъ того всѣ полномочные граждане такъ часто между собою встрѣчались, что всѣ сколько-нибудь выдающіеся навѣрно были между собою лично знакомы.

Процессъ и смерть Сократа.

Конечно, это знакомство было лишь весьма поверхностнымъ; дѣйствительно знать и понимать такого человѣка, какъ Сократъ, могли, конечно, очень немногіе. А что большинство знало Сократа весьма поверхностно, это доказывается тою комедіею Аристофана, въ которой онъ (только потому, что его фигура легко поддавалась карикатурѣ) выведенъ былъ на сцену въ качествѣ представителя того самаго ученія, противъ котораго онъ именно боролся; онъ тамъ является чѣмъ-то въ родѣ новѣйшихъ адвокатовъ, ярымъ софистомъ, которому ничего не сто̀итъ доказать, что сынъ долженъ сѣчь отца. Но эти нападки Аристофана нимало не повредили ему, и онъ еще четверть вѣка продолжалъ свою дѣятельность. Онъ былъ женатъ и у него были сыновья. Частная домашняя жизнь не была доступна аѳинскому гражданину, и о Сократѣ слышимъ мы и во время суда надъ полководцами, и во время правленія тридцати тирановъ, ко-

торымъ онъ былъ особенно неудобенъ. До серьезнаго столкновенія между тираннами и этимъ представителемъ свободнаго слова и непреклоннаго убѣжденія не дошло только потому, что олигархія такъ быстро пала, и только уже по возстановленіи демократіи на Сократа, уже переступившаго предѣлъ старости, была подана жалоба. Существенные поводы къ подачѣ этой жалобы намъ не достаточно извѣстны; по существу самой жалобы и и по тому, что извѣстно о лицахъ, подавшихъ ее, кажется, можно прійти къ тому заключенію, что эта жалоба исходила изъ старо-аѳинской демократической среды. «Сократъ не вѣритъ въ боговъ-покровителей города»,— такъ гласила жалоба,—«вводитъ новыя божества и портитъ юношество». Процессъ былъ чисто-тенденціознымъ: въ лицѣ Сократа, который неодобрительно отзывался о нѣкоторыхъ основныхъ учрежденіяхъ аѳинскаго государственнаго устройства (напр., о замѣщеніи должностей по жребію), хотѣли, видимо, поразить всѣхъ недовольныхъ или, можетъ-быть, дать имъ нѣкоторое предостереженіе. По крайней мѣрѣ изъ всего хода процесса съ полною очевидностью явствуетъ, что Сократъ весьма легко могъ бы избѣгнуть своей участи: ему стоило только, подобно всѣмъ другимъ обвиняемымъ, защищать себя смиренно преклоняясь передъ судомъ геліастовъ—сборищемъ самыхъ простыхъ аѳинскихъ гражданъ. Очевидно, онъ этого не сдѣлалъ; онъ, напротивъ того, воспользовался этимъ случаемъ только для того, чтобы во всеуслышанье возвѣстить новую и великую истину, а именно: что существуетъ возложенная божествомъ на него и на всякаго другого человѣка безусловная, непремѣнная обязанность, которую слѣдуетъ почитать выше всякаго государственнаго закона. «Я буду повиноваться богу, а не вамъ!» воскликнулъ онъ въ заключеніе своей защитительной рѣчи, и хотя она должна была представляться разуму простыхъ аѳинскихъ гражданъ чѣмъ-то непостижимымъ, однакоже, обвинительный приговоръ былъ произнесенъ лишь весьма незначительнымъ большинствомъ. Этотъ фактъ можетъ служить доказательствомъ того, что въ Аѳинахъ еще умѣли цѣнить «свободу слова», а можетъ-быть даже и доказательствомъ того, что новыя идеи уже успѣли пустить глубокіе корни въ Аѳинахъ. Только тогда, когда Сократъ съ явною насмѣшкою отнесся къ аттическому закону, допускавшему различныя снисхожденія въ пользу осужденнаго, — смертный приговоръ былъ произнесенъ значительнымъ большинствомъ, и едва-ли какой бы то ни было судъ могъ поступить иначе при данныхъ условіяхъ. Но еще и до приведенія этого приговора въ исполненіе Сократу представлялась возможность спастись. Ни одна казнь не могла быть совершена въ дни древняго паніонійскаго празднества въ честь Аполлона,—въ то время, когда отплывшій въ Делосъ корабль съ аѳинскими ѳеорами или священными послами находился въ пути къ острову и обратно въ Аѳины. Притомъ же, никому изъ друзей Сократа не препятствовали нимало посѣщать его въ темницѣ и, судя по этому, есть основаніе предположить, что въ правящихъ сферахъ ничего не имѣли бы противъ того, чтобы Сократъ избѣгъ смертной казни посредствомъ бѣгства или добровольнаго изгнанія. Партія, признававшая дѣятельность Сократа вредною, была бы гораздо болѣе довольна подобнымъ исходомъ, чѣмъ тою геройскою смертью, которою онъ увѣнчалъ свой величавый, спокойный и

самоувѣренный способъ дѣйствій. Но Сократъ и не подумалъ избѣгать смерти; въ стѣнахъ аѳинской тюрьмы произошла та неописуемо торжественная сцена, которую такъ трогательно описываетъ намъ Платонъ, называя Сократа «лучшимъ, справедливѣйшимъ, мудрѣйшимъ изъ людей». Смертью, которой онъ не искалъ, но которую свободно принялъ, мудрецъ запечатлѣлъ святость обязанности—повиноваться законамъ родной земли—и неколебимости убѣжденій своихъ (399).

Эта смерть, въ кругу ближайшихъ къ Сократу людей представлявшаяся громаднымъ событіемъ, была едва замѣчена среди общаго теченія жизни большого города, и вскорѣ даже забыта всѣми. Почти смѣшно слышать, когда говорятъ, будто аѳиняне впослѣдствіи оплакивали смертный приговоръ, произнесенный надъ Сократомъ. Не слѣдуетъ забывать, что не аѳиняне приговорили Сократа къ смерти, а аѳинскій судъ присяжныхъ, и, надо полагать, что каждый геліастъ подалъ свой голосъ на основаніи той клятвы, которую они приносили, вступая въ должность присяжныхъ, и та клятва гласила: «клянемся судить по законамъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы нельзя было примѣнить законовъ, — по чистой совѣсти». Но въ томъ-то и дѣло, что люди, подобные Сократу, не отъ аѳинскаго суда присяжныхъ получаютъ свое оправданіе. Замѣтимъ, что не только въ Аѳинахъ, но и во всей Греціи смерть Сократа была замѣчена только въ немногихъ кружкахъ людей мыслящихъ и ученыхъ.

Гнетъ спартанскаго господства.

Демократическое правленіе утвердилось въ Аѳинахъ, не приведя къ столкновенію со Спартой. И Аѳины не тревожили Спарты, и въ теченіе цѣлаго двадцатилѣтія спарганцы безпрепятственно поддерживали свое господство надъ всею Греціею. Господство это, конечно, опиралось не на общемъ довольствѣ подчиненныхъ ему государствъ и городовъ, и даже нѣсколько напоминало собою господство чужеземное. Во многихъ мѣстахъ, небольшіе отряды спартанскаго войска, подъ командою гармоста (человѣка, конечно, простого и мало образованнаго), поддерживали господство незначительной кучки мѣстныхъ олигарховъ, и тѣмъ самымъ способствовали не только многимъ насиліямъ со стороны олигархіи, но и широко распространяющейся порчѣ нравовъ. Къ тому же, каждый спартіатъ, въ городахъ, занятыхъ спартанскими гарнизонами, привыкалъ смотрѣть на себя, какъ на господина и повелителя; и вслѣдствіе этого всюду являлось полное безправіе, невольно заставлявшее сожалѣть о прежней аѳинской гегемоніи, которую промѣняли на спартанскую. Само собою разумѣется, что у спартанцевъ всюду были свои добровольные шпіоны, и спартанцы узнавали своевременно, гдѣ именно недовольные пытались сплотиться для того, чтобы произвести насильственный переворотъ. Пока во главѣ спартанскаго управленія стоялъ зоркій и энергическій Лизандръ, онъ умѣлъ еще издалека предвидѣть и предупреждать всѣ опасности; такъ, напр., не ушелъ отъ руки его и опасный врагъ Спарты, Алкивіадъ, который палъ отъ предательской стрѣлы во владѣніяхъ сатрапа Фарнабаза. Алкивіада устранили изъ опасенія, что онъ могъ бы воспрепятствовать выполненію большого плана, къ осуществленію котораго, при помощи Лизандра, готовился старый союзникъ Спарты, Киръ-Младшій.

Персидскія дѣла. Артаксеркъ II и Киръ.

Братъ Кира, Артаксеркъ II, еще съ 404 г. вступилъ на персидскій престолъ. Киръ-Младшій принадлежитъ къ числу немногихъ личностей позднѣйшаго персидскаго міра, способныхъ возбудить къ себѣ живѣйшій интересъ; мы знаемъ его не по имени только, а по отзывамъ очевидцевъ, лично его знавшихъ. Послѣ несчастнаго сицилійскаго похода, для Персіи наступило время вступиться въ войну, столь гибельную для эллинскаго міра, и Киръ съ величайшею готовностью вступилъ въ борьбу съ ненавистными ему Аѳинами. Онъ горѣлъ желаніемъ отмстить за все то зло, которое аѳиняне когда-то сдѣлали Персіи; не довольствуясь этимъ, онъ питалъ и гораздо болѣе обширные планы: онъ мечталъ о возстановленіи древне-персидскаго могущества и величія. Съ братомъ онъ жилъ не въ ладахъ, и однажды дерзнулъ въ такой степени прогнѣвить царя, что его могло спасти только преобладающее вліяніе царицы Паризатисъ, ихъ общей матери. Артаксеркъ былъ настолько слабъ, что вновь отправилъ его въ Сарды, въ его сатрапію. Но, конечно, сообразно общепринятымъ воззрѣніямъ всѣхъ восточныхъ монархій, Киръ, провинившійся и навлекшій на себя подозрѣніе брата-царя, долженъ былъ постоянно опасаться за свою жизнь. И вотъ онъ задумалъ свергнуть брата своего съ престола, и твердо увѣренный въ томъ, что Спарта поможетъ ему въ выполненіи его намѣренія, надѣялся на успѣхъ своего замысла. Такъ и дошло дѣло до того знаменитаго похода грековъ въ Персію, который даетъ намъ возможность заглянуть въ весьма важныя области внутренней жизни греческихъ племенъ, а равно и знакомитъ насъ съ различными сторонами быта Персіи.

Битва при Кунаксѣ.

Продолжительная пелопоннезская война очень многихъ грековъ во всѣхъ мѣстностяхъ Эллады выбила изъ ихъ обычной колеи, и такимъ образомъ способствовала развитію *наемничества на военную службу*, которое, уже и до войны, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ Аркадіи) было дѣломъ обычнымъ. При помощи такого-то наемнаго греческаго войска Киръ-Младшій и задумалъ осуществить свой планъ. 13.000 грековъ-наемниковъ собралъ онъ подъ свои знамена и присоединилъ къ гораздо болѣе многочисленному варварскому войску. Наиболѣе вліятельнымъ начальникомъ греческаго отряда былъ бѣжавшій изъ Спарты Клеархъ, котораго Ксенофонтъ изображаетъ намъ какъ человѣка невыносимо-надменнаго и безчестнаго, но какъ весьма способнаго и мужественнаго военачальника. Онъ былъ изгнанъ изъ отечества, но спартанское правительство, тайно поддерживавшее съ Киромъ сношенія, нимало не противилось тому, чтобы Клеарху было поручено начальство надъ греками. Походъ, весьма опасный для грековъ, закончился вскорѣ неудачею, въ которой большинство персовъ было почти увѣрено. Въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Вавилона, при деревнѣ Кунаксѣ, на лѣвомъ берегу Евфрата, войско Кира сошлось съ царскимъ войскомъ, при которомъ находился самъ Артаксеркъ. Войско это было громадно по численности своей; однакоже, и здѣсь еще съ гораздо бо̀льшимъ блескомъ, чѣмъ въ великихъ битвахъ персидскихъ войнъ, выказалось военное превосходство грековъ; непріятель не выдерживалъ ихъ натиска и бѣжалъ какъ стадо барановъ передъ хорошо обученными воинами, которыми начальствовалъ

Клеархъ. Но битва была рѣшена на томъ концѣ поля, гдѣ вовсе и не было грековъ. На другое утро послѣ битвы, изъ которой греки вышли побѣдителями, они узнали, что въ центрѣ сраженія, между обоими братьями, царемъ Артаксерксомъ и Киромъ-Младшимъ, и ихъ ближайшею свитою произошла ожесточенная схватка, въ которой Киръ былъ убитъ. И вотъ, положеніе грековъ-побѣдителей оказалось вдругъ совсѣмъ безнадежнымъ; но, по дальнѣйшему ходу дѣла, выказалась полная несостоятельность персидскихъ порядковъ и та неподражаемая нравственная сила грековъ, на которой, главнымъ образомъ, и основывалъ свои расчеты потерпѣвшій неудачу Киръ.

Низкое коварство сатрапа Тиссаферна лишило грековъ всѣхъ ихъ начальниковъ—и они очутились за 300 миль отъ родины въ положеніи самомъ отчаянномъ. У нихъ не было ни проводниковъ, ни кавалеріи, ни обезпеченнаго продовольствія: казалось, что они обречены на неизбѣжную гибель среди враждебной имъ страны. Но, по счастью, порядки въ Персидскомъ царствѣ оказались настолько плохими, что, при всемъ своемъ военномъ могуществѣ, оно не въ силахъ было уничтожить этотъ 10.000-й отрядъ греческихъ воиновъ. Греки избрали себѣ новыхъ начальниковъ, и, преодолѣвъ нескончаемое множество всякихъ препятствій, достигли все же, въ количествѣ 10.000 человѣкъ, береговъ «гостепріимнаго» Чернаго моря, усѣяннаго греческими колоніями. Въ Трапезундѣ они принесли жертву Гераклу и Зевсу-спасителю, и, по эллинскому обычаю, отпраздновали свое избавленіе отъ опасности большими воинскими играми и состязаніями. Эта экспедиція вообще доказала самымъ блестящимъ образомъ, какими превосходными качествами Эллада надѣляла сыновъ своихъ, и служитъ замѣчательнымъ примѣромъ эллинскаго единства въ такое время, когда на самой греческой почвѣ все было полно тайной злобы и явныхъ междоусобій.

Едва-ли соглашеніе со Спартой, доставившей Киру возможность осуществить эту экспедицію, приняло бы какія-либо болѣе опредѣленныя формы впослѣдствіи; если бы попытка Кира окончилась удачей, то, вѣроятно, малоазійскіе греческіе города были бы возвращены Персіи, а господство Спарты надолго бы утвердилось надъ всею европейскою Грецією. Но попытка не удалась, и эта неудача повлекла за собою естественныя послѣдствія: къ Спартѣ при персидскомъ дворѣ стали относиться очень враждебно, и, напротивъ того, весьма охотно принимали всякихъ интригановъ изъ враждебныхъ Спартѣ греческихъ городовъ. Съ другой стороны, спартанцы получили возможность во-очію убѣдиться въ жалкомъ положеніи воинской силы въ Персіи. И вотъ, благодаря этому, политическія условія заново и совершенно измѣнились; когда сатрапъ Тиссафернъ, врагъ Кира, вернулся въ свою сатранію и сталъ готовиться къ завоеванію іонійскихъ городовъ, для спартанскаго правительства защита этихъ городовъ стала непремѣнною обязанностью. Спартанскія войска уже явились въ Азіи, и возвращавшіеся изъ своего похода «наемники Кира» послужили имъ желаннымъ подкрѣпленіемъ.

Спарта. Царь Агезилай.

Эта политика получила болѣе рѣшительный характеръ при новомъ царѣ спартанскомъ, *Агезилаѣ*. То былъ одинъ изъ немногихъ царей

Важнымъ преимуществомъ этого прекраснаго труда слѣдуетъ, конечно, считать **то строго-критическое отношеніе** проф. О. Іегера къ непомѣрно-разросшемуся историческому матеріалу, которое даетъ ему возможность устранять все излишнее, а все важное распредѣлять и представлять вниманію читателя въ такомъ видѣ, что онъ можетъ легко и удобно обозрѣвать каждую эпоху въ ея важнѣйшихъ лицахъ и событіяхъ.

При этихъ свойствахъ труда, авторъ его не упускаетъ изъ виду и весьма важной стороны всякаго популярнаго изложенія: онъ постоянно выдвигаетъ на первый планъ то, что естественно должно болѣе интересовать, болѣе привлекать вниманіе образованнаго человѣка. Вотъ почему историческій трудъ О. Іегера представляется намъ чтеніемъ не только **назидательнымъ**, но и въ высшей степени **занимательнымъ**. Въ немъ читатель не утомляется сухимъ сопоставленіемъ историческихъ фактовъ, а видитъ передъ собою рядъ широко-задуманныхъ картинъ, вѣрно и живо изображающихъ **возникновеніе, возрастаніе и гибель государствъ — возвышеніе, процвѣтаніе и паденіе народовъ.**

Примѣняясь къ потребностямъ русскихъ читателей, мы позволили себѣ нѣсколько видоизмѣнить воззрѣнія нѣмецкаго историка на событія обще-европейскаго значенія, тамъ, гдѣ онъ излагаетъ ихъ съ своей національной точки зрѣнія. Сверхъ того, нѣсколько урѣзавъ объемъ историческаго изложенія тамъ, гдѣ оно касалось частностей, наименѣе любопытныхъ и наименѣе важныхъ для русскаго образованнаго читателя, мы дополнили II, III и IV томы «Всеобщей Исторіи» Іегера тѣми историческими свѣдѣніями о государствахъ Славянскихъ и въ особенности о Россіи, скудость которыхъ составляетъ одинъ изъ важныхъ пробѣловъ въ прекрасномъ трудѣ О. Іегера.

«Всеобщая Исторія» Оск. Іегера, согласно общепринятому распредѣленію историческаго матеріала, раздѣляется на **четыре тома**, изъ коихъ первый заключаетъ въ себѣ **Древнюю исторію**; второй — **Среднюю**; третій — **Новую**, и четвертый — **Новѣйшую исторію.**

Наиболѣе умѣстнымъ почитаемъ мы здѣсь же указать на чрезвычайное богатство иллюстраціи, украшающей въ нашемъ изданіи страницы труда О. Іегера. Главное достоинство этихъ иллюстрацій заключается не только въ ея художественномъ исполненіи (къ которому, конечно, мы приложили величайшее тщаніе), а въ томъ, что всѣ рисунки воспроизведены **по памятникамъ**, живописующимъ эпоху, къ которой рисунки относятся. При этомъ всѣ иллюстраціи расположены въ книгѣ Оск. Іегера такъ, чтобы онѣ могли дать болѣе или менѣе полное понятіе о поступательномъ ходѣ развитія человѣческаго рода во всѣхъ областяхъ проявленія его сознательной духовной дѣятельности. Тутъ встрѣтитъ читатель и гробницы древняго царства фараоновъ, съ неизгладимо начертанными на нихъ изображеніями древне-египетской жизни, и новѣйшія находки изъ раскопокъ Ниневіи и Персеполя, и дивныя произведенія искусства древней Эллады;—и средневѣковыя миніатюры, кропотливый трудъ монаховъ въ ихъ уединенныхъ кельяхъ; и первые начатки гравюры, и роскошные памятники эпохи Возрожденія, и полныя жизни произведенія искусствъ новѣйшаго времени.

Тщательный выборъ иллюстрацій, тѣсная связь ихъ съ текстомъ и строгая соразмѣрность между внѣшнею и внутреннею сторонами книги—въ высокой степени способствуютъ ясности и наглядности изложенія и живо переносятъ воображеніе читателя къ временамъ минувшимъ. Можно сказать, что внѣшность книги и ея внутреннее глубокое содержаніе такъ тѣсно связаны между собою, что составляютъ одно неразрывное и прекрасное цѣлое и придаютъ труду профессора О. Іегера тотъ характеръ, которымъ мы особенно дорожимъ въ книгѣ, предназначенной для семейнаго, домашняго чтенія.

Твердо увѣренные въ томъ, что издаваемое нами сочиненіе будетъ удостоено особеннаго вниманія публики, мы назначаемъ для всѣхъ желающихъ пріобрѣсти «Всеобщую Исторію» проф. Оск. Іегера условія, въ высшей степени доступныя и для каждаго удобныя.

(УСЛОВІЯ ЭТИ СМ. НА ОБОРОТѢ).

Отдѣльные выпуски **„Всеобщей исторіи О. Іегера“** будутъ выходить въ теченіе 1894 года **ежемѣсячно, въ концѣ каждаго мѣсяца.**

Цѣна за́ все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, составляющихъ четыре объемистыхъ тома, около 2500 страницъ, и заключающихъ въ себѣ болѣе 1000 художественно-выполненныхъ гравюръ и около 80 отдѣльныхъ картинъ, отпечатанныхъ черною и цвѣтными красками . . . . . **12 руб.**

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ . . . . . **14 руб.**

Безъ доставки въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской. **13 руб.**

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

ВЪ ДВА СРОКА:

	Безъ дост.	Съ дост. и перес.
при подпискѣ . .	6 р.	7 р.
къ 1 іюня . . .	6 »	7 »

ВЪ ТРИ СРОКА:

	Безъ дост.	Съ дост. и перес.
при подпискѣ. .	4 р.	5 р.
къ 1 марта . .	4 »	5 »
къ 1 іюня . .	4 »	4 »

ВЪ ЧЕТЫРЕ СРОКА:

	Безъ дост.	Съ дост. и перес.
при подпискѣ .	3 р.	4 р.
къ 1 февраля .	3 »	4 »
» 1 апрѣля. .	3 »	3 »
» 1 іюля. . .	3 »	3 »

ВЪ ШЕСТЬ СРОКОВЪ:

	Безъ дост.	Съ дост. и перес.
При подпискѣ .	3 р.	4 р.
къ 1 февраля .	2 »	2 »
» 1 апрѣля .	2 »	2 »
» 1 іюня . .	2 »	2 »
» 1 іюля . .	2 »	2 »
» 1 августа .	1 »	2 »

Отдѣльные выпуски сочиненія Іегера не будутъ продаваться, за исключеніемъ этого ПЕРВАГО ВЫПУСКА, который продается **въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА, Невскій, №. 6,** и у **Н. Н. Печковской въ Москвѣ, Петровскія линіи, а также у всѣхъ книгопродавцевъ,** и высылается иногороднымъ, желающимъ ознакомиться съ этимъ цѣннымъ изданіемъ, при выпискѣ прямо изъ С.-ПЕТЕРБУРГА, изъ конторы изданій А. Ф. МАРКСА, за **1 руб.**, который можно присылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Jäger, Oskar

Vseobščaja istorija v četyrech tomach Sočinenie Oskara Iegera. Perevod i dop. P. N. Polevogo [Petr Nikolaevič Polevyj]

Bd.: 1

S.-Peterburg 1894

H.un. 718 q-1,1-3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11623353-5